

АКАДЕМИЯ

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1

Январь — Февраль

1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **С. А. Арутюнов**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. М. Дробижева**, **Г. Е. Марков**, **Л. Ф. Моногарова**,
А. П. Окладников, **Д. А. Ольдерогге**, **А. И. Першиц**, **Н. С. Полищук**
(зам. главн. редактора), **Ю. И. Семенов**, **В. К. Соколова**, **С. А. Токарев**,
Д. Д. Тумаркин (зам. главн. редактора), **К. В. Чистов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19.

Ю. В. Бромлей, В. Н. Басилов

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА В ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Закончилась девятая пятилетка (1971—1975). Эти пять лет прошли в интенсивной творческой работе большого отряда советских этнографов. Наступила пора подвести первые итоги многоплановой коллективной деятельности с тем, чтобы уяснить, насколько за этот период продвинулась наша отечественная этнография в решении задач, выдвигаемых перед ней обществом развитого социализма. Такого рода анализ, призванный показать основные достижения, с которыми советские этнографы пришли к XXV съезду КПСС, является и неременной предпосылкой определения важнейших направлений этнографической науки на ближайшие годы.

Девятая пятилетка характеризуется особенно пристальным вниманием партии и всей советской общественности к роли науки в жизни нашей страны. Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (14 августа 1967 г.) оказало значительное влияние на дальнейшее совершенствование гуманитарных исследований. XXIV съезд КПСС, следуя ленинским указаниям, поднял заботу о развитии советской науки на уровень важнейших задач нашей партии. В сложном деле стимулирования общественного прогресса при социализме исключительно велика роль общественных наук, ибо они обобщают накопленный опыт и служат научной основой руководства жизнью общества. В докладе о 50-летию СССР Л. И. Брежнев отмечал: «Подобно тому, как в промышленности и сельском хозяйстве мы не можем теперь делать буквально ни шагу вперед без помощи новейших достижений науки, так и в нашей общественной жизни развитие науки — необходимая база для принятия решений, для повседневной практики. Партия всегда поддерживала и будет поддерживать новаторский, ленинский подход к изучению сложных общественных явлений, усилия наших теоретических кадров, направленные на развитие общественной теории, на творческий анализ действительности»¹. Возрастание роли общественных наук связано с их практической задачей всесторонне исследовать важнейшие проблемы зрелого социалистического общества. Советская этнография стоит в одном ряду с теми дисциплинами, которые призваны участвовать в решении насущных задач строительства социализма и коммунизма. Иначе и не может быть: основным объектом этнографического исследования являются преимущественно современные народы, в первую очередь народы Советского Союза.

¹ Л. И. Брежнев, О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, М., 1972, стр. 58.

Годы девятой пятилетки отмечены возросшим вниманием советских этнографов к теоретическим проблемам науки. Дальнейшую разработку теории стимулировали не только обширные новые материалы, но прежде всего изменения в самом объекте этнографического исследования — этносе. За последние десятилетия традиционные культуры народов претерпели существенные преобразования, многие черты старины навсегда исчезли из быта, быстро впитывающего в себя разнообразные влияния урбанизированной современности. В жизни людей появились новые занятия, возникли новые отношения, утвердились новые взгляды; особенно разительные перемены произошли в сфере материальной культуры, проявившей наибольшую восприимчивость к нововведениям. В результате этнография оказалась перед иной, чем десятилетия назад, социально-культурной ситуацией. Это потребовало уточнения представлений о предмете науки, основных ее понятий, а вместе с тем и более четкого определения границ науки. Оживленное обсуждение в среде этнографов вызвали две узловые взаимосвязанные проблемы: теория этноса и определение предметной области этнографических исследований.

Особенно большое внимание привлекла теория этноса, рассматриваемого в качестве сложной динамической системы. Дискуссии по этой проблеме, начавшиеся еще в прошлое десятилетие, в годы пятилетки получили дальнейшее развитие². Была продолжена также работа по уточнению предметной области этнографии, ее соотношения со смежными дисциплинами³.

Попытка подвести предварительные итоги этих дискуссий была предпринята в книге «Этнос и этнография»⁴. В книге проводится мысль, что критерии для определения предмета этнографии следует искать среди типологизирующих, характерных черт основного объекта науки — этноса (народа). Такими чертами являются те свойства этноса, благодаря которым он может быть выделен среди других человеческих общностей, т. е. этнические свойства, имеющие функции внутриэтнической интеграции и межэтнической дифференциации. Эти функции присущи преимущественно устойчивым компонентам повседневной бытовой культуры. Следовательно, этнографический угол зрения в исследовании этноса определяется этнической спецификой этого слоя культуры каждого народа. Такой подход делает более ясной и границу между этнографией и смежными науками: гражданской историей, социологией, языкознанием, культуроведческими дисциплинами, географией. Выделение главного критерия, каким является этническая специфика, позволило обосновать понимание этнографии как науки, изучающей все народы на всех этапах их развития, все уровни иерархии этнических общностей. Отсюда в свою очередь вытекает необходимость типологизации этнических общностей, чему также было уделено значительное внимание. Книга вместе с тем выявила те вопросы теории этнических общностей, которые нуждаются в дальнейшей разработке; и в этом плане за самые последние годы уже

² Ю. В. Бромлей, К характеристике понятия «этнос», «Расы и народы», 1, М., 1971; В. И. Козлов, Что же такое этнос? «Природа», 1971, № 2; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, М., 1971; С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества, «Расы и народы», 2, М., 1972; Ю. В. Бромлей, Опыт типологизации этнических общностей, «Сов. этнография» (далее СЭ), 1972, № 5; К. В. Чистов, Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры, СЭ, 1972, № 3; В. И. Козлов, Г. В. Шелепов, «Национальный характер» и проблемы его исследования, СЭ, 1973, № 2; П. И. Пучков, О соотношении конфессиональной и этнической общностей, СЭ, 1973, № 6.

³ К. В. Чистов, О взаимоотношении фольклористики и этнографии, СЭ, 1971, № 5; В. И. Козлов, В. В. Покшишевский, Этнография и география, СЭ, 1973, № 1.

⁴ Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973.

достигнуты определенные результаты. В частности, заслуживают внимания попытки аргументировать тезис о важной роли этнического самосознания в функционировании этноса как системы⁵. Было продолжено также обсуждение вопроса о специфике этнографического изучения культуры. Этой задаче был посвящен специальный симпозиум, рассматривавший культуроведческие аспекты археологических и этнографических исследований⁶.

В годы пятилетки продолжалась и разработка выдвинутой в советской этнографии, еще в 50-е годы концепции хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, тесно связанной с пониманием культуры как основной сферы проявления этнической специфики. Сейчас, когда уже убедительно обоснована правомерность выделения этих общностей, на очереди стоит исследование вопросов их формирования и развития — как в общемировом масштабе, так и в пределах отдельных регионов. За последние годы сделаны серьезные шаги в этом направлении⁷.

Теоретическая и методологическая работа, проводившаяся советскими этнографами в минувшем пятилетии, органически связана с их конкретными исследованиями по основным направлениям науки.

Центральным направлением этнографических исследований в минувшую пятилетку было изучение процессов, определяющих современный этнокультурный облик народов нашей страны. В частности, продолжалось изучение культурно-бытовых процессов, связанных с преобразованием традиционных культур. В рамках этого направления, сложившегося, как известно, еще в 1950-е годы, проведена большая работа по анализу тенденций развития основных элементов традиционной бытовой культуры разных народов нашей страны. В поле зрения исследователей находились все основные компоненты сохранившейся традиционной-бытовой культуры. Например, как и прежде, углубленно исследовалась материальная культура⁸. Продвинулось также изучение процесса формирования новой обрядности, роли обрядов в современном обществе⁹. Вообще для последних лет характерно возросшее внимание к проблемам общественной жизни и семьи, в рамках которой формируются многие отличительные черты современного быта¹⁰. В этом отношении показательна коллективная монография, посвященная культуре и быту уральских рабочих; в ней культурно-бытовые

⁵ В. И. Козлов, Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса, СЭ, 1974, № 2; И. Н. Хабибуллин, Самосознание и интернациональная ответственность социалистических наций, Пермь, 1974.

⁶ Подробнее см.: А. Н. Кожановский, Симпозиум «Культуроведческие аспекты археологических и этнографических исследований», СЭ, 1975, № 3.

⁷ Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования, СЭ, 1972, № 2; их же, Историко-этнографические области (Проблемы историко-этнографического районирования), СЭ, 1975, № 3.

⁸ «Современная культура и быт народов Дагестана», М., 1971; В. В. Востров, Х. А. Кауанова, Материальная культура казахского народа на современном этапе, Алма-Ата, 1972; В. В. Леонтьев, Хозяйство и культура народов Чукотки (1958—1970 гг.), Новосибирск, 1973. Другие работы этого направления указаны в подстрочных примечаниях к разделу об изучении традиционной культуры народов СССР (см. ниже).

⁹ М. Г. Гугутишвили, Современные советские праздники, обряды, традиции и их роль в преодолении религиозных пережитков, «Вестник Гос. музея Грузии», № 29, Тбилиси, 1972 (на груз. яз.); Н. П. Лобачева, О формировании новой обрядности у народов СССР (Опыт этнографического обобщения), СЭ, 1973, № 4; М. Эндзеле, Свадебные обряды латышского городского населения в XX в. (По материалам малых городов Лаггале и Курземе), СЭ, 1973, № 4; Н. П. Лобачева, Формирование новой обрядности узбеков, М., 1975.

¹⁰ Л. Ф. Моногарова, Преобразование в быту и культуре припамирских народностей, М., 1972; А. Е. Тер-Саркисянц, Современная семья у армян (по материалам сельских районов Армянской ССР), М., 1972; В. К. Бондарчик, Э. Р. Соболенко, Новые явления в семейном быту сельского населения Белоруссии, М., 1973; О. А. Ганцкая, Этнос и семья в СССР, СЭ, 1974, № 3.

изменения, происшедшие в жизни русского рабочего за годы Советской власти, показываются в связи с рассмотрением социальных преобразований¹¹. Как эта, так и другие вышедшие в свет работы свидетельствуют о том, что этнографы продолжают разворачивать исследование быта горожан, не ограничиваясь работами в привычной среде сельского населения¹².

В целом для всего этого комплекса работ характерно широкое использование давно утвердившегося в нашей этнографической науке метода сопоставления традиционных черт народной культуры (в том виде, в каком они были зафиксированы в конце XIX — начале XX в.) и современного быта. При этом изучение проводится не только в плане выяснения современной роли прежних, исконных элементов бытовой культуры, но и в целях выявления функций новых ее компонентов, вытеснивших и заменивших собой старые. Такой подход к анализу традиционных культур на современном этапе их развития четко отражен в формуле «традиции и инновации», сквозь призму которой в ряде работ и проводится анализ фактического материала. Характерной чертой исследований, получившей в рассматриваемый период дальнейшее развитие, стало широкое привлечение статистических материалов, данных анкетных опросов.

Этнографическое изучение современности, однако, не ограничивалось исследованием культурно-бытовых процессов. Главное внимание в прошлом пятилетии было уделено анализу современных этнических процессов в целом — многогранного явления, тесно сопряженного с самими различными общественными сферами: от экономики до психологии. Культурно-бытовые изменения составляют лишь один из аспектов современных этнических процессов. И сколь ни важен этот аспект для раскрытия характера современных этнических процессов, тем не менее очевидно, что одних данных о состоянии бытовой культуры далеко не достаточно для их всестороннего изучения. Известно, в частности, что этническое самосознание может формироваться и крепнуть независимо от степени сохранения традиционных компонентов бытовой культуры и даже наряду с их утратой. Вместе с тем, как показали исследования последних лет, в современных условиях профессиональная культура, превращаясь в достояние самых широких масс, оказывает более сильное влияние на этнические процессы, чем традиционно-бытовая культура, границы которой постепенно суживаются¹³. Одним словом, необходимо комплексное изучение современных этнических процессов.

Значение этой проблематики для такого многонационального государства, каким является Советский Союз, трудно переоценить. «Национальные отношения и в обществе зрелого социализма — это реальность, которая постоянно развивается, выдвигает новые проблемы и задачи», — говорил Л. И. Брежнев¹⁴. Вот почему не только научный, но и большой практический интерес представляет проводившееся в последние годы этнографическое изучение этнических аспектов национальных процессов в СССР.

Особое внимание при этом было уделено определению общих тенденций и основных направлений развития данных процессов в нашей стране за годы Советской власти¹⁵. Были намечены три основных типа

¹¹ В. Ю. Крупянская, О. Р. Будина, Н. С. Полишук, Н. В. Юхнева, Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила, М., 1974.

¹² Г. Н. Джавахишвили, Быт и культура шахтеров Ткибули, Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); Х. Есбергенов, Т. Атамуратов, Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков, Нукус, 1975.

¹³ См. Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР, СЭ, 1975, № 1.

¹⁴ Л. И. Брежнев, Указ. раб., стр. 24.

¹⁵ И. С. Гурвич, Современные направления изучения этнических процессов в СССР, СЭ, 1972, № 4; Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, Социально-культурное разви-

такого рода процессов: этническая консолидация, этническая ассимиляция и межэтническое сближение (интеграция). Проведенные исследования убедительно показали, что в условиях советского общества эти процессы протекают на базе дальнейшего развития и всестороннего сближения всех народов нашей страны; Было продолжено также изучение особенностей современных этнических процессов в отдельных регионах Советского Союза, исследование внутреннего механизма этих процессов¹⁶. Эти исследования осуществлялись на основе материалов этнографических наблюдений с широким привлечением статистических материалов и данных лингвистики. Они позволили, в частности, констатировать исчезновение прежней обособленности и замкнутости многих локальных этнографических групп внутри отдельных наций и народностей, выявить конкретные формы складывания новых общесоветских черт в бытовой культуре народов нашей страны; заметно расширилось в рассматриваемый период изучение этнолингвистических аспектов этих процессов¹⁷.

В ходе этнографического изучения современных национальных процессов выявилось особое значение взаимосвязи между собственно этническими и социально-экономическими факторами. Стало ясно, что необходимо изучать, с одной стороны, особенности этнических изменений в различных социальных группах, с другой — своеобразие социальных изменений в различных этнических средах, у разных народов. Развертывание этих исследований привело к появлению особой научной дисциплины на стыке этнографии и конкретной социологии — этносоциологии. Можно сказать, что девятая пятилетка стала периодом, в течение которого этносоциология оформилась как самостоятельное научное направление. В 1973 г. Институтом этнографии АН СССР была выпущена первая монография, обобщающая итоги этносоциологических исследований¹⁸, в которой рассмотрены разные социальные группы у двух основных народов Татарской АССР — татар и русских. Проанализированные материалы свидетельствуют, что на современном этапе социальная структура татарской нации пришла в соответствие с общесоюзной социально-классовой и социально-профессиональной структурой. На этой основе произошло сближение социальной структуры татар и русских. Осуществление ленинской национальной политики, одним из результатов которой явилась ускоренная социальная мобильность татар, способствовало интеграционным процессам и в области культуры. Исследование показало, что в настоящее время татары и русские в одних и тех же социальных группах, сохраняя известное национальное своеобразие, практически не различаются по уровню культурного развития; одинаковые социальные

ти и сближение наций в СССР на современном этапе, М., 1972; Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Этнические процессы в СССР, «Вестник АН СССР», 1972, № 11.

¹⁶ См., например, В. В. Пименов, Р. Ф. Тароева, Этнические процессы в Советской Карелии, сб. «50 лет Советской Карелии», Петрозаводск, 1970; «Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера», М., 1971; Л. Н. Терентьева, Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере СССР, СЭ, 1972, № 6; В. С. Зеленчук, Население Молдавии, Кишинев, 1973; В. И. Наулко, Развитие межэтнических связей на Украине, Киев, 1975; А. В. Смоляк, Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина, М., 1975.

¹⁷ Е. И. Клементьев, Языковые процессы в Карелии (По материалам конкретно-социологического исследования карельского сельского населения), СЭ, 1971, № 6; М. Н. Губогло, Социально-этнические последствия двуязычия, СЭ, 1972, № 2; его же, Некоторые вопросы методики при социологическом анализе функционального развития языков (О социолого-лингвистических исследованиях в Сибири), СЭ, 1973, № 2; С. И. Брук, М. Н. Губогло, Двуязычие и сближение наций в СССР (по материалам переписи населения 1970 г.), СЭ, 1975, № 4; С. И. Брук, М. Н. Губогло, Факторы распространения двуязычия у народов СССР (по материалам этносоциологических исследований), СЭ, 1975, № 5.

¹⁸ «Социальное и национальное (Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР)», М., 1973.

группы этих наций имеют общие ориентации, жизненные цели и представления. Аналогичные исследования проведены в ряде союзных республик.

В последний год пятилетки вышел в свет коллективный обобщающий труд — монография «Современные этнические процессы в СССР»¹⁹, которая подводит итоги проводившимся в стране исследованиям по этой проблематике. В книге впервые дано всестороннее освещение этнических аспектов национальных процессов в СССР за годы Советской власти, подробно рассматривается отражение этнических изменений в сферах материальной и духовной культуры, языка, семейных отношений у народов Советского Союза, влияние на эти изменения экономических, социальных и демографических факторов. Значительное внимание уделено также разработке теории этнических процессов. На обширном фактическом материале авторы раскрывают диалектическую взаимосвязь между процессами внутреннего развития каждой нации, с одной стороны, и их сближения — с другой. Исследование, в частности, убедительно показало, что в ходе взаимовлияния и взаимообогащения духовных культур народов СССР, усвоения ими достижений мировой культуры складывается не просто межнациональная, но общесоветская культура. Она проявляется не только в сфере профессионального искусства и литературы, но и, что особенно показательно, в повседневной жизни, начиная от общесоветских революционных традиций, праздников, обрядов, обычаев и кончая правилами этикета, общей антропонимикой и т. п. Эта общесоветская культура — важный компонент новой исторической общности — советского народа.

Определению дальнейших перспектив этнографического изучения нашей действительности была посвящена специальная Всесоюзная конференция, состоявшаяся весной 1975 г. в г. Нальчике. На конференции подчеркивалось, что изучение современных народов высокоразвитых стран требует от этнографов особого подхода, и при этом недопустимо механическое перенесение на него тех представлений о предмете и методах этнографии, которые сложились применительно к отставшим в своем развитии народам либо к архаическим компонентам культуры. Отмечалось также, что особый подход к этнографии современности в свою очередь предполагает не только перемещение исследовательских зон (из сферы материального быта в сферу духовной культуры), ломку традиционных представлений о профиле этнографических работ, но и большую психологическую перестройку самих исследователей, глубокое понимание ими сущности и неизбежности всех этих перемен²⁰.

Минувшие пять лет ознаменованы и усилением работы по исследованию современных национальных процессов в зарубежных странах. По сути, значительная часть имеющихся на сегодняшний день публикаций по этой проблематике увидела свет в течение последней пятилетки. В опубликованных книгах основное внимание уделено этническим аспектам национальных процессов²¹. Подвергнуты рассмотрению разные стороны этносоциальных процессов — и пути образования современного этнического состава разных стран, и проблемы ассимиляции, и судьбы национальных меньшинств, и влияние религии на взаимоотношения народов. Авторы стремились выявить основные тенденции национального развития в послевоенные годы как в отдельных странах, так и в целых реги-

¹⁹ «Современные этнические процессы в СССР», М., 1975.

²⁰ См.: Н. С. Полищук, Всесоюзная конференция, посвященная этнографическому изучению современности, СЭ, 1975, № 5.

²¹ М. Я. Берзина, Формирование этнического состава населения Канады (Этностатистическое исследование). М., 1971; «Национальные проблемы Канады», М., 1972; «Национальные процессы в США», М., 1973; Р. Н. Исмагилова, Этнические проблемы современной Тропической Африки, М., 1973; «Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике», М., 1974; «Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии», М., 1974.

онах. Сложность и многоплановость этой проблематики требуют совместной работы целой группы специалистов; не случайно многие посвященные ей монографии подготовлены коллективами авторов.

С исследованием национальных процессов в зарубежных странах тесно связана работа по воссозданию общей историко-этнографической характеристики населения в пределах целой страны или отдельного региона. В течение последних пяти лет вышло в свет несколько работ такого плана, в том числе посвященных разным регионам американского континента²². В непосредственной связи с общим анализом этнических процессов, протекающих в наши дни, находится исследование истории народов в более ранний период, когда были заложены основы формирования современной этнокультурной ситуации в той или иной стране²³.

Несколько особое место среди работ, посвященных современным зарубежным народам, занимает сборник «На Берегу Маклая». Авторы статей — члены этнографического отряда экспедиции на «Дмитрии Менделееве» (6-й рейс) — проследили изменения в жизни обитателей папуасской деревни Бонгу за сто лет после первого посещения этих мест Н. Н. Миклухо-Маклаем. Но, хотя в книге описана лишь одна деревня, в ней затронуты процессы, характерные для Папуа Новой Гвинеи в целом²⁴.

Проблематика, связанная с исследованием этнических аспектов современных национальных процессов за рубежом, освещается и в ежегоднике Института этнографии АН СССР «Расы и народы», который начал издаваться в первый год минувшей пятилетки²⁵.

В целом исследование советскими этнографами этносоциальных процессов в зарубежных странах способствует более углубленному пониманию этих процессов, вскрывает их тесную связь со спецификой социально-политического развития наций и конкретных этнокультурных ситуаций. Особый интерес представляет изучение этнических процессов в странах Африки, Азии, Латинской Америки, Океании, недавно вставших на путь самостоятельного развития. В условиях все расширяющихся контактов СССР с зарубежными странами изучение современных процессов чрезвычайно полезно для понимания как этнической, так и общей национально-политической обстановки, сложившейся в той или иной стране.

В непосредственной связи с изучением современности получили развитие пограничные с этнографией дисциплины — этническая география и этническая демография, оформившиеся как специфические отрасли знаний в послевоенные годы. Становление этих смежных дисциплин было вызвано необходимостью разработки важных в практическом отношении проблем, связанных с определением численности народов, их географическим размещением и территориальными взаимоотношениями, с исследованием сложных демографических и этнодемографических процессов, оказывающих большое влияние на всю современную жизнь народов мира. Опираясь на созданные в 60-е годы обобщающие труды, этногеографы и этнодемографы в течение девятой пятилетки завершили работу по созданию капитального этнодемографического труда — «Атласа населения мира». Эта работа обобщает в форме карт, схем, диаграмм, таблиц и текста широкий круг явлений и процессов, касающихся народонаселения. Помимо этнических аспектов народонаселения, в атласе освещены также миграция населения, динамика его численности, размещение и плот-

²² См., например, Л. А. Файнберг, *Очерки этнической истории зарубежного Севера (Аляска, Канадская Арктика, Лабрадор, Гренландия)*, М., 1971; С. А. Гонимонский, *Колумбия. Историко-этнографические очерки*, М., 1973; его же, *Гаитянская трагедия*, М., 1974.

²³ Д. Д. Тумаркин, *Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820—1865 гг.*, М., 1971. См. также: Н. Н. Грацианская, *Этнографические группы Моравии. К истории этнического развития*, М., 1975.

²⁴ «На Берегу Маклая. Этнографические очерки», М., 1975.

²⁵ «Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы», 1—5, М., 1971—1975.

ность, различные демографические показатели и т. п. В отличие от «Атласа народов мира», где был применен один прием картографирования (метод цветного фона), в «Атласе населения мира» использованы самые различные способы картографического изображения явлений, наряду с картами есть картодиаграммы, динамические графики и т. п.

Значительное внимание в девятой пятилетке было уделено методологическим проблемам этнического картографирования, осуществляемого в тесной связи с этнической и демографической статистикой. Исследовались, например, вопросы типологии этнических процессов, методов их картографирования, в частности способы показа этнического состава населения городов, подвижного неоседлого населения мира (кочевников, бродячих охотников и собирателей) и т. д.²⁶ Важным результатом работы этнографов и этнодемографов Института этнографии АН СССР является ряд опубликованных карт²⁷.

Большое место в деятельности советских этнографов в девятой пятилетке продолжало занимать изучение традиционных культур народов мира. Это направление, присущее этнографии с самого ее оформления в самостоятельную область науки, за последние годы разрабатывается весьма активно. Причина усиленного внимания специалистов к традиционным культурам объясняется специфическими особенностями современного периода. Век научно-технической революции и социального прогресса способствует быстрому отмиранию многих элементов традиционно-бытовой культуры. Как уже говорилось, в особенности это относится к материальной культуре, бессильной противостоять вторжению в быт широкого круга промышленных изделий. Совершенно ясно, что целый ряд черт традиционных культур уже в ближайшие годы окончательно уйдет в прошлое и, пока имеется возможность для полевых этнографических изысканий, необходимо фиксировать те явления самобытной культуры разных народов, которые еще не стали предметом глубокого исследования.

В связи с этим изучение традиционных культур приобрело в наши дни особое значение, стало актуальной проблемой. Большое количество изданных за годы пятилетки работ по разным аспектам исследования традиционных культур народов мира в значительной степени объясняется именно этой потребностью времени. Этнографическое изучение культур народов Земли имеет уже долгую историю. Уместно вспомнить, в частности, что одна из первых экспедиций Российской Академии наук, впервые осуществившая сбор этнографических сведений в пределах всей страны, работала свыше 200 лет назад (1768—1774 гг., руководитель — П. С. Паллас). И все же традиционная культура многих народов до сих пор изучена недостаточно полно; каждый год этнографы получают сведения, позволяющие дополнить новыми, нередко очень существенными штрихами прежнюю этнографическую характеристику разных народов. Как и в прошлые годы, новые материалы выявляются главным образом в ходе полевых этнографических работ, которые несколько не утратили своего первостепенного значения для изучения народной жизни²⁸.

Традиционным культурам народов Советского Союза посвящена серия интересных публикаций, которые открывают новые страницы исторического прошлого народов, отраженного в занятиях, обычаях и воззрениях людей, в создаваемых ими вещах.

²⁶ См.: «Проблемы картографирования в языкознании и этнографии», Л., 1974.

²⁷ «Карта плотности населения мира» (масштаб 1 : 15 млн.), М., 1970; «Народы мира», М., 1971 (масштаб 1 : 20 млн.); «Народы Евразии» (масштаб 1 : 8 млн.), М., 1972; «Народы СССР» (масштаб 1 : 5 млн.), М., 1972; «Карта плотности населения СССР» (масштаб 1 : 5 млн.), М., 1972, и др.

²⁸ С целью ускорить публикацию важнейших полевых материалов было решено с 1975 г. ежегодно выпускать сборник «Полевые исследования Института этнографии АН СССР». Первый ежегодник уже вышел в свет.

Многоплановость и богатство традиционной культуры каждого народа определяют разный предметный уровень конкретных исследований. Состояние знаний и задачи работы нередко требуют детального рассмотрения какого-либо одного компонента или целого комплекса черт культуры. Этот подход, целесообразный с точки зрения тщательности изучения отдельных явлений, плодотворно использовался и в минувшие годы. В частности, в разных регионах проводилось исследование хозяйства, материальной культуры или отдельных ее элементов (жилища, одежды, транспорта и т. д.). В некоторых случаях анализ материальной культуры учитывал ее взаимосвязи с занятиями народа, с характером поселений²⁹.

Наметилось и некоторое оживление в изучении такой традиционной этнографической темы, как общественная и семейная жизнь и связанные с нею обычаи³⁰. Продолжалось изучение обрядности — явления, которое смыкается как с циклом важнейших событий в жизни общества и представляющей его личности, так и с верованиями народа. При разработке этой темы широко привлекались фольклорные материалы³¹. С обрядами и верованиями тесно связан отражавший хозяйственный цикл народный календарь, изучение которого также велось в минув-

²⁹ См.: Т. В. Лукьянченко, Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX—XX вв., М., 1971; В. Ф. Горленко и др., Народна землеробська техніка українців (Історико-етнографічна монографія), Київ, 1971; И. Буткявичюс, Поселки и усадьбы литовских крестьян, «Из истории культуры литовского народа», 6, Вильнюс, 1971 (на лит. яз.); Л. Н. Жеребцов, Крестьянское жилище в Коми АССР, Сыктывкар, 1971; «Сельские поселения Прибалтики (XIII—XX вв.)», М., 1971; «Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.)», М., 1971; Г. Х. Мамбетов, Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX — 60-е годы XX века), Нальчик, 1971; А. Моора, Древняя ритуальная пища из зерна у эстонцев и других финно-угорских народов, «Известия АН ЭССР. Общественные науки», т. 21, № 2, Таллин, 1972; Г. В. Джалабадзе, Полеводческая культура Грузии, Тбилиси, 1972 (на груз. яз.); С. Б. Рождественская, Жилище рабочих Горьковской области (XIX—XX вв.). Этнографический очерк, М., 1972; Т. Хабихт, Эстонская баня, Таллин, 1972 (на эст. яз.); «Азербайджанская национальная одежда», М., 1972; Л. А. Бедукидзе, Народная мебель в горных районах Восточной Грузии (по этнографическим материалам), Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); В. Н. Белицер, Народная одежда мордвы, М., 1973; «Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана», Душанбе, 1973; М. А. Хамиджанова, Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли, Душанбе, 1973; Л. Бериашвили, Земледелие в Месхети, Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); Ю. А. Сем, Нанайцы, Материальная культура (Вторая половина XIX — середина XX в.). Этнографические очерки, Владивосток, 1973; «Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане», Баку, 1973; Б. А. Калоев, Материальная культура и прикладное искусство осетин, М., 1973; Д. В. Сычев, Из истории камышного костюма, Элиста, 1973; Ц. Н. Бжания, Из истории хозяйства и культуры абхазов, Сухуми, 1973; Ц. И. Безарашвили, Женская одежда в горных районах Грузии, Тбилиси, 1974 (на груз. яз.); «Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири», М., 1974; «Армянская этнография и фольклор», вып. 6, Ереван, 1974 (на арм. и русск. яз.); И. Мухиддинов, Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима, М., 1975; «Кавказский этнографический сборник», вып. V, Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).

³⁰ См., например: А. А. Исламов, Обычаи «избегания» (avoidance) у чеченцев и ингушей (К вопросу о пережитках материнско-родового строя) «Изв. Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы», 1972, т. 1, вып. 1; Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко, Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование (середина XIX — начало XX вв.), Казань, 1973; В. Дж. Итонишвили, Из жизни и (быта) горцев Картли, Тбилиси, 1974 (на груз. яз.); «Социальная организация и культура народов Севера», М., 1974; А. И. Мусукоев, Из прошлого забытого, Нальчик, 1975.

³¹ «Свята та обряди Радянської України», Київ, 1971; Ю. Ю. Сурхаско, Об историко-этнической типологии карельской свадьбы, СЭ, 1972, № 4; С. И. Хоситашвили, Свадебные обряды в Месхет-Джавахети, «Материалы к этнографическому изучению Месхет-Джавахети», Тбилиси, 1972 (на груз. яз.); Е. Пипия, Свадьба и связанные с ней ритуалы в Мегрелии, «Материалы по этнографии Грузии», т. 16—17, Тбилиси, 1972 (на груз. яз.); «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор», Л., 1974, и др. Подробнее о работе фольклористов в последние годы см.: В. К. Соколова, Фольклористика в Академии наук, СЭ, 1974, № 3.

шее пятилетие на материалах разных народов³².

Большое внимание в последние годы было уделено изучению религий народов мира. Исследование религий, являющихся важной частью традиционной духовной культуры любого народа Земли, остается одним из существенных разделов этнографии. С момента своего возникновения религия оказывала немалое влияние на ход истории культуры, и многие черты жизни и быта людей окрашены особенностями исповедуемой ими религии. Хорошо известно, какое огромное значение имеет этнографический материал для общего религиоведения, в частности для исследования ранних форм религии; в этой области этнографические данные являются чуть ли не единственным источником. При этом проблематика, которая определяет специфику этнографического изучения религий, гораздо шире, чем вопросы первобытных верований. Этнографическое исследование призвано способствовать как разработке истории конкретных религий в различных районах мира, так и раскрытию общих закономерностей процесса развития религиозных верований. И в этом отношении минувшее пятилетие было весьма результативным: вышел в свет фундаментальный обобщающий труд по истории религии³³.

Сам характер получаемого путем полевых изысканий материала обязывает этнографов к разработке проблемы синкретизма религиозных верований. Проблема синкретизма в более общем плане связана и с задачей изучения локальных и протонародных форм мировых религий. Так, работы прошедшего пятилетия свидетельствуют о возрождающемся интересе наших исследователей к проблеме русского бытового православия, насыщенного пережитками язычества³⁴. Проблемы взаимосвязи православия с язычеством затрагивают и работы о культовых памятниках Грузии и молдавских новогодних праздниках³⁵. Вопрос о пережитках язычества в христианстве освещен и в сборнике о календарных обрядах народов Западной Европы, о котором речь пойдет ниже.

Минувшая пятилетка характеризуется выходом в свет новых работ, в которых проблема религиозного синкретизма разрабатывается на материале верований народов, исповедовавших ислам³⁶. Из конкретных результатов этого направления следует упомянуть опубликование новых материалов по среднеазиатскому шаманству; в особенности интересно проведенное О. А. Сухаревой исследование впервые обнаруженного ею шаманства у таджиков³⁷. Вопросы синкретизма (преимущественно на материале ранних верований) исследовались и сибиреведами³⁸. За годы пятилетки велась работа и по изучению религиозных верований древнего населения нашей страны³⁹.

³² «Эстонский народный календарь», 1, Таллин, 1970 (на эст. яз.); Ю. В. Кнорозов, Заметки о календаре мая. Общий обзор. I, II, СЭ, 1971, № 2, 3; И. М. Шаманов, Народный календарь карачаевцев, СЭ, 1971, № 5; Ю. В. Кнорозов, Заметки о календаре мая. 365-дневный год, СЭ, 1973, № 1.

³³ И. А. Крывелев, История религий. Очерки в двух томах, М., 1975.

³⁴ Б. А. Рыбаков, Языческое мировоззрение русского средневековья, «Вопросы истории», 1974, № 1; Г. А. Носова, Язычество в православии, М., 1975; Э. В. Померанцева, Мифологические персонажи в русском фольклоре, М., 1975.

³⁵ В. В. Бардавелидзе, Традиционные общественно-культовые памятники горной Восточной Грузии, т. I — Пшави, Тбилиси, 1974 (на груз. яз.); Ю. В. Попович, Молдавские новогодние праздники (XIX — начало XX в.), Кишинев, 1974.

³⁶ Т. Д. Баялиева, Доисламские верования и их пережитки у киргизов, Фрунзе, 1972; «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии», М., 1975.

³⁷ О. А. Сухарева, Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков, в кн.: «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии».

³⁸ «Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX вв.», «Сборник МАЭ», т. XXVII, Л., 1971; В. П. Дьяконова, Погребальный обряд тувинов как исторический источник, Л., 1975; Н. А. Алексеев, Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в., Новосибирск, 1975.

³⁹ Ю. А. Рапопорт, Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии), М., 1971; Л. С. Грибова, Пермский звериный стиль (Проблемы семантики), М., 1975.

Этнографические работы остаются одним из наиболее эффективных способов исследования современного состояния религиозных верований, их «бытового» уровня. Такого рода исследования современного состояния религиозности в нашей стране представлены рядом публикаций, освещающих разные вероисповедания⁴⁰.

Появившиеся за последние годы публикации отражают и некоторые итоги исследования важной проблемы современной роли религии в жизни народов зарубежных стран⁴¹.

Находилось в поле зрения советских этнографов и народное художественное творчество. Преимущественное внимание уделялось тем его видам, которые неразрывно связаны с материальной культурой и обладают не только эстетическими, но и утилитарно-бытовыми свойствами (гончарное мастерство, художественная обработка металла и дерева, ткачество, вышивка и т. п.)⁴². Вместе с тем в отдельных регионах страны продвинулось и изучение народных танцев, музыки и театра⁴³. Уделялось внимание и такой слабо разработанной области, как этнопедагогика — изучение народного опыта воспитания новых поколений в соответствии со сложившимися культурными традициями⁴⁴. Значительно активизировалось исследование народной медицины, чему немало способствовало проведение специальной научной конференции⁴⁵.

Одним из существенных компонентов этноса является язык. Поэтому, характеризуя этнические общности, этнографы, естественно, не могут обойтись без данных лингвистики. Более того, нередко они вы-

⁴⁰ «Вопросы преодоления пережитков ламаизма, шаманизма и старообрядчества», Улан-Удэ, 1971; И. Джаббаров, Общественный прогресс, быт и религия, Ташкент, 1973; В. Ю. Келембетова, Побут і релігійні пережитки, Київ, 1974; Г. А. Носова, Указ. раб.; А. И. Клибанов, Религиозное сектанство в прошлом и настоящем, М., 1973; его же, Из мира религиозного сектанства, М., 1974.

⁴¹ См.: И. Р. Григулевич, Мятешная церковь в Латинской Америке, М., 1972; «Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии», М., 1973 (часть статей этого сборника освещает синкретизм народных верований).

⁴² «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири», ч. 1, Новосибирск, 1971; ч. 2, Новосибирск, 1975; Ю. К. Беджанов, О народном искусстве Адыгей, «Вопросы теории, истории и методики преподавания изобразительного искусства», вып. 2, Карачаевск, 1971; Б. С. Бутник-Сиверский, Народные украинские рисунки, М., 1971; В. Н. Мартыанов, Памятники прикладного искусства мордов, Саранск, 1971; А. А. Трофимов, Поиски истоков чувашской вышивки, «Чувашское искусство», вып. 1, Чебоксары, 1971; Н. Х. Авакян, Способы орнаментации традиционной одежды армян в XIX—XX веках, СЭ, 1972, № 4; Г. Н. Климова, Орнаментация текстильных изделий выгодогосских коми, «Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР», № 13, Сыктывкар, 1972; К. Консин, Вязаные изделия (Серия «Эстонское народное искусство»), Таллин, 1972 (на эст. яз.); А. К. Писарчик, Народное прикладное искусство таджиков, «Изв. АН ТаджССР. Отделение общественных наук», 1972, № 4; «Этнография и искусство Молдавии», Кишинев, 1972, Т. А. Крюкова, Удмуртское народное изобразительное искусство, Ижевск — Ленинград, 1973; А. Н. Пиркулиева, Домашние промыслы и ремесла туркмен долины средней Аму-Дарьи во второй половине XIX — начале XX в., Ашхабад, 1973; Н. О. Турсунов, Из истории городского ремесла Северного Таджикистана, Душанбе, 1974; А. К. Писарчик, Народная архитектура Самарканда, Душанбе, 1975.

⁴³ А. Средько, Так танцуют молдаване, Кишинев, 1971 (на молд. яз.); «Танцы Поділля. Збірник», Київ, 1971; З. Можейко, Песенная культура белорусского Полесья. Село Тонеж, Минск, 1971; С. С. Лисициан, Старинные пляски и театральные представления армянского народа, т. II, Ереван, 1972; «Славянский музыкальный фольклор», М., 1972; «Проблемы музыкального фольклора народов СССР», М., 1973; И. Земцовский, Мелодика календарных песен, Л., 1975; «Музыка народов Азии и Африки», М., 1973; «Зимние песни», Минск, 1975 (на белорусск. яз.); Х. Тампере, Эстонские народные музыкальные инструменты, Таллин, 1975 (на эст. яз.).

⁴⁴ Г. Н. Волков, Трудовые традиции чувашского народа. Этнопедагогический очерк, Чебоксары, 1970; Я. И. Ханбиков, Э. Х. Галеев, Татарские народные традиции физического воспитания. «Уч. Зап. Казанского пед. ин-та», вып. 105, Казань, 1972; Р. М. Пашаева, Народные средства трудового воспитания у горцев (на материале Дагестанской АССР), «Сов педагогика», 1973, № 1.

⁴⁵ См.: «Этнографические аспекты изучения народной медицины. Тезисы Всесоюзной научной конференции 10—12 марта 1975 г.», Л., 1975.

нуждены сами проводить этнолингвистические изыскания. Об этнолингвистических исследованиях современности речь уже шла выше. Что же касается народов, находящихся на ранних ступенях общественного развития, то языковая культура таких народов обычно познается в первую очередь в ходе их этнографического изучения. За минувшую пятилетку вышли в свет отдельные книги, подготовленные в результате работы в этом направлении⁴⁶. Для советской этнографии традиционен особый интерес к дешифровке некоторых забытых систем письма, поскольку эти по-своему неповторимые системы представляют собой характерный компонент в комплексе отличительных черт раннеклассовых обществ. В минувшую пятилетку, в частности, успешно велась работа по изучению протоиндийских текстов⁴⁷. Блестящие результаты достигнуты в дальнейшем исследовании письменных памятников древних майя: вышла из печати монография Ю. В. Кнорозова, в которой впервые даны переводы жреческих манускриптов майя⁴⁸.

Заметно продвинулась за годы пятилетки работа в области этнической ономастики. Специалистам удалось выявить некоторые закономерности, определяющие специфику ононимов. В частности, была показана социальная обусловленность развития антропонимических систем и самой структуры имен⁴⁹.

Известно, что изолированное изучение отдельных элементов или аспектов культуры является лишь необходимым этапом на пути всестороннего историко-этнографического исследования разных этнических общностей. В течение минувшей пятилетки разработка вопросов традиционной культуры проводилась и комплексно, с задачей охватить все или важнейшие компоненты культуры того или иного народа. Ряд публикаций свидетельствует о плодотворности работы в таком направлении, когда авторы ставят своей целью дать обобщающую этнографическую характеристику народа или его отдельных групп. Значительное большинство вышедших книг обобщающего характера посвящено народам Советского Союза⁵⁰. Ряд публикаций содержит материалы (в том

⁴⁶ М. В. Крюков, Язык иньских надписей, М., 1973; «Эпиграфика Восточной и Южной Азии», М., 1972. См. также серию сборников «Africana».

⁴⁷ «Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. Proto Indica 1972», I, II, М., 1972; «Proto Indica 1973», М., 1975.

⁴⁸ Ю. В. Кнорозов, Иероглифические рукописи майя, Л., 1975.

⁴⁹ «Этнография имен», М., 1971; «Ономастика Поволжья», 2, Горький, 1971; В. Дж. Итоншвили, Топонимика Хевы, Тбилиси, 1971 (на груз. яз.); «Ономастика Поволжья», 3, Уфа, 1973; Дж. Н. Коков, Адыгейская (черкесская) топонимия, Нальчик, 1974; В. А. Никонов, Имя и общество, М., 1974.

⁵⁰ С. М. Абрамзон, Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, Л., 1971; В. В. Антропова, Культура и быт коряков, Л., 1971; М. Сушанло, Дунгане (Историко-этнографический очерк), Фрунзе, 1971; В. Ю. Крупянская, Н. С. Полищук, Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.), М., 1971; А. Булатова, Лакцы (XIX — нач. XX вв.). Историко-этнографические очерки, Махачкала, 1971; Ш. Д. Инал-Ипа, Страницы исторической этнографии абхазов, Сухуми, 1971; Б. А. Калоев, Осетины. Историко-этнографическое исследование, изд. 2, М., 1971; С. И. Вайнштейн, Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства, М., 1972; Р. Г. Мухамедова, Татары-мишари, М., 1972; А. Оразов, Хозяйство и культура населения Северо-Западной Туркмении в конце XIX — начале XX в. (Историко-этнографический очерк), Ашхабад, 1972; А. Джикиев, Этнографический очерк населения Юго-Восточного Туркменистана (конец XIX — начало XX в.), Ашхабад, 1972; «Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен», Ашхабад, 1973; «Очерки по истории культуры Бурятии», т. I, Улан-Удэ, 1973; т. 2, Улан-Удэ, 1974; Ф. Сатлаев, Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX — первой четверти XX в.), Горно-Алтайск, 1974; Л. Б. Заседа-телева, Терские казаки (середина XVI — начало XX в.), М., 1974; Н. А. Миненко, Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX вв., Новосибирск, 1975; «Крестянство Сибири в XVIII—XX вв.», Новосибирск, 1975; «Вопросы культуры и быта населения Юго-Западной Грузии», Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); «Культура и быт Юго-Западной Грузии», II, Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).

числе и описание коллекций музеев) о традиционно-бытовой культуре народов зарубежных стран⁵¹.

Важнейшей формой исследования, при которой достигается обобщение накопленных материалов по традиционным культурам народов, является создание историко-этнографических региональных атласов. Подготовка атласов предполагает обзор имеющихся материалов с целью выяснения, насколько они детальны, полны, сопоставимы и пригодны для картографирования. В ходе работы над атласами стало ясно, что в этнографической характеристике многих народов нашей страны имеются существенные пробелы. Необходимость заполнить эти пробелы определяет сейчас направление ряда конкретных исследований, тематику полевых работ многих экспедиционных отрядов и характер некоторых публикаций. Так, за годы пятилетки выпущено несколько сборников, содержащих материалы к региональным атласам⁵². Многие книги, упомянутые выше в связи с общей проблемой изучения традиционных культур, решают конкретные задачи, выдвинутые в ходе подготовки атласов.

Как и первые выпуски историко-этнографических атласов, появившиеся еще в прошлом десятилетии («Народы Сибири», 1961; «Русские», 1967), создаваемые атласы по Средней Азии и Казахстану, Кавказу, Прибалтике, Украине, Белоруссии, Молдавии будут состоять из серии карт, обобщающих огромные фактические сведения об основных элементах культуры, сопроводительного текста и таблиц. Как правило, при картографировании отражены два этапа — середина XIX и начало XX в.; таким образом, атласы позволяют получить четкое представление об основных направлениях процесса изменения традиционных культур в дореволюционный период.

В отличие от обычных исследований, посвященных традиционно-бытовой культуре отдельных народов, в атласах, как правило, рассматривается несколько народов, живущих в пределах целой историко-этнографической области. Преимущества такого подхода очевидны. Он позволяет преодолеть неизбежную в ряде случаев узко краеведческую ориентацию в исследовании традиционных культур, так как показывает не только специфические элементы культуры одного народа, но и ее черты, общие для многих народов. Это важно не только с точки зрения собственных познавательных задач науки. Обыденное сознание склонно абсолютизировать соотношение между этносом и культурой, понимать культуру как специфическое создание одного конкретного, «своего» народа. Между тем многие черты традиционных культур соседних или родственных народов едины в пределах широкого региона, и атласы отчетливо показывают, каков диапазон этого единства.

⁵¹ Р. В. Кинжалов, Культура древних майя, Л., 1971; С. Г. Федорова, Русское население Аляски и Калифорнии, конец XVIII в.—1867 г. (опыт историко-этнографической характеристики), М., 1971; А. А. Бернова, Население Малых Зондских островов, М., 1972; И. М. Семашко, Бхилы. Историко-этнографическое исследование, М., 1975; см. также: «Africa, Африканский этнографический сборник», т. VIII, Л., 1971; т. IX, Л., 1972; т. X, Л., 1975, т. XI, Л., 1975; «Страны и народы бассейна Тихого океана», кн. 2 («Страны и народы Востока», вып. XIII), Л., 1972; «Основные проблемы африканистики», М., 1973; «Культура народов зарубежной Азии», «Сборник МАЭ», т. XXIX, Л., 1973; «Культура народов Австралии и Океании», «Сборник МАЭ», т. XXX, Л., 1974.

⁵² «Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв.», М., 1971; «Занятия и быт народов Средней Азии», М., 1971; «Сельские поселения Прибалтики (XIII—XX вв.)», М., 1971; «Кавказский этнографический сборник, V», М., 1972; «Карпатский сборник», М., 1972; «Хозяйство Каракалпакии в XIX—начале XX века. (Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана)», Ташкент, 1972; «Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен (Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана)», Ашхабад, 1973; «Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана», Л., 1973; «Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана», М., 1975.

В работе над атласами вместе с коллективом Института этнографии АН СССР принимают деятельное участие и специалисты республиканских научных учреждений. За минувшую пятилетку проведена большая работа по подготовке этих обобщающих коллективных трудов. Завершены в авторской части первые выпуски региональных историко-этнографических атласов «Украина, Белоруссия, Молдавия» и «Прибалтика». Опубликованные книги о белорусском жилище и сельскохозяйственной технике⁵³ представляют собой выпуски атласа «Украина, Белоруссия, Молдавия». Подготовлен в авторском варианте первый выпуск атласа «Средняя Азия и Казахстан». Близка к завершению работа по составлению первых выпусков атласа «Кавказ».

Атласы предполагают типологическую систематизацию и сопоставление отдельных элементов культуры в пределах большого региона. Однако типологический анализ важнейших компонентов традиционной культуры возможен не только в формах, характерных для атласов.

Сравнительно-типологическое исследование, дающее более основательную разработку отдельных проблем истории культуры, проводится и в форме монографий. В частности, в минувшую пятилетку было положено начало сравнительно-типологическому изучению календарных обычаев и обрядов у народов Зарубежной Европы⁵⁴, которое позволило особенно наглядно показать, что здесь общность основных компонентов зимнего цикла обрядов и поверий уходит своими корнями в отдаленную дохристианскую древность. Начата работа по подготовке коллективного труда «Типология жилища народов Азии».

Исследование традиционных культур теснейшим образом связано с разработкой проблем этногенеза и этнической истории разных народов мира. Это естественно, ибо традиционная культура любого народа таит в себе следы его долгой истории, его родственных и культурных связей с другими народами. Следует заметить, что внимание к вопросам этногенеза является отличительной чертой советской этнографической науки; многие зарубежные школы не считают нужным разрабатывать это направление. Между тем проблемы этногенеза и этнической истории важны не только в силу того, что они обусловлены одной из основных задач нашей науки — изучением этносов как динамических систем на всем протяжении истории человечества; необходимость тщательного исследования путей формирования народа диктуется и практическими целями, связанными с распространением в обществе правильных взглядов на исторический процесс. До сих пор еще не полностью преодолено упрощенное понимание происхождения народов. Иногда односторонний подход к истолкованию этногенеза отдельных народов проникает и в специальные исследования. Между тем изучение этногенеза и этнической истории приносит очевидные свидетельства того, что человеческая история была всегда историей контактов и смешения различных по своей антропологической, языковой и культурной принадлежности групп, что в мире нет ни одного «чистого» народа, не вобравшего в себя множество инородных элементов.

Этнографические материалы — один из важнейших источников для исследования вопросов происхождения народов. При этом сложность проблемы в целом требует привлечения всех других доступных источников. Разработка проблем этногенеза и этнической истории уже много лет ведется комплексно, в творческом содружестве этнографов с антропологами, археологами, лингвистами.

В исследовании этногенеза и этнической истории объектом изучения выступают как небольшие этнографические или этнические группы и

⁵³ «Беларускае народнае жыллё», Мінск, 1974; «Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў», Мінск, 1974.

⁵⁴ «Календарныя обычаі і абрады ў краінах Зарубежнай Еўропы. ХІХ — пачатак ХХ в. Зіmnіе празднікі», М., 1973.

отдельные народы, так и целые группы народов, населяющих крупные историко-этнографические ареалы. Следует отметить, что работы историко-этнографического плана в большинстве своем отличаются разнообразием не только основных, этнографических данных, но и других привлеченных источников — литературных, археологических, лингвистических и т. д. Большинство такого рода работ посвящено этногенезу и этнической истории народов нашей страны⁵⁵. Существенный вклад в разработку этой проблематики внесли и специалистами по этнической антропологии⁵⁶. Заметно продвинулись за пятилетие также исследования по этнической истории зарубежных народов⁵⁷, в том числе и антропологические⁵⁸.

Появившиеся публикации не исчерпывают всей проведенной за пять лет работы: ученые разных специальностей не раз встречались на симпозиумах и конференциях, посвященных обсуждению проблем этногенеза; подготовлено к изданию несколько крупных работ. Среди них выделяется, в частности, коллективный труд «Этническая история китайцев и проблема формирования китайской нации». Его актуальность определяется прежде всего необходимостью противопоставить обстоятельный и объективный анализ фактического материала тенденциозному освещению проблем этнической истории народов Восточной Азии в трудах некоторых китайских специалистов.

В результате изучения этногенеза современные представления о происхождении многих народов стали значительно глубже и детальнее; выявлен обширный круг данных, послуживших фундаментом для ретроспективной реконструкции; получил освещение ряд вопросов методического характера⁵⁹.

⁵⁵ См., например: Г. И. Пелих, Происхождение селькупов, Томск, 1972; И. С. Вдовин, Очерки этнической истории коряков, Л., 1973; К. Д. Антадзе, Население Грузии в XIX в., Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); Н. Г. Волкова, Этнонимы и племенные названия народов Северного Кавказа в XVIII — начале XX вв., М., 1974; Р. Г. Кузеев, Происхождение башкирского народа. Этнический состав и история расселения, М., 1974; «Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней», Новосибирск, 1974; М. С. Муканов, Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза, Алма-Ата, 1974; С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев, Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник, М., 1975; К. Ш. Шаниязов, К этнической истории узбекского народа (по материалам кипчакского этнического компонента), Ташкент, 1975; «История горских и кочевых народов Северного Кавказа», вып. 1, Ставрополь, 1975.

⁵⁶ О. И. Исмагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (Палеоантропологическое исследование), Алма-Ата, 1970; С. И. Круц, Население территории Украины эпохи меди — бронзы (по антропологическим данным), Киев, 1972; В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, Палеоантропология Средней Азии, М., 1972; А. А. Зубов, Этническая одонтология, М., 1973; «Русские старожилы Сибири», М., 1973; «Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии», М., 1974; «Расо-генетические процессы в этнической истории», М., 1974; «Проблемы этнической антропологии и морфологии человека», М., 1974; А. Г. Гаджиев, Древнее население Дагестана по данным краниологии, Махачкала, 1974; В. П. Алексеев, География человеческих рас, М., 1974.

⁵⁷ Д. Е. Еремеев, Этногенез турок (Происхождение и основные этапы этнической истории), М., 1971; Н. А. Красновская, Фриулы, М., 1971; Р. Ф. Итс, Этническая история юга Восточной Азии, Л., 1972; «Этническая история народов Азии», Л., 1972; Р. Ш. Джарылгасинова, Древние когурёсцы (К этнической истории корейцев), М., 1972.

⁵⁸ См., например, М. Г. Левин, Этническая антропология Японии, М., 1971.

⁵⁹ В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян, «История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации», М., 1973; В. П. Алексеев, Происхождение народов Кавказа, М., 1974; С. И. Вайнштейн, История народного искусства Тувы, М., 1975; С. М. Абрамзон, Л. П. Потапов, Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников), СЭ, 1975, № 6.

Прошедшее пятилетие отмечено расширением и углублением теоретической разработки марксистско-ленинской концепции первобытнообщинного строя как первой социально-экономической формации человечества. Это традиционное для советской этнографии направление имеет большое значение для борьбы с буржуазной идеологией. За минувшие пять лет вышли в свет работы, показывающие, что вновь накопленный обильный фактический материал, вопреки выводам ученых немарксистской ориентации, не ведет к пересмотру, а напротив, подтверждает историко-материалистическую концепцию первобытности. Публикации последних лет представляют итоги анализа данных как в региональном плане⁶⁰, так и в плане выявления общих для всего человечества закономерностей⁶¹. Исследовался широкий круг проблем. В частности, были систематизированы новейшие приматологические наблюдения и начато их изучение с точки зрения возможности использования при разработке проблем социогенеза⁶². Предпринято углубленное исследование первобытной экономики и намечены с марксистских позиций основные этапы ее развития⁶³. Проведен экономический анализ хозяйства присваивающего типа с применением количественных методов исследований⁶⁴. Анализ китайской терминологии родства, развитие которой источники освещают на протяжении более 30 столетий, позволил установить, что малайская система родства (в противоположность распространенной точке зрения) представляет собой не универсальный этап, а боковую линию эволюции, связанную с аномальными условиями жизни общества⁶⁵. В свете современных данных науки была предложена новая конкретная схема развития семейно-брачных отношений, в которой дано обоснование идее Моргана о том, что историческое преобразование семейно-брачных институтов шло от промискуитета через групповой брак к парному и моногамному⁶⁶. Продолжалось изучение проблемы перехода от материнского рода к отцовскому⁶⁷. Получил дальнейшую аргументацию тезис о неправомерности противопоставления рода и общины⁶⁸. Изучалась проблема социально-экономических отношений в доземледельческую эпоху⁶⁹.

В течение прошедших пяти лет большое внимание уделялось проблеме классового образования, изучению механизмов этого процесса в различных историко-этнографических ситуациях. Появились исследования, в которых рассмотрены конкретные общества, вступившие на путь образования классов как под воздействием внутренних факторов, так и в результате интенсивного взаимодействия с более развитыми обществами (индейцы

⁶⁰ В. Р. Кабо, Тасманийцы и тасманийская проблема, М., 1975; Л. А. Файнберг, Индейцы Бразилии. Очерки социальной и этнической истории, М., 1975.

⁶¹ «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса», М., 1972; «Первобытное общество. Основные проблемы развития», М., 1975.

⁶² Л. А. Файнберг, О некоторых предпосылках возникновения социальной организации, СЭ, 1974, № 5. В том же номере журнала опубликованы комментарии других исследователей к статье Л. А. Файнберга.

⁶³ Ю. И. Семенов, Теоретические проблемы «экономической антропологии», «Этнологические исследования за рубежом», М., 1973.

⁶⁴ Е. П. Дятел, Присваивающее хозяйство у пигмеев, бушменов и тиндига: особенности воспроизводства и развития, «Африка: возникновение отсталости и пути развития», М., 1974.

⁶⁵ М. В. Крюков, Система родства китайцев (Эволюция и закономерности), М., 1972.

⁶⁶ Ю. И. Семенов, Происхождение брака и семьи, М., 1974.

⁶⁷ Ю. И. Семенов, Проблема исторического соотношения материнского и отцовского рода у абсригенов Австралии, СЭ, 1971, № 6; его же, О материнском роде и оседлости в позднем палеолите, СЭ, 1973, № 4; его же, Еще раз о материнском роде и брачных классах, СЭ, 1975, № 1.

⁶⁸ Ю. В. Бромлей, А. И. Першиц, Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории, «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса».

⁶⁹ «Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе», Л., 1972.

Северной Америки, фракийцы, кочевые скотоводы юга Европы и других регионов)⁷⁰. Достигнуты новые результаты в теоретическом исследовании взаимодействия очагов классовых цивилизаций и их доклассовой периферии. Книга «Первобытное общество. Основные проблемы развития» явилась важной попыткой рассмотреть и типологизировать известные случаи таких взаимодействий в разных регионах земного шара.

Заметный вклад внесен в разработку проблем исторической реконструкции общественного сознания и духовной культуры первобытного человечества. Сделана, например, попытка подойти по-новому к проблеме взаимосвязей между трудом, сознанием и речью⁷¹. Показано единство основных черт человеческой психологии, рассмотрены считавшиеся свойственными первобытному обществу так называемые коллективные представления, обосновано заключение о нерасчлененности форм общественного сознания доклассовой эпохи⁷². В исследовании духовной культуры обращено особое внимание на ее синкретический характер, связь с различными сторонами производственной и социальной жизни; развитие искусства каменного века рассматривалось в тесной связи с возросшей способностью человека к абстрактному мышлению⁷³.

Проблема социальной истории человечества, начинающейся в первобытности, исследуется и на стадийно более позднем материале, на примере развитых народов, которые знали классовое расслоение общества, но сохраняли пережитки архаических форм общественной жизни. В минувшую пятилетку продолжалось изучение общины и связанных с ней институтов, функционировавших в условиях классового общества⁷⁴. Продолжалось обсуждение проблем общественного строя у кочевников⁷⁵.

Естественной потребностью любой науки является стремление подвести итог сделанному в области той или иной проблематики, проанализировать деятельность отдельных ученых. Четкое представление о путях формирования научных концепций и направлений, о ходе накопления фактических данных позволяет лучше понять сегодняшние тенденции развития науки. В течение пятилетия продолжалось изучение истории этнографии⁷⁶. Наиболее крупной работой пятилетки в данной связи

⁷⁰ Ю. П. Аверкьева, Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому, М., 1974; Т. Д. Златковская, Возникновение государства у фракийцев. VII—V вв. до н. э., М., 1971; А. М. Хазанов, Социальная история скифов, М., 1975.

⁷¹ Б. Ф. Поршнев, О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии, М., 1974.

⁷² А. Ф. Анисимов, Исторические особенности первобытного мышления, Л., 1971; С. А. Токарев, Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи, «Охотники, собиратели, рыболовы», Л., 1972.

⁷³ «Ранние формы искусства», М., 1972; В. Б. Мириманов, Первобытное и традиционное искусство, М., 1973.

⁷⁴ Г. И. Анохин, Общинные традиции норвежского крестьянства, М., 1971; М. К. Кудрявцев, Община и каста в Хиндустане (Из жизни индийской деревни), М., 1971; Ю. В. Иванов, Северная Албания в конце XIX — начале XX вв., М., 1973; Л. Е. Куббель, Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя, М., 1974; «Социальная организация народов Азии и Африки», М., 1975; «Социальная история народов Азии», М., 1975.

⁷⁵ С. И. Вайнштейн, Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства, М., 1972; Г. Е. Марков, Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества Азии, СЭ, 1973, № 1; Л. П. Лашук, Кочевничество и общие закономерности истории, СЭ, 1973, № 2.

⁷⁶ «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. V, М., 1971, вып. VI, М., 1974; Н. И. Гаген-Торн, Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (У истоков советской этнографии), СЭ, 1971, № 2; К. В. Мелик-Пашаян, Основные направления этнографических исследований в Армянской ССР, СЭ, 1971, № 3; В. В. Антропова, Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920—1930 гг.), СЭ, 1972, № 6; Х. Стродс, Этнографическая наука в Латвийской ССР, СЭ, 1972, № 1; В. В. Востров, Г. Ф. Дахштейн, Х. Кауанова, Этнографическое

следует признать подготовленный совместно с зарубежными этнографами труд «Этнография в странах социализма»⁷⁷.

Изучение истории науки неразрывно связано с важной задачей критики буржуазной идеологии. Этой задаче посвящены не только многочисленные рецензии и обзоры зарубежной литературы, но и специальные издания⁷⁸. При этом особое внимание обращено на отношение разных ответвлений буржуазной этнологической науки к марксистскому историческому методу. Значительное место уделяется критике реакционных течений в буржуазной науке и в уже упоминавшемся ежегоднике «Расы и народы». Материалы ежегодника, в частности, показывают несостоятельность современных расистских теорий, основанных на попытках оперировать этнографическим и антропологическим материалом.

В годы девятой пятилетки заметно расширились международные связи советских этнографов. Они ведут совместные исследования с учеными европейских социалистических стран, Кубы, Индии, Финляндии и т. д. Готовится, в частности, трехтомный труд по этнографии славянских народов⁷⁹. Наши ученые принимали активное участие в IX Международном конгрессе антропологов и этнографов, состоявшемся в 1973 г. в Чикаго⁸⁰, и в ряде других международных конгрессов, конференций и совещаний, проведенных в разных странах⁸¹. Об интересе зарубежных специалистов к работам советских этнографов свидетельствуют не только многочисленные рецензии на наши издания в различных зарубежных журналах, но и публикации в переводах на иностранные языки статей и книг, написанных этнографами Советского Союза. Книги советских этнографов переводятся в разных странах⁸², в США специальный журнал «Советская антропология и археология» (Нью-Йорк) публикует на английском языке наиболее интересные, с точки зрения издателей, статьи советских этнографов. Для лучшей информации зарубежных специалистов о результатах этнографических исследований в СССР некоторые работы советских авторов были изданы на европейских языках и в Советском Союзе⁸³.

Большое воспитательное значение науки об этносах ставит перед этнографами ответственную задачу превращения накопленных ими

изучение казахского народа (к 50-летию образования Союза ССР), СЭ, 1972, № 4; М. Э. Мелетуков, Этнографическое изучение адыгейского народа за годы Советской власти, «Уч. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории», т. 15, Майкоп, 1972; Б. П. Полевой, К трехсотлетию создания этнографического чертежа Сибири 1673 г. (Из истории становления русской этнографии), СЭ, 1973, № 4; Г. Ш. Гаджиева, Этнографическое изучение народов Дагестана в годы Советской власти, СЭ, 1973, № 6; Т. В. Станюкович, Музей антропологии и этнографии в системе Академии наук, СЭ, 1974, № 2; С. А. Токарев, Из истории этнографических исследований в Академии наук. Там же; Ю. В. Бромлей, Этнография в Академии наук СССР в послевоенные годы. Там же; Н. И. Гаген-Торн, Лев Яковлевич Штернберг, М., 1975; В. К. Бандарчук, История белоруской савецкай этнографіі, Минск, 1972.

⁷⁷ «Этнография в странах социализма (Очерки развития науки)», М., 1975.

⁷⁸ См., например, «Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки», М., 1973.

⁷⁹ См., Ю. В. Бромлей, К вопросу об этнографии славян, «Бюллетень Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО», М., 1973, № 4.

⁸⁰ См., Ю. П. Аверкиева, Ю. В. Бромлей, IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, СЭ, 1974, № 1.

⁸¹ Участие советских этнографов в значительных международных встречах специалистов разных стран отражено в хроникальных обзорах деятельности Института этнографии АН СССР, ежегодно публикуемых в журнале «Советская этнография» (1972, № 3; 1973, № 3; 1974, № 4; 1975, № 2).

⁸² Среди переводов работ советских ученых особенно следует отметить подготовленный с участием Института этнографии АН СССР сборник «Soviet Ethnology & Anthropology Today», опубликованный голландским издательством «Мутон» (Гаага, Париж, 1974).

⁸³ «Problèmes théoriques de l'ethnographie» («Problèmes du monde contemporain»), Moscou, 1971; «Races and Peoples. Contemporary Ethnic and Racial Problems», Moscow, 1974; «Countries and Peoples of the East», Moscow, 1975.

специальных знаний в достояние народа. Как подчеркивал Л. И. Брежнев в речи, посвященной 250-летию юбилею Академии наук СССР, «ученые призваны активно участвовать в большом деле распространения научного мировоззрения среди самых широких масс трудящихся...»⁸⁴.

Этнографы стремятся делиться своими знаниями с массовым читателем. В годы девятой пятилетки увидел свет ряд популярных этнографических работ⁸⁵, статьи по различным проблемам этнографии публиковались в таких журналах, как «Вокруг света», «Наука и религия», «Природа», «Знание — сила» и др. Продолжали публикацию популярных статей также журналы «Советская этнография» и «Народная творчество та этнография». Результаты этнографических исследований отражены во многих учебниках и справочниках. Велась работа по созданию рассчитанной на массового читателя этногеографической двадцатитомной серии «Страны и народы», в которой наряду с описанием природы и хозяйства будет дана культурно-бытовая характеристика народов.

Огромную роль в распространении этнографических знаний играют музеи, в особенности Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого и Музей этнографии народов СССР (Ленинград). Однако этнографических музеев, особенно музеев под открытым небом, у нас пока еще явно недостаточно, хотя работа по их созданию ведется. Так, в последние годы были созданы этнографические музеи на открытом воздухе во Львове, Улан-Удэ, Киеве и др.

* * *

Подводя предварительные итоги научной деятельности этнографов за минувшее пятилетие, естественно, невозможно рассмотреть все аспекты проделанной работы и даже упомянуть все исследования, посвященные отдельным частным вопросам нашей науки. Однако по необходимости краткий обзор итогов работы достаточно убедительно показывает, что прошедшие пять лет были весьма плодотворными для развития советской этнографии, что к XXV съезду КПСС ученые пришли со значительными достижениями, обогатившими разные области этнографической науки.

Нельзя не отметить здесь ту высокую оценку, которую получила в нашей стране в рассматриваемый период научная деятельность этнографов. Две книги («Гавайский народ и американские колонизаторы» и «Этнос и этнография») были удостоены Президиумом АН СССР премии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (1972 и 1975 гг.). Книга Ю. В. Кнорозова «Письменность индейцев майя» получила бронзовую медаль на ВДНХ (1974 г.). Книги Н. Н. Чебоксарова и И. А. Чебоксаровой («Народы, расы, культуры»), Ю. В. Арутюняна и Л. М. Дробижевой («Социально-культурное развитие и сближение наций в СССР на современном этапе»), Г. П. Снесарева («Под небом Хорезма»), В. П. Кобычева («В поисках прародины славян») получили премии общества «Знание». Целый ряд этнографов был награжден орденами и медалями в связи с 250-летним юбилеем Академии наук СССР.

Оглядываясь на сегодняшние рубежи этнографической науки, мы видим вместе с тем, что стоящие перед этнографами задачи ответственны и сложны и требуют умелого сосредоточения сил в отдельных областях науки, которые пока еще не получили достаточной разработки.

⁸⁴ «Правда», 8 октября 1975 г.

⁸⁵ Н. Р. Гусева, Индия: тысячелетия и современность, М., 1971; З. П. Соколова, Культ животных в религиях, М., 1972; Ю. Б. Симченко, Люди высоких широт, М., 1972; В. П. Кобычев, В поисках прародины славян, М., 1973; Г. П. Снесарев, Под небом Хорезма (Этнографические очерки), М., 1973; Р. Итс, Камень солнца. Рассказы этнографа, Л., 1974; П. И. Пучков, Современная география религий, М., 1975; Н. А. Бутинов, Путь к Берегу Маклая, Хабаровск, 1975; Л. М. Демин, Сингапур многоликий, М., 1975, и др.

Как и прежде, в сфере внимания этнографов будут оставаться современные этнические процессы, в связи с чем насущной необходимостью является более углубленная и тщательная отработка методической стороны исследования. По-прежнему будет вестись планомерное изучение уходящих в прошлое традиционных культур народов земного шара, а также важных мировоззренческих проблем первобытности. Требуется поднять на более высокий уровень теорию и методологию исследования этногенеза. Должны получить дальнейшее развитие смежные с этнографией «пограничные» дисциплины — этносоциология, этногеография, этнодемография и др. Необходим мощный импульс для развития чрезвычайно нужной в современных условиях дисциплины — этнопсихологии. Следует продолжить также борьбу с буржуазной идеологией, прежде всего с национализмом, шовинизмом, расизмом.

В своей речи о 250-лети Академии наук СССР Л. И. Брежнев подчеркивал, что партия ждет от советских ученых еще более деятельной и плодотворной работы. Интернациональный коллектив этнографов нашей страны имеет все возможности для того, чтобы добиться еще больших успехов в развитии советской этнографической науки.

SOVIET ETHNOGRAPHICAL SCIENCE IN THE NINTH 5-YEAR PLAN PERIOD

The principal results of research in the ethnographical field during the last five years are reviewed in the article. The authors stress that recent research has been mainly directed at the study of contemporary ethnic processes and at comprehensive investigation of the traditional cultures of all the peoples of the world. At the same time the authors disclose the variety and wealth of the problem-matter which channels the scientific research carried on by Soviet ethnographers.

С. И. Брук

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПОСЛЕВОЕННОМ МИРЕ¹

(ДИНАМИКА И ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ)

За 30 лет, прошедших после окончания второй мировой войны, произошло много событий всемирно-исторического значения, которые не могли не оказать решающего влияния на ход демографических процессов и на все показатели народонаселения. Из этих событий в первую очередь необходимо отметить образование социалистического содружества и распад колониальной системы империализма, приведший к появлению на мировой арене многих десятков новых самостоятельных государств. В настоящее время все страны мира делятся на три группы, в каждой из которых этнодемографические процессы имеют свою специфику: социалистические страны, развивающиеся страны и развитые капиталистические страны².

В 1969—1973 гг. в подавляющем большинстве государств мира были проведены переписи населения. В настоящее время осталось лишь немного стран, где статистический учет населения несовершенен, а переписи проводились давно или их вообще не было. Все это как будто дает возможность составить континентальные и общемировые сводки основных показателей населения с большой степенью достоверности. Однако в число стран, по которым отсутствуют надежные статистические данные, входят Китай (последняя перепись населения проводилась здесь более 20 лет назад, а данные текущего учета почти полностью отсутствуют), Бангладеш, Афганистан, Саудовская Аравия, Йеменская Арабская Республика, Эфиопия, а также крупнейшая по населению страна Африки — Нигерия и некоторые другие (переписи населения в этих странах либо вообще не проводились, либо их данные вызывают сомнение). В общей сложности в странах со слабо поставленным статистическим учетом проживает около двух пятых населения Азии и Африки (более четверти населения мира), что, естественно, не может не сказаться на точности наших подсчетов. Даже в некоторых странах, где регулярно проводятся переписи, ошибка в опре-

¹ Работа будет состоять из трех разделов. В настоящем номере журнала анализируются проблемы, связанные с динамикой и воспроизводством населения (рождаемость, смертность, естественное движение населения, семейно-брачные отношения). Второй раздел посвящен изучению ряда важных демографических показателей: возрастной и половой структуре, миграциям и урбанизации. В третьем разделе будет дана характеристика изменений в этническом, расовом и религиозном составе населения Земли. Второй и третий разделы будут опубликованы в последующих номерах журнала.

² Обычно в состав третьей группы включают капиталистические страны Европы, США, Канаду, Японию, Австралию и Новую Зеландию. Однако по характеру демографических процессов к ним близки Аргентина, Уругвай и Чили в Латинской Америке, Израиль и Кипр в Азии и некоторые другие страны.

делении численности населения, по данным экспертов ООН, может достигать 5—10%. О степени достоверности различных видов учета населения можно судить по следующим фактам. В Индии, где переписи населения проводятся регулярно каждые 10 лет, начиная с 1871 г., разница между данными текущего учета и данными проведенной в 1971 г. переписи составила почти 10 млн. чел. В Пакистане после переписи населения 1961 г. различные правительственные ведомства публиковали данные об общей численности населения страны, отличающиеся друг от друга на 10—20 млн. чел.

Для исчисления основных показателей этнодемографического характера использованы различные статистические справочники Организации Объединенных Наций³, многочисленные справочники по миру в целом⁴ и по отдельным странам, опубликованные материалы переписей населения⁵ и т. д.

* * *

Все ускоряющийся рост численности населения Земли — главный феномен в демографических процессах послевоенного времени. В зарубежной социально-экономической литературе, посвященной проблемам народонаселения, а также в чисто демографических работах широко анализируются причины появления этого феномена, причем для характеристики демографических процессов последних десятилетий чаще всего употребляются такие термины, как «демографический взрыв» и «baby boom». Однако анализ статистических материалов за длительный период опровергает мнение многих зарубежных исследователей о «взрыве» и «бесконтрольном» росте населения в послевоенное время, хотя значительные качественные изменения в демографических процессах и произошли.

Действительно, в результате развития производительных сил темпы роста населения Земли все более увеличиваются. Так, население мира составляло 1 млрд. чел. примерно в 1820 г., 2 млрд. — 100 с лишним лет спустя, в 1927 г., 3 млрд. — 33 года спустя, в 1960 г.; четвертого же миллиарда население достигло всего через 15 лет, в 1975 г. Если взять существующие сейчас средние темпы роста населения (2% в год), то через 35 лет население мира должно увеличиться еще на 4 млрд. чел.

Когда же произошел резкий скачок в приросте населения? С чем он был связан? Какие факторы являются определяющими в демографических процессах? На все эти вопросы можно дать ответ, рассмотрев динамику населения за длительный период.

Динамику населения Земли в целом определяет его естественное движение, т. е. соотношение показателей рождаемости и смертности. В ряде же стран и континентов на изменение численности населения влияют и миграционные процессы (в некоторые периоды в отдельных странах влияние миграций на динамику численности населения может быть даже более значительным, чем влияние естественного движения). Так, в течение многих десятилетий XIX в. размер иммиграции в США, Канаду, Австралию и Новую Зеландию был значительно выше естест-

³ «Demographic Yearbook 1955—1973», UN, N. Y., 1956—1974; «World Population Prospects as Assessed in 1963», UN, N. Y., 1966; «Population Estimates by Regions and Countries, 1950—1960», UN Population Division, May 1970; «Total Population Estimates for World, Regions and Countries Each Year, 1950—1985», UN Population Division, October 1970; «World Population Prospects, 1965—2000, as Assessed in 1968», UN Population Division, December 1970; «Population and Vital Statistics Report, Statistical Papers», Statistical Office of the United Nations, N. Y., 1960—1974.

⁴ См., например, «Народонаселение мира. Справочник», М., 1974.

⁵ Данные по СССР: «ЦСУ СССР, Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР», М., 1962; «ЦСУ СССР, Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. I—VII, М., 1972—1974; «ЦСУ СССР, Народное хозяйство СССР в 1974 г.», М., 1975.

венного прироста в этих странах, а в Ирландии, наоборот, несмотря на значительное превышение рождаемости над смертностью, население резко сокращалось из-за эмиграции (с 8,2 млн. в 1845 г. до 5,4 млн. в 1871 г.).

С развитием общества характер естественного движения населения меняется. В древности и средневековье рождаемость почти повсеместно была очень высокой, близкой к биологически возможной; но очень высокой была и смертность, что вызывало периодически вспыхивавшими эпидемиями, антисанитарными условиями жизни, частым голодом и войнами. В течение многих сотен и тысяч лет уровень рождаемости в целом оказывался ненамного выше уровня смертности. И хотя в отдельных районах порою возникали благоприятные условия для некоторого снижения смертности, но отклонения от средних очень низких показателей естественного прироста, по всей вероятности, не были особенно велики.

С развитием капиталистических отношений уровень производительных сил в одних регионах Земли резко возрос, в других изменился мало. В наиболее развитых странах в результате социально-экономического и культурного прогресса, а также успехов медицины произошло снижение смертности (правда, оно шло очень постепенно и длилось многие десятилетия). Несмотря на одновременное снижение рождаемости, темпы естественного прироста в этих странах оказались значительно выше, чем в отсталых странах, попавших в колониальную или полуколониальную зависимость.

С начала XX в. падение рождаемости в развитых странах стало обгонять падение смертности, что привело к некоторому снижению естественного прироста. Объясняется это, с одной стороны, частыми экономическими кризисами, неуверенностью в завтрашнем дне, с другой — быстрой урбанизацией, ростом занятости женщин в общественном производстве и другими факторами, оказывающими сдерживающее влияние на уровень рождаемости. Начинает падать смертность и в странах Латинской Америки, несколько обогнавших по уровню социально-экономического развития отсталые колониальные и зависимые страны других континентов. В результате в течение первых 20 лет XX в. Европа по уровню естественного прироста уступила первенство вначале Латинской Америке, а затем Австралии и Северной Америке.

В те же годы в странах Азии и Африки смертность была значительно выше, чем в других регионах, а естественный прирост (несмотря на высокую рождаемость) — сравнительно низким (0,3—0,8% в год). Высокая рождаемость (обычно превышавшая в год 40 чел. на каждую тысячу жителей) была в значительной степени обусловлена здесь ранними браками, а также стремлением к многодетности, что, в свою очередь, было связано с очень высокой детской смертностью, угрожавшей оставить родителей без потомства (в большинстве стран каждый четвертый, а в некоторых странах Африки каждый третий и даже второй ребенок умирал, не дожив до одного года). Очень велика была смертность и в молодых и зрелых возрастах, голод и эпидемии уносили ежегодно десятки и сотни тысяч, а иногда и миллионы жизней. Показателен в этом отношении пример Индии, где в последней четверти XIX и начале XX в. от голода погибло около 25 млн. чел., а во время частых эпидемий холеры в этот же период умерло более 5 млн. чел.

В целом же на протяжении всей истории мы наблюдаем как общую тенденцию — постепенное снижение смертности населения и, в определенной степени связанное с ним, более медленное снижение рождаемости, что в конечном итоге приводит к росту темпов прироста населения. В зависимости от соотношения уровней рождаемости и смертности можно выделить несколько типов воспроизводства населения, меня-

Население Земли по крупным регионам

Годы	СССР	Зарубежная Европа	Зарубежная Азия	Африка	Северная Америка	Латинская Америка	Австралия и Океания	Мир в целом
В миллионах человек								
1920	158	329	966	141	117	91	9	1811
1930	179	355	1120	164	135	107	10	2070
1940	195	380	1244	191	146	128	11	2295
1950	180	392	1356	217	166	162	13	2486
1960	214	425	1645	270	199	213	16	2982
1970	243	462	2056	344	228	283	19	3635
1975	254,3	474	2266	402	237	322	21,2	3976,5*

В процентах по отношению к 1920 г.

1920	100	100	100	100	100	100	100	100
1930	113	108	116	116	115	118	111	114
1940	123	116	129	135	125	141	122	127
1950	114	119	140	154	142	178	144	137
1960	135	129	170	191	170	234	178	165
1970	154	140	213	244	195	311	211	201
1975	161	144	235	285	203	354	236	220

* По сведениям ООН, население Земли к середине 1975 г. достигло 4 млрд. человек. Приводимая нами суммарная численность основывается на конкретных данных по каждой стране мира (по большинству стран Европы и Америки эти данные относятся к 1974—1975, по другим регионам — к 1973—1974 гг.), экстраполированных на середину 1975 г. Наибольшие расхождения с цифрами ООН у нас имеются по Зарубежной Азии (на 22 млн. человек меньше, чем по данным ООН).

ющихся с изменением социально-экономических условий. Тип воспроизводства в каждой конкретной стране подвержен довольно быстрым изменениям. Если в последней четверти XIX в. наивысший прирост населения при высокой рождаемости и низкой для того времени смертности был характерен только для стран Европы, то в первые десятилетия XX в. такой тип воспроизводства отмечается уже и в большинстве стран Латинской Америки (в Европе в это время снижение рождаемости было более значительным, чем снижение смертности).

До 1850 г. демографические различия между развитыми и отставшими в своем развитии странами были сравнительно невелики, и среднегодовые цифры смертности и рождаемости были равны соответственно 35 и 40 на 1000 человек населения. Однако с 1850 г. смертность в развитых странах начала снижаться. В 1850—1900 гг. она составила 28 человек на тысячу, в 1900—1950 гг. — около 18, в 1950 г. и более поздние годы — 10 человек и ниже. В менее развитых районах смертность в 1900—1950 гг. снизилась до 32 на 1000 чел., но после второй мировой войны резко упала (до 17 на 1000). Таким образом, здесь снижение смертности задержалось на много десятилетий⁶.

Для того чтобы понять сущность происходящих изменений в демографических процессах после второй мировой войны, необходимо проанализировать также данные, относящиеся к периоду между двумя мировыми войнами. В табл. 1 приводятся данные о численности и росте населения по крупным регионам Земли начиная с 1920 г.

Из табл. 1 видно, что за последние 55 лет население Земли увеличилось в 2,2 раза (несмотря на то, что на этот период падает самая кровопролитная в истории война⁷, в том числе за 20 довоенных лет — на 26,7% и за 30 послевоенных лет — примерно на 65% (с 1950 по

⁶ «Курьер ЮНЕСКО», июнь, 1974, стр. 10.

⁷ Только прямые людские потери во второй мировой войне составили около 60 млн. чел. Что касается косвенных потерь, связанных со снижением рождаемости и увеличением смертности, то они, по нашим приблизительным расчетам, были вдвое выше прямых потерь (пользуясь методом интерполяции, можно предположить, что Земля в результате войны недосчиталась по крайней мере 175 млн. чел.).

Таблица 2

Доля в населении Земли отдельных крупных регионов, %

Годы	СССР	Зарубежная Европа	Зарубежная Азия	Африка	Северная Америка	Латинская Америка	Австралия и Океания	Мир в целом
1920	8,7	18,2	53,3	7,8	6,5	5,0	0,5	100,0
1930	8,6	17,2	54,1	7,9	6,5	5,2	0,5	100,0
1940	8,5	16,6	54,2	8,3	6,4	5,6	0,5	100,0
1950	7,2	15,8	54,6	8,7	6,7	6,5	0,5	100,0
1960	7,2	14,2	55,2	9,1	6,7	7,1	0,5	100,0
1970	6,7	12,7	56,6	9,5	6,2	7,8	0,5	100,0
1975	6,4	11,9	57,0	10,1	6,0	8,1	0,5	100,0

Таблица 3

Средний ежегодный прирост населения по крупным регионам

Годы	СССР	Зарубежная Европа	Зарубежная Азия	Африка	Северная Америка	Латинская Америка	Австралия и Океания	Мир в целом
1920—1930	1,2	0,8	1,5	1,5	1,4	1,6	1,1	1,4
1930—1940	0,9	0,7	1,1	1,5	0,8	1,8	1,0	1,0
1940—1950	—0,8	0,3	0,9	1,3	1,3	2,4	1,7	0,8
1950—1960	1,7	0,8	2,0	2,2	1,8	2,8	2,1	1,9
1960—1970	1,3	0,8	2,3	2,5	1,4	2,9	1,7	2,0
1970—1975	0,9	0,5	2,1	3,1	1,2	2,6	2,2	1,9

1975 г.— на 60,0%)^{*}. В довоенное время средний годовой прирост был равен 1,2%, и население увеличивалось на 25 млн. чел. ежегодно; для последних 25 лет соответствующие показатели — 1,95% и 60 млн. чел. (для последних 5 лет — даже 75—80 млн.).

Все эти цифры неоспоримо свидетельствуют о значительном ускорении роста численности населения; особенно впечатляют абсолютные цифры. Однако для определения причин этого ускорения и выявления демографических тенденций необходим детальный анализ данных по отдельным регионам и более коротким временным периодам.

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что за последние 55 лет быстрее всех росло население Латинской Америки и Африки, медленнее всего — население Северной Америки, СССР и особенно Зарубежной Европы. Та же тенденция сохранилась и в последние 25 лет, однако пропорции несколько изменились. По темпам роста Африка начинает догонять Латинскую Америку (в последние 5 лет она ее, по-видимому, уже догнала и перегнала), ускорился до недавнего времени прирост населения в Азии, еще больше отстает Европа.

Неравномерный рост населения в различных регионах обусловлен, в частности, миграциями из стран Европы в Америку и Австралию и последствиями двух мировых войн, особенно пагубно сказавшимися на населении СССР и Зарубежной Европы; однако решающую роль здесь играет неодинаковый естественный прирост населения. В результате всего этого доля отдельных регионов в общем населении Земли существенно изменилась (см. табл. 2).

Наиболее четкое представление о темпах роста населения дает табл. 3, в которой приведены данные о его ежегодном приросте.

Как показывает табл. 3, для 1920-х годов уже был характерен сравнительно высокий прирост населения, причем он наблюдался почти во

^{*} Во всех демографических источниках население исчислено на 1940 и 1950 гг. Достоверные сведения о численности населения в последнем военном году (1945 г.) отсутствуют, поэтому показатели населения в 1975 г. приходится сравнивать с соответствующими показателями на 1950.

всех регионах Земли; исключение составляла лишь высокоурбанизированная Европа, которая к тому же отдавала значительные контингенты мигрантов в Америку и Австралию. Ежегодный прирост населения в 1,5% в Азии, Африке и в целом по Америке свидетельствует о повсеместно господствовавшей высокой рождаемости, так как смертность была тогда в среднем почти в два раза выше, чем сейчас. С полным правом можно говорить о демографическом «буме», наступившем после первой мировой войны. Этот «бум» привел к резкому возрастанию темпов роста населения. Особенно быстро росло население Азии и Африки, где естественный прирост повысился по сравнению с первыми двумя десятилетиями XX в. в несколько раз.

Мировой экономический кризис начала 1930-х годов, напряженная политическая обстановка в различных регионах мира, подготовка к войне, проводившаяся реакционными фашистскими режимами в Германии, Италии и Японии, а затем и развязывание военных конфликтов в Эфиопии, Китае и Испании не могли не сказаться на демографических процессах. Среднегодовой прирост населения в 1930-х годах сократился до 1,0%, а в некоторых развитых капиталистических странах явно начали проступать симптомы депопуляции. Так, в ряде стран Европы нетто-коэффициент воспроизводства населения⁹ не достигал единицы; в Англии и Германии он лишь немного превышал 0,7, что могло привести к убыли населения с каждым поколением, исчисляемой в десятки процентов. Во Франции в 1935 г. число смертей уже превысило число рождений. Резко упал прирост населения в крупнейшей стране капиталистического мира — США. Почти на треть снизились темпы роста населения в Азии. Лишь страны Латинской Америки оказались в стороне от этих тенденций — там средний прирост населения даже увеличился до 1,8% в год.

Вторая мировая война обрушила на народы нашей страны, Зарубежной Европы, а также и других регионов страшные бедствия: очень велики были потери как в рядах армий, так и среди мирного населения; резко упала рождаемость и повысилась смертность (во многих странах в военные годы рождаемость была ниже смертности).

В 1940-х годах среднегодовой прирост по миру в целом упал до 0,8%, а в Европе до 0,3% (только к концу 1947 г. численность населения этой части света стала превышать довоенную). В Советском Союзе, принявшем на себя основную тяжесть войны и понесшем наибольшее человеческие жертвы, население за рассматриваемое десятилетие уменьшилось на 15 млн. чел. (довоенный уровень был достигнут лишь в 1955 г.). Сократились темпы роста населения в Азии и Африке. Лишь в странах Америки, прямо не затронутых войной, а также в Австралии численность населения стала расти все ускоряющимися темпами. Особенно это относится к Латинской Америке, где средний прирост достиг 2,4% в год (небывалый до этого темп роста!); надо при этом оговориться, что примерно треть этого прироста падает на иммигрантов, хлынувших в первые послевоенные годы из разоренных стран Европы.

Послевоенное повышение рождаемости в развитых капиталистических странах, связанное с возвращением мужчин из армии, восстановлением прерванных семейных отношений, оживлением экономики, оказалось более значительным и более длительным, чем ожидалось (и, во всяком случае, большим, чем после первой мировой войны). Повышение рождаемости сопровождалось резким снижением смертности

⁹ Нетто-коэффициент показывает, сколько в среднем девочек, рожденных женщиной соответствующего поколения за всю жизнь, доживут до того возраста, который имела женщина при рождении каждой из них; он исчисляется в среднем на одну женщину. Если его величина больше единицы, т. е. число дочерей превышает число матерей, то воспроизводство населения относят к расширенному типу, меньше единицы — к суженному.

(особенно детской), наступившим в результате успехов медицины и прежде всего в связи с появлением антибиотиков. Все это привело к тому, что прирост населения в Европе, так же как и в развитых капиталистических странах других частей света, оказался весьма значительным. С середины же, а в некоторых странах даже с начала 1960-х годов общая тенденция в большинстве развитых стран изменилась: началось сокращение рождаемости, которое, обгоняя снижение смертности, привело к постепенному замедлению естественного прироста.

Иначе складывалась демографическая ситуация в развивающихся странах, постепенно освобождавшихся от колониальной и полуколониальной зависимости и начавших социально-экономические преобразования. Ускорение темпов роста населения в этих странах в последние три десятилетия было вызвано прежде всего существенным снижением смертности при сохранении высокой рождаемости (в некоторых странах последние даже несколько возросла благодаря улучшению здоровья населения). Снижение смертности было обусловлено прежде всего сокращением смертности детей как в младенческом возрасте (вследствие налаживания акушерской службы и распространения элементарных правил санитарии и гигиены), так и в более старших возрастах. Улучшение общих санитарно-гигиенических условий и энергичные мероприятия по борьбе с эпидемическими и остроинфекционными болезнями, проводимые во многих странах с помощью международных организаций, привели за короткий срок к уменьшению и общего коэффициента смертности в два с лишним раза. В связи с этим ежегодный естественный прирост в развивающихся странах в среднем достигает сейчас 2,5%.

Сказанное не означает, конечно, что развивающиеся страны (за исключением, пожалуй, стран Латинской Америки) по основным демографическим показателям уже сравнялись с промышленно развитыми государствами. По-прежнему еще велик разрыв в продолжительности жизни (доля лиц 60-летнего возраста и старше в развивающихся странах в 1,5—2 раза ниже, чем в развитых), в общей смертности (в развивающихся странах в целом — свыше 15, в остальных странах — 9 на 1000 человек в год) и особенно в детской смертности (именно последняя в основном и определяет сравнительно высокую общую смертность в развивающихся странах). Младенческая смертность (т. е. смертность детей до одного года) в настоящее время по миру в целом равна около 100 на 1000 родившихся (в Африке — 156, Азии — 102, Латинской Америки — 79, в остальных регионах — около 25). Более 200 младенцев из каждой тысячи умирает, не достигнув года, в Габоне, Гвинейской Республике, Анголе, Нигере, Замбии, более 180 — в Мавритании, Нигерии, Верхней Вольте, Центральноафриканской Республике, Лесото.

Рассмотрим, как менялся в последние десятилетия характер естественного движения населения по крупным регионам (см. табл. 4).

Обращает на себя внимание сравнительная стабильность в течение многих лет среднего по миру показателя рождаемости (он уменьшается лишь в Северной Америке, Зарубежной Европе и СССР). Зато смертность, оставаясь неизменной в развитых странах, снизилась за два последних десятилетия на 5—6% во всех остальных регионах. Все это приводит к некоторому возрастанию относительного прироста населения (с 1,6% в среднем за год в 1953—1957 гг. до 2,0% в последние 10 лет). В то же время увеличивается разрыв между демографическими показателями развитых и развивающихся стран и резко повышается доля последних в общем приросте населения. В 1975 г. из 80-миллионного прироста населения на Зарубежную Азию падает 50 млн., Африку — 12 млн., Латинскую Америку — 9 млн., а на все остальные регионы только 9 млн. человек (доля последних в общем приросте уменьшилась

Таблица 4

Среднегодовая рождаемость, смертность и естественный прирост населения по крупным регионам, ‰

Годы	Показатели воспроизводства	СССР	Зарубежная Европа	Зарубежная Азия	Африка	Северная Америка	Латинская Америка	Австралия и Океания	Весь мир
1953—1957	Рождаемость	26	19	39	45	25	40	25	34
	Смертность	8	11	21	27	9	16	9	18
	Естественный прирост	18	8	18	18	16	24	16	16
1960—1964	Рождаемость	23	19	38	47	23	41	27	34
	Смертность	7	10	20	23	9	13	10	16
	Естественный прирост	16	9	18	24	14	28	17	18
1965—1973	Рождаемость	18	17	38	47	18	39	25	37
	Смертность	8	10	16	21	9	10	10	14
	Естественный прирост	10	7	22	26	9	29	15	20

Таблица 5

Естественное движение населения (в среднем за год на 1000 чел.)

Страны	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Страны	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
СССР **	18,2	8,7	9,5	Австралия *	18,9	8,4	10,5
Польша **	18,0	8,0	10,0	Мексика	42,0	8,6	33,4
Чехословакия *	18,8	11,5	7,3	Бразилия	37,8	9,5	28,3
Венгрия **	17,7	11,8	5,9	Колумбия	44,6	10,6	34,0
Румыния *	18,2	9,8	8,4	Индия	42,8	16,7	26,1
Болгария **	16,3	9,3	7,0	Бангладеш	49,5	18,5	31,0
Югославия *	18,0	8,7	9,3	Пакистан	47,4	16,5	30,9
Куба *	25,0	5,7	19,3	Индонезия	48,3	19,4	28,9
МНР *	40,0	11,2	28,8	Филиппины	44,7	12,0	32,7
Великобритания *	13,9	12,0	1,9	Таиланд	42,8	10,4	32,4
Франция *	16,5	10,7	5,8	Турция	39,6	14,6	25,0
ФРГ *	10,2	11,8	-1,6	Иран	45,4	16,6	28,8
Италия *	16,0	9,9	6,1	АРЕ	34,8	13,1	21,7
Испания *	19,5	8,3	11,2	Алжир	49,1	16,9	32,2
США *	15,0	9,4	5,6	Марокко	49,5	16,5	33,0
Канада *	15,7	7,4	8,3	Эфиопия	45,6	25,0	20,6
Аргентина ¹	21,9	9,5	12,4	Заир	44,4	22,7	21,7
Япония *	19,4	6,6	12,8	Нигерия	49,6	24,9	24,7
				ЮАР	40,3	16,6	23,7

¹ Без звездочек — данные на 1972 г. и более ранние годы.

* Данные на 1973 г.

** Данные на 1974 г.

Таблица 6

Число стран по регионам мира с разными темпами естественного прироста населения (1965 — 1975 гг.)

Темпы естественного прироста населения, %	СССР	Зарубежная Европа	Зарубежная Азия	Африка	Северная Америка	Латинская Америка	Австралия и Океания	Мир в целом
До 0,5	—	14	—	—	—	1	—	15
0,5—1,0	1	10	—	—	1	1	1	14
1,0—1,5	—	2	2	—	1	5	1	11
1,5—2,0	—	1	6	6	—	6	1	20
2,0—2,5	—	—	10	19	—	4	3	36
2,5—3,0	—	1	10	14	—	5	2	32
3,0—3,5	—	—	16	9	—	10	—	35
Свыше 3,5	—	—	—	3	—	1	—	4
Итого	1	28	44	51	2	33	8	167

с 20% в середине 1950-х годов до 11% в настоящее время). Таким образом, можно говорить о совершенно противоположных тенденциях в динамике населения стран различного типа.

Уровни рождаемости и смертности, а также их соотношение в развивающихся странах обнаруживают довольно большие колебания в региональном аспекте. В последние годы уровень рождаемости был наиболее высоким в Африке — около 47‰, но там же был отмечен и наиболее высокий уровень смертности — 20‰. В Зарубежной Азии и Латинской Америке уровень рождаемости был в целом примерно одинаков, но средний уровень смертности в Зарубежной Азии был почти в 1,5 раза выше, чем в Латинской Америке (хотя и не так высок, как в Африке). В результате показатели естественного прироста выше всего в Африке и Латинской Америке. Азия имеет в целом несколько более низкие показатели прироста.

При общем снижении естественного прироста населения в развитых капиталистических странах здесь также наблюдаются существенные колебания между различными их группами. Больше всего упал естественный прирост в странах Западной и Северной Европы и США; в то же время в Японии и странах Южной Европы он даже несколько вырос.

Что касается социалистических стран, то в СССР рождаемость несколько выше, а смертность ниже, чем в капиталистических странах Европы и США; в итоге это приводит к более высокому естественному приросту. Остальные социалистические страны Европы отличаются невысокой рождаемостью, низкой смертностью и невысокими темпами естественного прироста. В МНР, КНДР и ДРВ сохраняется высокая рождаемость при резко снижающейся смертности. Официальные данные по КНР отсутствуют, однако зарубежные специалисты определяют естественный прирост населения в этой стране в 1,4—1,8% в год; таким образом он ниже, чем в других странах Азии, кроме Японии и Израиля.

Данные о естественном движении населения в крупнейших странах мира (по которым имеется соответствующая статистика) приведены в табл. 5.

Самая высокая рождаемость (50—52 на 1000 чел.) наблюдается в настоящее время в Нигере, Того, Руанде, Анголе, Бенине, Свазиленде, приближается к 50 — в Афганистане, Бангладеш, некоторых арабских странах Азии, Замбии, Мали, Нигерии, Верхней Вольте, Алжире, Либерии, Гондурасе, Доминиканской Республике. Таким образом, за последние два десятилетия в мире произошел явный сдвиг в сторону уменьшения максимальных показателей рождаемости: ведь в середине 1950-х годов ряд стран Африки и Центральной Америки имели рождаемость, превышающую 60‰, т. е. приближающуюся к биологически возможной. Что касается смертности, то наивысший уровень ее (25—30 на 1000 чел.) сохраняется в Анголе, Центральноафриканской Республике, Мали, Верхней Вольте, Бенине, Того, Эфиопии, Гвинейской Республике, Гвинее-Бисау, Афганистане; смертность свыше 20‰ характерна для большинства стран Центральной и Южной Африки, ряда арабских государств Азии, для Непала, Лаоса и некоторых других стран.

Для того чтобы выявить различия между странами внутри крупных регионов, мы подсчитали средний ежегодный естественный прирост населения за последние 10 лет по всем странам мира, насчитывающим свыше 100 тыс. чел.¹⁰. Распределение всех этих стран по регионам и темпам роста дается в табл. 6.

Таким образом, в Африке нет ни одной страны, где бы естественный прирост населения был ниже 1,5% в год, а в Азии совершенно отсутству-

¹⁰ Чтобы получить данные о среднем естественном приросте, мы почти по всем этим странам исключили влияние на численность их населения миграционных процессов.

ют страны с естественным приростом менее 1,0%. В то же время в Европе лишь 4 страны имеют естественный прирост выше 1,0% — Албания, Исландия, Румыния и Испания. Выше всего (более 3,5%) естественный прирост в Заире, Кении, Ливии, Гондурасе, ниже всего (менее 0,3%) — в ФРГ, ГДР, Австрии, Финляндии, Великобритании, Бельгии и некоторых других странах Европы.

Анализ демографических процессов показывает, что изменения в естественном движении населения в настоящее время больше всего зависят от динамики рождаемости, так как имеющиеся резервы снижения смертности, особенно в развитых странах, уже сравнительно невелики¹¹.

Совершенно очевидно, что показатель смертности тесно связан с уровнем социально-экономического развития той или иной страны, благосостоянием населения и состоянием системы здравоохранения; не случайный процесс снижения смертности впервые широко развернулся в Европе, обогнавшей по уровню своего общественного и экономического развития другие части света, не случайно и то, что уровень смертности в СССР, где здоровью людей уделяется чрезвычайно большое внимание, уменьшился по сравнению с довоенным уровнем в два раза. Однако следует иметь в виду, что с уменьшением смертности постепенно вырастает доля в населении людей пожилого возраста, среди которых смертность выше всего. В результате такого изменения возрастной структуры населения со временем вновь несколько увеличивается общий (т. е. исчисляемый в расчете на все население) показатель смертности¹².

Сложнее обстоит дело с рождаемостью. Демографические процессы, с одной стороны, обуславливаются целым комплексом социально-экономических факторов, с другой же — им присуща известная самостоятельность и большая инерция. Демографическое поведение в отношении рождаемости очень консервативно и во многом зависит от существующих у народов традиций и установок. Сами эти традиции часто сохраняют свою силу и тогда, когда породившие их социально-экономические условия претерпели коренные изменения. Поэтому в последнее время ученые, исследуя проблемы динамики рождаемости населения, особое внимание уделяют изучению этнических особенностей народов, их традиций, быта, нравов, семейного уклада, а также анализу социально-психологических аспектов: взглядов, установок, предрассудков. Среди причин, вызывающих сокращение рождаемости, в первую очередь называют урбанизацию, более широкое вовлечение женщин в процесс общественного производства, рост уровня образования и культуры женщин, снижение детской смертности, повышение возраста вступления в брак и др. Что же касается развивающихся стран, то в них перечисленные факторы, не получившие еще достаточного развития, в значительной мере «погашаются» традициями многодетности (в прошлые исторические эпохи они являлись закономерной реакцией на существовавшую тогда очень высокую смертность). Во многих аграрных странах, где дети с малых лет привлекаются к труду, большое число детей все еще рассматривается как один из факторов, обеспечивающих благосостояние семьи. Традиции многодетности в значительной мере связаны и с некоторыми из распространенных в развивающихся странах религий. Они были также определенным образом обусловлены социально-приниженным положением женщин, которым до недавнего времени отводилась роль домашних рабынь, об-

¹¹ В связи с ростом продолжительности жизни и увеличением доли пожилых людей в общем населении средняя смертность в ближайшие десятилетия, по-видимому, сохранится на современном уровне в развитых капиталистических странах и Латинской Америке и уменьшится до 11—20‰, в Азии и примерно до 13—15‰ в Африке.

¹² Именно поэтому в последнее десятилетие в большинстве развитых стран, в том числе в СССР, при уменьшении смертности в каждой возрастной группе средняя смертность несколько возросла.

служивающих мужа, ведущих домашнее хозяйство и рожающих детей. На уровень рождаемости влияют и повсеместно распространенные в этих странах традиции ранних браков. Социально-экономические преобразования пока еще не могли существенно повлиять на существующие в развивающихся странах традиции и, несмотря на принимаемые меры, рождаемость здесь по-прежнему высока.

* * *

Брачность и разводы, а также семейное состояние оказывают самое непосредственное влияние на воспроизводство населения. В свою очередь их параметры зависят от других демографических показателей (рождаемости, смертности, возрастного и полового состава) и в значительной мере определяются существующими в каждой стране социально-экономическими условиями. На них оказали весьма существенное влияние кардинальные изменения в жизни народов, происшедшие в послевоенное время.

Как известно, на протяжении истории существовали различные формы брака, причем некоторые из них либо исчезли, либо постепенно исчезают. Подавляющее большинство народов мира живет сейчас моногамными семьями. Однако в ряде стран Африки и некоторых странах Азии (главным образом мусульманских) допускается полигиния (многоженство), а у отдельных небольших народов Южной Индии, Непала и Тибета — полиандрия (многомужество). В последние десятилетия эти формы брака получают все меньшее распространение, однако насколько интенсивно идет этот процесс, сказать трудно, так как полигинные браки распространены в странах, хуже всего изученных в статистическом отношении¹³.

Общие коэффициенты брачности (число заключенных браков на 1000 жителей) сильно различаются по странам, что, в частности, зависит от структуры их населения и местных брачных обычаев. Особо сильное влияние оказывает возрастная структура: в развивающихся странах с высокой долей детей эти коэффициенты, естественно, должны быть ниже. Однако на самом деле, как мы увидим дальше, дело обстоит значительно сложнее: уровень брачности подвержен влиянию многих социальных и экономических факторов; существенное влияние на него оказывают и традиции.

В целом по миру мужчины чаще всего вступают в брак в возрасте 25—29 лет, а женщины — 20—24 лет, однако по отдельным странам брачный возраст сильно варьирует. Минимальный возраст вступления в брак почти во всех странах регулируется законом. Для мужчин он наименьший (14 лет) в Ирландии, Испании, ряде стран Латинской Америки, наибольший (21 год) — в некоторых странах Центральной и Северной Европы. Для женщин минимальный возраст обычно ниже (от 12 до 18 лет). Однако изучение вопроса показывает, что не столько законы, сколько обычаи и традиции каждого народа определяют время вступления в брак¹⁴. В свою очередь обычаи и традиции выра-

¹³ Специальное изучение этого вопроса было проведено в 1955—1961 гг. в трех африканских странах — Заире, Центральноафриканской Республике и Гвинейской Республике. Неожиданно, доля полигинных браков оказалась значительной. Из обследованных 734 тыс. семей 490 тыс. (или 66,8%) оказались моногамными; в 23,4% семей было по две жены, в 6,8% — по три и в 3,0% — по четыре жены и больше. При этом в Гвинейской Республике, единственной из обследованных стран, где преобладает мусульманская религия, доля полигинных браков оказалась выше, чем в двух остальных странах (соответственно 38,2 и 27,0%); можно предположить, что и в ряде других мусульманских стран Африки и Азии полигиния еще играет заметную роль (см. «Народонаселение мира. Справочник», М., 1974, стр. 95).

¹⁴ Кстати, сами законы обычно устанавливаются с учетом обычаев и традиций. Этим, например, объясняется различный минимальный брачный возраст в республиках СССР.

батываются под влиянием социальных и экономических факторов; в немалой степени они зависят и от физико-географических условий. В жарком поясе половое созревание наступает раньше, и естественно, что здесь люди вступают в брак в более молодых возрастах, чем в умеренном и холодном поясах. Особенно велика доля ранних браков в трех крупнейших странах индийского субконтинента. По данным на 1961 г., в браке состояли 52,8% женщин 15—19 лет в Пакистане, 69,5% — в Индии и 89,5% — в Бангладеш¹⁵.

Чрезвычайно выразительным показателем интенсивности заключения браков является медианный возраст вступления в брак (возраст, к которому вступает в брак половина людей данного поколения). В большинстве стран Европы он составляет для мужчин около 25 лет (от 23 в Болгарии до 29 в Греции), а для женщин — около 22 лет (от 20 в Болгарии до 25 в Греции); ранние браки характерны также для Венгрии и Чехословакии, поздние — для Ирландии и Италии. Совсем иной медианный возраст вступления в брак в развивающихся странах. В Индии он равен для мужчин 18,9, для женщин 17,2 лет, в Турции соответственно 19,6 и 18,0, в Пакистане 22,1 и 17,1 лет. Для большинства других стран Азии, Африки и Латинской Америки этот показатель является низким для женщин (19,0—21,0 лет), но не для мужчин (23,0—25,5 лет, т. е. почти такой же, как в Европе).

В последние десятилетия происходит некоторое выравнивание времени вступления в брак. В регионах с преобладанием ранних браков невесты и женихи «взрослеют», с преобладанием поздних — «молодеют». Об этом свидетельствуют, например, данные двух последних переписей населения в СССР. В 1959 г. в разных республиках Средней Азии от 31,8 до 44,2% женщин в возрасте 16—19 лет уже были замужем, а в 1970 г. — только 19,1—24,9%. За тот же период доля замужних среди женщин 16—19 лет у украинцев увеличилась с 10,1 до 11,2%, у белорусов с 7,0 до 7,6, у грузин с 10,7 до 13,4, у латышей с 4,5 до 5,9% и т. д. Социально-культурные преобразования, распространение высшего образования, особенно среди женщин, все более широкое распространение семей, состоящих только из родителей и их детей (что, как правило, предполагает собственный источник средств существования), приводит к тому, что в странах с традиционно ранней брачностью браки начинают заключаться в более зрелом возрасте. В городах, где все отмеченные выше факторы проявляются особенно сильно, в брак, как правило, вступают позже, чем в сельской местности.

Доля лиц, не вступающих вовсе в брак, колеблется в разных странах от 1—2 до 10—12%, лишь иногда достигая 15—20 и более процентов (доля эта возрастает при диспропорции полов или если часть населения не вступает в брак по религиозным причинам; в некоторых случаях брачность снижается при неустойчивости экономики). И здесь особенно заметны различия между развитыми и развивающимися странами. Так, в Европе в начале 1970-х годов в восьми странах более 10% женщин в возрасте 50—54 лет не были ни замужем, ни вдовами (в Ирландии — даже 21,1%, в Швейцарии — 16,6, Норвегии — 15,6, Финляндии — 13,9% и т. д.); для мужчин в том же возрасте соответствующая доля несколько ниже (сказывается преобладание числа женщин над мужчинами), но все же достаточно высока. В Азии и Африке доля не вступивших в брак мужчин и женщин значительно меньше (2—4%), причем в некоторых странах с резким преобладанием мужчин процент незамужних женщин падает даже до 0,5 и 0,7% (Индия и Пакистан; процент неженатых мужчин равен здесь соответственно лишь 3,2 и 2,2%).

¹⁵ Еще более ранние браки были характерны для этих стран несколько десятилетий назад. Так, в 1931 г. в Британской Индии почти половина (49,4%) женщин в возрасте 10—14 лет состояла в браке.

Вдов в мире примерно в два раза больше, чем вдовцов: в промышленных развитых странах это объясняется в значительной мере более низкой продолжительностью жизни мужчин, а в некоторых из развивающихся стран — традиционным предубеждением против замужества вдов (вследствие этого повторные браки среди них очень редки)¹⁶.

Высоким показателем брачности считается, когда в возрасте 15 лет и старше в браке состоит более 700 на 1000 чел. данного пола. Этот уровень зависит не только от распространения ранних браков, но также от уровня смертности в старших возрастах (более высокого, как правило, у мужчин) и от того, насколько часто вступают в повторный брак вдовы и разведенные. В Европе наиболее высокий уровень брачности характерен для мужчин Болгарии — 750 чел. на 1000 лиц данного пола; этот показатель превышает 700 также в ГДР, Румынии, Польше, Венгрии. У женщин он выше 700 лишь в Болгарии (737) и приближается к 700 в Румынии. Самые низкие показатели брачности у мужчин Ирландии (ниже 500), а также Финляндии, Албании, Греции, Испании, Швеции, Швейцарии (500—600), у женщин Ирландии, Финляндии, Испании, Австрии (500—550). Существенное численное преобладание женщин над мужчинами почти во всех странах Европы обуславливает более низкий уровень брачности у женщин. Доля вдов высока лишь в странах, сильно пострадавших в годы второй мировой войны, но в любом случае она значительно ниже, чем процент не состоявших в браке.

В Азии и Африке картина несколько иная. Здесь уровень брачности чаще выше у женщин, чем у мужчин (что объясняется численным преобладанием в ряде стран мужчин над женщинами, а также более ранними браками женщин)¹⁷. Показатели брачности, превышающие 700, характерны для мужчин Нигерии, Турции, Индии, ряда арабских стран; показатели брачности, превышающие 800 — для женщин Гвинейской Республики, Нигерии, Дагомеи (в большинстве остальных африканских и азиатских стран показатель женской брачности обычно колеблется от 700 до 800). Наиболее низкий уровень брачности наблюдается у мужчин в Шри Ланка (449) и ЮАР (574) и у женщин в Южной Родезии (457), Шри Ланка (503), ЮАР (572) и Японии (579). Во многих странах Азии и Африки (Индия, Иран, Пакистан, Алжир, Египет, Габон, Гвинейская Республика, Бенин, Заир, Мали, Марокко, Нигерия, Тунис и др.) доля вдов значительно выше, чем доля женщин, не состоявших в браке.

В США на 1000 человек каждого пола в возрасте 15 лет и старше состоит в браке 685 мужчин и 626 женщин; близки показатели брачности в Канаде и Австралии¹⁸. В СССР на 1000 мужчин в возрасте 16 лет и старше в браке состоит 722, среди каждой тысячи женщин этого возраста — 580. При этом в нашей стране очень велики различия в уровне брачности у разных народов. Например, для женщин этот уровень колеблется от 504 у эстонки до 671 у узбечки; среди мужчин колебания уровня брачности несколько меньше — 671 у эстонцев и 745 у белорусов.

Существенное влияние на уровень брачности оказывают разводы. И хотя официальная статистика разводов, как правило, не отражает истинного положения вещей¹⁹, можно определенно сказать, что с каждым годом число разводов в большинстве стран увеличивается (см. табл. 7).

¹⁶ Такое предубеждение, в частности, характерно для некоторых стран Азии и Африки.

¹⁷ В какой-то мере на это влияет и распространение здесь полигинных браков.

¹⁸ Официальные статистические данные об уровне брачности по Латинской Америке сильно преуменьшены: в латиноамериканских странах учитывают лишь законные браки, в то время как значительное распространение здесь получили так называемые консенсуальные браки (свободные союзы). Поэтому эти данные мы здесь не приводим.

¹⁹ Официальные разводы во многих буржуазных государствах сильно затруднены (в некоторых католических странах они вообще запрещены либо были разрешены только в последние годы), и поэтому фактическое число разводов нередко неизмеримо больше, нежели указывает статистика.

Разводы в некоторых странах мира

Страна	Число разводов на 1000 чел.		Страна	Число разводов на 1000 чел.	
	1950 — 1954 гг.	начало 1970-х годов		1950 — 1954 гг.	начало 1970-х годов
Англия	0,68	2,21 (1972 г.)	ФРГ	1,13	1,31 (1971 г.)
Бельгия	0,50	0,87 (1973 г.)	США	2,47	4,35 (1973 г.)
Дания	1,54	2,70 (1971 г.)	Канада	0,39	1,48 (1973 г.)
Нидерланды	0,57	1,12 (1972 г.)	Австралия	0,84	1,20 (1972 г.)
Швеция	1,17	1,87 (1972 г.)	Новая Зеландия	0,79	1,22 (1973 г.)
Норвегия	0,65	1,03 (1972 г.)	Япония	0,93	1,03 (1972 г.)
Финляндия	0,77	1,74 (1972 г.)			

Численность разводов в СССР значительно возросла в 1966 г., когда был принят закон, облегчающий процедуру развода. В последние 9 лет количество разводов в СССР продолжает держаться примерно на одном и том же уровне: в 1973 г. на 1000 человек населения приходилось 2,78 разводов.

Следует отметить, что доля бездетных пар в общем числе разводящихся колеблется от $\frac{1}{3}$ (в большинстве стран) до $\frac{2}{3}$ и более (в некоторых арабских странах). Вполне вероятно, что одна из причин увеличения разводов — резкое снижение рождаемости и, как следствие этого, рост числа бездетных пар (мы не останавливаемся на всех других причинах разводов; нас интересует в данном случае лишь влияние демографических факторов).

Структура семьи в разных странах также сильно различается. В развитых странах резко преобладают семьи из мужа и жены с их детьми (малая семья). В развивающихся странах немало и патриархальных семей (родители, их сыновья с женами и внуки). Средний размер семьи — наименьший в странах Европы, отличающихся низкой рождаемостью и высокой долей взрослых-одиночек²⁰. Так, в Великобритании, Венгрии, Норвегии, Франции, Чехословакии средний размер семьи 3,1 человека, в ФРГ — 2,9, а в Швеции лишь 2,8 человека. В некоторых развивающихся странах средний размер семьи вдвое выше: на Филиппинах — 5,8, в Коста-Рике — 5,7, в Гондурасе — 5,6 и т. д. В СССР средний размер семьи — 3,3 человека, причем этот показатель значительно выше в республиках Средней Азии и Азербайджане и ниже в остальных регионах (отметим также, что разница эта за последние 15 лет увеличилась).

* * *

С ускорением роста населения после второй мировой войны связано появление за рубежом множества неомальтузианских работ, в которых их авторы пишут о грозящей Земле катастрофе в результате ее перенаселенности. Некоторые буржуазные ученые квалифицируют это ускорение как «стихийное бедствие», необоснованно говоря об опасности всеобщего голода. Преувеличивая диспропорцию между ростом населения и темпами наращивания экономического потенциала, они ставят под сомнение возможность обеспечения населения продовольствием в будущем. Подобные «теории» основаны на неверии в успехи науки и в возможности социального преобразования общества. Действительно, в развивающихся странах, в условиях все еще сохраняющейся от-

²⁰ Доля «семей», состоящих из одного человека, достигает 21,9% в Швеции, 20,3% в ФРГ, 19,6% во Франции, 18,0% в Норвегии, 14,0% в США. В СССР эта доля также высока — 19,5% (в 1970 г. в категорию «одиночек» отнесено 10,4 млн. женщин и 3,9 млн. мужчин), что является следствием неблагоприятной половой структуры в старших возрастах.

сталой аграрной экономики, низкого национального дохода, массовой безработицы, неграмотности, быстрый рост населения затрудняет социальное и экономическое развитие. Не случайно в более чем трех десятках этих стран осуществляются программы контроля над рождаемостью. Однако радикальное решение вопроса связано с коренными социально-экономическими преобразованиями, освобождением национальной экономики от иностранной зависимости, развитием промышленности и ростом городов, аграрными реформами, развитием народного образования и науки, ликвидацией архаических пережитков в быту и т. д. Природные ресурсы планеты при условии их рационального использования способны прокормить гораздо большее число людей, чем их живет в настоящее время. Интересно отметить, что большинство представителей развивающихся стран на прошедшей в 1974 г. в Бухаресте мировой конференции по народонаселению подчеркнуло, что решение проблемы народонаселения заключается в экономическом развитии, а не в принудительных мерах по ограничению рождаемости.

По прогнозам демографов ООН, прирост населения в ближайшее десятилетие существенно не изменится (наблюдающееся снижение рождаемости во всех странах будет компенсироваться примерно таким же снижением смертности в развивающихся странах). По последним оценкам экспертов ООН, предположительная численность населения Земли к 2000 г. должна составить от 5,5 до 7,0 млрд. чел. (большая часть специалистов считает наиболее вероятной цифру в 6,5 млрд. чел.). При этом произойдет существенное изменение доли крупных регионов в общем населении. Предполагается, что доля Зарубежной Азии в мировом населении увеличится с 57,0 до 58,4%, Африки — с 10,1 до 13,0%, Латинской Америки — с 8,1 до 10,0%, в то же время доля Зарубежной Европы уменьшится с 11,9 до 8,6%, Северной Америки — с 6,0 до 4,7% и т. д.

Демографами ООН подсчитано, что «пик» роста населения наступил или наступит в следующие годы: в Зарубежной Европе — в 1950—1955 гг., Северной Америке и Австралии — в 1955—1960 гг., Восточной Азии — в 1960—1965 гг., остальной Азии — в 1970—1975 гг., Латинской Америке — в 1975—1980 гг., Африке — в 1985—1990 гг. Предполагается, что в текущем десятилетии прирост населения Земли будет наиболее стремительным.

Сейчас, однако, уже прослеживаются некоторые тенденции, которые в 1985—2000 гг. должны привести к притормаживанию прироста населения мира²¹, а в XXI столетии — к резкому его снижению или даже приостановке.

По прогнозам некоторых советских ученых, в середине XXI в. общая численность населения Земли достигнет примерно 9 млрд. чел., а во второй половине столетия — 11—12 млрд. чел. На этом уровне можно ожидать приостановки роста населения или лишь незначительного его роста²². О возможности стабилизации численности населения Земли при условии господства новых общественных отношений указывал еще Ф. Энгельс: «Абстрактная возможность такого численного роста населения, которая вызывает необходимость положить этому росту предел, конечно, существует. Но если когда-нибудь коммунистическое общество вынуждено будет урегулировать производство людей, так же как оно к тому времени уже урегулирует производство вещей, то только оно именно и сможет выполнить это без затруднений»²³.

²¹ К концу столетия естественный прирост населения, по расчетам демографов, должен снизиться с 2,0 до 1,7% в год; при этом предполагается снижение рождаемости с 34 до 25‰ и одновременное уменьшение смертности с 14 до 8‰.

²² Б. У. Урланис, Динамика численности населения земного шара, в кн. «Актуальные вопросы советской географической науки», М., 1972.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 124.

**THE POST-WAR ETHNO-DEMOGRAPHIC SITUATION
IN THE WORLD
(POPULATION TRENDS AND REPRODUCTION)**

The paper forms the first part of a three-part study. It is devoted to analysing problems of population trends and reproduction (birth and death rates, natural increase, family and marriage). The second part, in a future issue of our journal, will examine such important demographic indices as age and sex composition, migrations and urbanization. The third part will characterize changes in the ethnic, racial and religious composition of the population of the world.

By the middle of 1975 the population of the world has reached 4 billion. An increasingly rapid population growth is the chief phenomenon characterizing post-war demographic processes. The causes of this acceleration (mainly due to the post-war fall in infant mortality) are examined on the base of statistical data. Criticism is directed at those Neo-Malthusian works whose authors regard population control programs as the principal factor in preventing a world catastrophe through over-population. The globe's natural resources, if effectively exploited, are capable of supporting a far greater number of people than at present. A basic solution of demographic problems is linked with fundamental social-economic changes, the liberation of national economies from foreign dependence, development of industries and urbanization, agrarian reforms, growth of popular education and of science, elimination of archaic survivals in everyday life. It is significant that most representatives of developing countries at the 1974 World Population Conference in Bucharest stressed the view that population problems are to be solved by economic growth rather than by specific measures for birth control.

И. С. Гурвич

**К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ 1941—1945 гг.
НА ХОД ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СССР**

В мае 1975 г. советский народ и все свободолюбивое человечество торжественно отметили 30-летие победы над фашизмом. Огромной ценой — миллионами жизней, упорным трудом, беспримерным героизмом советских воинов достигнута была победа. На защиту социалистического Отечества поднялись все советские люди, все народы Страны Советов¹.

На фронте и в тылу, на временно оккупированной территории советские люди разных национальностей отдавали все свои силы для разгрома врага. Как подвиг многонационального советского народа оценил победу Советского Союза в Великой Отечественной войне Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев².

Война опрокинула надежды мирового империализма и фашистских политиков на то, что в советском обществе при первых же военных трудностях, под ударом военной машины гитлеровской Германии произойдет разлад между народами, возникнут национальные междоусобицы³.

Как показала действительность, война способствовала дальнейшему укреплению дружбы и сотрудничества народов Советского Союза.

В советской исторической литературе неоднократно отмечались изменения экономического облика отдельных союзных и автономных республик в годы войны и в послевоенный период⁴. Ряд исследований опубликован о демографических последствиях войны, об изменениях численности отдельных народов. Менее освещен вопрос о влиянии Великой Отечественной войны на этнические процессы. Между тем годы войны не могли не сказаться на этнических взаимосвязях, взаимоотношениях, специфике отдельных этнических общностей.

Задача настоящей статьи — выяснить влияние Великой Отечественной войны на ход этнических процессов в СССР. Так как специальных исследований по отдельным регионам еще нет и соответствующие ис-

¹ «О 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». Постановление ЦК КПСС, «Коммунист», 1975, № 3.

² Л. И. Брежнев, Речь на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, «Коммунист», 1975, № 7.

³ «Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны», т. I, М., 1946, стр. 252.

⁴ Н. А. Вознесенский, Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны, М., 1947; «Экономическая история СССР», М., 1963; «Эшелоны идут на восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941—1942 гг.», М., 1966; Ю. В. Арутюнян, Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны, М., 1970; Г. А. Деборин, Б. С. Тельпуховский, Итоги и уроки Великой Отечественной войны, М., 1975, и др.

точники выявлены недостаточно, данная публикация имеет постановочный характер.

Прежде всего необходимо отметить, что война вызвала впервые в истории нашей страны столь огромные перемещения людских масс, причем не только войск, но и гражданского населения, в первую очередь, женщин, детей, подростков.

Только за первые полгода войны из прифронтовых районов на восток было эвакуировано 1523 промышленных предприятия, в том числе 1360 крупных оборонных заводов. В Поволжье было направлено 226 предприятий, на Урал — 667, в Западную Сибирь — 244, в Среднюю Азию и Казахстан — 308⁵. «Наши восточные области, союзные и автономные республики, — отмечал в связи с этим М. И. Калинин, — пережили буквально промышленную революцию»⁶.

Вместе с промышленными предприятиями на восток были эвакуированы опытные специалисты, рабочие и их семьи. О размерах людских перемещений на восток свидетельствуют следующие данные: за первый месяц войны из Москвы было эвакуировано 1400 тыс. чел., из Ленинграда — 400 тыс.⁷ Из Белорусской ССР было вывезено на восток 1,5 млн. чел.⁸, с Украины 3,5 млн. чел.⁹ До 1 февраля 1942 г. только по железным дорогам было перевезено из прифронтовых районов на восток около 10 млн. 400 тыс. чел., но перевозки осуществлялись и другими видами транспорта¹⁰. Всего в годы Великой Отечественной войны, по данным последних исследований, было эвакуировано около 25 млн. людей, причем в июне — декабре 1941 г. — 17 млн. чел.¹¹

Перемещение в глубокий тыл предприятий, ценного имущества и многомиллионного населения производилось под руководством Совета по эвакуации, созданного 24 июня 1941 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б). Партийные и советские органы Поволжья, Урала, Сибири, Казахстана и Средней Азии провели огромную работу по учету, приему и размещению эвакуированного населения¹².

К весне 1942 г., по данным Переселенческого управления СНК СССР, только в автономных республиках, краях и областях РСФСР было размещено 5914 тыс. эвакуированных, в том числе в национальных районах Поволжья: в Татарской АССР — 260 тыс., в Марийской АССР — 29 тыс.¹³, в Удмуртской АССР — 54 тыс.¹⁴, в Мордовской АССР — около 50 тыс.¹⁵, в Башкирской АССР — 247 тыс.¹⁶ В Узбекскую ССР в первые месяцы войны было направлено 716 тыс. человек, в Казахскую ССР — 600 тыс., в Киргизскую — 100 тыс., в остальные республики Средней Азии и Закавказья — 87 тыс. чел.¹⁷

Эвакуированное население, занятое в промышленности, было размещено в городах этих республик. Значительная часть женщин и детей

⁵ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. II, М., 1961, стр. 148.

⁶ М. И. Калинин, Работа советов в условиях войны, «Известия», 30 мая 1942 г.

⁷ «История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. II, стр. 546.

⁸ П. З. Калинин, Партизанская республика, Минск, 1968, стр. 41.

⁹ «Украинская ССР в Великой Отечественной войне», т. I, Киев, 1971, стр. 276—280.

¹⁰ «История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. II, стр. 548.

¹¹ «Вторая мировая война. Общие проблемы», кн. I, М., 1966, стр. 74; Ш. М. Мунчаев, Эвакуация населения в годы Великой Отечественной войны, «История СССР», 1975, № 3, стр. 133—140.

¹² «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. I, М., 1970, стр. 288, 289.

¹³ «Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны», Йошкар-Ола, 1967, стр. 16.

¹⁴ «Удмуртия в Великой Отечественной войне», Ижевск, 1974, стр. 190.

¹⁵ «Мордовия в Великой Отечественной войне», Саранск, 1962, стр. 257.

¹⁶ Б. Г. Гибадуллин, Советская Башкирия в годы Великой Отечественной войны, Уфа, 1971, стр. 33.

¹⁷ «История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. II, стр. 548.

была направлена в сельскую местность. Так, например, в Марийской АССР к апрелю 1943 г. находилось в городах 8542 чел., а в колхозах, совхозах и лесхозах — 19 844 чел.¹⁸

Часть эвакуированных поселилась в сельской местности среди мордвы, татар, удмуртов.

В Среднюю Азию, Казахстан и Закавказье было эвакуировано население из центральных районов России. В различные области РСФСР были эвакуированы из западной части страны белорусы: в Куйбышевскую обл. — 18 тыс., в Пензенскую и Саратовскую — 32 тыс., в Тамбовскую — 35 тыс. чел. и т. д.¹⁹

Лица, эвакуированные из Литвы, проживали в Горьковской, Ивановской, Ярославской областях, в городах Средней Азии²⁰. Большинство эвакуированных эстонцев разместились в Челябинской области, часть в автономных республиках Поволжья, а также в Сибири и Средней Азии²¹.

Эвакуированные из Молдавии проживали в Чарджоуской и Марыйской областях Туркменской ССР, в колхозах и совхозах Казахской ССР²².

Переселенцы попадали не только в города и селения, близкие к железным дорогам, но порой в весьма отдаленные районы. Немало эвакуированных разместились, например, в Горно-Алтайской области, в отдаленных районах Крайнего Севера, где женщины из числа эвакуированных замещали бухгалтеров, фельдшеров, учителей, ушедших на фронт.

В период Отечественной войны в связи с рядом неурожаев в Поволжье произошло переселение сельских жителей некоторых областей этого региона в другие части страны. Так, в Удмуртской АССР среди местного населения была произведена вербовка переселенцев на Камчатку. Переселенцы, большая часть их состояла из женщин-одиночек, были размещены по старожильческим камчадалским селам. Они постепенно приспособились к специфике камчатского промыслового хозяйства и в свою очередь привили камчадалам некоторые свои бытовые навыки. В настоящее время в поселках по долине р. Камчатки нередко встречаются камчадалско-удмуртские семьи²³.

Эвакуированные лица, оказывая влияние на быт коренного населения в тех районах, в которых они размещались, и сами многое воспринимали от своих новых соседей. Так, например, сельское коренное население в Поволжье от эвакуированных заимствовало рецепты русских блюд.

Нередко контакты между пришлым и коренным населением приводили к установлению семейных связей. Так, в Мордовской АССР среди местных жителей в 1942 г. развернулось движение по усыновлению эвакуированных детей, родители которых погибли в борьбе с немецкими оккупантами. Только в 1942 г. из переехавших в республику детских домов 1270 детей были взяты в семьи на воспитание²⁴. Такие примеры имели место и в других республиках и областях.

К сожалению, вопрос о влиянии в годы Великой Отечественной войны эвакуированных на материальную и духовную культуру коренного

¹⁸ «Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны», стр. 104.

¹⁹ Г. И. О л е х н о в и ч, Трудящиеся Белоруссии фронту, Минск, 1972, стр. 64—69.

²⁰ К. В а р а ш и н с к а с, Деятельность эвакуированного населения Литовской ССР в Советском тылу в годы Великой Отечественной войны, Автореферат канд. дис., Вильнюс, 1971.

²¹ «Эстонский народ в Великой Отечественной войне», Таллин, т. I, 1973, стр. 583.

²² «Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941—1945 гг.», Кишинев, 1970, стр. 149—153.

²³ И. С. Г у р в и ч, Русские старожилы долины р. Камчатки, «Сов. этнография», 1963, № 3.

²⁴ «Мордовия в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», Саранск, 1962, стр. 234.

населения и влияние последнего на быт пришлого еще не привлек к себе внимания этнографов.

Эвакуация предприятий, развертывание на востоке военной промышленности вызвали и значительные передвижения населения внутри республик и областей. Вывезенные заводы и фабрики пополнялись эвакуированным оборудованием, расширялись и соответственно укомплектовывались новыми контингентами тружеников. Так как многие рабочие, техники, инженеры ушли на фронт, к станкам становились женщины, подростки из ближайших сел и деревень.

Рабочие и специалисты, эвакуированные из западных и центральных районов СССР, как правило, составляли около 30—40% работающих на этих заводах и фабриках, остальные рабочие состояли из местных жителей (женщин-домохозяек, учащихся старших классов средних школ, пенсионеров) и лиц, мобилизованных на трудовой фронт.

Например, в ряды рабочего класса Урала влились значительные группы украинцев, белорусов, эстонцев. На предприятиях Свердловской области было занято более 36 тыс. рабочих из Средней Азии и Казахстана. В Челябинской области 18% от общей численности рабочих составляли выходцы из среднеазиатских республик — узбеки, туркмены, таджики, казахи и киргизы. Представители народов Средней Азии были и в других областях Урала и Сибири, на стройках Дальнего Востока²⁵. Рост численности рабочих и служащих наблюдался и в республиках Средней Азии. Так, с 1940 по 1943 г. доля рабочих и служащих, занятых в промышленности Казахстана и Средней Азии, за счет привлечения в города местного населения увеличилась с 3,5 до 8% всей численности рабочих и служащих промышленности СССР²⁶. Кадры для металлургических предприятий стали готовить учебные заведения системы государственных трудовых резервов, открытые в этих республиках. Так, в Туркмении, где в 1940 г. было лишь одно техническое железнодорожное училище, в 1943 г. работали 4 училища и 20 школ ФЗО. В них обучалось 16 тыс. чел.²⁷

Значительно усилился переход населения в города из сельской местности для работы на промышленных и ремесленных предприятиях и в других союзных и автономных республиках. Так, например, в Якутии только в 1943 г. было трудоустроено в различных отраслях народного хозяйства более 10 тыс. чел., преимущественно членов семей фронтовиков²⁸.

Таким образом, эвакуация гражданского населения, перевод промышленных предприятий и животноводческих хозяйств, учебных, научных и административных учреждений из районов военных действий и прилегающих областей на восток привели в движение миллионы людей. Волны временных переселенцев захлестнули не только Поволжье, Урал, но в известной степени Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан и Закавказье. Восточные республики нашей страны стали более многонациональными. Миграции способствовали усилению межнациональных контактов. Немаловажным обстоятельством было и то, что эти контакты на бытовом уровне имели место не только в городах, но и в сельских районах и носили сравнительно длительный характер.

В Великой Отечественной войне против фашистской Германии участвовали все народы нашей страны. Под боевыми знаменами Советских Вооруженных Сил сражались воины 143 национальностей. Такого мно-

²⁵ Г. Г. Морехина, Рабочий класс — фронту, М., 1962, стр. 279, 280; А. В. Митрофанова, Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны, М., 1971, стр. 200.

²⁶ Г. Г. Морехина, Указ. раб., стр. 281.

²⁷ Р. Базарова, Подвиги молодежи Туркменистана в годы Великой Отечественной войны, Ашхабад, 1964, стр. 123.

²⁸ «Очерки по истории Якутии советского периода», Якутск, 1954, стр. 354.

тонационального лагеря борющихся за свою Родину еще не знала история. На всех фронтах сражались воины разных национальностей.

Звания Героя Советского Союза были удостоены 7998 русских, 2021 украинец, 299 белорусов, 161 татарин, 108 евреев, 96 казахов, 90 грузин, 89 армян, 67 узбеков, 63 мордвина, 45 чувашей, 44 азербайджанца, 39 башкир и т. д.²⁹.

Героическим подвигам представителей отдельных народов, населения союзных и автономных республик и областей посвящена огромная литература. Известно, например, что казахстанцы отличились в битве под Москвой³⁰, сыны Кабардино-Балкарии участвовали в героической обороне Киева³¹, грузины боролись в составе войск, освобождавших Украину, принимали участие в партизанском движении³², посланцы Узбекистана прославили себя во многих боях на центральных участках фронта³³, бойцы из числа народов Севера и Сибири оказались отличными снайперами³⁴ и т. д. Патриотический подъем охватил всю страну, ее большие и малые народы³⁵.

Проявлением патриотической инициативы в 1941—1945 гг. явилось создание воинских соединений, сформированных по национальному признаку. Как правило, советские воинские формирования были интернациональными, т. е. включали в свой состав лиц разных национальностей. Национальные войсковые соединения составляли небольшую часть Вооруженных Сил Советского Союза. Они формировались за счет внутренних ресурсов союзных и автономных республик в порядке дополнительной внеплановой мобилизации их средств и сил.

Первое национальное соединение в период Великой Отечественной войны — латышская стрелковая дивизия — было сформировано по предложению ЦК Компартии Латвии и насчитывало в своем составе 10 тыс. человек. В декабре 1941 г. латышская дивизия вступила в битву за Москву.

В ноябре 1941 г. Государственный Комитет Обороны отдал приказ, поощрявший формирование национальных частей и соединений в союзных и автономных республиках. Было создано свыше сорока национальных соединений³⁶. (Табл. 1).

Руководящий высший и старший начальствующий состав в эти соединения назначался Главным Управлением кадров Красной Армии и Военными Советами округов, средний — комплектовался из кадров коренных национальностей данной республики, находившихся в общих войсковых частях. Рядовые и младший комсостав формировались из военн-обязанных местных национальностей. При недостатке специалистов из числа коренных национальностей строевые подразделения пополнялись русскими и представителями других национальностей. Довольствие и

²⁹ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. IV, М., 1965, стр. 155.

³⁰ А. М. Мухамеджанов, Казахстанцы в битве под Москвой, Алма-Ата, 1968.

³¹ И. Ф. Евдокимов, Сыны Кабардино-Балкарии в героической обороне Киева, Нальчик, 1966.

³² И. Бабашвили, Воины-грузины в боях за Украину в годы Великой Отечественной войны, Тбилиси, 1969.

³³ Т. Джураев, В боях за Советскую Родину (Подвиги воинов-узбекистанцев), Ташкент, 1970.

³⁴ М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, М.—Л., 1955, стр. 413, 414.

³⁵ П. Ларин, Эстонский народ в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., Таллин, 1964; «Эстонский народ в Великой Отечественной войне», т. I—II, Таллин, 1973; «Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945»; Р. Базарова, Указ. раб., Х. М. Чатоев, Участие народов Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., Ереван, 1971.

³⁶ Н. А. Кирсанов, Партийная мобилизация на фронт в годы Великой Отечественной войны, М., 1972, стр. 168, 169.

Таблица 1

Республики	Национальные соединения		
	стрелковые дивизии	отдельные стрелковые бригады	кавалерийские дивизии
Азербайджанская ССР	2	—	—
Армянская ССР	3	—	—
Грузинская ССР	4	—	—
Казахская ССР	—	2	2
Киргизская ССР	—	—	3
Латвийская ССР	1	—	—
Литовская ССР	1	—	—
Таджикская ССР	—	2	1
Туркменская ССР	—	2	2
Узбекская ССР	—	9	5
Эстонская ССР	2	—	—
Башкирская АССР	—	—	1
Кабардино-Балкарская АССР	—	—	1
Калмыцкая АССР	—	—	2
Чечено-Ингушская АССР	—	—	1
	13	15	18

материальное обеспечение этих частей до перехода в систему Наркомата Оборона производилось за счет союзных республик. В национальные соединения отбор был персональным. Коммунисты составляли около 10—20%, комсомольцы — 30—39% к общему составу формирования.

Всего в национальные соединения из Средней Азии и Казахстана было направлено 130 тыс. человек, из закавказских республик — около 100 тыс.³⁷

В общем национальные соединения объединяли, по нашим данным, не более 10% лиц коренных национальностей. Остальные воевали в рядах обычных воинских формирований Советской Армии. Следует отметить, что национальные соединения, как правило, включали в свой состав и русских, и других уроженцев тех мест, где формировалась воинская часть. Так, в составе Башкирской кавалерийской дивизии было: башкир 81,4%, татар 14,5%, русских 3,3%, представителей прочих национальностей 0,8%. В Эстонской дивизии русские составляли 10,2%, лица других национальностей — 1,3%.

Как и во всей Красной Армии, приказы командования в национальных соединениях отдавались на русском языке, однако в агитационной, пропагандистской политико-массовой работе в них использовался родной язык национального большинства. Так, для бойцов туркмен издавалась на туркменском языке газета «Красноармейская правда», для эстонцев — газета «Пунавяэлена»³⁸, выходили фронтовые газеты и велись радиопередачи и на других языках. Всего к августу 1943 г. издавалось 55 фронтовых и армейских газет на языках народов СССР³⁹.

Летом 1942 г. большинство национальных соединений прибыло на фронт. В ходе боевых действий национальные соединения пополнялись представителями других национальностей и превратились к концу войны в интернациональные по составу воинские соединения.

Например, эстонские стрелковые дивизии были сведены в эстонский стрелковый корпус; для усиления боеспособности ему были приданы сформированные в обычном порядке 19-я гвардейская дивизия, 85-й ар-

³⁷ Н. А. Кирсанов, Указ. раб., стр. 181.

³⁸ «Эстонский народ в Великой Отечественной войне...».

³⁹ «Советский народ — новая историческая общность людей», М., 1975, стр. 242.

тиллерийский и 45 танковый полки. Около трети личного состава корпуса не являлись гражданами Эстонской ССР⁴⁰. Наличие в корпусе лиц, принадлежащих к разным национальностям, способствовало укреплению дружбы между народами, чувства интернационализма.

Совместная борьба против немецкого фашизма привела к усилению братского единения народов СССР, взаимобмену культурным достоянием.

Миллионы мужчин из числа коренного населения Средней Азии, Казахстана, Кавказа, Поволжья, Сибири, никогда не выезжавших из родных мест на длительный срок, были оторваны от привычной обстановки и оказались в Центральной России, на Украине, в Белоруссии, а затем в Западной Европе. Например, из Якутской АССР были призваны в Красную Армию десятки тысяч мужчин, в том числе якуты и эвенки. Для большинства из них новой была не только армейская фронтовая жизнь, но и тыловые условия, где они проходили воинскую подготовку. Пребывание в армии способствовало расширению их кругозора, ломке привычных традиционных представлений, отходу от своих обычаев, бытовых и религиозных предрассудков. Многие из посланцев Якутии прошли с боями Украину, Прибалтику, дошли до Праги, Будапешта, Берлина. Вернувшись на родину, бывшие солдаты и офицеры, умудренные опытом войны, приняли активное участие в мирном строительстве, многие из них стали руководителями хозяйств, были выдвинуты на ответственную работу. Фронтовики оказали огромное влияние на своих земляков, не принимавших непосредственного участия в военных действиях. Рассказы демобилизованных воинов, нормы их поведения, скептическое отношение к старым обрядам и обычаям повлияли на бытовой уклад населения этого далекого края.

В годы Великой Отечественной войны усилилось значение русского языка — языка межнационального общения. В Красной Армии, как уже отмечалось выше, приказы и распоряжения командования отдавались на русском языке. Поэтому все бойцы и командиры должны были практически владеть разговорным русским языком.

В связи с этим во всех союзных и автономных республиках большое внимание уделялось изучению русского языка лицами, не владеющими или плохо владеющими им. Русский язык преподавали и в национальных соединениях, и в системе всеобщего. Партийные органы заботились о том, чтобы каждый допризывник владел русской разговорной речью.

Бюро ЦК КП(б) Таджикистана в 1941 г. поручило Наркомпросу республики разработать конкретные мероприятия по обучению русскому языку призванных на всеобщее военное обучение.

Аналогичные решения были приняты в других среднеазиатских союзных республиках, а также в Азербайджане.

В Таджикистане в программу военного обучения были включены занятия по русскому языку в объеме 90 часов, в Азербайджане — 150 часов. В системе всеобщего обучения Армении было обучено русскому языку 88 тыс. чел., Туркмении — 161 тыс., а всего по Союзу несколько миллионов человек⁴¹.

Опираясь на эти данные, можно считать, что в годы Отечественной войны резко увеличилась численность лиц, владеющих русским языком. Следует отметить, что лица, приобщившиеся во всеобщем к русскому языку, в дальнейшем в армейской обстановке закрепляли и расширяли свои навыки.

Хотя статистические данные о владении вторым языком применительно к 1941—1945 гг. отсутствуют, можно считать, что все люди нерусской национальности призывного возраста в той или иной мере знали русский язык. К этому следует добавить, что русским языком владе-

⁴⁰ П. Л а р и н, Указ. раб., стр. 128.

⁴¹ И. З. З а х а р о в, Дружба, закаленная в боях, М., 1970, стр. 25, 26.

ла и известная часть женщин из числа этих народов, обучавшихся в школах, в техникумах и в вузах. Следовательно, число лиц, так или иначе владевших языком межнационального общения, кроме славяноязычного населения, исчислялось миллионами.

Это обстоятельство само по себе является важным свидетельством сближения народов нашей страны.

Сплочению народов Советского Союза способствовал трудовой и патриотический подъем, направленный к единой цели,—разгрому фашизма. Массовый трудовой героизм явился могучим источником развития экономики нашей страны в военное время. Уже в марте 1942 г. восточные районы страны стали давать военной продукции столько, сколько выпускалось в начале войны на всей территории СССР⁴².

Огромный вклад в дело создания боевой техники и снабжения ею фронта внесло население Урала, Поволжья, Западной Сибири. Рабочие, техники, инженеры многих военных предприятий сутками не выходили из цехов.

Самоотверженный труд и патриотизм населения Казахстана и Узбекистана позволили быстро развернуть здесь работу эвакуированных фабрик и заводов⁴³. Трудящиеся Грузинской ССР освоили производство более 200 наименований специальной продукции для фронта⁴⁴. На удовлетворение нужд армии были направлены усилия рабочих, техников, инженеров Армении, Азербайджана и других союзных и автономных республик⁴⁵.

Трудовой энтузиазм охватил и многонациональные массы колхозников, работников совхозов. Передовики сельскохозяйственного производства Татарии выполняли нормы на 200—250%. Трудящиеся Узбекистана расширили посевную площадь за два года войны на 600 тыс. га, а колхозы Казахстана в 1943 г. сдали государству мяса в три раза больше, чем в 1940 г.⁴⁶ Сельское население Закавказья, не жалея сил, снабжало фронт разнообразным продовольствием⁴⁷. Напряженно и самоотверженно работали колхозники-промысловики Сибири и Севера. С 1941 по 1945 г. в Якутской АССР было сдано государству свыше 400 тыс. центнеров рыбы — почти в четыре раза больше, чем за соответствующий период до войны. В северных районах Якутии увеличилась добыча ценной пушнины. Охотники сдавали по 70—100 песцовых шкур за сезон. Это были рекордные показатели⁴⁸. В Эвенкийском национальном округе добыча пушнины в годы войны возросла почти в полтора раза. Плодотворно трудились рыбаки и охотники Амура. Нанайские, ульчские и нивхские колхозы стали добывать рыбу круглый год⁴⁹. Чукчи-оленьеводы обеспечивали оленьим мясом не только свой округ, но и некоторые другие районы страны. Товарная продукция оленеводства Чукотского национального округа возросла к 1945 г. по сравнению с 1940 г. почти в 3,5 раза⁵⁰. Алеуты Командорских островов, работники звероводческого совхоза, перевы-

⁴² Н. А. Вознесенский, Указ. раб., стр. 43.

⁴³ Г. Абишев, *Казахстан в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.*, Алмата, 1958, стр. 71; Э. А. Воскобойников, *Узбекский народ в годы Великой Отечественной войны*, Ташкент, 1947, стр. 14, 15.

⁴⁴ «История национально-государственного строительства в СССР. 1937—1967 гг.», М., 1970, стр. 86, 87.

⁴⁵ И. З. Захаров, Указ. раб., стр. 151—167.

⁴⁶ «История национально-государственного строительства в СССР. 1937—1967 гг.», стр. 86, 87.

⁴⁷ К. В. Цкитишвили, *Закавказье в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.*, Тбилиси, 1969; С. В. Хармандарян, *Боевое содружество армянского народа с народами Советского Союза в Великой Отечественной войне*, Ереван, 1955.

⁴⁸ «Очерки по истории Якутии советского периода», Якутск, 1957, стр. 333—346.

⁴⁹ М. А. Сергеев, *Некапиталистический путь развития малых народов Севера*, стр. 415, 416.

⁵⁰ «Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней», Новосибирск, 1974, стр. 252.

полнили нормы на 200%. «Не считаясь ни с какими лишениями,— отметил Л. И. Брежнев,— труженики тыла делали все, чтобы дать армии совершенное оружие, чтобы одеть, обуть и накормить солдат, обеспечить бесперебойную работу всего народного хозяйства. Во время войны трудились так, что казалось, нет пределов человеческим возможностям»⁵¹.

В период Великой Отечественной войны резко возросла политическая активность народов Советского Союза. По всей стране развернулось соревнование за выпуск сверхплановой продукции под лозунгом «Все для фронта, всё для победы».

Укреплению интернационального единства советского народа способствовало социалистическое соревнование между рабочими промышленных центров РСФСР и колхозниками национальных республик. Рабочие Невского машиностроительного завода в осажденном Ленинграде соревновались с колхозниками Ошской области Киргизии⁵².

Поистине всенародный характер приняла кампания по сбору средств в фонд обороны Родины. Особенно популярны были сборы денежных средств и ценностей на постройку танковых колонн, эскадрилий боевых самолетов. Значительные средства дали промышленности военные займы, размещавшиеся среди населения. Подписка на займы превращалась в демонстрацию патриотизма. В ряде районов страны население собирало одежду, в особенности теплые вещи, для войсковых частей и для эвакуированных. Все эти патриотические начинания проводились в широких масштабах и способствовали укреплению чувств интернационализма, объединяли советских людей. В годы войны даже у населения самых отдаленных уголков нашей страны естественно обострился интерес к фронтовым и политическим событиям. Сводки Совинформбюро переводились на языки народов СССР.

В ряде районов страны в годы войны произошли значительные изменения в материальной культуре и бытовом укладе населения. Так, в Европейской части РСФСР вследствие крупных перемещений населения в значительной степени сгладились областные культурные различия. В западных районах страны — в Белоруссии и на Украине, в Ленинградской и Московской областях в результате военных действий исчезли многие старые поселения и уже не были восстановлены в прежнем виде. Как известно, превращено в руины или сожжено было более 70 тыс. сел⁵³. Следует сказать, что войны во все времена вели к разрушениям, но в сельской местности после войны обычно возрождались такие же поселения, какие были и до этого. После Великой Отечественной войны колхозы и совхозы, получившие технику, развернули строительство совсем иных жилых и хозяйственных строений на промышленной основе.

Нельзя пройти мимо и того факта, что в целом в 1940-х годах в материальной культуре стали отчетливо проявляться тенденции нивелировки. И в центральных районах страны, и в Сибири, и в Средней Азии, и на Кавказе широкое распространение получил военный и полувойенный мужской костюм, потеснив национальные формы одежды. Покупные женская одежда и обувь в послевоенный период стали быстро распространяться среди женщин в национальных районах, особенно в Поволжье и на Кавказе.

Война принесла народам Советского Союза величайшие лишения, неисчислимые беды. Многие миллионы людей в трудоспособном возра-

⁵¹ Л. И. Брежнев, Речь на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященная 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне, стр. 10.

⁵² «Советский народ — новая историческая общность людей», стр. 236.

⁵³ «История национально-государственного строительства в СССР. 1937—1967 гг.», стр. 97.

сте погибли на фронтах, в оккупированных врагом районах, а также в концлагерях гитлеровской Германии. В годы войны резко понизилась рождаемость.

Особенно пострадали западные районы нашей страны. Это изменило численное соотношение народов.

По сравнению с данными переписи 1939 г. численность населения СССР к 1959 г. в целом увеличилась на 9,5%. Однако численность ряда народов на территории временно оккупированной фашистами уменьшилась. Об этом свидетельствуют следующие данные:

Народы	Данные переписей		Уменьшение по отношению к 1939 г., %
	1939 ⁵⁴	1959 ⁵⁵	
Белорусы	8275,0	7913,5	—4,4
Евреи	3028,5	2267,8	—25,2
Латыши	1628,0	1399,5	—14,1
Эстонцы	1144,0	988,6	—13,5

Численность украинцев с 1939 по 1959 г. увеличилась только на 4,6%⁵⁶.

Уменьшилась за этот срок и общая абсолютная численность населения Белорусской ССР на 9,6%, Литовской ССР на 5,9%⁵⁷. Все это замедлило естественное национальное и этническое развитие народов Украины, Белоруссии, Прибалтики, западных областей РСФСР.

Вместе с тем Великая Отечественная война привела к значительному сближению народов нашей страны, усилению общесоветских элементов быта, дальнейшему расширению позиций языка межнационального общения.

Обзор приведенных материалов дает возможность сделать и еще одно немаловажное заключение. Этнические процессы, происходящие в общем крайне постепенно, медленно, резко ускоряются в период больших событий.

CONCERNING THE IMPACT OF THE 1941—1945 GREAT PATRIOTIC WAR UPON THE COURSE OF ETHNIC PROCESSES IN THE USSR

It is stressed in the paper that the War led to mass migratory movements of a volume unprecedented in history; these involved not only armed forces but the civilian population. About 25 million people were evacuated from the front-line areas. Waves of temporary migrations overflowed the regions of the Volga, the Urals, Siberia, Middle Asia, Kazakhstan and Transcaucasia with their different nationalities. These migrations resulted in increased inter-national contacts. The armed struggle that all Soviet peoples jointly waged against German fascism intensified communication between them, the interchange of cultural values. In the years of the Great Patriotic War the role of the Russian language, the language of inter-national communication, gained in importance, all Soviet peoples became politically more active. In many of the country's regions important changes occurred in material culture and in everyday life. The War brought on innumerable miseries upon Soviet peoples, many millions became its victims. At the same time this ordeal drew the peoples of our country together, strengthened those elements of everyday life all Soviet peoples hold in common.

⁵⁴ «Современные этнические процессы в СССР», М., 1975, стр. 484—485 (Табл. 1).

⁵⁵ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том)», М., 1962.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ «Численность и расселение народов мира» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962, стр. 62.

С. М. Абрамзон

НОРМЫ БРАКА У КИРГИЗОВ В ПРОШЛОМ

Среди обычаев, регулировавших в прошлом брачные отношения и называемых нормами брака, решающую роль у многих народов играла экзогамия¹, но существовали и другие виды ограничений супружеского союза по степени родства.

У киргизов, как и у других народов Средней Азии и казахов, при заключении брака также существовали разного рода ограничения, обусловленные социально-историческими причинами. Эти ограничения привлекали к себе внимание дореволюционных наблюдателей и исследователей, от которых не ускользала их связь с социальной структурой общества. Но данные, которые мы находим по этому вопросу в литературе, крайне фрагментарны, неполны и не всегда точны.

Некоторые сведения о брачных запретах у киргизов приводит Г. Загряжский в статьях, относящихся к 1870-м годам². В частности он отмечает, что у киргизов запрещается женитьба на мачехе, на молочной сестре и на родной сестре жены, пока жена жива. «Вообще брак до шестого колена не допускается», пишет Г. Загряжский. К сожалению, не всегда можно уяснить, к кому относятся приводимые Г. Загряжским сведения, к киргизам или к казахам, или они в равной степени характерны для тех и для других.

Более обстоятельную характеристику норм брака содержит работа Н. И. Гродекова. Автор сообщает, что у киргизов «браки заключаются до пятого колена. В настоящее время берут ближе, даже из второго колена, за что порицают словами: „ты портишь занг“³; но не расторгают брака и не наказывают. Мулла Асан подтверждает это: „прежде между кара-киргизами брали, как у киргизов (под киргизами здесь подразумеваются казахи.— С. А.), невест из седьмого колена; теперь же берут из третьего, даже начинают брать из второго колена, согласно шарияту. В этом манапы и простой народ не отличаются“⁴. Далее Н. И. Гродеков перечисляет около полутора десятков индивидуальных брачных запретов, не указывая, однако, относятся они к казахам или киргизам. Как будет показано ниже, имелись отдельные расхождения в этом отношении между казахами и киргизами.

Представляют некоторый интерес данные по этому вопросу, содержащиеся в архивных источниках. Так, в рукописи, относящейся к кон-

¹ См. Н. А. Кисляков, Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, гл. «Сохранение экзогамных норм», Л., 1969, стр. 47—64.

² Г. Загряжский, Очерки Токмакского уезда, газ. «Туркестанские ведомости», 1873, № 10; его же, Юридический обычай киргиз о различных родах состояний и о правах им присвоенных, «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. IV, СПб., 1876, стр. 155; его же, Кара-киргизы (этнографический очерк), «Туркестанские ведомости», 1874, № 44.

³ Заң — обычай.

⁴ Н. И. Гродеков, Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I — «Юридический быт», Ташкент, 1889, стр. 27, 28.

цу XIX в., мы читаем: «Родство у киргиз считается по мужской линии так: дети двух родных братьев по обычаю не могут вступать в брак и так далее до 7 колена. Родство с женской стороны не считается препятствием к браку; так: дети брата и сестры жениться могут. Но в настоящее время киргизы руководствуются шариатом, в котором такого строгого разграничения родства по мужской линии нет. Например, наиболее почетный и известный в Токмакском уезде киргиз-манап, войсковой старшина Шабдан Джантаев просватал свою дочь за сына своего брата Эстебеса. На мачих жениться нельзя, тестю на жене сына жениться нельзя, на падчериц и племянниц нельзя. Воспрещается жениться на мачих, потому что это считается осквернением ложа отца; на снох, падчериц и племянниц, потому что они считаются дочерьми. На тетке „таядже“⁵ брак допускается если у умершего дяди не осталось братьев»⁶.

В другой рукописи, относящейся примерно к тому же времени, но характеризующей быт киргизов Иссык-Кульского уезда, имеются следующие сведения. «Обычное право кара-киргиз не допускает заключать браки между лицами, состоящими в родстве до третьей степени включительно; но понятия кара-киргиз, как и вообще всех мусульман, о степенях родства не имеют ничего общего с нашими понятиями об этом предмете. В то время как мы степени родства определяем близостию родства известной отдельной личности, обычное право кара-киргиз определяет степень родства сходно с правом мусульманским, т. е. близостию той группы родственников, к которой относится известное лицо, так, что в данном случае правильнее было бы говорить, что известное лицо состоит в такой-то группе, или в таком-то разряде родных, а не степени родства...

Нужно заметить, что по обычному праву родственники по свойству, т. е. муж родной сестры, жена родного брата, муж родной тетки и жена родного дяди, считаются родственниками, между которыми нельзя заключать браков, но это запрещение продолжается до тех пор, пока между ними существуют связующие их звенья; со смертию же в данных случаях сестры, брата, тетки, дяди — браки становятся возможными, следовательно можно жениться на свояченице после смерти жены, выйти замуж за дядю после смерти родной тетки (бывшей его жены) и т. д.»⁷.

Нормы брака у киргизов, как и некоторые другие вопросы их брачно-семейных отношений, были в советское время впервые исследованы Н. П. Дыренковой. Называя род у киргизов экзогамным, Н. П. Дыренкова в то же время признает, что «экзогамия внутри рода ограничивается в разных родах до того или иного колена, и очевидно, что допущение браков внутри рода шло с большой постепенностью. Так, у рода Монголдор до сих пор (т. е. до 1920-х годов.— С. А.) сохраняется обычай брать жену не ближе седьмого колена. У рода Черик разрешаются браки в четвертом колене, но раньше и у этого рода также существовал обычай брать жен не ближе седьмого колена»⁸. В работе Н. П. Дыренковой приводятся также некоторые данные о кузенных браках, о брачных запретах, левирате и сорорате.

⁵ Очевидно, речь идет о *тай эже* — сестре матери.

⁶ «Обычаи кара-киргизов (Черная орда или дикокаменные) Токмакского уезда», Центральный Государственный исторический архив (ЦИИА) КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 5089, разд. V — «Семья».

⁷ «Обычное право кара-киргиз Иссык-Кульского уезда», ЦИИА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 9, 9 об.

⁸ Н. П. Дыренкова, Брак, термины родства и психические запреты у киргизов (По материалу, собранному летом 1926 г. в Нарынском районе Семиреченской области), «Сборник этнографических материалов по семейно-родовому быту народов СССР», 2, Л., 1927, стр. 12.

Система брачных запретов у чуйских киргизов кратко освещена в работе А. Джумагулова⁹.

Обратимся к вопросу об экзогамии у киргизов. Некоторые крупные исследователи считали, что они и казахи, как и большинство других кочевых народов, сохранявших патриархально-родовой быт, довольно строго придерживались экзогамии¹⁰. В свое время мы указывали, что система брачных норм у киргизов не может быть полностью отождествлена с экзогамией, предполагающей наличие рода с достаточно четко очерченными границами¹¹. У киргизов господствовал принцип экзогамии по поколениям, почему состав лиц, в отношении которых действовал этот принцип, с каждым поколением изменялся. Чтобы получить возможность жениться на ком-либо, надо было удостовериться, что после общего предка прошло не менее семи поколений. Контингент лиц, в отношении которых действовал брачный запрет, в каждый данный момент был хорошо известен. Но эта норма в разные исторические эпохи действовала по-разному.

Не только в более отдаленное время, но еще во второй половине XIX в. вообще старались избегать браков в кругу даже относительно далеких родственников по отцовской линии, брак с которыми допускался. Жен стремились брать по возможности издалека, во всяком случае из другой племенной группы. Но практически это было доступно далеко не всем. В менее обеспеченной части населения брачные связи устанавливались в близкой для себя среде, если это не нарушало общепринятой нормы. Однако круг потенциальных жен из числа родственниц по линии отца оказывался все же ограниченным; при этом оказывали свое влияние и постепенно изменявшиеся экономические условия. Возникшее противоречие разрешалось двумя путями. Во-первых, наряду с браками между родственниками определенных степеней родства по мужской линии в довольно широких размерах продолжали практиковаться браки с родственниками по материнской линии. Во-вторых, традиционный «семиколенный» принцип брачных запретов шел по пути постепенного, хотя и очень медленного изживания: сокращалось число поколений, отделяющих вступающих в брак от их общего предка.

Наиболее сильному изменению этот принцип подвергся среди южно-киргизских племен, где в прошлом заметнее сказывалось влияние ислама и брачных норм шариата, в результате чего стали допустимыми браки даже между детьми двух родных братьев, совершенно исключавшиеся в более отдаленные времена.

Но, как мы видели, и среди различных групп киргизов, населявших Северную Киргизию, где с большей устойчивостью сохранялись нормы обычного права, нередко наблюдались значительные отклонения от ортодоксального принципа. Большие или меньшие колебания можно было встретить даже на относительно небольшой территории и в пределах не столь крупных родо-племенных подразделений. А. Джумагулов, ссылаясь на сообщения своих информаторов, отмечает, что раньше у группы кошой (племя солто) существовал обычай брать жен не ближе, чем из седьмого колена, а позднее постепенно стали допускаться браки в третьем — четвертом коленах; у группы джантай (племя сары багыш) до недавнего времени сохранялся обычай брать жену не ближе, чем из шестого колена¹².

⁹ А. Джумагулов, *Семья и брак у киргизов Чуйской долины*, Фрунзе, 1960, стр. 27—30; см. также Н. А. Кисляков, *Указ. раб.*, стр. 50, 51.

¹⁰ См., например, А. Н. Максимов, *Из истории семьи у русских инородцев*, «Этнографическое обозрение», 1902, № 1, стр. 60; его же, *Ограничения отношений между одним из супругов и родственниками другого*, там же, 1908, № 1—2, стр. 18.

¹¹ См. С. М. Абрамзон, *Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии*, сб. «Родовое общество», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XIV, М., 1951, стр. 140, 141.

¹² А. Джумагулов, *Указ. раб.*, стр. 27.

Приведем некоторые данные по Прииссыккулю и Центральному Тянь-Шаню. Как показывают наши записи в Прииссыккуле, внутри тех групп, которые насчитывали три-четыре поколения от общего предка, браки уже практиковались; внутри родственных им, но небольших групп они не допускались. При этом рассказчики подчеркивали, что заключать браки внутри таких небольших групп «стыдно» (*уят*), хотя внебрачные связи между членами таких групп иногда бывали. В отдельных случаях даже называли имя одного из ближайших предков, первым нарушившего запрет на браки внутри данной группы. Все же браки между потомками одного предка в третьем поколении («между лицами, состоящими в родстве до третьей степени включительно», как они названы в цитированной рукописи) были крайне редки и на них «плохо смотрели», как выразился наш информатор Бердалы Токтобаев (85 лет). Он смог назвать лишь один такой случай, когда внук Бирназара (подразделение белек племени бугу) Чаки женился на своей троюродной сестре (по отцу) Чукен, взяв ее в качестве второй жены¹³. Поэтому к утверждениям некоторых источников об общих принципах экзогамных норм у киргизов надо относиться с большой осторожностью. Это доказывается и материалами по Центральному Тянь-Шаню.

Анализ конкретных случаев браков в некоторых группах населения, отнесившего себя к племени саяк (Тянь-Шань, долина Джумгала), показал, что отклонение от «семиколенного» принципа экзогамии нередко находило свое оправдание в том, что вступающие в брак имели общего предка-мужчину, но происходили от разных его жен, т. е. имели разных матерей. По объяснению стариков, такие казусы находились в полном соответствии с воззрениями киргизов на нормы брака; здесь отступление от традиционного числа поколений (6—7) было вполне допустимо. Поясним это примером. У Мамбета и его жены Рапии был общий предок Качике. Мамбет происходил от жены Качике Нават в четвертом поколении, а Рапия — от его же жены Саткын в пятом поколении. Следовательно, налицо был брак с дочерью четвероюродного брата. Зарегистрированы и другие подобные случаи, а также браки с внучкой четвероюродного брата, с троюродной сестрой отца и т. п., даже брак с троюродной сестрой (у Бюркюта и его жены Калийчи был общий предок — Качике, но Бюркют происходил от жены Качике по имени Нават, а Калийча от жены Качике по имени Джюзюмджан). Если не учитывать такой ситуации, может показаться, что мы имеем дело с прямым нарушением господствовавших в прошлом норм брака. В действительности же потомки одного мужчины от разных его жен не считались кровными родственниками, и поэтому браки между ними не рассматривались как нарушение обычая.

Чтобы полнее представить себе реальную картину ограничений при заключении брака по степени родства, действовавших в киргизском обществе, а также распространения различных категорий родственных браков, нами в течение полевых сезонов 1947—1948 гг. было предпринято историко-этнографическое изучение 26 семейно-родственных групп (12 в Южной Киргизии и 14 в Северной Киргизии). Подверглись изучению родственные отношения 990 брачных пар, входивших в состав этих групп. В посемейных генеалогических таблицах были учтены как семьи, проживавшие в пунктах обследования, так и семьи, связанные с ними отношениями родства и свойства, но расселенные в других пунктах и районах. Частично были зарегистрированы и умершие члены таких семейно-родственных групп, что давало возможность полнее выявить систему брачных отношений.

¹³ Сел. Джеты-Огуз, Иссык-Кульская обл., полевые материалы автора, тетр. 1, запись № 22, 1953 г. (хранятся у автора).

Как показали результаты проведенного обследования, подавляющее большинство браков заключалось между лицами, вовсе не состоявшими в родстве, или между дальними родственниками, вступление которых в брак не находилось в противоречии с существовавшей системой «поколенной» экзогамии. Но 224 брака, или 22,6% по отношению ко всему числу обследованных брачных пар, относились прямо или косвенно к числу родственных браков. Рассмотрим последние более подробно. Самую значительную группу среди них составляли браки с родственниками по линии матери (и матери отца). Таких браков оказалось 87, или 38,8% к общему числу родственных браков (8,7% ко всему числу брачных пар). Они распределяются следующим образом.

Браки с дочерью брата матери — *тай эже* (в том числе с дочерью двоюродного или троюродного брата матери — 4) — 11.

Браки с сестрой матери — *тай эже* — 12 (в том числе с двоюродной или троюродной сестрой матери — 5; в одном случае — брак с сестрой матери при живой матери).

Брак между детьми *бёлё* (двоюродных брата и сестры по матери) — 1.

Жена взята из той же родственной группы, что и мать мужа (в одном случае жена из той же группы, что и мать матери и прабабка по матери), — 33.

Девушка выдана замуж в ту же группу, из которой была взята ее мать, — 9.

Девушка выдана замуж в ту же группу, из которой была взята ее мачеха, — 1.

Девушка выдана замуж в ту же группу, из которой была взята мать отца (в одном случае — неродная бабка, вторая жена деда), — 4.

Жена взята из той же группы, что и мать отца мужа, — 16.

К этой основной категории родственных браков частично примыкают следующие:

Жена взята из той же группы, что и жена брата мужа, — 1.

Жена взята из той же группы, что и жена брата отца мужа (родного, двоюродного и троюродного), и жена брата деда мужа по отцу, — 11.

Девушка выдана замуж в ту же группу, из которой была взята жена ее брата и жена брата ее отца, — 10.

Некоторая связь последней разновидности браков с основной категорией родственных браков заключается, между прочим, в том, что в соответствии с существовавшими традициями брат отца обычно считался таким же близким родственником, как сам отец. Он всегда заменял отца в случае смерти последнего. Поэтому жену брата отца часто считали такой же близкой, как и родную мать.

О тесных связях между родственными группами, возникавших в результате взаимных браков, свидетельствует значительное число браков следующей категории.

Жена взята из той же группы, куда была выдана замуж сестра (по отцу): родная, двоюродная и т. д. — 15.

Жена взята из той же группы, куда была выдана замуж сестра отца мужа, — 6.

Жена взята из той же группы, куда была выдана замуж дочь сестры мужа (по отцу) — *жээн*, — 2.

Некоторое распространение имели и браки, заключенные в соответствии с обычаем сорората¹⁴. В основном это были браки с младшей сестрой покойной жены (*балдыз*), в том числе и с троюродной и четвероюродной. В одном случае — брак с четвероюродной сестрой покойной невесты. Всего таких браков было учтено девять. Браков по обычаю левирата мы здесь не касаемся.

¹⁴ См. С. М. Абрамзон, Об обычаях левирата и сорората у киргизов и казахов, сб. «Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге», М., 1973, стр. 61, 62; ср.: Х. А. Арғынбаев, Қазақ халқындағы семья мен неке (тарихи-этнографиялық шолу), Алматы, 1973, стр. 154, 167—169, 178—182.

В названной выше работе Н. П. Дыренкова коснулась вопроса о кузенных браках. Она довольно категорично указала, что у киргизов существовал лишь односторонний кузенный брак: брак с дочерью брата матери¹⁵. Проверка показала, что это утверждение было основано на явном недоразумении. Оно было результатом того, что материал собирался Н. П. Дыренковой лишь в одном районе. В 1947 и 1948 гг. нами было установлено (в дальнейшем это многократно подтверждалось), что самым различным группам киргизов был свойствен перекрестно-кузенный, или крөскузенный, брак. Он существовал у киргизов в обеих разновидностях, т. е. и как односторонняя форма (брак с дочерью брата матери), и как двусторонняя (брак с дочерью брата матери и брак с дочерью сестры отца). Однако вторая форма крөскузенного брака была распространена значительно реже и лишь отчасти сопутствовала первой, преобладала же односторонняя форма. Приведенные выше данные говорят как раз о бытовании этой формы брака. Среди изученных нами браков оказалось и шесть браков с дочерью сестры отца — *жээн* (в том числе два с дочерью двоюродной сестры отца), а также один брак с дочерью сына сестры отца — *жээн кыз*. Сюда же могут быть отнесены один брак с дочерью двоюродной сестры деда и один брак с внучкой двоюродной сестры прадеда.

Следует отметить, что два наших информатора, хорошо знающих киргизские обычаи, высказывали по поводу возможности заключения такого рода кузенных браков прямо противоположные точки зрения. Так, если Таабалды Кайдакыев (67 лет)¹⁶ утверждал, что с дочерью сестры отца (*жээн*) вступать в брак разрешается, то Абдыкадыр Аалыбаев (68 лет)¹⁷, ссылаясь на обычное право, доказывал, что на дочери сестры отца жениться нельзя, так как она будет приходиться родной *жээн*¹⁸. Объективные данные подтверждают правоту первого информатора. Тот факт, что большинство браков с дочерью сестры отца, т. е. относящихся ко второй форме крөскузенного брака, было заключено в Северной Киргизии, исключает возможность решающего влияния на эти браки норм шариата¹⁹.

Иное положение сложилось с другой разновидностью кузенных браков — с дочерью брата отца. Эти браки, полностью противоречившие ортодоксальным брачным нормам киргизов, встречались исключительно на юге Киргизии, где нами было зарегистрировано семь таких браков (в том числе один брак с дочерью сына брата отца). Характерно, что северокиргизские информаторы единодушно отрицали возможность таких браков (как и браков с дочерью брата) по обычному праву. Один из информаторов, Тилек Бакалов (72 лет)²⁰, отметил, что за последние 50 лет внутри группы торгой (ее относили по происхождению к подразделению кыдык племени бугу) «стали брать жен и через 2—3 поколения, по шариату»; можно думать, что его суждение было основано на знакомстве с нормами шариата. И все же нельзя полностью исключить то, что в появлении этой разновидности ортокузенных браков у кирги-

¹⁵ Н. П. Дыренкова, Указ. раб., стр. 13.

¹⁶ Сел. Бирлик Сарыкамышского сельсовета Джумгалского р-на (Тянь-Шань), Полевые материалы автора, 1948 г., Архив Ленинградского отделения Ин-та этнографии АН СССР (далее АЛОИЭ), ф. К-1, оп. 2, папка 55, тетр. 2, запись 6.

¹⁷ Сел. Орто-Кууганды Каирминского сельсовета Джумгалского р-на, Полевые материалы автора, 1948 г., АИЭЛО, ф. К-1, оп. 2, папка 55, тетр. 2, запись 8.

¹⁸ Этого же мнения придерживался и Молтой Байкозуев (70 лет), сел. Чон-Таалга Сарыкамышского сельсовета Джумгалского р-на, Полевые материалы автора, 1948 г., АЛОИЭ, ф. К-1, оп. 2, папка 55, тетр., 2, запись № 7.

¹⁹ О допустимости браков с дочерью сестры отца (между *тай аке* и *жээн кыз*) среди населения, относившего себя по происхождению к племенам солто и сары багыш в Чуйской долине, см.: А. Джумагулов, Указ. раб., стр. 29.

²⁰ Сел. Большевик Тонского р-на Иссык-Кульской обл., Полевые материалы автора, 1953 г., тетр. 1, запись 6 (хранится у автора).

зов сыграло роль не только влияние ислама и норм шариата, но и постепенная перестройка самих норм брака, поскольку возникновение этой (ортокузенной) формы кузенного брака можно связывать с отношениями, складывавшимися в патриархальной семейной общине, которая в прошлом существовала и у киргизов.

Таким же отступлением от обычных норм брачного права были отмеченные нами: два брака — с двоюродной и с четвероюродной сестрой отца и один брак с дочерью собственной (хотя и троюродной) сестры. А. Аалыбаев утверждал, что «брать в жены дочь родной сестры нельзя», но тут же добавил, что по шариату это допустимо (*шариатта болот*). По-видимому, из норм шариата и исходил названный выше Т. Бакалов, когда он сказал: «мой сын может жениться на дочери моей дочери», имея, таким образом, в виду брак с дочерью сестры²¹. Зато отмеченный нами один случай брака с дочерью дочери брата отца укладывается в киргизские экзогамные нормы.

По утверждению Н. И. Гродекова, «за двух братьев не выдают двух сестер. Невесты двух братьев должны находиться между собою в третьем колене родства или дальше. За двух двоюродных братьев могут выдать сестер. Но и это не делают охотно, говоря: мы лучше заведем связь в двух местах, а не в одном»²².

Наши информаторы безоговорочно заявляли, что две сестры могут одновременно выйти замуж за двух родных братьев. Один из них добавил, что старший брат может жениться на младшей из сестер, а младший брат на старшей сестре. Таким образом, в приведенных свидетельствах имеются существенные расхождения. В материалах нашего обследования мы находим исчерпывающий ответ на вопрос о возможности таких браков. Приводим соответствующие данные.

Браки двух родных братьев с двумя родными сестрами (в одном случае мать у сестер одна, а отцы разные) — 2.

Браки двух родных братьев с двумя двоюродными сестрами²³ — 1.

Браки двух двоюродных братьев с двумя родными сестрами (в одном случае двоюродные братья по матери — *бёлё*) — 3.

Браки двух троюродных братьев с двумя родными сестрами — 3.

Браки двух двоюродных братьев с двумя двоюродными сестрами — 2.

Браки двух двоюродных братьев с двумя троюродными сестрами — 1.

Браки двух троюродных братьев с двумя двоюродными сестрами — 1.

Браки двух родных братьев с теткой и племянницей (их жены по отношению друг к другу — тетка и племянница по отцовской линии) — 1.

Эти данные находятся в полном соответствии с киргизским обычаем, согласно которому близкие родственники (родные и двоюродные братья, отец и сын и т. п.) старались брать жен из одних и тех же родственных групп, таким образом их жены также состояли между собой в той или иной степени родства. О распространенности таких браков можно судить по сведениям, извлеченным из материалов нашего обследования:

Два родных брата взяли жен из одной и той же группы — 8.

Три (в одном случае — два) родных брата и один их двоюродный брат взяли жен из одной группы — 2.

Три родных брата и сын одного из них взяли жен из одной группы — 1.

²¹ По словам упомянутого Т. Кайдакыева, нельзя было жениться не только на дочери собственной сестры, но и на дочери дочери сестры — *тогончор*. На всех остальных родственниках, относимых к категории *жээн*, жениться разрешалось.

²² Н. И. Г р о д е к о в, Указ. раб., стр. 28, 29.

²³ Во всех случаях, где не сделано какой-либо оговорки, речь идет о двоюродных и троюродных братьях и сестрах по отцовской линии. В целом же необходимо постоянно учитывать, что номенклатура родства у киргизов имела отчетливо выраженные черты классификационной системы, при которой одним термином обозначалась целая группа лиц разных степеней родства, разного пола и возраста.

Два двоюродных брата взяли жен из одной группы — 5.

Три двоюродных брата взяли жен из одной группы — 1.

Два родных брата и два их двоюродных брата (тоже родные между собой) взяли жен из одной группы — 2.

Два родных брата и родной брат их отца взяли жен из одной группы — 2.

Два троюродных брата и родной брат отца одного из них взяли жен из одной группы — 1.

Мужчина, родной брат его отца и двоюродный брат деда взяли жен из одной группы — 1.

Отец и сын женились на двух двоюродных сестрах — 1.

Отец и сын женились на двух троюродных сестрах — 3.

Отец и сын женились на двух четвероюродных сестрах — 1.

Отец и сын взяли жен из одной группы — 1.

Мужчина и сын его родного брата женились на двух родных сестрах — 1.

Мужчина и сын его троюродного брата женились на двух родных сестрах — 3.

Мужчина и сын его троюродного брата женились на двух двоюродных сестрах — 1.

Мужчина и сын его двоюродного брата женились на тетке и ее племяннице (жена племянника — дочь брата жены дяди) — 2.

Мужчина и сын его двоюродного брата взяли жен из одной группы — 1.

Мужчина одновременно состоял в браке с женщиной и ее племянницей (вторая жена — дочь троюродного брата первой жены) ²⁴ — 1.

Двоюродные брат и сестра состояли в браке с находящимися в кровном родстве (родными) братом и сестрой — 1.

Несколько особняком стоят еще четыре случая таких браков, когда вдова вышла вторично замуж в ту же группу, откуда была взята ранее (т. е. в группу своего отца).

Необходимо еще коснуться ограничений, установленных обычным правом для отдельных категорий браков, на которые указывают литературные источники. Так, согласно Н. И. Гродекову, «жениться на сестре мачих считается предосудительным... Кара-киргиз Курпетай Даулеткулов говорит, что такой брак непозволителен» ²⁵. То же самое утверждает Г. Загряжский ²⁶. Вопреки этому наши информаторы подчеркивали допустимость таких браков. И они, на наш взгляд, вполне последовательны, поскольку киргизский обычай допускал брак даже с сестрой матери. Тем более дозволялся брак с дочерью сестры мачехи, и примеры таких браков (между *огёй тай аке* и *огёй жээн*) нам известны. Но те же информаторы, говоря о недопустимости браков с мачехой, отмечали, что и на дочери мачехи жениться не разрешается, не приводя, однако, каких-либо объяснений.

Сведения Н. И. Гродекова и Г. Загряжского, относящиеся к бракам со свояченицами, совпадают. «Свояченица, — пишет Гродеков, — сестра жены брата, считается за родную сестру до смерти брата, поэтому на ней, до этого времени, нельзя жениться» ²⁷. Загряжский указывает, что «киргиз не может вступить в брак с сестрою жены своего родного брата (свояченицею)» ²⁸. Уже приведенные выше данные о браках двух родных братьев с двумя родными сестрами показывают, что у киргизов в конце XIX — начале XX в. этот брачный запрет фактически отсутствовал. На территории Сарыкамышского сельсовета Джумгалского района в 1948 г. жили родные братья Конушпай (старший) и Ишанкоджо Джапалаковы. Их жены были родными сестрами; Толгонай (старшая) — женой Конушпая, Уулбек (младшая) — женой Ишанкоджо. Но

²⁴ Н. П. Дыренкова, по-видимому, получила неточную информацию по этому вопросу. Она пишет: «нельзя вступить в брак одновременно с женщиной и ее племянницей» (Указ. раб., стр. 13).

²⁵ Н. И. Гродеков, Указ. раб., стр. 29.

²⁶ Г. Загряжский, Юридический обычай киргиз..., стр. 155.

²⁷ Н. И. Гродеков, Указ. раб., стр. 30.

²⁸ Г. Загряжский, Юридический обычай киргиз, стр. 155.

большинство данных, приведенных в работе Н. И. Гродекова об ограничениях для некоторых категорий родственников и свойственников, вступающих в брак, находят подтверждение в наших полевых материалах, относящихся к киргизам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нормы брака у киргизов охватывали все важнейшие разновидности брачных отношений. При этом необходимо также отметить абсолютное преобладание браков между лицами, не состоявшими в родстве. Постепенное уменьшение числа поколений, отделяющих вступающих в брак от их общего предка, появление (прежде всего у южных киргизов) брачных норм, обусловленных влиянием шариата, и «мозаичность» брачных норм у киргизов следует объяснять социально-экономическими и историческими условиями, в которых развивалось киргизское общество.

Все сказанное характеризует в основном нормы брака, господствовавшие у киргизов в дореволюционном прошлом. В наше время наряду с ограничениями супружеского союза по степени родства, нашедшими отражение в советском семейном праве (запрещение браков между родственниками по прямой восходящей или нисходящей линии, а также между полнородными и неполнородными братьями и сестрами)²⁹, у киргизов еще продолжают сохраняться некоторые черты традиционных брачных норм (это относится, например, к бракам с родственниками по материнской линии). Однако, как об этом можно судить и по приведенным выше данным, они имеют тенденцию к изменению преимущественно в следующих направлениях: дальнейшее расширение при вступлении в брак круга лиц, происходящих от одного общего предка по мужской линии (путем сокращения требовавшегося в прошлом числа поколений от этого предка) и еще большее увеличение числа браков, заключенных вне пределов своего генеалогического «рода», т. е. между не-родственниками. О последней тенденции частично свидетельствуют наблюдения А. Джумагулова, относящиеся к современным бракам среди киргизского сельского населения. Он пишет: «В настоящее время браки заключаются и в пределах своего села. Однако многие молодые люди все же предпочитают брать жен из других селений, районов, областей. Такие браки преобладают»³⁰.

Разумеется, в данном случае речь не идет о каком-то «возрождении» древних экзогамных норм. Если учесть и постепенный рост числа межнациональных браков у киргизов, можно говорить об укреплении и стабилизации среди киргизов общесоветских норм брачных отношений.

FORMER MARRIAGE NORMS AMONG THE KIRGHIZ

The author examines the customs that formerly regulated marriage among the Kirghiz. Archive materials are drawn upon for a description of marriage restrictions; the results of a field study carried out by the author in 1947—1948 are also analysed in detail (covering about one thousand married couples).

Although marriage restrictions in the past envisaged exogamy for blood relations down to the seventh generation, over 20 p. c. of marriages were in fact marriages among kindred. Various types of such marriages are described in detail. A high place among them is held by marriages between relations in the maternal line.

Rules of exogamy were more strictly observed among northern Kirghiz groups, while among the southern groups they had become considerably eroded owing to the stronger influence there of the Shariat norms.

A brief review is given of the changes in marriage norms that have been taking place in recent decades with the increasing mobility of the Kirghiz population, the higher frequency of ethnically mixed marriages and the gradual dying-off of archaic customs.

²⁹ См. Г. М. Свердлов, Советское семейное право, М., 1951, стр. 73.

³⁰ А. Джумагулов, Указ. раб., стр. 69.

В. И. Гуляев

О ХАРАКТЕРЕ ТОРГОВЛИ У ДРЕВНИХ МАЙЯ

При определении уровня социально-экономического развития того или иного общества огромную роль играют данные о характере обмена и торговли в нем. В этом плане не представляют исключения и цивилизации доколумбовой Мезоамерики и, в частности, культура древних майя.

Для изучения обмена и торговли у древних майя можно использовать как археологические находки, так и сведения европейских и индейских авторов. Однако первые — различные неорганические предметы, выдержавшие разрушительное воздействие времени в условиях влажного тропического климата, — довольно однозначны; вторые же весьма фрагментарны и освещают лишь события кануна конкисты (X—XVI вв. н. э.).

В настоящее время большинство ученых-американистов вслед за Эриком Томпсоном¹ выделяет в пределах той обширной и разнообразной по природным условиям территории, которую заселяли в I—XVI веках племена майя, три крупные культурно-географические области, или зоны: Северную, Центральную и Южную².

Северная область включает в себя весь полуостров Юкатан — плоскую каменистую равнину, с кустарниковой растительностью. Бедные почвы, особенно вдоль побережья, мало благоприятны для майсового земледелия. Здесь нет рек, озер и ручьев; единственным источником воды (если не считать дождей) служат естественные карстовые колодцы-сеноты. Юкатан лишен многих минеральных ресурсов, столь необходимых для жизни и хозяйственной деятельности индейцев доколумбовой эпохи, а также ряда ценных пород древесины, какао, каучука и др. Вместе с тем прибрежные районы полуострова славились соляными разработками, обилием рыбы и других морских продуктов. В ряде мест имелись значительные залежи кремня. На Юкатане издавна выращивали большие урожаи хлопка, шедшего на изготовление хлопчатобумажных тканей, из которых шили одежду, пользующуюся спросом по всей Мезоамерике.

Центральная область занимала территорию современной северной Гватемалы (деп. Петен), южномексиканские штаты Табаско и Кампече, Британский Гондурас и небольшой район на западе Гондураса. Это зона влажных тропических лесов, высоких каменистых холмов, известняковых равнин и довольно значительных горных массивов, особенно на востоке (Горы Майя). Здесь много крупных рек (Усумасинта, Грихальва, Белиз, Чамелекон) и озер (Исабаль, Петен-Ица и др.). Плодороднейшие почвы, пышное величие растительного и животного

¹ J. E. S. Thompson, *The rise and fall of the Maya civilization*, Norman, 1954, p. 20.

² M. D. Coe, *The Maya*, London, 1966, p. 26, 27.

мира разительно отличают Центральную область от Юкатана. Правда, и в этих благодатных местах отсутствовали многие важные для жизни природные ресурсы — соль, обсидиан, особо твердые породы камня и т. д.

И наконец, в южную область входили горные районы и тихоокеанское побережье Гватемалы, мексиканский штат Чиapas (горная часть), отдельные районы Сальвадора. Эта зона отличается необычайной пестротой и разнообразием природно-климатических условий, а также значительной культурной спецификой.

Племена майя, жившие в горах, в изобилии имели различные виды минерального сырья, что способствовало налаживанию регулярного обмена с населением равнинных районов.

Обмен и торговля майя в I тысячелетии н. э.

Судя по археологическим данным, можно утверждать, что в этот период были особенно интенсивными связи между двумя большими культурно-географическими зонами майя: Южной (горной) и Центральной (равнинной, лесной). С гор Гватемалы доставляли в низменные области нефрит, вулканическую лаву, пемзу, обсидиан³, твердые породы камня — гранит, диорит, базальт, а также каменную соль, перья птицы кецаль и многое другое. В обмен население лесистых равнин Петена, Юкатана и бассейна р. Усумасинты поставляло горцам хлопок и хлопчатобумажные ткани, маис, какао, декоративную полихромную керамику, культовые изделия, предметы роскоши и украшения⁴. При раскопках в городе Пьедрас Неграс (северо-западная Гватемала) обнаружено значительное число изделий из обсидиана и темного кремня неместных видов. Скорее всего, это импорт из горных районов⁵. Причем в город привозили, по-видимому, только сырье, а различные предметы из него изготовлялись уже на месте. В пользу этого свидетельствует, прежде всего, необычайное обилие и разнообразие фигурных культовых вещей с ретушью из кремня и обсидиана, отщепы, нуклеусы и другие признаки производственной деятельности⁶.

В богатых гробницах Пьедрас Неграс и ритуальных тайниках храмов найдены многочисленные морские раковины с Атлантического и Тихоокеанского побережий, иглы морского ежа, жемчуг, изделия из привозного нефрита и т. д.⁷

Аналогичная картина наблюдается и в соседнем городе Алтар де Сакрифисьюс в бассейне р. Усумасинты⁸.

В течение классического периода (I тысячелетие н. э.) важным культурным центром на юге Центральной области майя был г. Копан, расположенный на р. Копан (северо-западный Гондурас). Анализ местной керамики позволил выделить среди нее формы, привезенные из соседних областей. Это прежде всего красивые полихромные чаши (the basal-flanged bowls). Известно, что посуда подобного типа была характерна для центров Петена и Британского Гондураса. Более тщательное исследование показало, что 1/3 всех черепков полихромных чаш содержит

³ J. E. S. Thompson, Trade relations between the Maya Highlands and Lowlands, Mexico, 1964, p. 30.

⁴ W. L. Rathje, The Origin and development of Lowland Classic Maya civilization, «American Antiquity», vol. 36, No 3, 1971, p. 278, таблицы.

⁵ Ф. Блом упоминает о залежах обсидиана к северу от Кобана. Если это так, то местный вулканический камень вполне мог доставляться по р. Чишой в города бассейна р. Усумасинты. — См. J. E. S. Thompson, Trade relations..., p. 30.

⁶ W. R. Coe, Piedras Negras archaeology: artifacts, caches and burials, Philadelphia, 1959, p. 16, 17.

⁷ Там же, стр. 55.

⁸ A. L. Smith, Excavations at Altar de Sacrificios: architecture, settlement, burials and caches, Cambridge, Mass., 1972, p. 257, 266.

примеси кальцита и доломита в глиняном тесте. Эти примеси нетипичны для местных изделий, но характерны для Вашактуна (Петен) и Сан Хосе (Брит. Гондурас)⁹. Выделяется здесь и другая разновидность привозной керамики — «Тонкая оранжевая» (Thin Orange) теотихуаканского происхождения. Дж. Лонгэйр считает, что она попала в Копан не прямо из Центральной Мексики, а через крупный торговый центр горных майя — Каминальгуйю¹⁰. По предположению многих ученых, центр производства этого вида керамики находился на территории современного мексиканского штата Пуэбла.

В богатых гробницах Копана обнаружены также культовые предметы из привозного обсидиана, раковины спондилус с Тихоокеанского побережья и т. д.¹¹

В ритуальном тайнике под стелой «Н» с изображением фигуры правителя (VIII в. н. э.) найдены нефритовые бусы, морские раковины и два обломка полый золотой статуэтки. Точно такие же статуэтки были широко распространены в доколумбову эпоху в Панаме (область Кокле). О панамском происхождении предмета говорит и состав металла (золото с примесью меди)¹².

В I тысячелетии н. э. особенно заметное место в истории майяских городов занимает Тикаль — крупнейший культурный, религиозный, экономический и политико-административный центр не только центральной области, но и всей территории майя. Среди находок из Тикаля удалось выделить большое число привозных изделий как с соседних, так и с весьма удаленных территорий. Так, в богатой гробнице 48 были обнаружены глиняные сосуды с полихромной росписью, близкой стилям орнаментации из горной Гватемалы, а также теотихуаканские сосуды-триподы на плоских ножках с резными узорами, украшения из нефрита, нож из зеленого обсидиана центрально-мексиканского происхождения, морские раковины, иглы морского ежа. Судя по надписи на стене, гробница относится к 457 г. н. э.¹³

Теотихуаканские керамические сосуды и изделия из зеленого обсидиана (импорт из Пачуки) найдены и в гробнице 10¹⁴; теотихуаканское божество воды и дождя Тлалок изображен на стеле 32¹⁵; а в самом центре города в раннеклассическое время (до 600 г. н. э.) были возведены три храмовые платформы чисто теотихуаканского стиля архитектуры («*tablero y talud*»), для которого характерно сочетание вертикальных и наклонных плоскостей¹⁶.

Уже на самых ранних этапах существования Тикаля (с этапа «Эб», 600—500 гг. до н. э.) сюда широко импортируется (в виде сырья и готовых изделий) обсидиан из горной Гватемалы и кварцит из Британского Гондураса¹⁷. Обсидиан в виде отщепов, осколков, ядрищ и готовых вещей представлен в городе тысячами экземпляров. Такая же картина характерна и для других майяских городов классического времени, что лишний раз доказывает наличие широкого обмена этим видом сырья между населением равнинных и горных областей майя.

⁹ J. M. Longyear, Copan ceramics, Washington, 1952, p. 32.

¹⁰ Там же.

¹¹ G. Strömsvik, Copan, Washington, 1938, p. 149.

¹² G. Strömsvik, Substela caches and stela foundations at Copan and Quirigua, Washington, 1941, p. 71.

¹³ E. M. Shook and A. V. Kidder II. The painted tomb at Tikal, Philadelphia, 1961, p. 2, 5—7.

¹⁴ W. R. Coe, Tikal. A handbook of the ancient Maya ruins, Philadelphia, 1967, p. 45, 101.

¹⁵ H. Moholy-Nagy, A Tlaloc stela from Tikal, Philadelphia, 1962, p. 27.

¹⁶ A. V. Kidder II. The conservation program at Tikal, Philadelphia, 1968, p. 8.

¹⁷ W. R. Coe, Tikal, Guatemala and emergent Maya civilization, Washington, 1965, p. 1406.

Тикаль находится вдали от морских берегов: в 175 км по прямой от Гондурасского залива, в 260 км от залива Кампече и в 380 км от Тихого океана. Тем не менее в ритуальных храмовых тайниках и в пышных гробницах города обнаружено большое количество раковин и других продуктов моря: кораллов, губок, жемчуга, игл морского ежа, водорослей и т. д. Этот импорт шел как с Тихоокеанского (он преобладал в раннеклассическое время, I—VI вв. н. э.), так и с Атлантического (преимущественно в VI—IX вв. н. э.) побережий¹⁸.

В ходе раскопок в городе было открыто около 2000 целых зернотерок (metates) и их фрагментов, но только 15% из них сделано из местного известняка, а 85% — из привозного камня (кварцита, гранита и т. д.). Ближайший же источник, где могли добывать камень, Горы Майя (Британский Гондурас), находился в 90 км от Тикаля¹⁹.

Соль — одно из необходимейших для жизни человека веществ, особенно в районах с преобладанием растительной пищи. Известно, что в Петене своей соли нет. В XVI в. соль для жителей северо-западной части этой области доставляли с северного побережья Юкатана. Однако хорошо налаженная соляная торговля существовала здесь, по-видимому, и раньше, по крайней мере с I тысячелетия н. э. Показательно, что именно в данный период в большом приморском городе Цибильчальтуне (Юкатан), стоявшем на соляных разработках, наблюдается интенсивный приток импортной полихромной керамики (парадная и культовая посуда) из Петена²⁰.

В города бассейна р. Усумасинты соль привозили, вероятно, как с севера — с юкатанского побережья, так и с юга — из горной Гватемалы (залежи в верховьях р. Чишой)²¹.

Основные торговые пути в классическом периоде (I тысячелетие н. э.)

Прежде всего следует назвать важнейший торговый путь, который вел с Атлантического побережья по рекам Сабун, Белиз, Нью и Ондо к группе основных городов «Древнего царства» майя: Тикалю, Накуму, Иашхе, Вашактуну, Хольмулю и др. в Северной Гватемале (Петен). Известно, что правитель майя-ицев Канек (обосновавшийся в районе оз. Петен-Ица) отправил Кортеса в город Нито не по суше, а по р. Белиз до Гондурасского залива, и далее, вдоль морского побережья, на юг. Тикаль расположен чуть севернее оз. Петен-Ица, поэтому вполне возможно, что торговый путь (сухопутно-речной), по которому шел Кортес, существовал и в I тысячелетии н. э. Об этом свидетельствует прежде всего наличие в Тикале остатков большого количества морских продуктов с Атлантического побережья (раковины, губки, иглы морского ежа и т. д.). Некоторые исследователи называют сейчас даже тот центр, который осуществлял снабжение грандиозной столицы майя «дарами Атлантики», — это Альтун Ха в Британском Гондурасе²². Кроме того, выше уже отмечалось, что многие зернотерки Тикаля и Вашактуна сделаны из камня, добытого в «Горах Майя» (Британский Гондурас). Таким образом, либо сами зернотерки, либо сырье для их изготовления сначала перевозили вверх по р. Белиз, а потом по суше до места назначения²³. Этим же путем попадали в Тикаль с востока и другие вещи, в

¹⁸ H. Moholy-Nagy, Shells and other marine materials from Tikal, Mexico, 1963, p. 65, 66, 81.

¹⁹ W. L. Rathje, Указ. раб., стр. 276.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² D. M. Pendergast, Altun Ha, Honduras Britanica (Belice): temporadas 1966—1968, Mexico, 1972, p. 43.

²³ J. E. S. Thompson, Trade relations..., p. 15.

том числе изделия из вулканической лавы, обсидиан и нефрит из горных районов Гватемалы. Сначала их сплавляли по рекам Мотагуа и Полочик (через озера Исабаль и Рио Дульсе) до Гондурасского залива. Далее они шли морем на север, до устьев рек Белиз и др., а уже оттуда в названные города Петена.

Не менее значительную роль играл и водно-сухопутный путь между Юкатаном и Петеном. По этому пути осуществлялось снабжение городов Центральной области майя юкатанской солью. От северного побережья полуострова этот путь шел либо до залива Четумаль (откуда соль доставляли вверх по рекам Ондо и Нью в нужные пункты), либо еще южнее — до устьев рек Белиз и Сабун. Водные пути сочетались в глубине материка, особенно в верховьях речных систем, с сухопутными дорогами. Вероятно, именно таким путем попала в Вашактун типично юкатанская «сланцевая» керамика²⁴.

Э. Томпсон, ссылаясь на найденную в Киригуа фигурную зернотерку, характерную для культуры южного побережья Мексиканского залива (Халапа, в Веракрусе), высказывает предположение о наличии морского торгового пути вокруг Юкатана уже в I тысячелетии н. э., т. е. задолго до конкисты²⁵. Однако мне представляется, что для постулирования столь длинного и сложного торгового пути у нас нет пока достаточных оснований. Появление отдельных предметов из Веракруса в глубинных районах майя можно истолковать и по-иному. Хорошо известно, что знаменитые «ярма» и «топоры», изящные изделия из оранжевой керамики и т. д., встречающиеся в конце I тысячелетия н. э., попали в Петен не в результате торгового обмена, а вследствие военной экспансии западных соседей майя²⁶. Очевидно, что и гибель большинства городов в Центральной области произошла из-за вторжения сюда в конце I тысячелетия н. э. племен языковой группы нахуа, в том числе из Веракруса и Табаско.

В этой связи уместно вернуться к сложной проблеме теотихуаканомайяских связей. Выше уже отмечалось, что из центральных районов Мексики на территорию «Древнего царства» майя проникали керамика, зеленый обсидиан и т. д. Больше того, в Тикале, Иашхе и Копане представлены и образцы теотихуаканской монументальной скульптуры (изображение бога Тлалока на стелах) и архитектуры. Как же объяснить все это?

На мой взгляд, ключ к решению этой сложной проблемы дает Каминальгуйю — важнейший культурный центр горных майя I тыс. н. э., находившийся на окраине столицы современной Гватемалы. В результате раскопок города удалось выявить в местной культуре очень сильный теотихуаканский элемент. Речь идет не об отдельных чертах или отдельных предметах, а о целом комплексе черт и тысячах инородных находок. В III—VI вв. н. э. в Каминальгуйю возводятся монументальные храмовые постройки из адобов в чисто теотихуаканском стиле и получают широкое распространение центральномексиканские парадная и бытовая керамика, мотивы искусства и религиозные верования²⁷. Степень влияния Теотихуакана на этот майяский город была столь велика, что вряд ли можно говорить просто о торговых или культурных контактах. Видимо, здесь имело место чужеземное вторжение и установление господства теотихуаканцев над местным майяским населением. Известно, что ацтекские торговцы — «почтека» часто служили передовым от-

²⁴ J. S. C. Thompson, Trade relations..., p. 16.

²⁵ Там же, стр. 17.

²⁶ I. A. Sabloff and G. R. Willey, The collapse of Maya civilization in the Southern Lowlands: a consideration of history and process, Albuquerque, 1967, p. 319—327.

²⁷ A. V. Kidder, J. Jennings and E. M. Shook, Excavations at Kaminaljuyú, Guatemala, Washington, 1946, p. 218—239.

рядом правителей Теночтитлана в ходе их военной экспансии против соседних народов. Не исключено, что и в данном случае мирные торговые контакты Теотихуакана с южными областями (перешеек Теуантепек и Тихоокеанское побережье Гватемалы) сменились агрессивной политикой воинственных нахуа, стремившихся захватить стратегически важные, ключевые пункты вдоль торгового пути из долины Мехико в Гватемалу, откуда можно было вести и дальнейшую военную экспансию, и выгодные торговые операции с другими районами майя. Скорее всего, именно из Каминальгуйю теотихуаканский импорт и культурное влияние проникали в города равнинных областей майя. Таким образом, до VI—VII вв. н.э. теотихуаканская торговля с Петеном шла не морским (вокруг Юкатана), а водно-сухопутным путем — из Каминальгуйю по рекам Усумасинта и Мотагуа. В этом случае будут вполне объяснимы находки вещей из зеленого обсидиана как на Атлантическом побережье (Альтун Ха), так и на Тихоокеанском (Сакулеу). Что же касается ряда теотихуаканских черт в монументальной скульптуре и архитектуре Тикаля, то их появление может быть объяснено наличием в этом городе квартала теотихуаканских торговцев, живших по своему укладу и молившихся своим богам. О том, что случаи подобного рода не были чем-то из ряда вон выходящим, говорят примеры из постклассического периода: квартал акаланских торговцев в Нито, квартал ацтекских «почтека» в Шикаланго и т. д.

К сожалению, по археологическим данным почти невозможно судить ни о формах организации майяской торговли в классический период, ни о статусе торговца в обществе того времени. Однако, пользуясь сведениями письменных источников кануна конкисты, можно сделать некоторые гипотетические реконструкции. Э. Томпсон считает, что знаменитая полихромная ваза из Ратинлишуля изображает торговцев классического периода, находящихся в пути. Главный персонаж — богатый торговец — сидит на носилках и держит в руках веер (символ профессиональных торговцев у ацтеков и майя). Позади него стоит носильщик с тяжелым тюком за плечами. Далее персонажи с ритуальными посохами, или жезлами, которые также считаются одним из атрибутов торговцев у майя и ацтеков. Здесь же собака с темными пятнами на спине. Это очень важно, поскольку, согласно Диего де Ланде, в месяц Муан владельцы плантаций какао приносят в жертву богам Эк Чуаху, Чаку и Хобнилю собаку с пятнами цвета какао. Именно такие пятна имеет и собака, изображенная на ратинлишульской вазе²⁸. Если приведенные выше соображения верны, то можно считать, что атрибуты и символы профессиональных торговцев полностью сформировались и утвердились еще в классическое время. Это же изображение позволяет говорить и о довольно высоком социальном положении богатого торговца: в его костюме входит пышный головной убор с перьями птицы кецаль — привилегия высшей знати майя; его подобно вельможе несут на носилках.

Бог — покровитель торговли изображен, по мнению Э. Томпсона, и на вазе из Чама позднеклассического времени в виде длинноносого персонажа с лицом черного цвета. Он облачен в шкуру ягуара и держит в руках посох и веер²⁹.

Можно добавить к этому перечню и позднеклассическую терракотовую статуэтку божества, увешанного бобами какао, из Горной Гватемалы³⁰. Она изображает, по-видимому, бога-покровителя какао, а тем самым и торговли в целом. Следовательно, можно предположить, что класс профессиональных торговцев, с особыми атрибутами и символа-

²⁸ J. E. S. Thompson, *Trade relations...*, p. 23, 24.

²⁹ J. E. S. Thompson, *Merchant gods of Middle America*, In: «*Summa Anthropologica en homenaje a R. J. Weitlaner*», Mexico, 1966, p. 168.

³⁰ A. V. Kidder II and C. Chinchilla, *Maya art and civilization*, N. Y., 1959, p. 105, fig. 76

ми, богами-покровителями и празднествами, появился у майя еще в I тысячелетии н. э. и по своему характеру мало чем отличался от постклассических торговцев, описанных в хрониках.

Ряд общих соображений о характере майяской торговли в классический период приводят в своей работе американские археологи Дж. Туртейо и И. Саблов. Они пишут: «В условиях сравнительно однообразной природной среды равнинных районов майя изделия и товары хозяйственного характера обменивались обычно *внутри* (курсив мой.— В. Г.) общин, тогда как предметы роскоши обменивались *между* общинами»³¹. По их мнению, можно предположить, что во главе этого обмена стояла верхушка общин (букв. «элита»)³².

Если с последним выводом вполне можно согласиться, то относительно другого высказывания (о том, что изделия хозяйственного назначения и продукты питания обменивались главным образом внутри общин) следует высказать серьезные сомнения. Судя по высказываниям классиков марксизма-ленинизма относительно обмена в древних обществах Старого Света и примерам из истории ранних цивилизаций Древнего Востока, обмен внутри общин развивается очень медленно и позднее, чем обмен между общинами. Весь археологический материал из Мезоамерики также свидетельствует в пользу этого: такие хозяйственные предметы, как соль, обсидиан и гранит (кварцит) для зернотерок, привозились в общины извне, причем на значительные расстояния.

Майяский торговец-профессионал мог жить лишь за счет того, что получал извне, за пределами своей общины, т. е. он занимался почти исключительно внешней торговлей. Внутри общины каждый ремесленник и каждый обитатель также продавал или обменивал свою продукцию на рынке. Однако эти многочисленные продавцы, включая женщин, не были профессиональными торговцами и не имели своей специальной организации.

Эти предварительные выводы, сделанные на основе анализа только археологических данных, могут быть подкреплены и дополнены сведениями письменных источников кануна конкисты.

Торговля и обмен в городах-государствах юкатанских майя в X—XVI вв.

Свидетельства испанских и индейских хронистов позволяют судить о том, что вывозили и что привозили жители Юкатана в X—XVI вв. н. э.

«Занятие, к которому они наиболее склонны, — пишет Диего де Ланда, — была торговля. Они вывозили соль, ткани и рабов (разрядка моя.— В. Г.) в землю Улуа и Табаско, обменивая все это на какао и камешки (нефрит.— В. Г.), которые служили у них монетами»³³.

Эрнандо Кортес, проходя во время Гондурасского похода через провинцию Акалан³⁴, отметил, что «товары, которые наиболее в тех местах в ходу, это какао, одежда из хлопка, краски для раскрашивания тела..., факелы для освещения, сосновая смола для воскуривания дыма перед их идолами, рабы и низки цветных раковин, которые они очень ценят в качестве украшений...»³⁵.

³¹ G. Tourtellot and J. Sabloff, Exchange systems among the ancient Maya, «American Antiquity», vol. 37, No. 1, 1972, p. 126.

³² G. Tourtellot and J. Sabloff, Указ. раб., стр. 132.

³³ Диего де Ланда, Сообщение о делах в Юкатане, М.— Л., 1955, стр. 144.

³⁴ В конце I — начале II тысячелетия н. э. города-государства Центральной области пришли в запустение и упадок и не возродились вновь. Поэтому ниже речь пойдет только о Северной области майя.

³⁵ Точное местонахождение Акалана и его столицы Ицамканака до сих пор вызывает споры среди ученых. Многие помещают ее в бассейне р. Канделария.

³⁵ H. Cortes, Cartas de Relacion, Mexico, 1963, p. 199.

Некоторое представление о местной продукции и товарах Акалана дает и состав той дани, которую жители провинции выплатили испанским конкистадорам: лодки, мед, копал (душистая смола), птицы, хлопчатобумажные ткани, бобы, маис, тыквы, перец и фрукты³⁶. Остановимся несколько подробнее на основных предметах экспорта юкатанских майя.

В доколумбовой Мезоамерике одним из наиболее важных предметов обмена всегда была соль, столь необходимая для жизни человека. Она добывалась главным образом на западном и северном побережье Юкатана и в меньшей степени в Табаско, горном Чиапасе (Истапа) и горной Гватемале (Салинас на р. Чишой)³⁷.

«Почти по всему этому побережью, от Камшече до реки Ящеров и далее,— писал испанский монах Алонсо Понсе,— имеются превосходные соляные источники, которые без какой-либо затраты труда дают много соли, крупной и очень белой. Ее очень ценят и ею снабжается вся провинция, а также приходят за нею корабли из Новой Испании, Гаваны, Гондураса и Пануко...»³⁸.

Известный американский историк Ральф Ройс справедливо утверждает, что «торговое процветание Северного Юкатана было основано главным образом на экспорте хлопчатобумажных тканей и соли»³⁹. Колумб, встретивший во время своего четвертого плавания у берегов Гондураса ладью юкатанских торговцев, называет среди других товаров, перевозимых майя, и хлопчатобумажные плащи⁴⁰.

Совершенно особую роль играли в жизни цивилизованных народов доколумбовой Мезоамерики бобы какао. Они были не только ценным продуктом питания, лекарством и приятным напитком, но служили здесь и всеобщим эквивалентом (товаром товаров)⁴¹.

Бобами какао в качестве денег широко пользовались не только майя, но и ацтеки, жители Никарагуа и Панамы⁴². «Это какао,— пишет монах А. Понсе,— служило мелкой монетой по всей Новой Испании, как в Кастилии служит медная монета. В обмен на бобы какао они покупают все вещи, как если бы они покупали их за деньги»⁴³. У испанского хрониста Овьедо читаем: «Они (индейцы.— В. Г.) хранят их (бобы какао.— В. Г.) и относятся к ним с таким же вниманием и уважением, как христиане относятся к золоту или деньгам; потому что эти бобы считаются здесь деньгами и индейцы могут купить на них любые товары. Таким образом, в упомянутой провинции Никарагуа один кролик стоит 10 этих бобов... один раб стоит 100 бобов, больше или меньше, в соответствии с его состоянием и соглашением между продавцом и покупателем...»⁴⁴.

Поскольку в первые годы конкисты испанские монеты были в Новом Свете довольно редки, Кортес и Монтехо вынуждены были платить жалование войскам «индейскими деньгами» — бобами какао⁴⁵.

Испанский хронист А. Эррера приводит точные денежные эквиваленты для бобов какао в валюте XVI в.: один испанский золотой реал приравнивался к 200 бобам какао⁴⁶.

³⁶ F. Scholes and R. Roys, *The Maya Chontal Indians of Acalan — Tixchel*, Washington, 1948, p. 59.

³⁷ F. Blom, *Commerce, trade and monetary units of the Maya*, New Orleans, 1932, p. 535, 536.

³⁸ A. Ponce, *Viaje a Nueva Espana (Antologia)*, Mexico, 1947, p. 64.

³⁹ R. Roys, *The Indian background of Colonial Yucatan*, Washington, 1943, p. 53.

⁴⁰ J. E. S. Thompson, *Trade relations...*, p. 14.

⁴¹ J. E. S. Thompson, *Notes on the use of cacao in Middle America*, Washington, 1956, p. 109.

⁴² F. Blom, *Указ. раб.*, стр. 536.

⁴³ A. Ponce, *Указ. раб.*, стр. 24.

⁴⁴ G. Oviedo, *Historia general y natural de las Indias*, t. I, Madrid, 1851, p. 316, 317.

⁴⁵ F. Blom, *Указ. раб.*, стр. 538.

⁴⁶ A. Herrera y Tordesillas, *Historia general de los hechos de los castellanos en las islas y Tierra Firme del Mar Oceano*, t. 9, Madrid, 1934—1936, p. 17, 26, 30.

Какие же слои майяского общества потребляли в первую очередь какао и в чьих руках находились плантации этого ценного растения?

«Из этих бобов какао,— пишет Овьедо,— правители и богачи делали некий напиток... который они очень ценили и только они могли себе позволить пользоваться им, потому что простые люди не в состоянии приобрести его. Для них это было бы ни чем иным, как саморазорением — «питьем денег»... Однако правители Калачуни и знатные лица пользовались им, так как могли себе это позволить. Им уплачивалась дань в этой форме денег, или бобов, а кроме того, они выращивали деревья какао сами и наследовали их»⁴⁷.

Во время восстания против династии Кокомов, укрепившихся в Майяпане, предводители восставших прежде всего захватили плантации какао свергнутого правителя⁴⁸.

Весьма показательно, что, хотя в целом земля у майя была собственностью общин, фруктовые сады и плантации какаовых деревьев всегда считались частными владениями⁴⁹ и находились, как правило, в руках правителя, знати и зажиточной общинной верхушки.

Торговые центры и важнейшие торговые пути X—XVI вв.

В испанских и индейских источниках упоминаются некоторые торговые центры, существовавшие на территории майя в канун конкисты.

На побережье Мексиканского залива (в северной части Лагуны де Терминос) находился город Шикаланго — крупный торговый центр, куда приходили и ацтекские торговцы — «почтека», и юкатанские купцы, и жители южных областей⁵⁰.

Другой торговый город — Симатан — стоял на р. Грихальва и был конечным пунктом сухопутного маршрута из долины Мехико и перевалочной базой для товаров, шедших вниз по реке из Чиapasа⁵¹.

В устье той же реки находился важный торговый центр майя-чонталь — Потончан, контролировавший не только торговлю в низовьях р. Грихальва, но и по морскому пути вдоль побережья Юкатана. Это был большой и многолюдный город, обнесенный со всех сторон крепким деревянным частоколом⁵².

В горах Чиapasа был еще один крупный торговый пункт — Синакантан, служивший центром торговли местным янтарем. Но он находился в какой-то зависимости от Теночтитлана, так как в городе постоянно стоял значительный ацтекский гарнизон⁵³.

Выше уже шла речь о богатой провинции майя Акалан и ее столице Ицамканаке (в верховьях р. Канделарии). Выгодное географическое положение позволяло местным жителям вести оживленную посредническую торговлю с самыми отдаленными областями Гондураса и Гватемалы. Акаланские торговцы имели в крупном торговом центре Нито (атлантическое побережье Гватемалы) свой отдельный квартал, во главе которого стоял брат правителя Ицамканака⁵⁴. Могущество и богатство Акалана основывалось на интенсивной внешней торговле, и после нарушения испанцами системы индейских торговых связей Акалан быстро

⁴⁷ G. Oviedo, Указ. раб., стр. 317.

⁴⁸ Д. де Ланда, Указ. раб., стр. 118.

⁴⁹ A. Villa Rojas, Notas sobre la tenencia de la tierra entre los Mayas de la antigüedad, Mexico, 1961, p. 21.

⁵⁰ F. Scholes and R. Roys, Указ. раб., стр. 35, 36.

⁵¹ F. Scholes and R. Roys, Указ. раб., стр. 32.

⁵² Там же, стр. 37.

⁵³ A. C. Chapman, Port of trade enclaves in Aztec and Maya civilization, In: «Trade and market in the early empires» (Ed. by K. Polanyi and others), Glencoe, 1957. p. 137.

⁵⁴ H. Cortes, Указ. раб., стр. 199.

пришел в запустение⁵⁵. На южных границах территории майя находилось еще два важных торговых центра: Нито (в устье Рио Дульсе в Гватемале) и Нако (на р. Улуа в Гондурасе). Именно сюда регулярно приходили за какао и другими товарами юкатанские купцы и вездесущие торговцы майя-чонталь из Акалана⁵⁶.

Крупные торговые центры, как отмечают испанские авторы, были и на северо-восточном побережье Юкатана: Качи в провинции Экаб и Чвака в провинции Чикинчель. В первом, по словам Овьедо, имелось множество рынков, слившихся со временем в один огромный, где обменивались самые разнообразные товары и имелся даже специальный суд для разрешения торговых споров. Второй, если верить тому же автору, был населен только «сеньорами, горожанами из высших классов и торговцами». Причем часть местного рынка помещалась внутри каменных зданий⁵⁷.

Важным перевалочным центром, где скрещивались многие сухопутные и водные торговые пути, считался и Четумаль (юго-восточное побережье Юкатана). Эта область славилась плантациями какао и обилием меда⁵⁸.

До XIII в. н. э., во времена господства тольтекских правителей Чичен-Ицы над северным Юкатаном, главным морским портом для торговли с Гондурасом служил какой-то не установленный пока город, стоявший на берегу залива Асенсьон⁵⁹.

Исходя из скудных данных письменных источников, американский исследователь Э. Томпсон выдвинул гипотезу о существовании в доиспанский период длинного морского пути вокруг полуострова Юкатан: от Шикаланго в Табаско на западе до южной части Гондурасского залива на востоке⁶⁰.

Известно, что в составе груза торговой ладьи майя, встреченной Колумбом в 1502 г. близ берегов Гондураса, находились, помимо юкатанских товаров, изделия ацтекских мастеров (медные топоры, колокольцы, деревянные мечи с лезвиями из острых пластин обсидиана и т. д.). Поэтому Э. Томпсон считает, что данная ладья принадлежала майя-чонталь и совершала обычный рейс из Шикаланго в южные районы атлантического побережья Гондураса⁶¹.

Испанский хронист А. Эррера подтверждает, что жители Юкатана вели оживленную торговлю с Гондурасом, они привозили туда плащи, перья и другие товары, а возвращались домой с тюками бобов какао⁶². Торговля была настолько интенсивной, что юкатанские купцы устроили в Гондурасе специальные фактории, чтобы лучше отстаивать свои интересы⁶³.

Нередко наиболее почитаемые религиозные центры были одновременно и крупными торговыми пунктами. Так, к святыням острова Косумель (у северо-восточного побережья Юкатана) ежегодно собиралось множество пилигримов из Табаско, Шикаланго, Чампотона и Кампече⁶⁴. Если принять гипотезу Р. Ройса и Ф. Шоульса о том, что эти богомольцы были одновременно и торговцами, то данный тезис подтверждает гипотезу о существовании морского пути вокруг Юкатана⁶⁵.

⁵⁵ A. C. Chapman, Указ. раб., стр. 144.

⁵⁶ A. Cardos de Mendez, El Comercio de los Mayas Antiguos, Mexico, 1959, p. 59.

⁵⁷ R. Roys, Указ. раб., стр. 51.

⁵⁸ A. C. Chapman, Указ. раб., стр. 130.

⁵⁹ R. Roys, Указ. раб., стр. 54.

⁶⁰ J. E. S. Thompson, Trade relations..., p. 14.

⁶¹ Там же, стр. 114.

⁶² A. Herrera y Tordesillas, Указ. раб., т. 8, гл. 3, стр. 4.

⁶³ F. Scholes and R. Roys, Указ. раб., стр. 84.

⁶⁴ «Relaciones de Yucatan», t. II, Madrid, 1898, p. 54.

⁶⁵ J. E. S. Thompson, Trade relations..., стр. 17.

О наличии такого пути свидетельствуют и археологические данные. При раскопках доиспанских построек в Атасте, на побережье Кампече, археологи нашли две гробницы, относящиеся к середине XV — началу XVI в. В них помимо местных изделий имелось множество ножевидных пластин из зеленого обсидиана и керамика с оранжевой поверхностью центрально-мексиканского типа⁶⁶. Зеленый обсидиан в доколумбовой Мезоамерике добывался лишь в одном месте — в Пачуке, штат Идальго, на северо-востоке Мексики. По мнению многих ученых, он экспортировался ацтекскими (а до них теотихуаканскими) купцами — «почтека» в портовые города майя-чонталь — Шикаланго и Потончан в виде сырья⁶⁷. Здесь местные мастера делали из них различные инструменты и оружие, а купцы доставляли свои и ацтекские товары морем вокруг Юкатана в южные области вплоть до Гондураса.

Помимо этого торгового пути существовал и другой грандиозный торговый сухопутно-речной маршрут от портов (Табаско) на побережье Мексиканского залива на юг, к городам Нито и Нако. Он шел сначала вверх по полноводной Усумасинте и ее правому притоку Рио Пасьон, затем по суше до истоков реки Сарстун, впадающей в Гондурасский залив, и далее вдоль берега моря до устья Рио Дульсе, где и стоял Нито⁶⁸.

Кортес получил в 1525 г. от торговцев Акалана карту с указанием пути из Табаско к атлантическому побережью (по р. Канделария, через оз. Петен-Ица, по рекам и селениям), который, видимо, отражал какой-то реально существовавший торговый маршрут — из Табаско и Кампече в Гондурас⁶⁹. Весьма показательное, что Канек — правитель майя-ишев, живших в районе оз. Петен-Ица (столица — Тайясаль), посоветовал Кортесу добираться до города Нито не по прямой, поскольку в таком случае на пути непроходимой стеной встали бы Горы Майя, а по воде — вниз по р. Белиз и далее на юг, вдоль морского побережья, до Рио Дульсе⁷⁰.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что товары у майя переправлялись либо на лодках по воде (морские, речные и озерные пути), либо носильщиками по суше⁷¹. Каждый из них нес обычно около 20 кг груза. По данным Бернала Диаса, в среднем торговцы майя проходили за день до 5 *лиг* (примерно 25—30 км)⁷². Вьючных животных или колесного транспорта в доколумбовой Мезоамерике не было.

Рынки, деньги и основные формы торговли

Авторы эпохи конкисты часто упоминают и приводят описания рынков Центральной Мексики, подчеркивая их размеры, значение в повседневной жизни городов и сложный характер местной торговли (например, рынок в Тлателолько)⁷³.

Сходную картину наблюдаем мы и у майя. «Они имели, — пишет Овьедо, — большие рынки или площади со множеством купцов и товаров, как провизией и пищей, так и всеми другими вещами, которые покупаются, продаются и обмениваются среди индейцев⁷⁴. По сведениям этого автора, рынки имелись в каждом крупном городе или селении. Более детальное описание торговли и рынков в горных районах майя

⁶⁶ J. W. Ball and J. Rovner, Protohistoric Putun trade patterns: evidence from two graves at Atasta, Campeche, Mexico, Greeley, Col. 1972, p. 40.

⁶⁷ Там же, стр. 42, 43.

⁶⁸ F. Scholes and R. Roys, Указ. раб., стр. 29, 30.

⁶⁹ Там же, стр. 30.

⁷⁰ J. E. S. Thompson, Указ. раб., стр. 17.

⁷¹ R. Roys, Указ. раб., стр. 52.

⁷² A. C. Chapman, Указ. раб., стр. 134—137.

⁷³ T. Joyce, The Mexican archaeology, London, 1914, p. 130.

⁷⁴ G. Oviedo, Указ. раб., т. I, 1851, кн. XXXII, гл. III.

содержится в капитальном труде испанского монаха Ф. Хименеса. «Пра-
вители,— подчеркивает он,— прилагали большие усилия для того, что-
бы у них собирались и проводились очень богатые ярмарки и рынки,
потому что на них приносилось множество разных вещей, и тот, кто
нуждался в какой-либо вещи, мог найти ее и обменять на другую. Они
устроивали свои ярмарки и выставляли то, что имели для про-
дажи рядом с храмами (разрядка моя — В. Г.). Продажа и по-
купка представляют собой обмен, который является наиболее естест-
венной формой торговли. Они отдают маис за черную фасоль и черную
фасоль за какао; обменивают соль на пряности... они меняют хлопчато-
бумажную ткань на золото и медные топоры, золото на изумруды, би-
рюзу и перья.

Рынком ведает судья, который следит, чтобы никто не был обижен.
Он устанавливает цены и знает обо всем, что представлено на рын-
ке...»⁷⁵.

Ценные сведения о майяской торговле находим и у Бартоломе Лас
Каса. «Все они (индейцы-майя.— В. Г.),— указывает он,— приобрета-
ют все необходимое на рынках, устраиваемых близ храмов... Женщины
их знают, как прясть и ткать все, что нужно для хозяйства, и многое
продают на рынках»⁷⁶.

«На рынках,— пишет Диего де Ланда,— они торговали всеми веща-
ми, какие были в стране. Они продавали в кредит, давали займы и
платили честно, без ростовщичества»⁷⁷.

Данные письменных источников времен конкисты дополняются этно-
графическими наблюдениями, сделанными среди горных майя, которые
менее других подвергались европейскому влиянию. «В настоящее вре-
мя,— пишет Ф. Макбрайд,— в Гватемале, как и во времена Овьедо,
каждый главный город имеет рынок; одни рынки больше, другие мень-
ше. Отнюдь не каждый из них действует ежедневно. Обычно они устраи-
ваются раз в неделю и лишь в самых крупных и густонаселенных горо-
дах — чаще»⁷⁸. Но поскольку в разных селениях рынки устраиваются в
разное время, то жители тех или иных районов могут в течение недели
посетить сразу несколько рынков. Часто значительную часть продавцов
и покупателей составляют женщины⁷⁹.

Места продавцов на рынке строго регламентированы. Они образуют
правильные ряды и группируются по видам продукции. Встречаются как
открытые рынки на площадях (раньше у храмов, а теперь у католиче-
ских соборов), так и крытые, с отделами и лавками внутри⁸⁰.

Общественный статус торговцев майя накануне конкисты

подавляющую часть торгового обмена внутри городов-государств
майя осуществляли, по-видимому, сами ремесленники, земледельцы,
охотники, рыбаки и т. д. К профессиональным купцам относились, судя
по данным хроник, только лица, связанные с внешней торговлей. В сло-
варе Мотуль мы встречаем два термина для их обозначения: «пполом»
(ppolom) — «профессиональный купец» и «ах пполом йок» (ah ppolom
yoc) — «тот, кто путешествует»⁸¹. Социальный статус торговцев был до-

⁷⁵ F. Jimenez, *Historia de la provincia de San Vicente de Chiapa y Guatemala*, t. 1, Guatemala, 1929, p. 94.

⁷⁶ Bartolomé de Las Casas, *Apologética historia sumaria*, t. 1, Mexico, 1967, p. 514; S. W. Miles, *The XVI century Pokom-Maya*, Philadelphia, 1957, p. 767.

⁷⁷ Д. де Ланда, Указ. раб., стр. 144.

⁷⁸ F. McBrayde, *Cultural and historical geography of Southwest Guatemala*, Washington, 1945, p. 82.

⁷⁹ Там же, стр. 83.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ R. Roys, *The titles of Ebtun*, Washington, 1939, p. 61.

вольно высок, так как они были, как правило, тесно связаны с правящими династиями своих городов-государств и, действуя за пределами своих городов, пользовались их поддержкой⁸².

«В Акалане,— пишет Кортес,— есть многочисленные торговцы и люди, торгующие во многих местах и богатые рабами и другими вещами, которые обмениваются в этой земле... Как мне удалось узнать, здесь нет иного верховного правителя, кроме наиболее богатого торговца, имеющего большую торговлю по морю с помощью своих судов, и таковой есть Апасполон (Apaspolon)... И это по причине того, что он очень богат и торгует до такой степени, что даже в городе Нито... он имел квартал со своими агентами и, вместе с ними, своего родного брата, торговавшего своими товарами»⁸³.

На Юкатане в середине XV в. во время восстания против Майяпана сын правителя Кокома спасся только потому, что находился в тот момент вдали от родного дома. Он возглавлял торговую экспедицию на р. Улуа (Гондурас)⁸⁴.

Еще раньше, в период гегемонии Чичен-Ицы над большей частью полуострова (XI—XIII вв.), правители государства лично занимались торговыми операциями и совершали для этой цели длительные путешествия к атлантическому побережью (залив Асенсьон), а оттуда на лодках по морю, в Гондурас⁸⁵.

Юкатанские торговцы, подобно ацтекским «почтека», имели своих богов-покровителей, свои празднества и ритуалы. Среди богов выделяется Эк Чуах (Ek Chuah), он же «черный бог» и «бог М» из иероглифических рукописей доиспанского времени. Он, как и боги-покровители торговли у ацтеков, всегда изображался с заостренным носом. Один из ацтекских богов назывался Накапицавак — «бог с острым носом», термин, обычно употреблявшийся для обозначения деловитого и оборотистого человека. Примечательно, что один из главных богов майя-чонталь в Акалане («государство торговцев») носил имя Икчава; не исключено, что это искаженная форма юкатанского Эк Чуаха⁸⁶.

По сообщению Диего де Ланды, все путешественники молились перед дорогой Эк Чуаху и сжигали перед его статуей шарики благовонной смолы, чтобы обеспечить себе безопасный путь⁸⁷.

Следовательно, майяским богам-покровителям торговли, типа Эк Чуаха, были присущи некоторые отличительные признаки: черный цвет тела и лица («эк» — «черный»), заостренный нос⁸⁸. Для ацтекских «торговых богов» характерен длинный посох с острым наконечником, веер (опахало), тюк или поклажа за плечами и т. д. Таким образом, речь идет о реальных атрибутах реальных торговцев, намеренно связанных с изображениями небесных покровителей этой группы мезоамериканского общества.

Подведем некоторые итоги. Прежде всего следует подчеркнуть, что система торговых путей и основных торговых центров на протяжении I—XVI столетий н. э. претерпела существенные изменения. В классический период ведущую роль в истории майя играют города-государства Центральной (равнинной) области во главе с Тикалем. В соответствии с этим и прокладывались сухопутные и речные торговые пути для связи с внешним миром: из Петена на восток к Атлантическому побережью (упомянутый путь по р. Белиз); на север — по берегу моря, к

⁸² А. С. Чарпан, Указ. раб., стр. 132.

⁸³ Н. Cortés, Указ. раб., стр. 199.

⁸⁴ Диего де Ланда, Указ. раб., стр. 120.

⁸⁵ A. Cardos de Mendez, Указ. раб., стр. 62.

⁸⁶ J. E. S. Thompson, Указ. раб., стр. 23.

⁸⁷ Д. де Ланда, Указ. раб., стр. 183.

⁸⁸ J. E. S. Thompson, Merchant gods of Middle America, p. 165, 167.

Юкатану и его соляным разработкам; на юго-запад — в горную Гватемалу (и через Каминальгуйю — с Теотихуаканом); на запад — в бассейн р. Усумасинты и т. д.

В IX—X вв. нашествие центрально-мексиканских племен нахуа вызвало упадок и запустение большинства городов Петена. Они так больше и не возродились. Одновременно наблюдается усиление могущества и влияния майяских городов Юкатана. В этом и состоит, на мой взгляд, главная причина создания в постклассическое время длинного и сложного морского пути вокруг полуострова Юкатан к богатым землям Гондураса и Гватемалы в обход обезлюдивших и труднопроходимых земель Петена. Другая причина — появление у западных границ майя представителей могущественной ацтекской державы — профессиональных торговцев «почтека», весьма заинтересованных в получении экзотических товаров юга.

Вместе с тем переориентация системы торговых связей майя в постклассический период и замена одних торговых центров другими не повлияли на характер майяской торговли за те полторы тысячи лет, что отделяют первые города-государства майя от испанского завоевания.

Внутренняя торговля не носила профессионального характера — кто производил данный продукт, тот и обменивал его.

С другой стороны, внешнюю торговлю вели у майя профессиональные купцы, действовавшие при поддержке и покровительстве государства. Правитель и его ближайшее окружение, высшая знать, владея плантациями какао, соляными разработками и иными материальными ценностями (полученными с подвластного населения либо в виде налогов, либо в виде дани), имели все необходимое для ведения такой торговли, сопряженной со многими трудностями и риском.

К числу товаров чисто хозяйственного назначения, торговля которыми достигла большого размаха, можно отнести лишь соль, обсидиан и некоторые породы твердого камня. Но и они доставлялись в джунгли Петена издалека.

Значительную часть товаров внешнего торгового обмена составляли предметы роскоши и различные экзотические продукты, шедшие прежде всего на нужды царского двора и жречества.

В доиспанский период во всех торговых операциях преобладал прямой обмен (товар на товар), хотя появились уже и определенные денежные эквиваленты.

Рынки и их организация достигли довольно высокого уровня развития. Наблюдается определенная связь рынков с храмами и религиозными праздниками.

В целом уровень развития торговли у майя и других цивилизованных народов доколумбовой Мезоамерики очень близок к той картине, которую мы наблюдаем в цивилизациях Древнего Востока (особенно, Шумера) на ранних этапах их развития.

ON THE CHARACTER OF TRADE AMONG THE ANCIENT MAYAS

The author examines all available data about the development level of trade in the early-class city states of the Maya between the 1st and 16th centuries A. D. With the aid of information from written sources dating from the eve of the Conquest and of archaeological finds the author comes to the conclusion that among the Maya only external trade was carried by professional merchants. They alone had an organization of their own, their own divine protectors (the God of Cacao, Ek-Chuah — the «Black

God», etc.), their particular rituals, holidays and outward attributes (a fan, a sharpened staff, etc.).

Trade within the community remained non-professional: whoever produced a given commodity exchanged it himself on the market.

External trade was protected and directly supported by the state in the person of the ruler and his closest entourage, i. e. it was centralized in character. Objects of luxury and various exotic products were predominant among commodities exchanged in external trade; they mainly supplied the needs of the royal court and those of the religious cult.

On the whole, trade among the Maya had during the 1st to 16th centuries A. D. attained a level close to that observed in certain ancient civilizations in the East (particularly in Sumer) in the early stages of their development.

Г. И. Дзенискевич

СКАЗАНИЯ О ВОРОНЕ У АТАПАСКОВ АЛЯСКИ

В устном творчестве индейцев Аляски значительное место занимает цикл сказаний о Вороне — культурном герое, творце, преобразователе мира и одновременно плуте и обманщике. Сходные сюжеты имеются у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, эскимосов и алеутов, а также в мифах и сказках палеоазиатских народов северо-восточной Азии: чукчей, коряков, ительменов, юкагиров.

Наличие общих традиций в древнем мифологическом цикле у народов, прямые культурные связи между которыми могли существовать тысячелетия назад, уже не раз привлекало внимание исследователей. Однако, поскольку вопрос о древних связях Старого и Нового Света в целом, а также фольклор народов вышеуказанных регионов еще недостаточно изучены, специалисты пока не смогли прийти к окончательному выводу относительно того, произошел ли «Вороний» эпос в одном центре и затем распространился вместе с миграцией племен этого региона, или дело обстоит как-то иначе.

В русской и советской фольклористике сравнительному анализу азиатских и американских версий сказаний о Вороне посвящены работы В. Г. Богораза и Е. М. Мелетинского¹. Обращаясь к американскому материалу, оба исследователя привлекали в основном фольклорные тексты индейцев северо-западного побережья (тлинкитов, хайда, цимшиан, квакиютль и др.), опубликованные Ф. Боасом, С. Хилл-Таутом, М. Р. Суэнтоном и другими американскими учеными. Фольклор атапасков Аляски оставался вне поля их зрения. Между тем его анализ имеет немаловажное значение для выяснения вопроса о генезисе цикла.

Основные записи фольклора у атапаскских племен Аляски были сделаны сравнительно поздно (в 30-е — 60-е гг. нашего столетия), во время полевых исследований К. Осгуда (у ингаликов и танайна), Р. Маккеннана (у верхних кучинов и танана), Б. Водрина (у танайна района озера Илямны), Анны Б. Рут (ее экспедиция 1966 г. была организована специально для сбора фольклорного материала и охватила многие племена атапасков Аляски) и др. Собранный, как правило, в результате одноразовых контактов и далеко еще не полный фольклорный материал либо включен в общие монографические описания отдельных племен, либо издан в виде сборников сказок (сборник Б. Водрина) или неопубликованных полевых записей (материалы Анны Б. Рут). Эпическое наследие индейцев Аляски еще не стало самостоятельным объектом исследова-

¹ W. Bogoras, The folklore of Northeastern Asia, as compared with that of Northwestern America, «The American Anthropologist», vol. 4, Oct.-Dec., N. Y., 1902, p. 577—683; Е. М. Мелетинский, Сказания о вороне у народов Крайнего Севера, «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 1, стр. 86—102; его же, Структурно-типологический анализ мифов северо-восточных палеоазиатов (Вороний цикл), «Типологические исследования по фольклору (Сборник статей памяти В. Я. Проппа)», М., 1975, стр. 92—140.

дования, и их циклу сказаний о Вороне специального внимания еще не уделялось.

Обращаясь к данной теме, мы ограничимся попыткой коротко изложить и охарактеризовать атапаскские версии сказаний о Вороне, показать, насколько применимы к ним некоторые выводы предыдущих исследователей «Вороньего» цикла, а также показать значение атапаскских фольклорных произведений, где героем является Ворон, для изучения проблем ранней этнической истории атапасков.

«Вороний» цикл у атапасков, как и «Вороний» эпос тлинкитов, чукчей и других упомянутых народов, складывается из мифов о Вороне — культурном герое (творце и преобразователе мира, родоначальнике и учителе) и из повествований, в которых Ворон выступает в роли трикстера.

В мифах о Вороне — творце и преобразователе мира рассказывает, как он создал землю, женщину, животных, добыл людям свет. Следует отметить, что Ворон никогда не создавал ничего заново, он лишь трансформировал уже существовавшие материальные объекты. Большой материк, например, на котором свободно разместились все люди и животные, возник в результате преобразования уже имевшегося клочка земли², а остров был сделан Вороном из камней (согласно другой версии — палки), найденных им в океане³. Женщину Ворон создал из юноши⁴.

Самый большой подвиг из совершенных Вороном — добывание света. Мифы, рассказывающие об этом, известны всем атапаскским племенам Аляски и отличаются наибольшим композиционным сходством и совпадением деталей. Краткое содержание этих мифов сводится к следующему. В очень отдаленное время на земле было совсем темно. Все светила — солнце, луну и звезды (которые, надо отметить, уже существовали) прятал у себя «недобрый дух» (в мифе кучинов — это медведь⁵, у танана — очень древний старик⁶, у танайна — вождь чужого племени)⁷. Ворон, обещавший людям добыть свет, проникает в жилище владельца светил и крадет их. Подробности и основные детали сюжетной линии мифа совпадают во всех его вариантах, известных индейцам Аляски. Ворон превращается в хвоянку и падает в ручей (или прямо в сосуд). Вместе с выпитой водой его проглатывает дочь владельца светил. Через два-три дня после этого девушка рождает сына. В образе ребенка Ворон непрерывным капризным криком выпрашивает у деда одно за другим светила, хранившиеся в трех кожаных шарах. Получив их, он вновь превращается в птицу, ускользает из жилища и подвешивает солнце, луну и звезды на небе.

Мифы атапасков рассказывают о многих других добрых делах Ворона, например о том, как он научил людей рожать детей⁸, как спасал их от голода. По версии кучинов, Ворон перехитрил и убил медведя, который жил в верховьях реки и не пропускал рыбу к селению индейцев, стоявшему ниже по течению⁹. Согласно другой версии, Ворон выдерживал

² R. McKennan, The Chandalar Kutchin, «Arctic Institute of North America. Technical Paper», No 17, Montreal, 1965, p. 90.

³ R. McKennan, The Upper Tanana Indians, «Yale University Publications in Anthropology» (далее YUPA), No 55, New Haven, 1959, p. 190; Anna B. Rooth, The Alaska expedition 1966, «Acta Universitatis Lundensis. Sectio I. Theologica Yuridica Humaniora» 14, Lund, 1971, p. 229.

⁴ R. McKennan, The Upper Tanana Indians, p. 191, 192; его же, The Chandalar Kutchin, p. 92.

⁵ R. McKennan, The Chandalar Kutchin, p. 90, 91.

⁶ R. McKennan, The Upper Tanana Indians, p. 190, 191.

⁷ C. Osgood, The ethnography of the Tanaina, YUPA, 1937, № 16, p. 184.

⁸ Anna B. Rooth, Указ. раб., стр. 306.

⁹ R. McKennan, The Chandalar Kutchin, p. 94; Anna B. Rooth, Указ. раб., стр. 191.

вал рыбу из ловушек, расставленных медведем, и она плыла вниз по реке, где ее ловили индейцы¹⁰. Легенда атапасков-танайна, благополучие которых зависело от весеннего хода рыбы, рассказывает о том, как Ворон обеспечил большой ход лосося, разбросав в реке приманку, и спас индейцев от голодной смерти. Более того, именно «благодаря Ворону» лосось с тех пор стал ежегодно подниматься по рекам к селению танайна¹¹.

Наряду с мифами о сильном, умном, добродетельном Вороне в фольклоре атапасков есть сказания, в которых тот же герой выступает в роли плута, трикстера. В этой роли Ворон совершал целую серию неблагоприятных поступков: обманывал¹², отнимал добычу¹³, нарушал законы гостеприимства¹⁴, за что сам часто становился объектом насмешек и издевательств. В фольклоре кучинов наряду с приведенным выше сказанием о том, как Ворон спас индейцев от голода, существует легенда, согласно которой, он предупреждал карибу о приближении охотников; в результате охотники возвращались в селение без добычи, и их семьи умирали от голода¹⁵. В легендах танана Ворон то оставляет индейцев без добычи, заменив их крепкие рыболовные снасти из сухожилий на плохие снасти из волоса¹⁶, то губит население целого поселка, растопив лед, по которому его преследовали индейцы¹⁷.

В «Вороньем» цикле всех атапаскских племен Аляски имеется почти идентичный миф, который рассказывает о самом тяжелом (с точки зрения древней общинной морали) преступлении Ворона — поедании им в одиночку охотничьей добычи — кита или в некоторых версиях — тюленя. Правда, информаторы часто называли кита просто *big fish* — «большая рыба», но так как при этом всегда говорилось о море или даже океане, где эта рыба жила, и о том, что целое селение могло бы очень долго кормиться ее мясом, ясно, что почти во всех случаях речь шла о ките. Самые подробные и красочные варианты мифа, как это ни странно, записаны у атапасков внутренних районов Аляски (верхних танана и кучинов), т. е. у групп, наиболее удаленных от моря¹⁸.

Сказания о том, как Ворон стал черным, у разных племен значительно варьируют. Черная окраска как наказание за злые шутки и дурные поступки — наиболее частая версия. Например, легенда ингаликов рассказывает, как однажды белый Ворон очень зло подшутил над уткой, обрушив на нее крышу ее собственного дома. Искалеченная утка в отместку насыпала сажу в воду, которой мылся Ворон, и он навсегда остался черным¹⁹. Согласно версиям кучинов и танана, Ворон, вызвавшийся раскрасить птиц в яркие цвета, подшутил над гагарой, вылив на ее спину черную краску, за что гагара с помощью других птиц покрасила Ворона целиком в черный цвет²⁰. В эпических сказаниях танайна черная окраска Ворона связывается с легендой о добывании света²¹.

Известно, что в самых ранних верованиях еще не было деления на добрых и злых духов. Очень часто один и тот же мифический герой попеременно оказывался то злым, то добрым. «Вороний» эпос не явля-

¹⁰ Anna B. Rooth, Указ. раб., стр. 175, 176.

¹¹ C. Osgood, Указ. раб., стр. 184.

¹² R. McKennan, The Chandalar Kutchin, p. 92—96; его же, The Upper Tanana Indians, p. 193—195; C. Osgood, Указ. раб., стр. 184.

¹³ R. McKennan, The Upper Tanana Indians, p. 193—195.

¹⁴ C. Osgood, Ingalic mental culture, YUPA, 1959, № 55, p. 146.

¹⁵ R. McKennan, The Chandalar Kutchin, p. 98.

¹⁶ R. McKennan, The Upper Tanana Indians, p. 193.

¹⁷ Там же, стр. 194.

¹⁸ R. McKennan, The Chandalar Kutchin, p. 96; его же, The Upper Tanana Indians, p. 192.

¹⁹ C. Osgood, Ingalic mental culture, p. 145.

²⁰ R. McKennan, The Chandalar Kutchin, p. 93.

²¹ Anna B. Rooth, Указ. раб., стр. 21, 225, 310.

ется исключением из этого правила, и даже в одном и том же атапаскском мифе мы видим иногда Ворона одновременно в роли творца добра и в роли обманщика. Так, в мифах о добывании света Ворон, облагодетельствовав один род, обманул другой, а в приведенном выше мифе о спасении танайна от голода Ворон, обеспечив ход лосося, не сразу приносит индейцам эту радостную весть, а опять-таки сначала обманывает их, т. е. остается трикстером даже тогда, когда совершает героические подвиги. Самая поверхностная статистика показывает, однако, что в целом «Вороний» эпос содержит гораздо больше сказаний, где Ворон выступает только в роли трикстера, чем сказаний о Вороне — культурном герое. Но и это не выходит за рамки обычного, весьма распространенного в фольклоре явления — постепенной трансформации культурного героя в плута и озорника. Ворон-трикстер прожил более длинную эпическую жизнь, чем Ворон-демиург и просветитель, и биография Ворона-негодяя, плута и обманщика соответственно богаче.

В мифах Ворон наделяется способностью к мгновенным превращениям. Он может предсказывать и улучшать погоду. Обладает Ворон медиативными функциями посредника между «верхом» и «низом»²². Все это (в особенности последнее) приближает действия Ворона к шаманским.

В «Вороньих» мифах атапасков отражена эпоха родового строя и развитых тотемистических представлений. Ворон выступает в них в качестве главы рода определенной группы. Мифы, как правило, подчеркивают, что Ворон добывает свет и приносит благополучие (рыбу, оленей и пр.) своему народу, и наоборот, сказания о плутовских и злых проделках Ворона часто начинаются с появления его в лагере индейцев чуждой группы.

Память о Вороне-творце и тотемном предке атапаски Аляски сохранили вплоть до того времени, когда начались их контакты с европейской цивилизацией. Еще в начале прошлого столетия русские путешественники и исследователи со слов индейцев сообщали следующие сведения: «Кенайцы (так называли танайна в русских источниках XIX в.) не имеют понятия о божестве, а боятся чертей и думают, как и колюжи, что Ворон сотворил небо, землю, человека и все видимое, и что он же посылает на людей болезни»²³. «Атнахтяне (атапаскское племя атена), подобно колошам (индейцы-тлинкиты) и прочим поколениям сего племени, приписывают создание земли и человека Ворону, который похищал где-то стихии одну за другою»²⁴. Из русских источников впервые стало известно и о делении танайна на две экзогамные фратрии, одна из которых помимо прочих родов включала род Ворона. «По преданиям кенайцев, — сообщает Ф. П. Врангель — Ворон сотворил из различных веществ двух женщин, из коих каждая сделалась родоначальницею особого поколения»²⁵.

В ранних русских источниках мы находим и записи о том, что кенайцы «не только не почитают его (Ворона. — Г. Д.), но гоняют и бьют, детям же запрещают мучить птенцов, говоря: будет худо, дождь польеги или сильная буря делается»²⁶, и о том, что Ворон «находил особенное удовольствие беспрестанно обманывать свое создание — человека»²⁷.

²² Отчетливее всего эти способности Ворона раскрываются в мифе ингаликов «Происхождение горячего танца». См. С. Osgood, *Ingalic mental culture*, p. 139, 140.

²³ «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова», ч. II, СПб., 1812, стр. 133.

²⁴ Ф. П. Врангель, *Обитатели Америки*, «Сын Отечества», т. 7, СПб., 1839, стр. 54.

²⁵ Там же, стр. 57.

²⁶ «Двукратное путешествие в Америку...», стр. 133.

²⁷ Ф. П. Врангель, *Указ. раб.*, стр. 63.

На каком-то этапе (невозможно установить, когда именно) история сказаний о Вороне в фольклоре атапасков прерывается. Точнее говоря, эти сказания продолжают жить в памяти индейцев, но не пополняются новыми сюжетами. Создаются новые фольклорные циклы, рождаются новые герои, положительные и отрицательные, но древний мифический герой — Ворон не участвует в событиях, о которых повествует новый эпос. Можно даже сказать, что в фольклоре атапасков цикл сказаний о Вороне изолирован и как бы законсервирован в эпосе каждого отдельного племени. Культурный герой-демиург один и тот же у всех атапасков Аляски, а более поздние культурные герои у них разные: например, *Tsa-o-sha* у танана²⁸, *Ki giyo* у танайна²⁹, *Yateaquoimt* у кучинов³⁰. Этому новому герою-преобразователю и учителю индейцы приписывают ряд заслуг. Он уничтожил плохих зверей, которые поедали людей и превратил некоторых из них в хороших, полезных человеку. Он дал индейцам все основные элементы их традиционной культуры (кожаные лодки, каноэ из бересты, все орудия охоты). От него они восприняли большую часть своих обычаев и привычек. В отличие от Ворона он совершал только добрые дела. По мнению Р. Маккеннана, *Yateaquoimt*, например, пользуется у кучинов несравнимо большим уважением, чем Ворон; легенды о нем индейцы рассказывают особенно вдохновенно и эмоционально³¹.

В более поздних фольклорных циклах атапасков, как мы уже заметили, Ворон, как правило, отсутствует, но следы «Вороньего» эпоса можно найти в сказках о животных, хранящих черты древних верований и обрядов. В них в качестве главных героев фигурируют животные и птицы, встречающиеся на Аляске. Сказки о животных очень популярны у индейцев и, как правило, носят одновременно поучительный и развлекательный характер. Казалось бы естественным, чтобы «Вороний» цикл трансформировался в сказки о животных. Можно было бы ожидать, что в этих сказках часто будет появляться Ворон, но в фольклоре атапасков этого не случилось. В сборнике сказок о животных, куда вошли тексты, записанные Б. Водриным у танайна в течение 1965—1968 гг., содержится лишь одна сказка о Вороне, вобравшая в себя все известные древние сюжеты сказаний об этом культурном герое. В ней говорится о том, как Ворон, обманув людей, один поедал тюленя; как он перехитрил и убил медведя; как влюбился в казарку и полетел с ней через океан, но обессилел в пути и приземлился на торчащую из воды скалу; как белуга, которую он также потом обманул, довезла его до берега; о том, далее, как он губил зверей и выедал им глаза; как за обман и непрерывную цепь злодеяний люди выгнали Ворона из своего селения; и как он, наконец, завоевал их любовь и уважение, возвратив им солнце и луну, украденные богачом³².

Перетасовав, таким образом, на свой лад все сохранившиеся «Вороньи» сюжеты, сказочник связал одной нитью добрые и злые деяния героя и изложил их, подчинив последовательность повествования своей собственной логике. В этой сказке, как мы видели, Ворон по-прежнему выступает древним героем.

Ярким свидетельством того, насколько живы в памяти сегодняшних индейцев сказания о Вороне, служат фольклорные материалы, собранные Анной Б. Рут. Одни из ее информаторов хорошо помнили «Вороньи» мифы и пересказывали их с подробностями³³, другие уже не

²⁸ R. McKennan, *The Upper Tanana Indians*, p. 175—189.

²⁹ C. Osgood, *The ethnography of the Tanaina*, p. 173.

³⁰ R. McKennan, *The Chandalar Kutchin*, p. 76.

³¹ Там же.

³² B. Vaudrin, *Tanaina tales from Alaska*, Norman, 1969, p. 28—44.

³³ Anna B. Roth, *Указ. раб.*, стр. 20, 259, 275.

знали содержания отдельных мифов, но, ссылаясь на древние поверья своего народа, отвечали коротко: «Все, что есть на земле: люди, земля, солнце — все сделал Ворон»³⁴. Как установила Анна Б. Рут, до сих пор сохраняется вера атапасков в сверхестественные способности Ворона, например в то, что он может влиять на погоду. Перед выходом в море рыболовы-танайна обращаются к нему с просьбой обеспечить им хорошую погоду и верят, что «...если он кричит и летит к берегу, значит надо возвращаться, значит будет шторм»³⁵. Отправляясь на промысел, индеец-охотник просит Ворона: «Дай мне удачу, а я что-нибудь сделаю для тебя»³⁶. В магические способности Ворона верят даже дети. Десятилетний Таксине Александер рассказал Анне Б. Рут, как дед учил его, что, увидев ворона, надо обращаться к нему со словами: «Дай мне какой-нибудь еды, а я отплачу тебе». Мальчик уверял, что много лет назад его бабушка ловила рыбу и дала немного ее ворону, за что тот обеспечил их семью мясом³⁷. До сих пор индейцы верят, что Ворон способен выполнить любую просьбу, и внушают своим детям, чтобы они никогда не просили Ворона ни о чем плохом. Детям рассказывают «поучительную» историю о маленьком мальчике, которому Ворон, выполняя его просьбу, выклевал глаза³⁸.

Как мы уже говорили, фольклор атапасков Аляски начали собирать преимущественно в текущем столетии, и коллекцию записанных мифов, легенд еще нельзя считать полной. Материал, которым располагают исследователи, не дает пока возможности ни провести исчерпывающую историческую реконструкцию сказаний, ни сделать детальный синхронический анализ мифологической семантики. Не настало еще время для окончательных выводов относительно «Вороньих» мифов атапасков, и пока мы можем лишь проводить некоторые сравнения и строить рабочие гипотезы.

Наличие общих черт в атапаскских версиях цикла, в версиях индейцев северо-западного побережья и северо-восточных палеоазиатов вполне очевидно. Легче всего аналогия прослеживается при сопоставлении сюжетов, сохраняющих черты самого древнего этапа цикла — о добывании света и сотворении земли в океане. Наиболее близки к атапаскским версиям тлинкитские версии. В тлинкитских мифах среди приключений и действий Ворона мы находим аналогичные по деталям атапаскским, но более подробные и более художественные рассказы о добывании света и пресной воды, о сотворении животных и рыб, о браке с гусыней, о поедании кита, убийстве медведя, улучшении погоды, а кроме того, ряд сюжетов, которые не обнаружены (пока, во всяком случае) в атапаскском цикле: например, о рождении Ворона, о добывании им огня на острове в океане и др.³⁹. В мифологии других племен северо-западного побережья также имеются многочисленные вариации легенд о Вороне — культурном герое, демиурге, но чем ближе к югу побережья, тем слабее становится этот фольклорный пласт и мифический Ворон уступает место другим героям: норке (у квакиютль), голубой сойке (еще южнее).

Круг сюжетов мифов о Вороне — культурном герое у индейцев и северо-восточных палеоазиатов в целом совпадает. В. Г. Богоразом обнаружено 13 случаев сходства «Вороньих» мифов индейцев северо-западного побережья с мифами чукчей и 7 случаев — с мифами других палеоазиатов⁴⁰. В. И. Иохельсон среди 101 эпизода коряцкого фольк-

³⁴ Anna B. Rooth, стр. 234.

³⁵ Там же, стр. 30.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, стр. 227.

³⁸ Там же, стр. 129.

³⁹ F. Boas, *Indianische Sagen von der Nord-Pacifischen Kuste Amerikas*, Berlin, 1895, S. 311—318; A. Krause, *The Tlingit Indians*, Seattle, 1956, p. 174—182.

⁴⁰ W. Bogoras, *The folklore of Northeastern Asia...*, p. 674—679.

лора отметил 12 общих с индейскими и другими палеоазиатскими⁴¹, а при сравнении всего фольклора он обнаружил среди 122-х эпизодов коряцкого фольклора 71 эпизод, сходный с индейскими⁴². Более того, В. И. Иохельсон обратил внимание еще на то, что мифы коряков и по формальным признакам ближе всего подходят к мифам индейцев⁴³. Примитивизм, отсутствие эпитетов, поэтических сравнений и красочных описаний природы, сосредоточение внимания лишь на действиях героев — все эти характерные черты эпического стиля палеоазиатов одинаково свойственны и мифам индейцев северо-западного побережья, и мифам индейцев Аляски.

В данной статье мы не будем говорить об аналогичных версиях у эскимосов и алеутов, так как мнение большинства исследователей о том, что они заимствованы из фольклора палеоазиатов (в Азии) и индейцев (в Америке), кажется нам достаточно убедительным⁴⁴. Правда, некоторые исследователи считают, что мифы о Вороне у эскимосов «столь же древни, как и у других народов этого региона» и что, например, у гренландских эскимосов эти повествования могли возникнуть конвергентно еще в эпоху гипотетической протоэскимосской общности⁴⁵.

Научная ценность древнего эпического цикла о Вороне выходит далеко за пределы собственно фольклористики, и не случайно поэтому с конца прошлого столетия к нему обращались исследователи-этнографы: Ф. Боас, В. И. Иохельсон, В. Г. Богораз и др. Каждый из них пытался использовать аналогии, прослеженные в мифах и сказках о Вороне, при изучении проблемы первоначального заселения Севера и для выяснения древнейших азиатско-американских культурно-исторических связей. Однако предварительные выводы этих ученых не совпадают.

Ф. Боас первый обратил серьезное внимание на сходство древних фольклорных сюжетов Старого и Нового Света. Он выступил даже инициатором организации специальной экспедиции для сравнительного изучения племен, живших в Азии и Северной Америке по берегам северной части Тихого океана. Ф. Боас не отрицал, что в далеком прошлом могла существовать связь между культурами упомянутых племен, но считал, тем не менее, что общее происхождение сходных сюжетов их фольклора практически недоказуемо⁴⁶. По его мнению, цикл о Вороне развивался самостоятельно и одновременно как на северо-востоке Азии, так и на северо-западном побережье Америки. Правда, при этом Ф. Боас оговаривался, что если бы удалось найти промежуточные связи между самыми западными носителями эпоса в Старом Свете (венграми и скандинавами) и самыми западными в Новом Свете (индейцами северо-западного побережья), можно было бы признать гипотезу о миграции «Вороньего» эпоса; но центром его возникновения следовало бы считать северо-западное побережье Америки⁴⁷.

В. И. Иохельсон — сторонник распространенной в начале нынешнего века точки зрения многих американских ученых о переселении из Америки в Азию и об активном влиянии культуры племен северо-за-

⁴¹ В. И. Иохельсон, Об азиатских и американских элементах в мифах коряков, журн. «Землеведение», М., 1904, кн. 3, стр. 36.

⁴² Там же, стр. 38.

⁴³ Там же, стр. 35, 38.

⁴⁴ W. Bogoras, The folklore of Northeastern Asia..., p. 669; Е. М. Мелетинский, Сказание о Вороне у народов Крайнего Севера, стр. 89; его же, Структурно-типологический анализ мифов..., стр. 96; В. И. Иохельсон, Указ. раб., стр. 37.

⁴⁵ Г. А. Меновщиков, Об устном повествовательном творчестве народностей Чукотки и Камчатки, сб. «Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки», М., 1974, стр. 17, 18.

⁴⁶ F. Boas, Mythology and folk-tales of the North American Indians, «The Journal of American Folk-Lore», vol. XXVII, 1914, № CVI, p. 410.

⁴⁷ F. Boas, Mythology and folk-tales of the North American Indians, p. 383, 385, 408.

падной Америки на культуру племен северо-восточной Азии, считал, что столь близкое родство мифов о Вороне на обоих континентах либо является результатом общего происхождения племен, обладающих в настоящее время сходными мифами, либо «мифы имеют один общий источник, из которого они распространились путем заимствований»⁴⁸. Сравнивая мифологию коряков с эпосами других сибирских народов и северо-западных индейцев, В. И. Иохельсон указывал на преобладание в ней «американских элементов»⁴⁹.

Против теории В. И. Иохельсона выступал В. Г. Богораз, убежденный в том, что заселение, во всяком случае северо-западной части Америки, происходило из Азии по так называемому Берингову мосту. По мнению В. Г. Богораза, перенесенные в Америку фольклорные традиции палеоазиатов в течение какого-то времени могли иметь обратную связь с фольклором северо-восточных племен Азии, пока в районе Берингоморья не появились новые пришельцы — эскимосы и не изолировали носителей родственной культуры на двух разных континентах⁵⁰.

Все три исследователя, как мы убедились, единодушны лишь в одном предположении: в далеком прошлом могли существовать тесные и продолжительные связи между населением Северной Америки и предками современных обитателей крайнего северо-востока Сибири.

Е. М. Мелетинский после скрупулезного изучения и тщательного анализа текстов «Вороньего» эпоса пришел к следующему заключению. 1. Сказание о Вороне — общий древнейший мифологический цикл первоначальников Севера. Сходство «азиатского» и «американского» «Вороньих» циклов отражает не только типологические сходжения, но и генетические, а также контактные связи в прошлом. 2. Ядро сказаний сложилось у северо-восточных палеоазиатов и северо-западных индейцев до того, как культурные связи между ними прекратились. 3. На азиатском материке наиболее древние варианты этих сказаний прослеживаются яснее всего в фольклоре чукчей, а у коряков и ительменов они хотя и приняли характер более широкой циклизации, но сфокусированы преимущественно на плутовских проделках героя⁵¹. Е. М. Мелетинский, таким образом, склонен считать, что общий корень эпических сказаний о Вороне идет с северо-востока Азии.

Коротко осветив существующие гипотезы, мы вновь возвращаемся к фольклору о Вороне у атапасков Аляски. В нем, как мы видели, содержатся все мифы, которые, как отметили исследователи, параллельно бытуют на Азиатском и Американском материках. Более того, именно атапаскские версии дают нам наиболее ясное представление о древнейших вариантах сказаний (версии о культурных делах Ворона), так как несут гораздо меньше поздних наслоений. Особенно хорошо сохранились древние образцы мифов в фольклоре кучинов, самой северо-восточной группы атапасков Аляски. Так, в сказании кучинов о добычании света Ворон крадет светила у медведя, а не у старика, как, например, в мифах танайна и танана. Самый архаичный (по деталям) вариант повествования «о поедании кита» также записан у кучинов.

Если самая древняя, мифологическая часть атапаскского цикла о Вороне обнаруживает значительное сходство с аналогичными мифами палеоазиатов и особенно индейцев северо-западного побережья, то этого нельзя сказать о более поздних мифах, рассказывающих исключительно о плутовских проделках Ворона. Таких сюжетов в фольклоре атапасков меньше, чем у палеоазиатов, и они почти полностью отлича-

⁴⁸ В. И. Иохельсон, Указ. раб., стр. 41.

⁴⁹ Там же, стр. 36.

⁵⁰ W. Bogoras, The folklore of Northeastern Asia..., p. 636, 670, 671.

⁵¹ Е. М. Мелетинский, Сказание о Вороне у народов Крайнего Севера, стр. 88, 89, 92—95; его же, Структурно-типологический анализ мифов палеоазиатов, стр. 97.

ются от палеоазиатских версий и, в значительной степени, от версий индейцев северо-западного побережья, хотя общая тенденция эволюции культурного героя в плута и мошенника в них прослеживается. По форме циклизации самих сказаний атапаскские мифы приближаются к тлинкитским, хайда и цимшиан, у которых отмечена биографическая циклизация (у коряков и ительменов, например, циклизация «семейная»). В целом надо признать, что если бы было доказано заимствование атапасками «Вороньего» эпоса, то источник заимствования следовало бы, конечно, искать прежде всего в фольклоре индейцев северо-западного побережья, в мифах которых обнаруживается самый широкий комплекс признаков, общих с мифами атапасков. Однако максимальная близость атапаскских «Вороньих» мифов к тлинкитским не противоречит, на наш взгляд, и предположению, что оба эпоса просто вышли из единого центра.

Атапаски Аляски — это лишь группа атапаскоязычных племен, основная часть которых расселена в Канаде и частично на юго-западе Соединенных Штатов. Содержатся ли сказания о Вороне в эпосе этих более южных групп?

В мифологии канадских атапасков, например, нет самостоятельного цикла сказаний о Вороне, но слабые следы его еще обнаруживаются в некоторых древних повествованиях. В одном из мифов индейцев района форта Нельсон (племя «невольники») рассказано о том, как бог, желая выяснить, кто из живых существ на земле спасся во время потопа, прибегнул к помощи Ворона⁵². Индейцы лиллоэт (небольшое племя атапасков в Британской Колумбии) сохранили миф о добывании Воронем света, но в измененном виде: Ворон выпросил у морской чайки разрешение взглянуть на солнце, спрятанное в ее сундуке, а затем обманул чайку и выпустил светило⁵³.

Слабые следы «Вороньего» эпоса обнаруживаются и в фольклоре самых южных атапаскских групп: навахов и апачей. Согласно одной из версий у апачей, в роли творца Вселенной выступает «черный вихрь», но среди трех его ближайших помощников и вестников мы находим Ворона⁵⁴.

Таким образом, «Вороний» эпос у атапасков по мере своего распространения с севера на юг почти исчезает и остаются лишь его слабые следы, т. е. происходит то же самое, что и в фольклоре индейцев северо-западного побережья, где он сохраняется в виде отдельного цикла у северной группы племен (тлинкитов, хайда, цимшиан), а в мифологии южных племен Ворон появляется реже и не в роли культурного героя, а, как правило, в качестве основного персонажа сказки о животных или анекдотической истории.

Сохранившаяся до наших дней у атапасков Аляски ярко выраженная циклизация древних мифов вокруг Ворона объясняется, очевидно, тем, что эта группа дольше остальных атапаскских племен оставалась относительно свободной от влияния европейской цивилизации (непосредственные контакты многих индейцев внутренней Аляски с европейцами начались только во второй половине XIX века). Атапаски Аляски, кроме того, в меньшей мере, чем, например, канадские родственные группы, подвергались этническому смешению, а следовательно, и проникновению чужеродной культуры других индейских групп.

⁵² J. J. Honigmann, *Ethnography and acculturation of the Fort Nelson Slave*, YUPA, № 33, New Haven, 1946, p. 90.

⁵³ J. Teit, *Traditions of the Lillooet Indians of British Columbia*, «Journal of American Folk-Lore», vol. XXV, Oct.-Dec. 1912, № XCVIII, p. 300, 301.

⁵⁴ P. E. Goddard, «Myths and tales from the San Carlos Apache», «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», vol. XXIV, part 1, N. Y., 1918, p. 7—26.

Привлекает внимание тот факт, что в фольклоре аляскинских атапасков сказания о Вороне сравнительно изолированы. С одной стороны, это могло бы, конечно, явиться свидетельством заимствования ими чужой фольклорной традиции, но с другой стороны, подобная изоляция кажется естественной, если справедливо предположение о миграции носителей данной традиции с другого материка. Не исключено, что основной стержень цикла — мифы о Вороне-демиурге — сформировался на северо-востоке Азии и в готовом виде был перенесен на американский материк далекими предками современных атапасков. В новых условиях развитие этой фольклорной традиции вполне могло затормозиться. Новая географическая среда, хозяйственная обстановка, окружение, иные исторические события, естественно должны были привести к рождению и нового направления в устном творчестве, к рождению совершенно других фольклорных циклов. Старая эпическая традиция, разумеется, не умерла сразу: среди сохранившихся сказаний о Вороне предположительно можно выделить те, которые появились уже на американском континенте, и поэтому поиски аналогичных повествований в фольклоре нынешних палеоазиатов будут тщетными. Вместе с тем понятно, что «творческая жизнь» «Вороньего» эпоса на азиатских берегах должна быть длиннее, а его репертуар богаче.

Итак, исходная миграция «Вороньих» мифов из районов северо-восточной Азии представляется нам вполне допустимой. Однако если миграция фольклорного сюжета неразрывно связана с переселением на Американский материк также и создателей этого сюжета, то действительно трудно себе представить, чтобы эти события не были отражены в эпосе. Ф. Боас, настаивая в свое время на самостоятельном возникновении фольклорного цикла о Вороне на Азиатском и на Американском материках, указывал, что в эпосе племен, примыкающих к районам Берингоморья, не обнаружено мифов, в которых бы отразилась миграция⁵⁵. Между тем один из атапаскских мифов рассказывает, как Ворон влюбился в казарку (по другой версии — в лебедь) и, женившись, вместе с ней полетел на юг. Их путь лежал через океан. Ворон, впервые пустившийся в столь дальнее путешествие, не вынес тягот пути. Он наверняка бы погиб, если бы не встретил посреди океана палку (по другим версиям — сухие листья или скалу), на которую он спустился и отдохнул. Примечательно, что именно в этом мифе рассказывается о том, как Ворон создал Аляску. На месте своего падения Ворон первоначально создал остров, а затем большой материк из каменной косы, что виднелась на горизонте. Ворон стрелял в косу из лука, и при каждом попадании материк рос. Добравшись до материка с помощью кита, которого в конце концов обманул и съел, Ворон встретил на берегу людей чужеродного (не вороньего) племени. Не в этом ли мифе отражено «великое переселение» предков атапасков?

Мотив женитьбы Ворона на водоплавающей птице (гусыне, утке) встречается также и в фольклоре палеоазиатов, но у них нет рассказа о перелете Ворона через океан. Расширенный вариант атапаскского сказания родился, скорее всего, на Американском материке.

Согласно гипотезе, утвердившейся ныне в этнографии, атапаскоязычные народы пришли в Северную Америку с последней переселенческой волной из Азии еще в самом конце ледниковой эпохи и вплоть до начала колониального периода постепенно продвигались на юг⁵⁶. Цикл сказаний о Вороне, с нашей точки зрения, не только подтверждает эту гипотезу, но и дает основание предполагать, что исходная миграция атапаскоязычных племен вполне могла начаться из района, расположен-

⁵⁵ F. Boas, *Mythology and folk-tales of the North American Indians*, p. 393.

⁵⁶ Ю. П. Аверкиев, *Индейцы Северной Америки*, М., 1974, стр. 86; J. W. Van Stone, *Athapaskan adaptations*, Chicago, 1974, p. 5.

ного недалеко от Берингоморья. В пользу такого предположения свидетельствуют и распространение весьма сходных «Вороньих» мифов в прилегающих к Берингоморью районах обоих континентов, и сходная хозяйственная среда этих районов, и то, что Ворон нередко является родовым тотемом, и концепция о сотворении земли в океане, свойственная, как известно, скорее жителям Приморья и островов, чем народам центральных районов больших континентов, и, наконец, возможное отражение самой миграции в одном из арханчных мифов цикла. Уже накоплен довольно большой материал по изучению сходных культур на Азиатском и Американском материках, который позволит в дальнейшем, по мере его осмысления, подвести более основательную базу для уточнения наших представлений как относительно ранней этнической истории атапасков, так и относительно генезиса их «Вороньего» эпоса.

RAVEN LEGENDS AMONG THE ATHAPASKANS OF ALASKA

Athapaskan folklore in Alaska includes those Raven myths whose parallel occurrence in the Asian and the American North Pacific coastal areas has been remarked upon by researchers. Moreover it is the Athapaskan version of the myths about the Raven's culture deeds that give us a clear idea of the earliest variants of these legends.

Since it is difficult to reconcile the close similarity between the Raven legends of the two continents with their independent origin, the most plausible explanation appears to be that of their initial migration from certain regions of North-East Asia.

In the Athapaskan «Raven Cycle» there survives a myth (on the creation of the Earth by the Raven) which may be interpreted as reflecting a great migration of the Indians' forefathers.

On the whole the Raven legends in Athapaskan folklore in Alaska offer good evidence substantiating the hypothesis of the migration of Athapaskan-speaking tribes from certain regions in North-East Asia.

В. П. Алексеев, Т. С. Балueva

МАТЕРИАЛЫ ПО КРАНИОЛОГИИ НАУКАНСКИХ ЭСКИМОСОВ

(К ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ АРКТИЧЕСКОЙ РАСЫ)

Летом 1971 г. совместная экспедиция Отдела антропологии Института этнографии АН СССР и Института антропологии при МГУ собрала коллекцию черепов на кладбищах заброшенного эскимосского поселка Наукан, расположенного в нескольких километрах от мыса Дежнева. Одно из кладбищ находится непосредственно над поселком и относится к 20—40-м годам нашего столетия, второе — в 2—3 км к югу от поселка по побережью в скальных выходах. Эти выходы использовались, по-видимому, на протяжении нескольких столетий под кладбища, но старые побережья разрушены оползнями и камнепадами. Черепа, собранные на втором кладбище, относятся к более раннему времени, возможно ко второй половине XIX в. Принадлежность серии науканским эскимосам устанавливается на основании не только устной традиции, но и находок в погребениях типично эскимосских вещей — костяных или деревянных трубок, деревянных тарелок и т. д. Сам факт захоронения в гробах, спрятанных среди камней или заваленных камнями, свидетельствует о том же.

Таблица 1

Средние размеры черепов науканских эскимосов

Параметры	♂			♀		
	n	$\bar{x}$	$s_{\bar{x}}$	n	$\bar{x}$	$s_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	26	183,2	5,10	29	174,7	5,79
8. Поперечный диаметр	27	143,1	4,54	26	138,9	5,21
17. Высотный диаметр	27	136,8	5,59	24	132,5	5,79
45. Скуловая ширина	25	142,3	4,83	20	132,3	6,40
48. Верхняя высота лица	23	77,3	4,31	21	73,8	3,20
51. Ширина орбиты от m (лев.)	27	45,3	1,71	23	42,7	2,10
52. Высота орбиты (лев.)	27	36,6	1,45	23	34,9	2,21
54. Ширина носа	27	25,2	1,59	23	25,0	1,93
55. Высота носа	27	56,2	2,57	22	52,3	3,00
72. Общий лицевой угол	25	80,6	2,53	23	80,5	2,85
75(I). Угол выступания носа к линии лицевого профиля	20	23,9	5,43	14	20,5	5,32
Назomалярный угол ($fmo - n - fmo$)	27	147,7	4,82	27	149,1	5,37
Зигомаксиллярный угол ($zm' - ss - zm'$)	27	135,7	5,00	22	134,5	4,73

В табл. 1 приведены основные размеры мужских и женских черепов. Пол определялся частично в полевых условиях по тазовым костям скелета, частично краниологически. При сильно выраженном половом диморфизме на эскимосских черепах последнее не составило затруднений. Черепа отличаются всеми типичными признаками эскимосского типа —

большими размерами, высокой и узкой черепной коробкой, очень узким и высоким носом, общим мезогнатизмом, довольно сильным по монголоидному масштабу выступанием носовых костей при очень значительной уплощенности лицевого скелета.

Материал, охарактеризованный в табл. 1, не первый из кладбищ поселка Наукан. Однако в число черепов, ранее собранных там, были, к сожалению, включены черепа с о. Ратманова¹. Позже к ним были присуммированы данные о черепах, собранных в районе поселка Дежнёво, расположенного примерно в 20—25 км к югу от Наукана². Все это не позволяло получить информацию о собственно науканской популяции. Теперь, когда в нашем распоряжении есть соответствующий материал, представляется целесообразным оценить своеобразие этой популяции в масштабе вариаций краниологических особенностей эскимосского типа в целом, т. е. сопоставить сведения о науканской серии с уже опубликованными данными по сериям эскимосов Азии, Америки и Гренландии.

Сводка этих данных по публикациям разных авторов была осуществлена Г. Ф. Дебецом³. Он ввел в материалы А. Грдлички поправки, исходя из предположения, что А. Грдличка пользовался не проверенными на точность инструментами. Недоступность оригинальных публикаций А. Грдлички не дает возможности восстановить первоначальные размеры в описанных им сериях. К сводным таблицам Г. Ф. Дебеца добавлены данные о черепах из древних и близких к современности погребений с мыса Хоп (кладбища поселков Ипиутак и Тигара)⁴ и древних могильников на азиатском побережье — у поселка Уэлен и в местности Эквен (35 км к юго-востоку от Уэлена)⁵.

Разработанный в краниологии и соматологии анализ по ведущим признакам и географический анализ, весьма перспективные при сравнении морфологически различных групп и оправдавшие себя во многих случаях, неприменимы при сравнении морфологически близких групп, даже расселенных на далеком расстоянии друг от друга: отдельные признаки географически варьируют дисперсно, а таксономическая ценность их изменяется неопределенно. Сопоставление по сумме признаков само напрашивается в данных условиях. Из многочисленных приемов такого сопоставления, предложенных до сих пор, наиболее теоретически обоснованным кажется «обобщенное расстояние» П. Махаланобиса. Идея его состоит в том, что расстояние между группами по многим признакам рассматривается как функция суммы различий по признакам и рассеивания индивидуальных показателей внутри сравниваемых групп. Иными словами, «обобщенные расстояния» между группами тем больше, чем больше морфологические различия между ними и чем меньше дисперсия признаков в этих группах. Аналогичная идея лежит и в основе «дискриминантной функции» Р. Фишера. Однако помимо большой вычислительной работы, применение этих приемов ограничено тем, что для получения дисперсий нужны индивидуальные данные, которые обычно не публикуются.

Из многочисленных способов вычисления суммарных расстояний между группами по многим признакам выбрана формула Л. Пенроза в

¹ Г. Ф. Деб е ц, Антропологические исследования в Камчатской области, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XVII, М., 1951.

² В. П. Алексеев, К краниологии азиатских эскимосов, «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. IV, Магадан, 1967.

³ Г. Ф. Деб е ц, Указ. раб.

⁴ G. Debetz, The skeletal remains of the Ipiutak cemetery, «Actas del XXXIII Congreso Internacional de Americanistas», t. II, San José, Costa Rica, 1959.

⁵ М. Г. Левин, Об антропологическом типе древних эскимосов, «Современная антропология», М., 1964.

редакции Р. Кнуссмана⁶. Она следующая:

$$C_{R^2} = C_{H^2} - \frac{mR}{1 - R + mR} C_{Q^2},$$

где C_{R^2} — суммарное расстояние;

C_{H^2} — расстояние по «величине» $\frac{\sum \left(\frac{x-y}{s} \right)^2}{m}$, где x — признак одной совокупности, y — признак другой совокупности, s — стандартное квадратическое уклонение;

C_{Q^2} — расстояние по «форме» $\left[\frac{\sum \left(\frac{x-y}{s} \right)}{m} \right]^2$;

m — число сопоставляемых признаков;

R — коэффициент корреляции между признаками, равный 0,233.

Надо специально подчеркнуть, что выделение расстояний по «величине» и по «форме» чрезвычайно условно. Сам Л. Пенроз считал, что C_{R^2} есть расстояние по «форме» между группами. Р. Кнуссман предложил считать C_{H^2} расстоянием по «форме», а C_{Q^2} — расстоянием по «величине». Один из авторов настоящей статьи оценивал C_{H^2} как расстояние по «величине», а C_{Q^2} как расстояние по «форме», исходя из геометрии черепа.

Во всех ныне используемых способах учитывается в той или иной форме внутригрупповая корреляция между признаками, что лишает убедительности традиционные доводы, выдвигавшиеся против старых способов вычисления межгрупповых расстояний по сумме признаков (способы Я. Чекановского, коэффициент расового сходства и т. д.). Из многих достоинств выбранной формулы — удобства пользования, введения в конечный результат внутригрупповых коэффициентов в стандартизированной форме, наконец, возможности подключать все новые и новые группы, не изменяя предшествующих результатов, особенно важно, пожалуй, то, что она позволяет отдельно оценивать расстояния как функцию просто арифметических разниц между групповыми средними и как выражение различий в соотношении размеров. Иными словами, при принятом способе подсчета межгрупповых расстояний по сумме признаков отдельно вычисляются и оцениваются расстояния между группами по «величине» и по «форме» (последние — как выражение соотношений в размерах, специфических для каждой сопоставляемой группы).

В формулу введены лишь абсолютные и угловые размеры. Однако угловые размеры определены далеко не во всех привлеченных сериях — данные о них есть только по черепам чаплинских эскимосов, а также черепам из Эквенского, Уэленского, Ипиутакского и Тигарского могильников. В этих случаях окончательные результаты подсчитывались по сумме из 13 признаков, представленных в табл. 1. Во всех остальных случаях расстояния определялись по 10 признакам, т. е. за исключением угла выступления носовых костей и обоих углов горизонтальной профилировки.

Расстояния вычислены отдельно для мужских и женских серий. При всех подсчетах, учитывающих пол, результаты получаются неидентичными, что составляет одну из существенных трудностей антропологического анализа. За счет чего происходит эта неидентичность — не совсем ясно: то ли речь идет лишь о случайности варьирования, то ли можно говорить о разной степени полового диморфизма. Дальнейшее накопление данных важно для выбора между этими двумя возможностями объяснения таких различий.

⁶ R. Knussmann, Penrose-Abstand und Diskriminanzanalyse, «Homo», Jahrgang 18, 1967, H. 3.

Вычисленные расстояния между мужскими сериями представлены в табл. 2—4, между женскими — в табл. 5—7. Имеются два случая достаточно резких отличий одной какой-нибудь серии от всех остальных. Первый случай — науканская серия, которая выделяется из всех остальных эскимосских серий, за исключением ближайших к ней, скажем, серии из

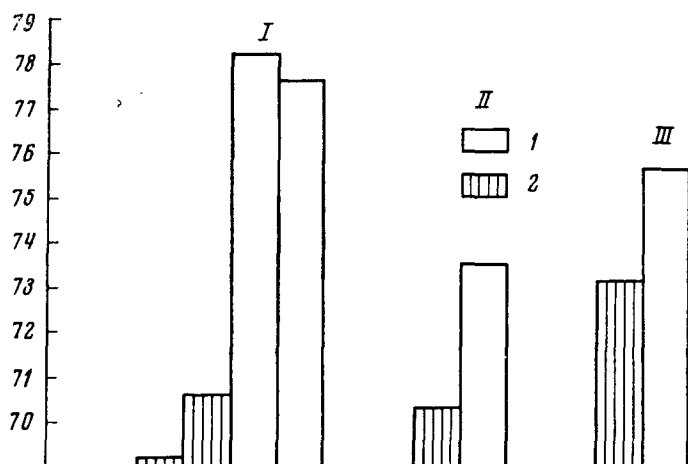

Рис. 1. Сравнение древних и современных эскимосских серий по черепному указателю. Мужские черепа: I — азиатское побережье; II — мыс Барроу; III — мыс Хоп; 1 — современные серии; 2 — древние серии

Чаплино. Это в какой-то мере связано с географией: от аляскинских серий науканская отличается в меньшей степени, чем от гренландских. Второй случай — серия с п-ова Лабрадор, которая наиболее фундаментально отличается от других серий по «форме». В остальных случаях все полученные расстояния не выявляют бросающегося в глаза сходства или различия.

Не выделяются среди остальных и серии из древних могильников. Но здесь уместно подчеркнуть, что закономерные различия между древними и современными сериями все же есть, и они проявляются в форме черепной коробки: древние серии более долихокранны, чем современные (рис. 1). Утверждение М. Г. Левина о широком распространении процесса брахицефализации в пределах ареала арктической расы, чем и объясняется появление мезокефальных форм в районе Берингоморья⁷, получает все более веские подтверждения.

Чтобы выявить группы, связанные наименьшими расстояниями, или, наоборот, прийти к обоснованному выводу о том, что их нет, необходимо прибегнуть к какому-то формальному приему. Сам порядок расстояний в сравнении, скажем, с русскими, кавказскими или финно-угорскими сериями (рис. 2) таков, что дает возможность говорить о глубокой морфологической дифференциации на территории азиатской и американской Арктики и о высоком уровне морфологической специфичности эскимосских популяций. Уже одно это обстоятельство при асимметрии расообразовательного процесса

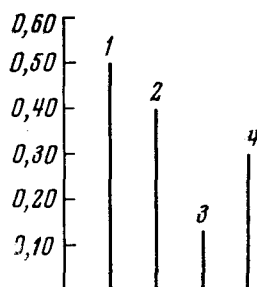

Рис. 2. Средние расстояния между эскимосскими, финно-угорскими, русскими и кавказскими сериями. Формула Пенроза, общие расстояния. Мужские черепа: 1 — эскимосы; 2 — финно-угры; 3 — русские; 4 — народы Кавказа

⁷ М. Г. Левин, К антропологии эскимосов, «Сов. этнография», т. VI—VII, М.—Л., 1947.

Таблица 2

Суммарные расстояния между мужскими эскимосскими сериями (формула Пенроза, расстояния по «величине»)

Серии	Наукаан	Уэлен	Эквен	Чаплино	О. Лаврентия	Юго-западная Аляска	П-ов Сьюарда	Мис Хоп	Тигара	Иплиутак	Мис Барроу	Мис Барроу, древние курганы	Северное побережье и острова	П-ов Лабрадор	Гренландия западная	Гренландия восточная
Наукаан	—															
Уэлен	1,43	—														
Эквен	0,94	0,43	—													
Чаплино	0,32	0,89	1,03	—												
О. Лаврентия	0,61	0,64	0,99	0,06	—											
Юго-западная Аляска	0,69	0,62	0,94	0,05	0,03	—										
П-ов Сьюарда	0,80	0,30	0,54	0,23	0,17	0,12	—									
Мис Хоп	0,74	0,42	0,75	0,21	0,13	0,10	0,10	—								
Тигара	0,30	0,46	0,49	0,92	0,75	0,73	0,53	0,57	—							
Иплиутак	0,34	0,39	0,58	0,27	0,28	0,26	0,31	0,32	0,35	—						
Мис Барроу	0,74	0,34	0,53	0,23	0,17	0,11	0,03	0,14	0,53	0,30	—					
Мис Барроу, древние курганы	1,33	0,36	0,52	0,58	0,50	0,45	0,14	0,32	0,78	0,74	0,18	—				
Северное побережье и острова	0,92	0,42	0,63	0,30	0,25	0,15	0,07	0,13	0,64	0,44	0,05	0,20	—			
П-ов Лабрадор	1,73	0,68	0,96	0,55	0,61	0,46	0,29	0,41	1,16	0,63	0,37	0,37	0,29	—		
Гренландия западная	1,38	0,49	0,73	0,44	0,39	0,30	0,08	0,26	0,91	0,65	0,13	0,09	0,11	0,16	—	
Гренландия восточная	2,17	1,02	1,31	0,61	0,68	0,56	0,36	0,45	1,62	1,15	0,43	0,23	0,39	0,26	0,13	—

Таблица 3

Суммарные расстояния между мужскими эскимосскими сериями (формула Пенроза, расстояния по «форме»)

Серии	Наукан	Уэлен	Эквен	Чап- лино	О. Лав- рентия	Юго-за- падная Аляска	П-ов Сьюар- да	Мыс Хоп	Тигара	Ину- так	Мыс Барроу	Мыс Бар- роу, древ- ние кур- ганы	Северное побережье и острова	П-ов Лабра- дор	Гренландия западная	Гренлан- дия восточная
Наукан	—															
Уэлен	0,09	—														
Эквен	0,10	0,00	—													
Чап-лино	0,08	0,13	0,11	—												
О. Лаврентия	0,20	0,01	0,03	0,03	—											
Юго-западная Аляска	0,30	0,04	0,07	0,00	0,01	—										
П-ов Сьюарда	0,26	0,02	0,05	0,01	0,00	0,00	—									
Мыс Хоп	0,33	0,05	0,09	0,00	0,02	0,00	0,00	—								
Тигара	0,04	0,03	0,01	0,17	0,64	0,12	0,10	0,04	—							
Ину-так	0,27	0,03	0,06	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,40	—						
Мыс Барроу	0,22	0,00	0,03	0,02	0,00	0,01	0,00	0,01	0,07	0,00	—					
Мыс Барроу, древние курганы	0,27	0,03	0,06	0,01	0,01	0,00	0,00	0,00	0,11	0,00	0,00	—				
Северное побережье и острова	0,29	0,04	0,07	0,00	0,01	0,00	0,00	0,00	0,42	0,00	0,01	0,00	—			
П-ов Лабрадор	0,95	0,38	0,48	0,14	0,28	0,19	0,22	0,16	0,61	0,19	0,25	0,21	0,49	—		
Гренландия западная	0,43	0,09	0,14	0,00	0,04	0,01	0,02	0,01	0,21	0,02	0,06	0,02	0,01	0,10	—	
Гренландия восточная	0,73	0,25	0,33	0,06	0,34	0,10	0,12	0,08	0,43	0,11	0,15	0,11	0,10	0,02	0,04	—

Т а б л и ц а 4

Суммарные расстояния между мужскими эскимосскими сериями (формула Пенроза, общие расстояния)

Серии	Наукан	Уэлен	Эквен	Чаплино	О. Лаврентия	Юго-западная Аляска	П-ов Сьюарда	Мыс Хоп	Тигара	Ипиутак	Мыс Барроу	Мыс Барроу, древние курганы	Северное побережье и острова	П-ов Лабрадор	Гренландия западная	Гренландия восточная
Наукан	—															
Уэлен	1,06	—														
Эквен	0,86	0,13	—													
Чаплино	0,26	0,79	0,95	—												
О. Лаврентия	0,46	0,63	0,97	0,04	—											
Юго-западная Аляска	0,47	0,59	0,89	0,05	0,02	—										
П-ов Сьюарда	0,61	0,28	0,50	0,22	0,17	0,12	—									
Мыс Хоп	0,50	0,39	0,69	0,21	0,11	0,10	0,10	—								
Тигара	0,27	0,14	0,18	0,80	0,72	0,64	0,46	0,54	—							
Ипиутак	0,14	0,37	0,54	0,26	0,28	0,26	0,31	0,32	0,27	—						
Мыс Барроу	0,58	0,34	0,50	0,21	0,17	0,10	0,03	0,13	0,46	0,30	—					
Мыс Барроу, древние курганы	1,13	0,34	0,48	0,57	0,49	0,45	0,14	0,32	0,70	0,74	0,18	—				
Северное побережье и острова	0,70	0,39	0,58	0,30	0,24	0,15	0,07	0,13	0,55	0,44	0,04	0,20	—			
П-ов Лабрадор	1,04	0,40	0,61	0,45	0,41	0,32	0,13	0,29	0,72	0,49	0,18	0,22	0,15	—		
Гренландия западная	1,07	0,43	0,63	0,44	0,36	0,29	0,06	0,25	0,76	0,64	0,09	0,04	0,10	0,09	—	
Гренландия восточная	1,64	0,84	1,07	0,60	0,44	0,49	0,27	0,39	1,31	1,07	0,32	0,15	0,32	0,24	0,10	—

Суммарные расстояния между женскими эксимосскими сериями (формула Пенроза, расстояния по «величине»)

Серии	Наукав	Уэлэн	Эквен	Чадлин- но	О. Лав- рентия	Юго-запад- ная Аляска	П-ов Сьюар- да	Мыс Хоп	Тигара	Иппу- так	Мыс Барроу	Мыс Бар- роу, древ- ние курганы	Северное побережье и острова	П-ов Лабра- дор	Гренландия западная	Гренландия восточная
Наукав	—															
Уэлэн	1,36	—														
Эквен	0,97	0,08	—													
Чадлино	0,18	0,92	0,78	—												
О. Лаврентия	0,37	0,65	0,65	0,06	—											
Юго-западная Аляска	0,55	0,67	0,73	0,07	0,07	—										
П-ов Сьюарда	0,70	0,31	0,35	0,24	0,10	0,13	—									
Мыс Хоп	0,53	0,41	0,46	0,21	0,10	0,08	0,05	—								
Тигара	0,47	0,18	0,15	0,58	0,38	0,46	0,24	0,28	—							
Иппутак	0,42	0,47	0,55	0,25	0,18	0,15	0,24	0,21	0,26	—						
Мыс Барроу	0,72	0,33	0,39	0,20	0,14	0,11	0,02	0,06	0,29	0,20	—					
Мыс Барроу, древние курганы	1,29	0,30	0,34	0,65	0,52	0,50	0,18	0,28	0,46	0,66	0,19	—				
Северное побережье и острова	0,99	0,42	0,51	0,31	0,27	0,18	0,07	0,10	0,45	0,35	0,06	0,25	—			
П-ов Лабрадор	1,62	0,45	0,63	0,67	0,65	0,43	0,24	0,31	0,72	0,61	0,23	0,21	0,13	—		
Гренландия западная	1,14	0,49	0,50	0,42	0,40	0,34	0,11	0,21	0,56	0,61	0,13	0,17	0,07	0,20		
Гренландия восточная	1,49	0,80	0,88	0,47	0,51	0,37	0,26	0,34	0,93	0,71	0,25	0,34	0,12	0,16	0,10	—

Таблица 6

Суммарные расстояния между женскими эскимосскими сериями (формула Пенроза, расстояние по «формуле»)

Серия	Наукан	Уэлен	Эквен	Чаплино	О. Лаврентия	Юго-западная Аляска	П-ов Сьюарда	Мыс Хоп	Тигара	Иппутак	Мыс Барроу	Мыс Барроу, древние курганы	Северное побережье и острова	П-ов Лабрадор	Гренландия западная	Гренландия восточная
Наукан	—															
Уэлен	0,06	—														
Эквен	0,04	0,00	—													
Чаплино	0,03	0,00	0,01	—												
О. Лаврентия	0,13	0,03	0,00	0,00	—											
Юго-западная Аляска	0,30	0,03	0,03	0,02	0,05	—										
П-ов Сьюарда	0,27	0,00	0,02	0,01	0,02	0,00	—									
Мыс Хоп	0,18	0,00	0,03	0,02	0,04	0,00	0,00	—								
Тигара	0,10	0,04	0,00	0,01	0,00	0,05	0,05	0,05	—							
Иппутак	0,26	0,00	0,02	0,03	0,01	0,00	0,00	0,01	0,04	—						
Мыс Барроу	0,31	0,00	0,03	0,02	0,05	0,00	0,00	0,00	0,06	0,00	—					
Мыс Барроу, древние курганы	0,42	0,05	0,07	0,05	0,10	0,01	0,03	0,01	0,11	0,02	0,01	—				
Северное побережье и острова	0,38	0,01	0,06	0,04	0,08	0,00	0,01	0,01	0,09	0,01	0,00	0,00	—			
П-ов Лабрадор	0,85	0,17	0,30	0,26	0,35	0,14	0,16	0,15	0,21	0,17	0,14	0,08	0,40	—		
Гренландия западная	0,29	0,00	0,03	0,02	0,04	0,00	0,00	0,00	0,05	0,00	0,00	0,01	0,01	0,15	—	
Гренландия восточная	0,57	0,06	0,15	0,12	0,16	0,04	0,06	0,05	0,19	0,08	0,04	0,01	0,02	0,03	0,05	—

Суммарные расстояния между женскими эскимосскими сериями (формула Пенроза, общие расстояния)

Серия	Наукан	Уэлен	Эквен	Чаплино	О. Лаврентия	Юго-западная Аляска	П-ов Сьюарда	Мыс Хоп	Тигара	Иниутак	Мыс Барроу, древние курганы	Северное побережье и острова	П-ов Лабрадор	Гренландия западная	Гренландия восточная
Наукан	—														
Уэлен	1,31	—													
Эквен	0,94	0,08	—												
Чаплино	0,16	0,92	0,47	—											
О. Лаврентия	0,28	0,63	0,65	0,06	—										
Юго-западная Аляска	0,33	0,65	0,71	0,06	0,03	—									
П-ов Сьюарда	0,50	0,31	0,33	0,23	0,09	0,13	—								
Мыс Хоп	0,40	0,41	0,44	0,20	0,07	0,08	0,05	—							
Тигара	0,39	0,15	0,15	0,57	0,38	0,42	0,20	0,24	—						
Иниутак	0,23	0,47	0,54	0,23	0,17	0,15	0,24	0,20	0,23	—					
Мыс Барроу	0,49	0,33	0,37	0,19	0,10	0,11	0,02	0,06	0,25	0,20	—				
Мыс Барроу, древние курганы	0,99	0,26	0,29	0,61	0,45	0,49	0,15	0,27	0,38	0,65	0,18	—			
Северное побережье и острова	0,71	0,41	0,47	0,18	0,21	0,18	0,06	0,09	0,39	0,34	0,06	—	—		
П-ов Лабрадор	1,00	0,33	0,41	0,48	0,39	0,33	0,12	0,20	0,57	0,49	0,13	0,06	—	—	
Гренландия западная	0,92	0,49	0,48	0,40	0,37	0,34	0,11	0,21	0,52	0,61	0,13	0,06	0,09	—	
Гренландия восточная	1,07	0,76	0,77	0,39	0,39	0,34	0,22	0,31	0,79	0,65	0,22	0,10	0,14	0,07	—

дает надежду получить положительный результат при анализе расстояний и обнаружить неравномерную дифференциацию отдельных территориальных групп эскимосов.

Разработанной стандартной процедуры, которая позволяла бы осуществить такой формальный анализ, нет. Использование формулы Пенроза для вычисления расстояний между всеми попарно сопоставляемыми группами имеет своей целью выделение «сгустков» («облаков») популяций внутри таксономического поля, образуемого всеми сопоставляемыми группами в целом. Для того чтобы выделить эти сгустки или облака, необходимо расположить популяции таким образом, чтобы расстояния между соседними популяциями внутри таксономического поля были наименьшими, а расстояния между сгустками популяций, если таковые есть, — наибольшими.

Для достижения этой цели предпримем несколько последовательных шагов в разбиении матрицы расстояний на какие-то группы. Группировку популяций можно провести по лингвистическому, историко-этнографическому, географическому или какому-нибудь иному принципу. К сожалению, лингвистические данные о диалектах внутри эскимосского языка очень противоречивы, и общепринятой их классификации не существует. Отдельные авторитетные исследователи поэтому группируют диалекты по географическому принципу: диалекты азиатских эскимосов, диалекты эскимосов Аляски и т. д., но это объясняется недостатком сведений⁸.

Лингвистический принцип, следовательно, не может быть применен в анализе матриц расстояний. Этнографические данные, а также археологическая информация о взаимоотношениях отдельных эскимосских групп еще более противоречивы⁹. Поэтому был выбран другой путь — объединение серий по географическому принципу с выделением групп соседних серий и оценка того, в какой мере эти группы соответствуют сгусткам морфологического сходства, определяемого при помощи формулы Пенроза.

Естественным представляется получить прежде всего ответ на вопрос о сходстве западных и восточных групп эскимосского ареала. В восточную группу включены серии с территории Гренландии, Лабрадора и северных островов, а также северного побережья, в западную — все остальные. Приводим для западной и восточной групп средние внутригрупповые расстояния, т. е. расстояния между сериями внутри каждой из групп (мужские серии):

	Запад	Восток
расстояния по «величине»	0,454	0,223
расстояния по «форме»	0,059	0,077
общие расстояния	0,410	0,167

Из приведенных данных видно, что эскимосы Аляски и азиатского побережья морфологически почти вдвое более дифференцированы, чем эскимосы Канады и Гренландии. Однако это утверждение справедливо лишь для расстояний, отражающих «величину». Расстояния, отражающие «форму», больше на востоке, чем на западе. То же можно сказать и о распределении расстояний между эскимосскими сериями в западной и восточной группах:

	Запад	Восток
расстояния по «величине»	0,380	0,130
расстояния по «форме»	0,051	0,060
общие расстояния	0,343	0,087

⁸ См., например: Г. А. Меновщиков, Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. I, М., — Л., 1962.

⁹ Обзор см.: Л. А. Файнберг, Общественный строй эскимосов и алеутов (от материнского рода к соседской общине), М., 1964; его же, Очерки этнической истории зарубежного Севера, М., 1971.

Выше уже отмечалось, однако, что об относительной гомогенности выделенных территориальных групп можно говорить только в том случае, если средние расстояния между всеми входящими в разные группы сериями больше, чем внутри этих групп, иными словами, если внутригрупповые расстояния меньше межгрупповых. В данном случае эти межгрупповые расстояния следующие:

	мужские черепы	женские черепы
расстояния по «величине»	0,602	0,483
расстояния по «форме»	0,176	0,118
общие расстояния	0,474	0,396

Мы видим, что межгрупповые расстояния больше внутригрупповых и в мужской и в женской группах. Таким образом, таксономическое поле, образованное всеми эскимосскими популяциями, асимметрично и образует два сгустка, между которыми располагается разреженное пространство. Первому из этих сгустков соответствуют азиатские и аляскинские эскимосы, второму — канадские и гренландские эскимосы. Старая идея А. Грдлички¹⁰ о возможности выделения в составе эскимосов западного, или берингоморского, и восточного, или гренландского, вариантов получает, следовательно, подтверждение в количественном анализе.

Однако как ни кажется соблазнительным морфологическое противопоставление западных и восточных эскимосов, ясно, что им нельзя ограничиться при анализе морфологической дифференциации эскимосских групп: средние расстояния между западными сериями достаточно велики, чтобы можно было заранее надеяться выделить среди них более узкие круги сходства, охватывающие совокупности гомогенных популяций. Распределение расстояний на востоке также неравномерно: между гренландскими сериями они заметно меньше, чем между ними и сериями из Лабрадора и северного побережья Канады. Поэтому следующий логически оправданный шаг в анализе матрицы расстояний состоит в дальнейшем географическом членении эскимосского ареала и выделении более мелких территориальных групп, чем обобщенные западная и восточная. Оправдано, с географической точки зрения, отдельно рассматривать азиатские серии, затем все аляскинские, затем канадские и, наконец, гренландские т. е. четыре группы вместо охарактеризованных двух.

Все расстояния, рассчитанные по четырем группам, приведены в табл. 8 и 9, начиная с расстояний по «величине» (первая строчка). Сразу же бросается в глаза гомогенность гренландских серий, расстояние между которыми заметно меньше, чем расстояния их обеих суммарно от остальных территориальных групп. Исключение составляет положение женских гренландских серий по отношению к сериям из Канады — расстояния между ними лишь чуть-чуть больше, чем внутригрупповые по Гренландии. Важно отметить, что распределение межгрупповых расстояний точно следует за их географией — наибольшие расстояния отделяют азиатскую группу от гренландской, несколько ближе к последней аляскинская и, наконец, наименьшие расстояния разделяют канадскую и гренландскую группы.

Канадская группа выглядит гомогенной в сравнении с азиатской и аляскинской, но отличия ее от гренландской не больше, чем внутригрупповые расстояния между самими канадскими сериями. Таким образом, канадские и гренландские эскимосы не отличаются особым краниологическим своеобразием по отношению друг к другу. Географическое распределение расстояний опять такое, каким оно должно быть в соответствии с предположением, что морфологическая дифференциация явля-

¹⁰ A. Hrdlička, Anthropological survey in Alaska, «46th annual report of the Bureau of american ethnology», Washington, 1930.

Таблица 8

Средние расстояния между четырьмя мужскими группами (по диагонали — внутригрупповые расстояния)

Территориальные группы	Азия	Аляска	Канада	Гренландия
Азия	0,740 0,085 0,675			
Аляска	0,512 0,086 0,448	0,326 0,023 0,309		
Канада	0,774 0,294 0,559	0,389 0,141 0,286	0,290 0,190 0,150	
Гренландия	1,023 0,254 0,840	0,518 0,114 0,435	0,230 0,058 0,188	0,130 0,040 0,100

Таблица 9

Средние расстояния между четырьмя женскими группами (по диагонали — внутригрупповые расстояния)

Территориальные группы	Азия	Аляска	Канада	Гренландия
Азия	0,715 0,023 0,697			
Аляска	0,445 0,078 0,389	0,234 0,026 0,214		
Канада	0,700 0,256 0,511	0,321 0,100 0,248	0,130 0,100 0,060	
Гренландия	0,774 0,155 0,660	0,390 0,046 0,356	0,138 0,053 0,098	0,100 0,050 0,070

ется следствием территориальной удаленности популяций друг от друга — сильнее всего канадские эскимосы отличаются от азиатских, расстояния между ними и аляскинскими эскимосами заметно меньше.

Аляскинская группа не так гомогенна, как канадская и тем более гренландская. Возможно, это объясняется тем, что в аляскинскую группу включаются древние серии — из могильников Ипиутак, Тигара, а также из древних курганов на мысе Барроу. Тем не менее, своеобразие аляскинских популяций отчетливо фиксируется противопоставлением величин внутригрупповых и межгрупповых расстояний — последние в рассматриваемом случае больше. Территориальное распределение расстояний опять разумно объясняется географически: водораздел проходит по Берингову проливу — наибольшие расстояния разделяют азиатских и аляскинских эскимосов, ближе всего аляскинские эскимосы канадским, чуть дальше отстоят от них гренландские эскимосы.

Азиатские эскимосы негомогенны. Прежде всего это явствует из больших величин самих расстояний внутри азиатских групп. Но еще важнее другое — межгрупповые расстояния меньше внутригрупповых в двух

случаях из трех. Такой полиморфизм азиатских эскимосов есть, вероятно, следствие того, что антропологический состав представлен и древними популяциями. Но так или иначе, этот полиморфизм весьма значителен. По-видимому, азиатские популяции не составляют сгустка в таксономическом поле, образованном эскимосскими популяциями, и, будучи географически соседними, не имеют общего происхождения.

Любопытный факт обнаруживается при рассмотрении расстояний внутри всех четырех групп. Эти расстояния закономерно уменьшаются в зависимости от географического положения групп — наиболее морфологически специфичны по отношению друг к другу азиатские популяции, наименее специфичны — гренландские, занимают промежуточное положение — аляскинские и канадские. Это означает, что краниологический полиморфизм в наибольшей мере характерен для азиатских эскимосов и затем постепенно и последовательно уменьшается с запада на восток. В процессе расселения произошла как бы гомогенизация антропологических особенностей, что может, конечно, объясняться многими причинами: усилением отбора в трудных условиях существования, переходом отбора в стабилизирующую форму и редукцией размаха изменчивости и т. д. И тут, по-видимому, был прав А. Грдличка, считавший гренландский вариант следствием арктической адаптации.

Все сказанное подытожено на рис. 3—6. На картах расселения исследованных серий показаны расстояния между ними по «величине» и общи. Расстояния по «форме» не картировались, так как по ним различия между популяциями распределяются нечетко.

Расстояния ранжированы на 10 равных классов, но чтобы не загромождать карты, на них нанесены лишь наиболее близкие и наиболее удаленные расстояния первого и последнего классов. На картах отчетливо отразилось наличие сгустков внутри таксономического поля, приуроченных к западным и восточным популяциям, и промежуточное и менее ясное положение центральных районов эскимосского ареала.

Итак, несмотря на большое краниологическое сходство, характерное для всех групп эскимосов в целом, одни группы более близки между собой, другие менее. Выделяемые морфологические варианты соответствуют географическому расселению соответствующих популяций. Таким образом, эскимосский краниологический вариант распадается на субварианты, из которых можно назвать гренландский, канадский, аляскинский и с определенными ограничениями азиатский. Последний наименее гомогенен и, возможно, дальнейший углубленный краниологический анализ выявит его сложный состав. Такой анализ, как уже говорилось, можно будет осуществить после обработки всех материалов по краниологии эскимосов и чукчей, собранных совместной экспедицией Отдела антропологии Института этнографии АН СССР и Института антропологии при МГУ на протяжении двух полевых сезонов в 1970—1971 гг. После такой обработки уместным будет и сопоставление генеалогической дивергенции эскимосов по разным системам признаков, а также оценка обобщенных расстояний между представителями арктической расы в целом, полученных на основании вариаций групповых факторов крови. Весьма вероятно, что сложный анализ азиатского субварианта выразится и в наличии отдельных азиатских популяций, которые ближе к аляскинским, чем к остальным азиатским. Из выделенных субвариантов азиатский и гренландский наиболее удалены друг от друга. Исследованная нами научная серия находит место внутри азиатского субварианта.

Не реабилитируя старую гипотезу Г. Шапино, согласно которой среди эскимосов выделяется ряд значительно различающихся между собой территориальных комплексов¹¹, следует подчеркнуть, что отказ от нее

¹¹ H. Shapiro, Some observations on the origin of the Eskimo, «Proceedings of the 5th Pacific science congress», vol. 4, Toronto, 1933.

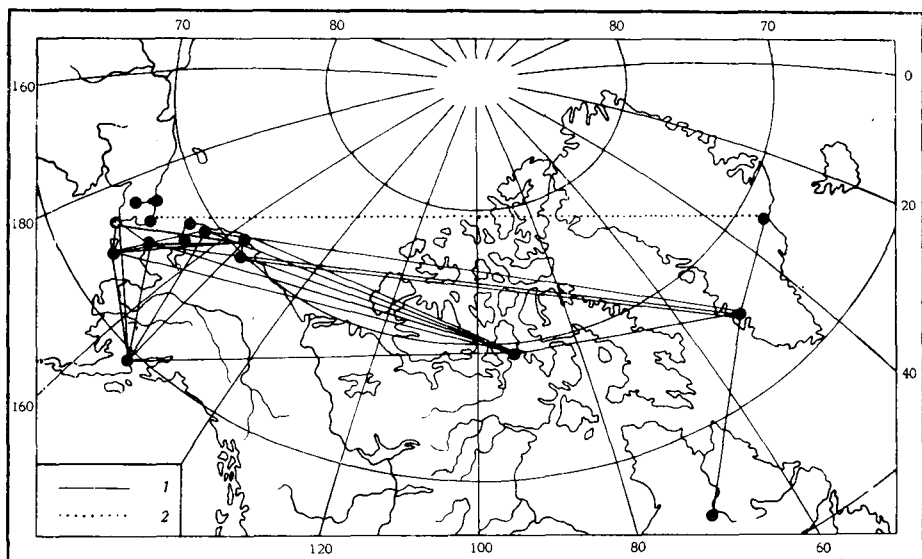

Рис. 3. География расстояния по «величине» в пределах эскимосского ареала. Мужские серии:

1 — максимальное сходство; 2 — минимальное сходство

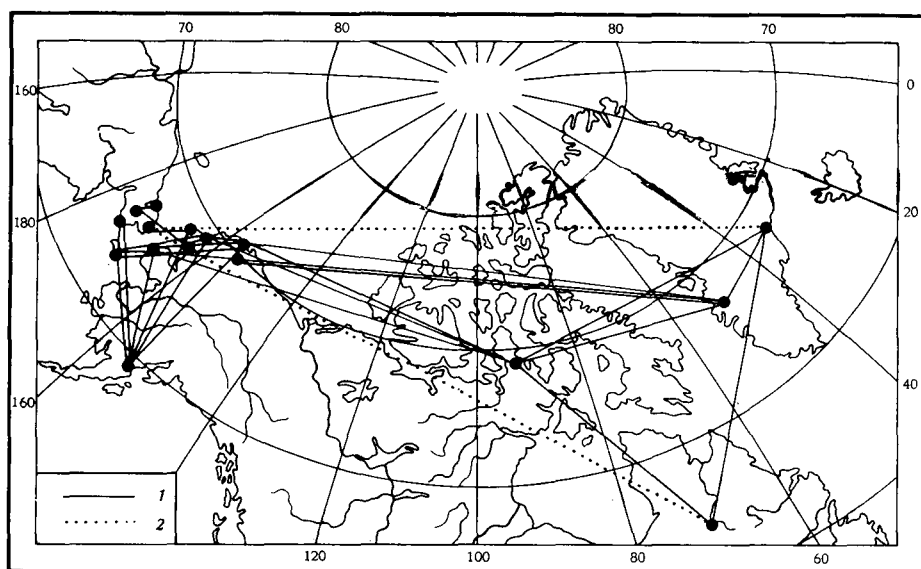

Рис. 4. География расстояния по «величине» в пределах эскимосского ареала. Женские серии.

1 — максимальное сходство; 2 — минимальное сходство

вызван скорее конкретным вариантом предложенной Г. Шапиро классификации этих комплексов, чем положенной в ее основу идей. Классификация эта критически разобрана М. Г. Левиным¹², к соображениям которого нечего добавить. Но сама идея множественности локальных субвариантов внутри относительно гомогенного по межгрупповому мас-

¹² М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXVI, М., 1958.

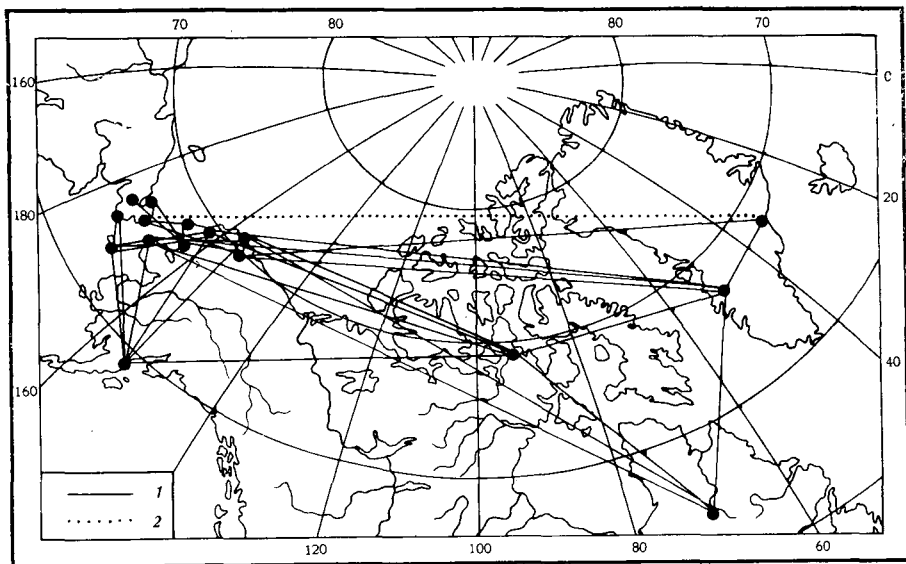

Рис. 5. География общих расстояний в пределах эскимосского ареала. Мужские серии.
1 — максимальное сходство; 2 — минимальное сходство

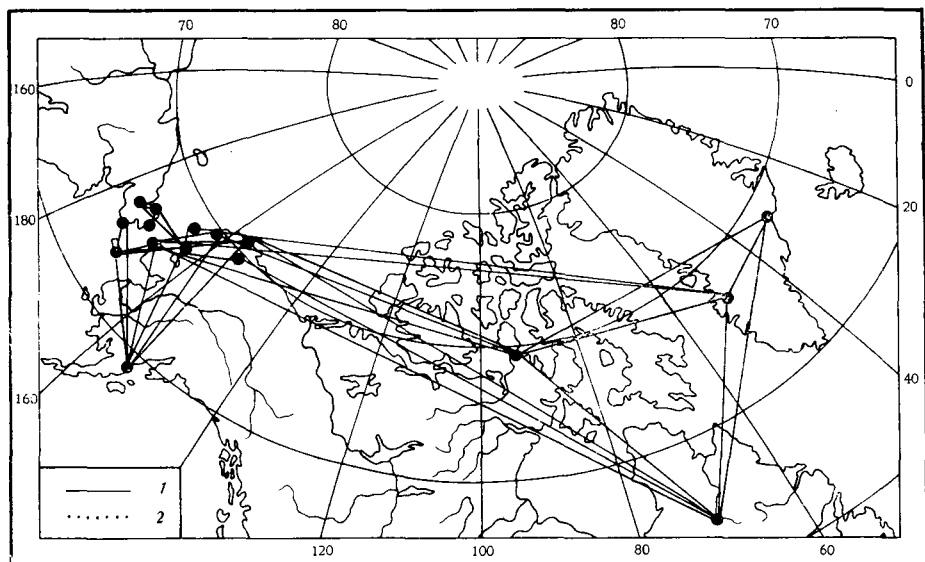

Рис. 6. География общих расстояний в пределах эскимосского ареала. Женские серии.
1 — максимальное сходство; 2 — минимальное сходство

штабу эскимосского типа получила в проделанном анализе основательную поддержку.

Уменьшение гетерогенности по направлению с запада на восток, проявление наибольших различий между азиатскими и гренландскими группами, а также уменьшение этих различий между территориально близкими популяциями свидетельствуют о том, что заселение отдельных участков эскимосского ареала осуществлялось довольно закономерным образом, иными словами, случайные миграции, отрыв семей или даже групп семей от основного контингента той или иной популяции если и имели место, то не изменили этого закономерного характера постепенного рас-

селения. Только при таком расселении могла сформироваться морфологическая ситуация, при которой крайние группы внутри ареала различаются в наибольшей степени. Это обстоятельство следует подчеркнуть особо, потому что в историко-этнографической литературе случайное расселение вследствие труднодоступности территории и оказываемое ею отрицательное влияние на постоянство межгрупповых контактов рассматриваются как причина нарушения родовых связей и разрушения родовой организации¹³.

Наличие родового строя в прошлом у эскимосов реконструируется ретроспективно, на основании косвенных данных и неопременной интерпретации в качестве пережиточно родовых тех подразделений, возможно и территориальных, которые были у эскимосов и от которых сохранились названия¹⁴. В свете антропологических наблюдений, нужно, по-видимому, искать для объяснения разложения родовых связей другую основную причину.

MATERIALS FOR THE CRANIOLOGY OF THE NAUKAN ESKIMOS (TOWARDS A SUBDIVISION OF THE ARCTIC RACE)

New (1971) craniological material from an Eskimo burial ground in Naukan settlement is described in the paper. The results of its investigation are compared with craniological data on the Eskimos of Alaska, Canada and Greenland. The Eskimo craniological complex is widely differentiated, more so than the populations of many areas in Eurasia. Comparison between a totality of features for western and eastern Eskimo groups has corroborated the existence of a western and an eastern variant within the Eskimo complex as a whole.

¹³ См., например: Л. А. Файнберг, К вопросу о родовом строе у эскимосов, «Сов. этнография», 1955, № 2; его же, Общественный строй эскимосов и алеутов (от материнского рода к соседской общине).

¹⁴ Г. А. Меновщиков, О пережиточных явлениях родовой организации азиатских эскимосов, «Сов. этнография», 1962, № 6; Д. А. Сергеев, Пережитки отцовского рода у азиатских эскимосов. Там же.

А. А. Сусоколов

ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧИЙ В УРОВНЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ЧИСЛЕННОСТИ КОНТАКТИРУЮЩИХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП НА МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ СССР
1959 И 1970 гг.)

Изучение закономерностей, определяющих отношения между контактирующими этническими группами, занимает одно из центральных мест в проблематике конкретных исследований национальных отношений в СССР. Важным дополнением к анкетам, используемым обычно в качестве источника первичной информации, могут быть некоторые официальные статистические документы, в том числе публикации материалов переписей населения СССР.

В статье поставлены три группы проблем: конструирование показателей межэтнических отношений; фиксация некоторых факторов, влияющих на эти отношения; проверка гипотез о влиянии рассматриваемых факторов на этнические отношения. Зависимость между этническими отношениями и некоторыми факторами, их обуславливающими, исследуется как в статике — на одном временном срезе, так и в динамике.

Данная статья посвящена достаточно узкому кругу вопросов, поэтому используется узкое значение понятий «этнические группы» и «межэтнические отношения». Под этническими группами понимаются социальные общности, объединенные этнической (национальной) принадлежностью, находящиеся в непосредственном общении с группами иной этнической принадлежности. Например, русские в среде городского населения какой-либо союзной республики рассматриваются как этническая группа. Под этническими отношениями понимаются отношения между этническими группами, проявляющиеся на личностном (в отличие от институционального) уровне. Мы анализируем только ситуации непосредственного межэтнического общения, хотя опосредованное межэтническое общение (через средства массовой информации) тоже может входить в компетенцию этносоциологического исследования.

В данной работе мы ограничиваемся показателями, основанными на соотношении национальной принадлежности и родного языка. Предполагается, что такие показатели обладают свойствами, общими для более широкого круга показателей межэтнических отношений. Нами использованы публикации материалов переписей населения 1959 и 1970 гг., в которых содержатся данные о численности лиц основных национальностей каждой союзной республики (а в ряде случаев и более мелких административных единиц), указавших в качестве родного языка своей или другой национальности. Распределения даются по трем языкам: основной язык данной группы, язык коренной национальности республики¹ и русский язык. Фактом, обуславливающим пригодность подоб-

¹ Здесь и далее под «коренной национальностью» понимается основная национальность каждой республики: в Украинской ССР — украинцы, в Узбекской — узбеки и т. д.

ных данных для характеристики отношений между этническими группами, является несовпадение национальности и родного языка у определенного процента лиц. Естественно предположить, что чем больше представителей каждой группы указывают в качестве родного языка другой этнической группы, тем более открыты границы между этническими группами. И хотя процент таких индивидов не может служить прямым показателем характера этнических отношений, определенная связь здесь, видимо, есть. Сравнивая две контактные ситуации, в одной из которых больший процент лиц назвал родным язык другой этнической группы, чем в другой, можно предположить, что при прочих равных условиях в первой ситуации больше вероятность благоприятных межэтнических отношений. Увеличение этого процентного отношения в одной контактной ситуации может свидетельствовать о стирании этнических границ, наоборот, его уменьшение — показатель увеличения замкнутости этнических групп.

Начинать рассмотрение лучше с наиболее элементарных случаев. Поэтому в данной статье мы будем исходить из представления о взаимодействии двух этнических групп: основной, коренной национальности и русского населения. Обозначим эти группы условно символами соответственно А и В. Описать отношения между ними можно двояко: во-первых, используя двусторонний, или «симметричный», показатель, характеризующий отношения между двумя группами сразу; во-вторых, рассматривая показатели отношений А к В и В к А, которые мы назовем асимметричными. Действительно, с одной стороны, можно использовать процент лиц в обеих группах, указавших в качестве родного языка другой группы. С другой стороны, можно взять этот показатель для каждой группы в отдельности: процент лиц группы А, указавших в качестве родного языка группы В, и наоборот, процент лиц группы В, считающих родным язык группы А.

Для обозначения численности этнических групп мы используем их «названия» — А и В. Числу лиц группы А, считающих родным язык группы В, будет соответствовать символ A^b ; аналогичная величина для группы В будет обозначаться как B^a . Симметричный показатель С можно выразить тогда следующим образом:

$$C = \frac{\text{Численность представителей обеих групп, считающих родным язык другой группы}}{\text{суммарная численность обеих групп}} \times 100,$$

или в символической форме:

$$C = \frac{A^b + B^a}{A + B} \times 100.$$

Первичные асимметричные показатели выглядят еще проще²:

$$E^b = \frac{\text{Численность представителей группы А, считающих родным язык группы В}}{\text{Численность группы А}} \times 100,$$

$$E^a = \frac{\text{Численность представителей группы В, считающих родным язык группы А}}{\text{Численность группы В}} \times 100.$$

² Эта группа показателей часто используется в этнографии и этносоциологии, мы лишь пытаемся предложить общую символику для их выражения. Один из наиболее удачных, на наш взгляд, примеров их использования содержится в статье: М. Н. Губоло, О влиянии расселения на языковые процессы, «Сов. этнография», 1969, № 5.

В принятых нами обозначениях они записываются так:

$$E^b = \frac{A^b}{A} \times 100 \quad E^a = \frac{B^a}{B} \times 100.$$

Данные переписей населения свидетельствуют о том, что два языка, принадлежащие контактирующим в пределах одной республики этническим группам, выбираются представителями другой этнической группы (или групп) в качестве родного с различной частотой. Например, если язык группы В (русской) чаще выбирается в группе А (коренной национальности) в качестве родного, чем язык А в группе В, то E^b больше E^a . Для измерения степени расхождения между этими двумя показателями можно использовать показатель D

$$D = \frac{E^a}{E^b}.$$

Он также асимметричен, так как позволяет сравнивать две контактирующие группы по доле людей в каждой из них, считающих родным язык другой группы. D — производный показатель, поскольку он конструируется на основе более простых показателей E^a и E^b .

Явление различной «этнической притягательности» контактирующих групп имеет место в различных сферах этнических отношений. Например, советскими исследователями зафиксирован факт неравновероятного выбора своей национальности при получении паспорта детьми от смешанных браков³. Одна из национальностей родителей часто получает больше выборов, чем другая. Такое соотношение показателей межэтнических отношений, видимо, связано с направлением протекающих этнических процессов. Есть основания предполагать, что различные аспекты «этнической притягательности» контактирующих групп связаны между собой, что должно проявляться в статистической зависимости между их показателями. Например, более частый выбор языка группы А в качестве родного представителями других групп в таком случае должен сочетаться с более частым выбором детьми от смешанных браков национальности А при получении паспорта. Для совокупности явлений такого рода целесообразно ввести общий термин. Можно, например, предложить термин «этническое превалирование».

Данные переписей населения позволяют сопоставить показатели выбора родного языка только с показателями свободного владения вторым языком народов СССР. Действительно, между этими двумя рядами показателей существует определенная статистическая связь. Например, коэффициент ранговой корреляции r между долями коренного населения каждой республики, считающего родным русский язык и свободно владеющего русским языком (по городскому населению, 1970 г.), равен 0,649. В дальнейшем, употребляя термин «этническое превалирование», мы будем опираться только на показатели выбора родного языка, подразумевая, однако, что эти показатели тесно связаны с направлением и интенсивностью протекающих этнических процессов, а через них — с другими показателями межэтнических отношений⁴.

Следует отметить, что само по себе явление этнического превалирования нельзя рассматривать как явление отрицательное, поскольку речь идет не о доминировании одной нации или народности над другой, а о превалировании в отношениях между контактирующими в ограниченных ситуациях общения этническими группами. В нашем обществе этниче-

³ См., например: О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева, Этнографическое изучение национальных процессов в Прибалтике, «Сов. этнография», 1965, № 5.

⁴ В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 337; А. А. Исупов, Национальный состав населения СССР, М., 1964, стр. 40.

ское превалирование вызывается не дискриминацией отдельных этнических и расовых групп, как это имеет место обычно в капиталистических странах, а различной численностью контактирующих групп, различиями их социальной структуры, степенью приобщения к общечеловеческим культурным ценностям и т. п. Явление этнического превалирования имеет определенный положительный эффект, поскольку способствует естественным межкультурным взаимодействиям.

Проиллюстрируем использование описанных показателей на материалах переписей населения СССР 1959 и 1970 гг. В качестве единиц анализа берется все городское население каждой союзной республики. Напомним, что мы берем следующие контактирующие этнические группы: основное коренное население каждой республики (группа А) и русское население (группа В). Мы ограничиваемся городским населением, поскольку в сельской местности представители различных национальностей обычно живут в разных населенных пунктах и не имеют достаточно интенсивных межэтнических контактов. В отдельных республиках городское население сильно различается в зависимости от степени межэтнической контактности. В одних республиках преобладают однонациональные города, в других, наоборот, многонациональные. Конечно, это не может не отразиться на результатах статистических обобщений и действует как «информационный шум», размывающий картину межэтнических отношений. Однако, как мы покажем ниже, несмотря на действие неконтролируемых факторов, значения коэффициентов связи, призванных верифицировать наши гипотезы, довольно высоки. К сожалению, в печати отсутствуют данные по более мелким, а следовательно и более однородным административным единицам, которые позволили бы проверять гипотезы о межэтнических отношениях с большей степенью обоснованности.

В табл. 1 приведены значения рассмотренных выше коэффициентов по материалам двух последних переписей населения СССР. Как в 1959 г., так и в 1970 г. процент населения коренной национальности, считающего родным русский язык, в большинстве республик выше, чем процент русских, считающих родным язык коренной национальности. Поэтому показатель этнического превалирования D почти везде гораздо меньше единицы. Средняя величина этого показателя в 1959 г. равнялась 0,446, а в 1970 г.—0,507. Следовательно, в течение этого времени происходил рост престижа языка коренных национальностей по сравнению с русским языком, хотя в основном превалирование русского языка сохранялось (средняя величина D меньше 1).

Анализ симметричного показателя C позволяет удостовериться, что, несмотря на существенное изменение численности городского населения, а следовательно и обновление его состава, этот показатель очень устойчив. В большинстве республик его значение либо несколько возросло, либо осталось практически неизменным. Исключение составляют только Армения и Эстония, где наблюдается очень незначительное уменьшение относительной численности «этнически неустойчивых» индивидов среди коренного и русского населения, возможно, связанное не только с этническими процессами, но и с миграцией населения в инонациональные районы. Средняя величина показателя C с 1959 по 1970 г. возросла с 3,00 до 3,33, что может свидетельствовать об отсутствии тенденции возрастания взаимного этнического обособления. В дальнейшем мы обратим особое внимание на раскрытие социальной обусловленности этнического превалирования, так как именно оно заметно изменяется.

Итак, описанные показатели, как и все другие показатели группового поведения в межэтническом общении, говорят нам, во-первых, о том, насколько «открыты» или «замкнуты» группы в процессе общения и, во-вторых, о степени «этнической притягательности» различных контактирующих групп.

Мы не можем использовать значения этих показателей для характеристики степени благоприятности межэтнических отношений. Можно ли, например, сказать, что отношения между киргизами и русскими в Киргизии хуже, чем отношения между белорусами и русскими в Белоруссии только на основании того, что показатель S для Киргизии равен 0,3, а для Белоруссии 19,2. Различия между этими двумя значениями обусловлены многими социальными и демографическими факторами, среди которых такие, как соотношение численностей контактирующих групп, степень различия их культур, длительность и интенсивность общения. Это соотношение станет более понятным, если мы учтем, что в 1970 г. в городах Киргизии проживало почти в три раза меньше киргизов, чем русских; что у киргизов и русских исторически сложились различные типы культуры, в то время как различия между белорусами и русскими невелики; что достаточно интенсивные межэтнические контакты в Киргизии начались буквально в последние десятилетия, а белорусский народ формировался в тесном общении с русским народом.

Возникновение различий в степени этнической консолидации, существующих между группами национальностей, развитие национального самосознания и связанное с ним усиление этнической консолидации некоторых групп — процесс закономерный. Мы разделяем мнение М. И. Куличенко, который писал: «Важное значение для теории и практики национальных отношений имеет то обстоятельство, что сейчас мы наблюдаем некоторую активизацию национальной жизни — рост национального сознания, национальных чувств — при одновременном росте классового сознания трудящихся. Иногда это воспринимается как отрицательное явление, как опасность делу строительства коммунизма. Но опасность не в указанных явлениях, которые действительно имеют место. Опасно пустить развитие этих процессов на самотек, оставить их без сознательного регулирования, дать возможность влиять на рост национального сознания, национальных чувств враждебным, националистическим элементам»⁵. Этническое, как правило, выступает как один из аспектов национального, т. е. как аспект непосредственного межнационального общения. Поэтому сказанное верно и для этнических отношений, и для этнической консолидации как одной из сторон этих отношений. Для сознательного регулирования этнических процессов необходимо выявить основные закономерности, управляющие этими процессами. Несомненно, что чрезмерное развитие этнической консолидации, замкнутости этнических групп может затруднить процесс сближения, а в дальнейшем и слияния народов.

Анализ показателей в табл. 1 приводит к заключению, что изменение направления этнического превалирования в ряде республик связано не только с увеличением процента русского населения, считающего родным язык коренных национальностей, но и с уменьшением доли лиц коренных национальностей, указавших в качестве родного русский язык. Этот факт, видимо, свидетельствует о возросшей степени этнической консолидации групп коренных национальностей. Какие факторы контактной ситуации оказывают на данное явление наибольшее влияние? Марксистский подход состоит в том, чтобы показать социально-экономическую основу изучаемого явления. В наше время ликвидирована экономическая и социальная отсталость народов СССР. На этнические отношения теперь оказывают влияние не существенный дефицит материальных благ или политическое неравенство, а более сложное сочетание социально-экономических условий. После достижения юридического, политического равенства народов, ликвидации экономической отсталости едва ли не самым существенным фактором, оказывающим влияние

⁵ М. И. Куличенко, Национальные отношения в СССР и тенденции их развития, М., 1972, стр. 424.

Показатели выбора в качестве родного языка другой национальности
(по данным переписей населения 1959 и 1970 гг.)

Республики	Е ^b γ		Е ^a γ		D		C	
	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.
Украинская ССР	15,2	12,2	1,070	1,070	0,070	0,087	10,6	11,9
Белорусская ССР	23,6	24,0	0,018	0,740	0,001	0,030	17,4	19,2
Узбекская ССР	1,5	1,5	0,008	0,022	0,005	0,014	0,7	0,7
Казахская ССР	1,8	2,7	0,000	0,000	0,000	0,000	0,4	0,6
Грузинская ССР	1,1	0,9	0,000	0,110	0,000	0,120	0,7	0,7
Азербайджанская ССР	2,1	0,7	0,028	0,073	0,013	0,104	1,4	1,4
Литовская ССР	0,3	0,3	1,270	1,260	4,250	4,200	0,4	0,6
Молдавская ССР	8,7	9,4	0,338	0,346	0,045	0,037	4,3	5,4
Латвийская ССР	2,0	2,5	1,200	0,880	0,610	0,340	1,6	1,8
Киргизская ССР	1,2	1,5	0,001	0,001	0,001	0,001	0,2	0,3
Таджикская ССР	1,7	1,6	0,006	0,014	0,004	0,008	0,8	0,9
Армянская ССР	1,3	0,4	0,332	0,540	0,247	1,350	1,2	0,3
Туркменская ССР	1,9	2,1	0,005	0,09	0,003	0,004	0,9	1,2
Эстонская ССР	1,3	1,2	1,350	0,980	1,038	0,816	1,2	1,1
Средняя величина ($\bar{X}$)	4,6	4,4	0,404	0,432	0,446	0,507	3,0	3,3

на отношения между контактирующими группами, становится степень оптимальности их распределения в социальной структуре общества. Публикуемые данные переписей населения не дают возможности судить о многих аспектах соотношения этнической и социальной структуры, особенно в среде городского населения. Для характеристики некоторых важных аспектов соотношения социальных структур контактирующих групп можно использовать такой показатель, как доля лиц каждой национальности, имеющих высшее образование⁶. Уровень образования не является фактором, формирующим социально-профессиональные группы, а тем более классообразующим фактором. Однако высшее образование связано, хотя и не однозначно, а статистически, с таким существенным различием между группами, образующими социальную структуру городского населения, как характер труда (умственный, физический, творческий, исполнительский). Творческие сферы приложения труда, сочетающиеся пока более с умственным, чем с физическим трудом, требуют, как правило, высшего образования. Не случаен вывод, полученный в результате эмпирических исследований социальной структуры советского общества, что «больше всего социально-профессиональные различия взаимосвязаны с уровнем образования»⁷. Поэтому более высокая доля людей с высшим образованием в этнической группе может быть свидетельством большей доли работников высококвалифицированного умственного труда в среде индивидов этой группы, чем в среде других контактирующих с ней групп. Профессии, требующие высококвалифицированного умственного труда, пользуются в основной массе общества более высоким престижем, чем другие сферы приложения труда. Следовательно, сравнивая доли лиц с высшим образованием в группах коренной и русской национальности городского населения каждой республики, мы сможем хотя бы приблизительно судить о распределении этих групп в наиболее престижных сферах приложения труда.

Для обозначения процента лиц с высшим образованием в данной этнической группе мы введем термин «образовательный уровень этнической группы», или просто «образовательный уровень». Обозначив образовательные уровни групп коренной и русской национальности через

⁶ См. Ю. В. Арутюнян, Изменение социальной структуры советских наций, «История СССР», 1972, № 4, стр. 11.

⁷ «Социальное и национальное», М., 1973, стр. 29.

O^a и O^b , мы определим относительный образовательный уровень группы А следующим образом:

$$O = \frac{O^a}{O^b}.$$

Поскольку в наши задачи входит только объяснение вариаций в показателях этнических отношений групп коренной национальности, мы не рассматриваем относительный образовательный уровень группы В, равный $1/O$. Если O меньше 1, значит русская группа имеет более высокий образовательный уровень; если больше 1, то выше образовательный уровень группы коренной национальности; если значение равно или близко 1, то показатели уровней групп приблизительно равны.

В советской социологической литературе, особенно в работах, опирающихся непосредственно на эмпирическое исследование этнических отношений, уделяется большое внимание проблеме взаимовлияния социальных статусов и этнических отношений⁸.

В данной работе мы берем лишь один из аспектов взаимоотношений между социальной и этнической структурами.

Распределение этнических групп в социальной структуре является, конечно, одним из главных, но не единственным фактором, обуславливающим этнические отношения. Опубликованные материалы переписи позволяют судить только о количественной стороне — о соотношении численностей контактирующих групп, что в свою очередь дает приблизительную характеристику частот контактов между представителями этих групп. Действительно, если численность одной из групп очень мала по сравнению с другой, то и вероятность вступления в контакт с представителями этой группы относительно мала, что не может не оказывать влияния на частоту выбора языка этой группы в качестве родного. В данной статье в качестве показателя контактности групп коренной национальности с русскими группами используется доля русского населения среди городского населения каждой республики. Обозначим эту величину символом R^b .

Теперь перейдем непосредственно к проверке гипотез о влиянии соотношения образовательных статусов и численностей контактирующих групп на выбор индивидами коренной национальности русского языка в качестве родного. Начнем с рассмотрения статистических гипотез, т. е. гипотез, относящихся к одному «временному срезу». Используем только данные переписи 1970 г. Гипотезы формулируются следующим образом:
 H_1 — чем выше доля русской группы среди городского населения, тем большая часть коренного населения считает родным русский язык⁹.
 H_2 — чем выше относительный образовательный уровень русской группы, тем большая часть коренного населения считает родным русский язык.

Итак, в качестве объясняемого фактора, или «зависимой переменной», был взят показатель E^b — доля лиц коренной национальности, указавших в качестве родного русский язык. Для расчета статистической связи между переменными использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена ρ . Граф полученной картины связей между переменными вместе с соответствующими значениями коэффициента ρ представлен на рис. 1. Из схемы видно, что различия в образовательном уровне и доля русской группы оказывают влияние на частоту выбора представителями коренной национальности русского языка в качестве родного; между собой эти факторы практически не связаны. Таким об-

⁸ «Sociological studies: ethnic aspects», Moscow, 1974, p. 75.

⁹ Аналогичная гипотеза проверялась сходными методами, но на примере других национальностей. См. упомянутую выше статью М. Н. Губогло «О влиянии расселения на языковые процессы».

разом, наши гипотезы можно считать подтвердившимися. Оценка коэффициентов по статистическим критериям значимости в данном случае нецелесообразна, поскольку мы имеем дело не со случайной выборкой из достаточно большой и гомогенной совокупности, а используем практически всю генеральную совокупность (кроме РСФСР). Это налагает строгие ограничения на общность наших выводов, но зато снижает требования к величине коэффициентов корреляции. В частности, величина

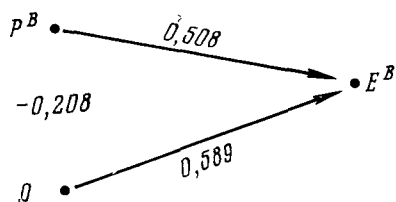

Рис. 1. Графическое изображение корреляционных связей между переменными «статической» модели (данные 1970 г.)

коэффициента связи 0,508 свидетельствует о наличии связи, «размываемой» действием неконтролируемых в данном анализе факторов, а не об отсутствии последней.

Имеющиеся данные не позволяют достаточно адекватно отразить динамику процесса. Их ограниченность обусловлена тем, что сопоставляются только два момента времени, что явно недостаточно для подробного исследования происходящих изменений. Мы не можем использовать материалы

других переписей населения ввиду несопоставимости многих данных, требуемых для проверки наших гипотез.

В динамической модели все переменные также подразделяются на зависимые и независимые. В качестве зависимой переменной берется уже не показатель E^b , а характеристика изменения этого показателя за годы, прошедшие между переписями населения:

$$\Delta E^b = \frac{E_{70}^b}{E_{59}^b}.$$

Гипотезы относительно обусловленности величины ΔE^b распадаются на два типа. Во-первых, предполагается, что на величину изменения показателя E^b влияют изменения в показателях независимых переменных, т. е. изменение относительной доли русского населения и соотношения образовательных уровней контактирующих групп. Во-вторых, можно допустить, что на изменение межгрупповых отношений влияет не только *изменение* обуславливающих их факторов, но и их *интенсивность* — влияние независимых переменных на зависимую обладает своеобразной инерцией. Таким образом, мы имеем четыре динамические гипотезы: H_3 — изменение соотношений образовательных уровней контактирующих групп оказывает влияние на показатель ΔE^b .

H_4 — изменение доли русского населения среди всего городского населения оказывает влияние на показатель ΔE^b .

H_5 — среднее соотношение образовательных уровней за два момента времени (1959 и 1970 гг.) оказывает влияние на показатель ΔE^b .

H_6 — средняя доля русского населения за оба момента времени оказывает влияние на ΔE^b .

В качестве показателей изменения факторов, влияющих на показатель межэтнических отношений, берутся отношения значений этих факторов по каждой республике в 1970 г. к значениям 1959 г.:

$$\Delta O = \frac{O_{70}}{O_{59}}, \quad \Delta P^b = \frac{P_{70}^b}{P_{59}^b}.$$

Исходные данные приводятся в табл. 2, А.

В гипотезы не включались предположения об интенсивности и направлении зависимости между факторами, поскольку у автора не было оснований для принятия каких-либо определенных суждений. О характере

Влияние образовательного уровня и численности групп русского населения на динамику показателя E^b . А. Значения переменных по республикам

Республики	ΔE^b	$\bar{P}^b$	ΔP^b	$\bar{O}$	ΔO
Украинская ССР	0,802	0,299	1,000	1,521	0,917
Белорусская ССР	1,016	0,165	1,426	2,613	0,845
Узбекская ССР	0,993	0,319	0,901	1,558	0,794
Казахская ССР	1,500	0,578	1,008	0,983	0,816
Грузинская ССР	0,818	0,166	0,787	0,417	1,270
Азербайджанская ССР	0,333	0,217	0,783	0,854	1,167
Литовская ССР	1,000	0,157	0,847	1,085	0,903
Молдавская ССР	1,080	0,293	0,927	2,639	0,702
Латвийская ССР	1,220	0,364	1,107	1,211	0,893
Киргизская ССР	1,250	0,364	1,107	1,011	0,900
Таджикская ССР	0,941	0,515	0,988	1,732	0,765
Армянская ССР	0,307	0,040	0,777	1,197	0,957
Туркменская ССР	1,105	0,318	0,793	1,545	0,823
Эстонская ССР	0,923	0,323	1,097	0,989	0,823
Средняя величина ($\bar{X}$)	0,888	0,294	0,953	1,358	0,858

Б. Величины коэффициентов ранговой корреляции между переменными

Переменные	ΔE^b	$\bar{P}^b$	ΔP^b	$\bar{O}$	ΔO
ΔE^b	—	0,640	0,596	0,200	—0,512
$\bar{P}^b$	—	—	0,512	0,001	—0,568
ΔP^b	—	—	—	0,275	—0,340
$\bar{O}$	—	—	—	—	—0,841
ΔO	—	—	—	—	—

этих связей должны говорить знаки при коэффициентах корреляции.

Для проверки сформулированных гипотез были рассчитаны значения коэффициентов корреляции r для всех пар переменных. Полученная при этом корреляционная матрица приводится на табл. 2, Б, а соответствующий ей граф структуры связей — на рис. 2.

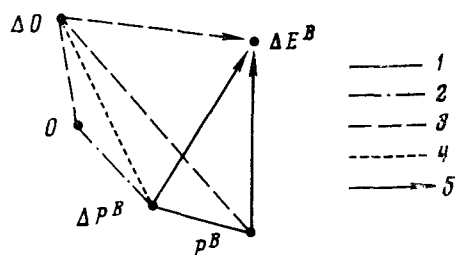

Рис. 2. Графическое изображение корреляционных связей табл. 2, Б: 1 — сильная положительная связь; 2 — слабая положительная связь; 3 — сильная отрицательная связь; 4 — слабая отрицательная связь; 5 — направление гипотетических причинных связей

Из значений коэффициентов явствует, что и доля русского населения, и изменение этой доли оказывают весьма интенсивное прямое влияние на изменение выбора коренным населением русского языка в качестве родного. Это согласуется с нашими гипотезами. Чем интенсивнее происходит изменение доли русского населения, тем быстрее меняется «популярность» русского языка. На скорость изменения влияет также сама доля русского населения, а не только ее изменение: чем больше процент русского населения, тем менее интенсивно «переключение» отношений этнического преваляирования, тем стабильнее выбор представителями коренных национальностей русского языка в качестве родного. Следовательно, гипотезы H_4 и H_6 можно считать подтвердившимися.

Совместное влияние доли русского населения и темпов ее изменения нельзя считать суммой эффектов, вызываемых каждым из этих факторов. Между ними существует достаточно сильная статистическая связь, поэтому совместный эффект, оказываемый этими факторами, будет меньше, чем сумма их влияния. В задачи данной работы не входит подробный статистический анализ; нас интересует только принципиальная схема взаимозависимостей между различными факторами, поэтому мы не будем более точно определять интенсивность влияния, оказываемого на показатели этнических отношений другими факторами и группами факторов.

Соотношение образовательных уровней и динамика изменения этого фактора оказывают, во-первых, более слабое влияние, во-вторых, характер этого влияния на первый взгляд кажется неожиданным. Напомним, что при расчете коэффициентов статической модели получилось, что различие уровней образования оказывает прямое влияние на показатель выбора родного языка: чем выше образовательный уровень русской группы, тем больше процент лиц коренного населения, указавших в качестве родного русский язык. При рассмотрении этого соотношения в динамике картина связи отличается. Влияние средней величины относительного уровня русской группы весьма незначительно ($\rho=0,2$). Изменение же соотношения образовательных уровней контактирующих групп оказывает *обратный эффект*: дальнейшее повышение образовательного уровня русской группы по сравнению с группами коренной национальности статистически связано с понижением выбора русского языка в качестве родного ($\rho=-0,512$). Этот результат согласуется с тем фактом, что взаимосвязь E^b и O в 1959 г. была несколько выше, чем в 1970 г. Отрицательный эффект, оказываемый изменением относительного образовательного уровня русской группы на динамику межгрупповых отношений, как бы «размывает» связь между этими факторами.

Трудно пока дать однозначную интерпретацию факта обратного влияния соотношения образовательных уровней. Возможно, в этом проявляется более интенсивный рост национального самосознания в тех республиках, где идет быстрое увеличение численности как национальной интеллигенции, так и русской. Рост национальной интеллигенции в условиях стабильности или даже расширения межнационального общения вызывает у нее более ярко проявляющуюся тенденцию к сохранению национальной самобытности, что ведет к более частому совпадению национальности и родного языка. «Несовпадение этих двух этноопределителей — родного языка и этнического самосознания — должно свидетельствовать о тенденции к определенной этнической индифферентности, т. е. относительной ослабленности этноцентрических установок человека и о значительно меньшем внимании к вопросам этнической принадлежности по сравнению с теми, кто устойчиво сохраняет оба этноопределителя»¹⁰. Советскими социологами выдвигались и другие предположения о влиянии социальных факторов на степень замкнутости этнических групп: исторически сложившаяся концентрированность представителей различных национальностей в различных отраслях науки и производства, наличие определенных «социально-конкурсных условий»¹¹ и т. д. В частности, быстрый рост национальной интеллигенции в условиях относительной стабильности числа мест, требующих приложения умственного труда высшей квалификации, может проявиться в усилении консолидации внутри контактирующих групп.

Дальнейшая работа по исследованию данного класса закономерностей по материалам переписей населения должна развиваться в плане приближения гипотез к конкретным ситуациям. В данной работе прове-

¹⁰ «Социальное и национальное», стр. 272.

¹¹ Там же, стр. 299.

рялись самые элементарные гипотезы на самых простых, может быть, даже слишком упрощенных, данных. Но такое «упрощенчество» — неизбежный этап на первых ступенях исследования. Более широкое использование переписей населения и других статистических документов, содержащих информацию о межэтнических отношениях, позволит привлекать показатели других сфер межэтнических отношений, в частности показатели межэтнической и внутриэтнической брачности; более подробно фиксировать социальную структуру контактирующих групп, использовать более разнообразные показатели этноконтактной среды. Наряду с тщательной проверкой гипотез о бигрупповых ситуациях, об отношениях между парами групп можно и нужно перейти к изучению закономерностей взаимодействия между несколькими этническими группами. Существенно проигрывая методам анкетного опроса в степени детальности получаемой информации, массовые официальные документы часто имеют преимущество в степени широты охвата исследуемой совокупности как в пространстве, так и во времени.

Э. Г. Аствацатурян

**ДАГЕСТАНСКИЕ МАСТЕРА СЕРЕБРЯНОГО
И ОРУЖЕЙНОГО ДЕЛА
В ГОРОДАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
И ЗАКАВКАЗЬЯ В КОНЦЕ XIX —
НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В музейных собраниях Москвы, Ленинграда, городов Северного Кавказа и Закавказья среди серебряных и оружейных изделий кавказских мастеров, датируемых концом XIX—началом XX в., преобладают изделия дагестанцев. Случайность ли это или отражение определенного процесса, имевшего место в истории кавказского ремесла? Ответить определенно на этот вопрос можно, лишь изучив очень интересное явление в жизни дагестанских мастеров — отходничество.

Дагестанцы всегда славилась своими оружейными и серебряными изделиями. Но в течение долгого времени продукция лишь одного центра Дагестана — селения Кубачи — была известна за его пределами. Мастера во всех остальных, даже крупных центрах, работали только на внутренний рынок. После окончания Кавказской войны в пореформенный период для дагестанских ремесленников появилась возможность заниматься отходничеством. Дагестанские мастера в поисках рынков сбыта покидали родные места и отправлялись в города и селения Северного Кавказа, Закавказья, Южной России и Закаспийской области.

В настоящей статье предпринимается попытка выяснить, какое число серебряников и оружейников участвовало в отходе, из каких районов Дагестана и куда уходили мастера, как складывалась их профессиональная судьба на новом месте.

Для ответа на эти вопросы мы располагаем разными источниками. В первую очередь — это документы, хранящиеся в архивах Тбилиси, Баку, Еревана, Ленинграда. Материалы пробирных учреждений содержат списки мастеров-серебряников, сведения об их изделиях, об уплаченной пошлине, о нарушениях пробирного устава; в материалах Бакинского пробирера имеются анкеты, в которых мастера сообщали об источниках сырья и рынках сбыта, доходе, оборудовании мастерской и ассортименте изделий. В том же фонде много материалов, связанных с организацией всероссийских и международных выставок, где указаны имена участников, представленные ими изделия и полученные награды.

В фондах Казенных палат хранятся отчеты о проверках торговых и промышленных заведений городов и селений, содержащие сведения о мастерах, их происхождении, размерах мастерских и их оборудовании, количестве помощников, доходах. Многочисленные упоминания мастеров с данными об их происхождении находим также в фонде Ремесленной управы Тифлиса¹.

¹ Перечисленные материалы хранятся в следующих архивах: Центральном Государственном историческом архиве Грузинской ССР (далее ЦГИА ГрузССР): ф. 249—

Второй вид источников — печатные каталоги выставок с именами участников, указанием их места жительства и названиями экспонатов. Были использованы также собранные во время полевых исследований устные сведения о работавших в разных селениях мастерах.

Развитие серебряного и оружейного дела приняло массовый характер в Кайтаго-Табасаранском и Казикумухском округах. Оттуда было основное число отходников; немного отходников было из Гунибского округа.

В Кайтаго-Табасаранском округе было три крупных центра, специализировавшихся на обработке металла. Мастера двух из них, Амузги и Харбука, производившие полуфабрикаты для Кубачи, в отходе не участвовали. В Кубачи, самом крупном центре, часть мастеров работала на месте, часть стала отходниками.

Отходничеством кубачинские мастера начали заниматься в последней трети XIX в. Их деятельность имела несколько направлений. Одни мастера были заняты производством огнестрельного оружия (за исключением стволов, которые в Кубачи поставлял Харбук, кубачинцы изготавливали все части винтовки — замок, прибор, ложе). Другие завершали изготовление холодного оружия — покупали готовые клинки в Амузги и делали к ним рукояти и ножны. Третьи украшали оружие и изготавливали золотые и серебряные изделия. Особенно славились кубачинцы золотой и серебряной насечкой по железу, рогу и кости, которой украшали стволы и замки винтовок, клинки, рукояти и ножны сабель, шашек и кинжалов. Кроме того, кубачинцы занимались чисто ювелирной работой: делали мужские и женские пояса, женские нагрудные украшения, кольца, браслеты и т. п. В начале XX в., кроме традиционных, стали изготавливать вещи европейского типа: запонки, мундштуки, броши, портмоне и т. п.

Попытаемся выяснить, какая часть мастеров была занята в оружейном деле, какая в ювелирном, сколько мастеров оставалось на месте в Кубачи, сколько находилось в отходе.

Д. Н. Анучин назвал для 1882 г. следующие цифры: в Кубачи всего было 504 дома, в 200 из них хозяева работали на месте, хозяева же остальных находились в отходе или занимались торговлей. Таким образом, в отходе находилось приблизительно 300 чел.² Сколько мастеров специализировалось в той или иной отрасли, Анучин не сообщал. В 1898 г. в селении проживало 26 серебряников, один золотых дел мастер, один торговец серебряными и золотыми изделиями³. Следовательно, ювелиров вообще было немного или большая часть их находилась в отходе. Если верно последнее, то попробуем приблизительно вычислить число отходников. По Кайтаго-Табасаранскому округу имеются следующие сведения о численности серебряников:

1902 г. — 470 чел. 1909 г. — 300 чел.

1905 г. — 185 чел. 1910 г. — 238 чел.⁴

Таким образом, численность серебряников в 1902—1910 гг. колебалась от 185 до 470 чел. Небольшое число мастеров работало в Харбуке и в других селениях округа (их было максимально около 30 чел.)⁵,

Тифлисская окружная пробирная палатка, ф. 254 — Казенная палата Тифлиса, ф. 199 — Ремесленная управа Тифлиса; в Центральном Государственном историческом архиве Азербайджанской ССР (далее ЦГИА АзербССР): ф. 518 — Бакинское Пробирное учреждение, ф. 43 и 389 — Казенная палата Баку; в Центральном Государственном историческом архиве Армянской ССР (далее — ЦГИА АрмССР): ф. 117 — Эриванская городская управа; в Центральном Государственном историческом архиве (далее ЦГИА): ф. 23, 37 — Министерство торговли и промышленности в Петербурге.

² Д. Н. Анучин, Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г., СПб., 1884, стр. 69.

³ ЦГИА АзербССР, ф. 518, д. 90, л. 52, 54 об.

⁴ ЦГИА ГрузССР, ф. 13, оп. 15, д. 124, л. 42 об.; д. 903, л. 59 об., 60; д. 1222, л. 37 об., 38.

⁵ ЦГИА АзербССР, ф. 518, д. 90, л. 27, 27 об., 29 об.

27 мастеров оставалось в Кубачи, остальные мастера уходили из селения.

Нельзя сказать с уверенностью, когда кубачинцы начали заниматься отходничеством: скорее всего, сразу после окончания Кавказской войны. Мы читаем у П. Петухова: «Кубачинцы ежегодно и во множестве расходятся для заработков в разные места Кавказа, а иногда оставляют родные аулы навсегда, поселяясь где-нибудь среди отдаленного племени в качестве лудильщика, серебряника и оружейника. Кубачинца можно встретить в Нухе, Тифлисе, Кизляре, Ставрополе, иногда в Астрахани и в Крыму»⁶.

Другой областью интенсивного отхода оружейников и серебряников был Казикумухский округ⁷. Первое упоминание о лакце-отходнике как о ремесленнике находим у Н. И. Воронова. Посетив Кази-Кумух осенью 1867 г., он писал: «Изделия казикумухцев проникают уже в Тифлис; между ними есть замечательные оружейные мастера и искусные резчики на металле и кости: лудильщика-казикумухца можно встретить в разных местах Кавказа и России»⁸.

Отходничество всегда было развито в Казикумухском округе, но, видимо, довольно долго ремеслом занималась только часть отходников. В 1867 г. Н. И. Воронов отмечал, что ремеслом и торговлей занимаются главным образом предприимчивые жители Кази-Кумуха, а жители других селений «в большей части ходят только в Прикаспийскую плоскость, в Дербент и Кубу, где нанимаются в моренокопатели»⁹. Развитие экономических связей между разными областями Кавказа способствовало усилению отхода. Сначала кумухцы, а потом и жители других селений сумели учесть экономические потребности разных районов Кавказа и приспособить к ним свою деятельность. В 1880-х годах зафиксирован ремесленный характер отходничества лакцев вообще, а не только жителей Кумуха. Конечно, те ремесла, которыми занимались лакцы — чеканка и лужение медной посуды, ювелирное и оружейное дело, вероятно, и раньше были развиты среди лакского населения, но широкий размах они могли получить именно в связи с отходом. Только в расчете на отход могли появиться в Кумухе 248, а Унчукатле 53, в Чуртахе 47 мастеров-серебряников¹⁰. В сведениях, поступивших в Бакинское пробирное управление в 1898 г., указывается, что все жители Казикумухского, Антикулинского, Вицхинского и Мугорского наибств «занимаются серебряных и золотых дел мастерством, работают и выделывают разные вещи в городах Кавказского края, Закавказья, Закаспийской области и городах южной губернии Российской Империи, где некоторые из них имеют магазины с мастерскими, а большинство из них нанимаются работниками; дома же выделкою и продажей изделий не занимаются а приезжают на два, на три летних месяца (июнь, июль и август) для отдыха вследствие того, что не могут переносить жары, и для устройства домашнего хозяйства»¹¹.

В 1902 г. секретарь Дагестанского областного статистического комитета Е. И. Козубский писал: «В Казикумухском округе ювелирное дело особенно развито в Кумухе, откуда серебряники расходятся по всему

⁶ П. Петухов, Очерки Кайтаго-Табасаранского округа, газ. «Кавказ», 1867, № 16.

⁷ Вопросы отходничества лаков рассматриваются в работах: Д.-М. С. Габиев, Металлообработка у лаков, «Уч. зап. НИИ языка и литературы Даг. филиала АН СССР», т. IV, Махачкала, 1958; «Лакское ювелирное искусство XIX—XX вв.», сб. «Труды НИИ художественной промышленности», вып. 7, М., 1973.

⁸ Н. И. Воронов, Из путешествия по Дагестану, «Сборник сведений о кавказских горцах» (далее — ССОКГ), вып. III, Тифлис, 1870, стр. 36.

⁹ Там же.

¹⁰ «Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья», Тифлис, 1890, стр. 158.

¹¹ ЦГИА АзербССР, ф. 518, л. 90, л. 35 об., 36 об., 37 об., 39.

Кавказу, возвращаясь на лето домой»¹². Попробуем установить, сколько лакских мастеров вообще участвовало в отходе.

В Казикумухском округе в конце XIX в. было серебряников:

1886 г. — 608 чел.	1909 г. — 709 чел.
1899 г. — 569 »	1910 г. — 749 »
1901 г. — 423 »	1914 г. — 777 »
1903 г. — 753 »	1915 г. — 534 » ¹³
1905 г. — 786 »	

В самих лакских селениях в конце XIX в. постоянно работало немного мастеров. В 1898 г. в девяти селениях было по одному мастеру, в Кумухе — три¹⁴. Лакские мастера уходили в города Дагестана, где «главный контингент городских ремесленников состоит из евреев и пришлых горцев, особенно жителей Казикумухского округа»¹⁵, и далее по всему Кавказу.

По архивным источникам, по подписным вещам и полевому материалу автором составлен список серебряников Казикумухского округа, включающий 313 имен. Из них с отходом наверняка были связаны 285 чел. В списке мастеров Кази-Кумуха 262 имени: мы считаем, что в самом селении работало 25 чел., остальные 237 уходили на заработки в разные города и селения Кавказа и Закавказья.

Первым городом, где появились дагестанские мастера, была столица Кавказа Тифлис. С 1842 по 1917 г., по нашим источникам¹⁶, здесь работало 124 мастера-мусульманина; два из них, судя по именам, азербайджанцы или иранцы; остальные 122, вероятно, дагестанцы. Дагестанские мастера начали приезжать в Тифлис в конце 1860-х годов. Ранее в документах среди тифлисских мастеров упоминаются только четыре мастера с мусульманскими именами; в 1863—1868 гг. появляются еще семь человек (из них двое имеют к имени приставку «казикумухский»). Вспомним, что именно в конце 1860-х годов Н. И. Воронов отмечал, что изделия казикумухцев уже проникают в Тифлис. За 1868—1878 гг. прибавилось еще 10 мастеров, а за 1878—1917 гг. — 100. По национальной принадлежности они распределялись следующим образом: 103 лакца, 3 кубачинца, 16 дагестанцев неизвестного происхождения. Среди лакцев можно выделить 93 жителя Кази-Кумуха¹⁷, одного из Ницовкра, трех из Дуци, одного из Унчукатля, четырех жителей Казикумухского округа без

¹² Е. И. Козубский, Очерк кустарной промышленности в Дагестанской области, «Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа», Тифлис, 1902, стр. 72.

¹³ Таблица составлена на основании данных, помещенных в следующих изданиях: «Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья», Тифлис, 1890, стр. 158; «Памятная книжка и адрес-календарь Дагестанской области на 1901 г.», Темир-Хан-Шура, 1901, ведомость № 7; «Дагестанский сборник», вып. 1, Темир-Хан-Шура, 1902, ведомость № 7; «Дагестанский сборник», вып. 2, Темир-Хан-Шура, 1903, ведомость № 7; ЦГИА ГрузССР, ф. 13, оп. 15, д. 124, л. 42 об.; д. 903, л. 59 об. 60; д. 1222, л. 37 об., 38; д. 1507, л. 28 об., 29; д. 1567, л. 44 об., 45.

¹⁴ В. К. Згленницкий, Кустарное производство золотых и серебряных изделий в Бакинском районе и Дагестане и предполагаемые меры для упорядочения и развития оного, «Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа», Тифлис, 1902, стр. 190.

¹⁵ «Памятная книжка Дагестанской области», Темир-Хан-Шура, 1895, стр. 67.

¹⁶ Архивные материалы, содержащие эти сведения, хранятся в ЦГИА ГрузССР, ф. 249, д. 10; в ЦГИА, ф. 23, 37.

¹⁷ Эта цифра взята из составленного автором списка кавказских мастеров оружейного и серебряного дела и получена следующим образом: архивные и другие письменные источники называют жителями сел. Кази-Кумух 24 чел., «казикумухскими жителями» 38 чел.; в списке Д.-М. С. Габиева — еще 4 чел.; 27 чел. из числа тифлисских мастеров как жителей Кази-Кумуха любезно определил С. М. Хайдаков, ст. научный сотрудник Ин-та языкознания АН СССР. Пользуемся случаем, чтобы принести ему благодарность.

указания селения. Вызывает удивление малое число кубачинцев — всего три человека. А между тем все источники указывают, что кубачинцы селились в крупных городах Кавказа. Пока этот вопрос нельзя считать выясненным.

Кроме серебряников, в источниках зафиксировано еще 10 дагестанцев-оружейников, кинжальщиков, сабельщиков и др. Восемь из них — кумухцы.

Дагестанские мастера работали также в других городах Грузии. К сожалению, наши данные относятся к ограниченному периоду — 1900—1915 гг. В это время в разных городах Грузии находилось: в Кутаиси — 26, в Батуми — 26, в Сухуми — 10, в Гори — 5, в Поты — 6, в Телаве — 6, в Лагодехе — 2, в Сигнахе — 6, в Очемчире — 1, в Ахалцихе — 6 дагестанских мастеров.

Дагестанские мастера направлялись также в города и селения Азербайджана. Сделаем предварительную оговорку: дагестанцев среди азербайджанских мастеров, естественно, труднее выявить, чем среди грузин. Мы делаем это только в тех случаях, когда имеется прямое указание на место происхождения мастеров или они носят характерные для Дагестана имена. Но очень часто в имени не содержится этнических признаков.

Появление дагестанцев в Баку относится к 1880-м годам, когда Баку превратился в крупный промышленный центр. Население прибывало сюда и из России, и из окрестных районов. Город стал многонациональным. В этой связи произошли изменения и в спросе на изделия из золота и серебра. Европейские ювелирные изделия продавались в ювелирных магазинах. Так называемые «туземные» украшения заказывались или приобретались у местных золотых и серебряных дел мастеров. Большой приток населения из близлежащих районов Закавказья увеличил спрос на национальные изделия и привел к тому, что мастеров не хватало, и они стали приезжать из других городов Азербайджана (Шуши, Шемахи и др.) и из Дагестана.

Мастера с дагестанской формой имени начинают встречаться в документах с начала 1870-х годов. В течение 40 лет (1877—1917 гг.), по нашим источникам¹⁸, в Баку было 370 мастеров. 50 из них мы считаем дагестанцами; 25 — выходцы из Казикумухского округа: 12 из сел. Хурукра, 13 из сел. Кази-Кумух (по данным документов и определению С. М. Хайдакова); 3 мастера в источниках названы кубачинцами. Остальные 22 мастера носят имена, которые могут принадлежать и дагестанцам, и местным жителям. Все же мы скорее склонны считать их дагестанцами: они были серебряниками — наиболее распространенное занятие дагестанцев (среди азербайджанцев преобладали золотых дел мастера). Эти мастера, кроме того, жили на определенных улицах: это также характерно для дагестанцев, стремившихся селиться близко друг от друга.

Опять мы сталкиваемся с очень небольшим числом кубачинцев — всего три человека. Возможно, часть их попала в число 22 дагестанцев с невыясненным происхождением.

Всего по Бакинскому округу в 1898 г. числилось 1036 ювелиров и мастеров золотых и серебряных дел¹⁹. Из числа серебряников 131 чел. были жителями Казикумухского округа. Бакинский пробирер В. К. Згленницкий следующим образом характеризовал их деятельность: «Значительное число самых искусных — 131 человек — составляют жители Южного Дагестана, главным образом казикумухцы, которые почти исключительно занимаются производством разного рода туземного оружия и оправ из драгоценных металлов для шашек, кинжалов, писто-

¹⁸ Эти сведения содержатся в ЦГИА АзербССР, ф. 43, 389, 518.

¹⁹ ЦГИА АзербССР, ф. 518, д. 109, л. 36 об.

летов, ружей, а также выделкой разных фасонов туземных поясов из высокопробного золота и серебра. Лезгинской выделки ружья и пистолеты весьма часто снабжены художественной отделкой, инкрустацией из золота и серебра. Изделия лезгинов отличаются своей неподражаемой чернью и чистотой резьбы»²⁰.

Дагестанские мастера работали и в других городах Азербайджана: в Кубе — 13 серебряников и 14 оружейников, здесь они появились в 70-х годах XIX в. В 1900—1915 гг. в Елизаветполе их было 15 чел., в Геокчае — 3 кумухца, 4 «дагестанских горца»; в Кюрдамире — 1 «дагестанский горец»; 3 кубачинца, 2 кумухца, еще 4 мастера, возможно, были из Дагестана; в Балаханы (на Апшероне) — 11 лакцев и, возможно, еще 6 дагестанцев; в Сабунчи — 2 дагестанца.

Довольно много мастеров уходило на заработки в Закатальский округ. Почти все мастера, работавшие там, были родом из Кумуха и из Гунибского округа. В 1900—1915 гг. в Закаталах работало 9 дагестанцев. В Белоканах — 14, из них 6 жителей сел. Хуруп Гунибского округа, 4 кумухца, 1 «дагестанский горец»; в Алибаде работало 8 дагестанцев, из них 4 кумухца. В Катехе — 5 дагестанцев, из них 2 кумухца, 1 гунибец; в Кахи, в Ковачели, в Мацехи — по одному мастеру.

Дагестанцы работали также в Карсской области: в Карсе 4, в Ардагане 2, в Ольты 4 чел.

В Армении было мало дагестанцев. Здесь не было таких быстро растущих городов, как Тифлис и Баку, и местные мастера вполне удовлетворяли потребности населения в золотых и серебряных изделиях. В Эривани, например, работал всего один дагестанец. Дагестанские мастера также совершенно не встречаются в таких известных своими серебряными изделиями старых ремесленных центрах Закавказья, как Шуша, Шемаха.

Еще одним направлением отхода дагестанцев был Северный Кавказ. К сожалению, наши архивные источники по городам и селениям Северного Кавказа очень неполны. Пробирные чиновники здесь фиксировали не всех мастеров, а лишь нарушителей пробирного устава. Эти сведения содержатся в направлявшихся в Петербург отчетах проверок мастерских²¹. Дела же местной Пробирной палатки и Терского пробирера в архиве города Орджоникидзе обнаружить не удалось.

Во Владикавказе в 1886—1915 гг. работали 33 дагестанца, в том числе 16 из Кумуха; в 1900—1915 гг. в Грозном работали 13 дагестанцев, из них 9 из Кумуха; в Екатеринодаре — 9 мастеров, имена которых характерны и для дагестанцев. В Майкопе, Армавире, Новочеркасске, Пятигорске, Кисловодске в те же годы работали по 2—3 мастера; в Ставрополе, Баталпашинске, Сочи — по одному мастеру.

Полевые материалы, собранные автором в селениях Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Черкесии и Карачая, свидетельствуют, что большая часть серебряников и оружейников, работавших здесь в начале XX в., были выходцами из Казикумухского округа. На вопрос о национальной принадлежности мастера-серебряника следовал почти неизменный ответ — «кумук», при дальнейшем опросе выяснялось обычно, что имели в виду жителей сел. Кумух.

Обычно в селениях Западного Кавказа работали один или два мастера, часто родственники, отец с сыном или братья. Со временем некоторые из них оседали здесь, обзаводились семьей и хозяйством. Тот же процесс происходил и в городах. По мере того как налаживалось материальное положение мастера, он обзаводился домом, мастерской, перевозил семью. Юноши из селений приезжали в города обучаться ремеслу к своим родственникам и односельчанам и в свою очередь

²⁰ В. К. Згленницкий, Указ. раб., стр. 198.

²¹ ЦГИА, ф. 23.

нередко оставались там навсегда. Этот процесс был характерен и для кубачинцев²², и для лакцев.

Всего, по доступным нам источникам, можно установить приблизительно 500 имен дагестанских мастеров золотых и серебряных дел, разъехавшихся во второй половине XIX—начале XX в. из Дагестана по городам и селениям Кавказа. Часть мастеров, не учтенных нами, работала в городах Южной России и в Закаспийской области.

Архивные и другие материалы позволяют нам в какой-то мере представить себе работу и жизнь дагестанцев в отходе. Е. И. Козубский пишет о казикумухских кустарях: «Отправляясь на заработки с наступлением осени, казикумухские кустари возвращаются на родину весной. За это время они работают с замечательной энергией, ведут очень скромный образ жизни и поэтому им удастся накопить значительную сумму денег»²³. Изучая выработку бакинских серебряников²⁴, находим, что самую большую имели дагестанцы—1—1,5 пуда в год. Средняя выработка серебряника-армянина составляла 25 фунтов в год, дагестанца—1 пуд. При этом дагестанцы производили очень трудоемкую работу—глубокую гравировку с чернью. Заработок местного закавказского мастера в большом городе составлял 300—400 руб. в год, дагестанца—400—600 руб. Е. И. Козубский отмечал, что некоторые хорошие мастера-отходники зарабатывают в течение 9—10 месяцев до 1000 и более рублей²⁵.

Дагестанские мастера, как правило, имели одного-двух, а иногда и трех-четырех учеников, присылаемых к ним для обучения из селений. По окончании сезона мастер сам отвозил их на родину.

Дагестанцы стремились селиться и открывать мастерские поближе друг к другу. По журналам Казенной палаты, где указывался адрес мастерской, можно установить, что в Баку дагестанцы селились на Цициановской улице и в Банковском переулке, а в Тифлисе—в Серебряном ряду.

Судя по описанию чиновников Казенной палаты, обычно мастерская серебряника помещалась в одной комнате с выходом на улицу (второй выход во внутреннюю часть дома имелся в редких случаях, видимо, когда мастерская помещалась в собственном доме мастера). В мастерской имелось окно-витрина, где выставлялись предназначенные для продажи изделия. Оборудование мастерской составляли: плавильная печь (мангал), наковальня (кюра), иногда прокатные вальцы и небольшое количество инструментов. В тех случаях, когда у мастера было два-три помощника, имелись две печи и две наковальни.

Д.-М. С. Габиев, со слов информаторов, дает несколько иное описание мастерской: комната-мастерская имела один выход на улицу, другой во внутреннюю часть дома, где помещалась жилая комната для мастера, подмастерьев и учеников. Эта комната имела второй выход во двор; там под навесом пристраивали горн и производили всю черную работу²⁶.

Ассортимент изделий дагестанских мастеров известен нам из анкет, которые заполняли все мастера Бакинского пробирного округа; он обычен для дагестанцев: оправы для ружей, пистолетов, шашек, кинжалов, газыри, мужские и женские пояса, женские украшения.

Местные закавказские мастера изготавливали, как правило, пояса и женские ювелирные украшения, дагестанцы же делали в основном

²² Е. М. Шиллинг, Кубачинцы и их культура, М.—Л., 1949, стр. 16.

²³ Е. И. Козубский, Дагестанская область в 1891 г., «Кавказский календарь на 1893 г.», Тифлис, 1892, стр. 155.

²⁴ Данные о ней находим в ЦГИА АзербССР, ф. 43, 389, 518.

²⁵ Е. И. Козубский, Очерк кустарной промышленности в Дагестанской области, стр. 72.

²⁶ Д.-М. С. Габиев, Металлообработка у лаков, автореферат, канд. дис., Тбилиси, 1957, стр. 44.

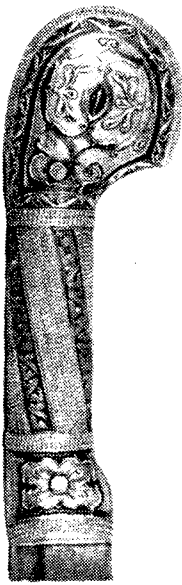
оправы для оружия. Исключением были лишь изделия мастеров Тифлиса, где существовало давнее традиционное производство серебряных оправ для оружия. Почти все оружие, за исключением тифлисского, изготовленное в конце XIX — начале XX в., является работой дагестанских мастеров. Пояса выделывали и местные мастера, и дагестанские.

Среди женских украшений, особенно золотых, преобладали изделия местных закавказских мастеров. По-иному обстояло дело на Западном и Центральном Кавказе. Здесь массовая продукция дагестанцев почти полностью вытеснила изделия местных мастеров. Оружие, мужские и женские пояса, серебряные застёжки для женского платья, сделанные в начале XX в. и хранящиеся в музеях и у населения, в основном сделаны дагестанцами. Дагестанцы не просто изготавливали привычные им вещи, они приспосабливались к вкусам местного населения. Это касалось и формы изделий, и их орнаментации. Так, например, на Западном и Центральном Кавказе предпочитали шашки, а не сабли, как в Дагестане. И дагестанцы, работавшие в этих краях, делали главным образом шашки. Из сохранившихся шашек мы видим пробирные клейма Северного Кавказа, хотя сделаны они в чисто дагестанской технике и украшены дагестанским орнаментом. Другой пример: адыги, кабардинцы, осетины предпочитали небольшие изящные кинжалы с узким клинком. Дагестанцы же, наоборот, любили крупное массивное оружие. Именно такое оружие дагестанские мастера изготавливали в самом Дагестане, но работая на Северном Кавказе, они делали легкие изящные вещи, отказавшись от привычной формы.

Женские пояса, характерные для Западного Кавказа, очень отличались от дагестанских. Дагестанские мастера нашли нечто среднее между теми и другими. Они воспроизводили форму местного пояса, но в украшении применяли не местную гладкую чернь, а глубокую гравировку, филигрань и позолоту (технические приемы, свойственные их собственному искусству). Делали они также украшения, совсем отсутствовавшие в Дагестане. Обязательным украшением женского адыгейского костюма, например, были серебряные застёжки. Дагестанские мастера полностью освоили их производство (такие украшения, изготовленные местными черкесскими мастерами, встречаются крайне редко и, как правило, относятся к более раннему времени) (см. рис. 3).

Появились изменения и в самом дагестанском орнаменте. Правда, многие вещи, помеченные тифлиским или владикавказским клеймом, выполнены в чисто дагестанской технике и орнаментике, но наряду с ними есть очень много изделий дагестанских мастеров, в которых они сумели приспособить свою орнаментацию и технику к местным вкусам. Известно, например, что кубачинцы могли делать «грузинский», «армянский», «черкесский», «чеченский», «осетинский» и другие орнаменты²⁷. Лакские мастера также работали в черкесском и других стилях. Но дагестанцы не копировали слепо местный орнамент. Например, выполняя очень популярный черкесский орнамент, они использовали все его характерные черты — рогообразные завитки, вытянутые овалы, круги, завитки в виде запятых, но в середину овала они вводили стебли стилизованных дагестанских орнаментов «тутты» и «мархарая». Происходил как бы синтез двух типов орнаментации, синтез элементов, как правило, не противоречащих друг другу, а образующих новый тип орнаментики. Это явление четко прослеживается на изделиях дагестанцев, начиная с последней трети XIX в. У работавших в отходе дагестанцев появляются технические приемы, почти не применявшиеся в самом Дагестане. Так, дагестанцы, работавшие в начале XX в. на Северном Кавказе, широко применяли сплошную крупную зернь. Мы видим пояса, кинжалы, жен-

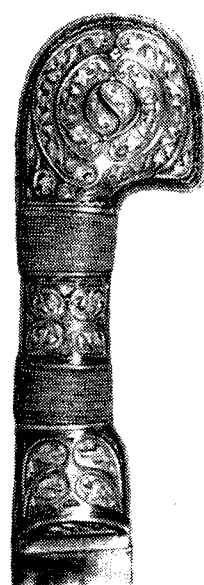
²⁷ Е. М. Шиллинг, Указ. раб., стр. 111.

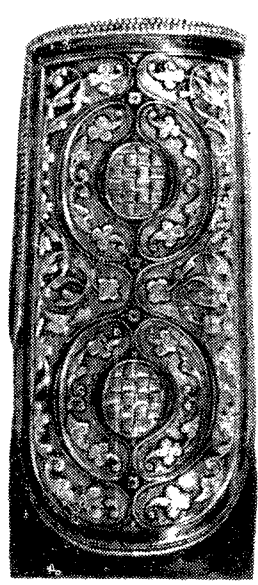
1

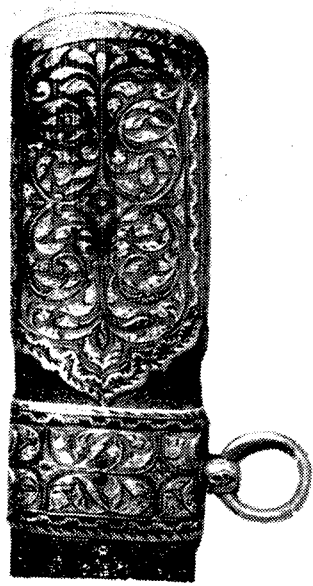
2

3

4

5

6

7

Рис. 1. Рукоятки и устья ножен шашек: 1 — черкесский орнамент, 2 — дагестанский орнамент, 3—7 — работы дагестанских мастеров (3—6 — вещи, выполненные в черкесском стиле, 7 — в закавказском стиле)

ские украшения, сплошь усыпанные ею. Эта зернь стала очень модной на Западном Кавказе, но совершенно не встречается на изделиях, выполненных в самом Дагестане. Работавшие на Северном Кавказе лакские мастера, используя технику глубокой гравировки, черни, позолоты, очень часто в украшении изделий, особенно кинжалов, прибегали к всевозможным рамкам — черневым, зерневым, филигранным, включая в них ветви, длинные стебли, розетки, выбитые штампом отдельные элементы орнамента. Это было быстрее и проще, чем гравировать сплошной узор, и в то же время придавало изделию нарядный вид (рис. 2). Кубачинцы и лакцы, работая в Дагестане, очень редко применяли гладкую чернь. В Тифлисе и на Западном Кавказе, напротив, очень любили ее. И мы видим кинжалы с тифлисским клеймом, украшенные гладкой чернью, но с дагестанским орнаментом «мархарай» и «тутта». В этом случае дагестанцы применяли свой орнамент и местную технику исполнения, но значительно чаще они все же использовали местный орнамент, выполняя его в своей, более сложной и эффективной технике глубокой гравировки.

Показателем высокого профессионального мастерства дагестанских отходников является их активное участие в кавказских, всероссийских и международных выставках. Они выставляли свои изделия от тех

городов, где жили и работали. Первая большая выставка, на которой были представлены работы дагестанских отходников, — Кавказская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности 1889 г. в Тифлисе. Свои оружейные и серебряные изделия экспонировали от Тифлиса 34 мастера (7 из них — дагестанцы); от Владикавказа — 5 (4 дагестанца); они экспонировали украшенные золотой насечкой и моржовой костью шашки (ценой до 250 руб.), кинжалы (70—100 руб.), кинжалы в серебряной оправе, украшенной гравировкой и чернью (20—75 руб.), газыри (до 100 руб.), грузинские и дагестанские пояса (35 руб.); кроме того, трубки, палки и другие мелкие изделия. Высокая цена перечисленных изделий объясняется не только использованием дорогих материалов, но и большим художественным мастерством исполнения.

Следующий цикл выставок, в которых участвовали дагестанские отходники, — это Парижская Всемирная 1900 г., Кавказская юбилейная 1901 г. (Тифлис), Всероссийская художественно-промышленная 1902 г. (Петербург), VII Международная художественно-промышленная выставка изделий из металла и камня 1903—1904 гг. (Петербург).

Большую роль в организации участия кавказских мастеров в этих выставках сыграл бакинский пробирер В. К. Згленицкий. Он добился

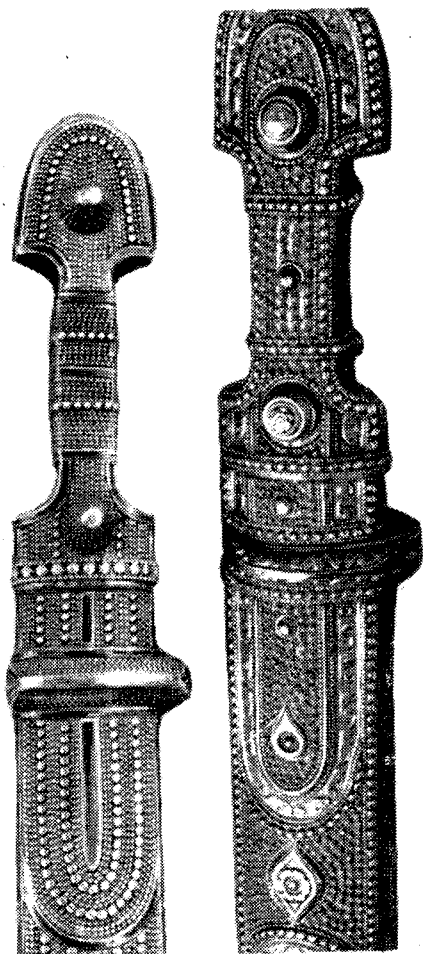

Рис. 2. Фрагменты кинжалов

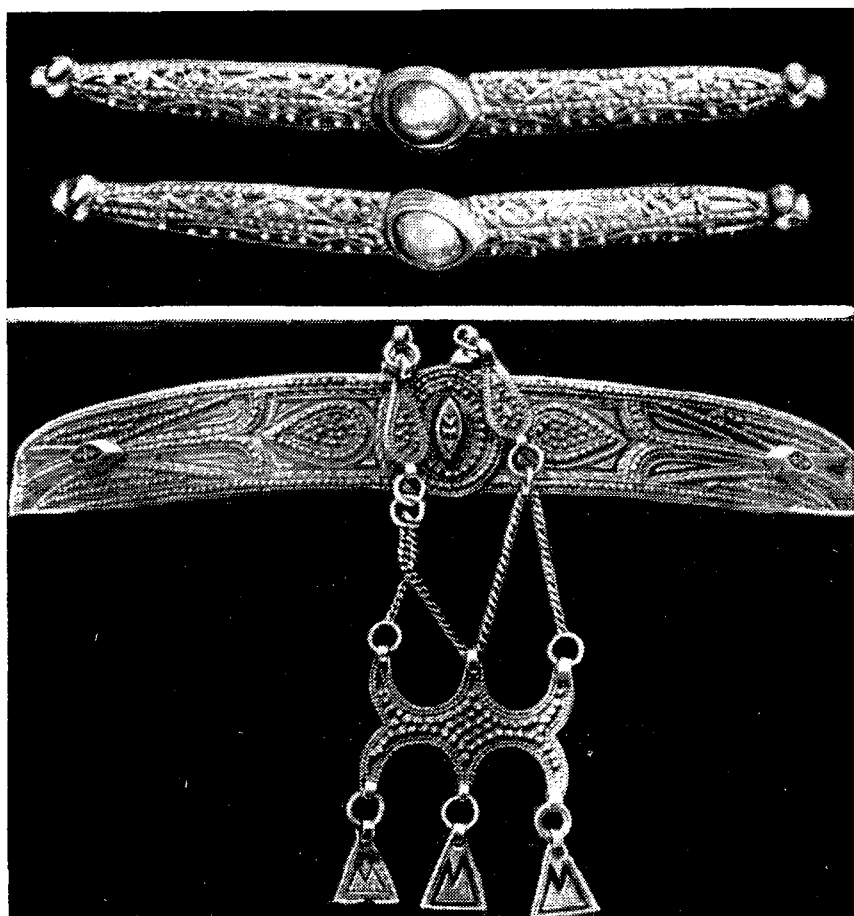

Рис. 3. Фрагменты женского пояса и нагрудных застёжек

выдачи пособий мастерам для приобретения серебра и других материалов. На Парижскую выставку были отобраны изделия 33 кавказских серебряников и оружейников. От Тифлиса были три мастера, все дагестанцы: Шахши Гаджи-оглы, уже экспонировавший свои изделия на выставке 1889 г., Абдул-Рашид Абдул-Гамид-оглы и Джебраил Ибрагим-оглы. От Баку было 18 мастеров, в том числе 5 дагестанцев: Магомед Расул Мама-оглы Джандаров, Сейфула Каравали-оглы, Осман Муса-оглы Джандаров, Муса Магомед-оглы и Магомед Гаджи-оглы. Город Балаханы был представлен изделиями мастера-дагестанца Джебраила Мустафа-оглы.

На последующих выставках 1901—1903 гг. экспонировались работы тех же мастеров, а кроме них появилось еще несколько имен: Абдул Алиев, Абдул-Кадыр Тутунов, Шебан Алиев, Костин Цахай-оглы Баратов, Гусейн-Али Ахундов, Халил Ибрагим Упа-оглы, Асадулла Ахундов. Среди их изделий было уже меньше оружия. Они выставляли трости, нагайки, сахарницы, ручки для зонтиков, эмалевые портсигары, кувшины для умывания, приборы для намаза и разнообразные женские ювелирные украшения.

Мы не располагаем подробными сведениями о наградах, полученных дагестанскими мастерами на выставках, за исключением тех, кто проживал в Баку. Среди них — Осман Муса-оглы Джандаров, обладатель нескольких медалей: золотой медали Парижской выставки 1900 г., двух

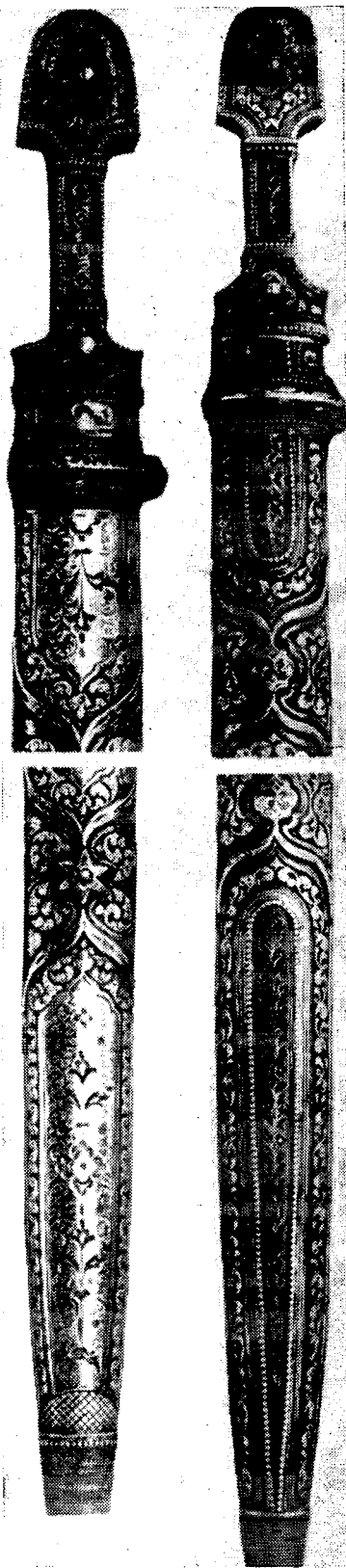

Рис. 4. Кинжалы, типичная
работа лакского мастера
на Северном Кавказе

серебряных (Кавказская 1901 г. и Петербургская 1902 г.) и бронзовой (Петербургская 1903 г.). Кроме того, известно, что пять дагестанцев получили почетные дипломы на Петербургской выставке 1903 г., среди них Абдул Алиев, Шабан Алиев, Абдул-Кадыр Тутунов.

* * *

Таким образом, на основании изучения письменных источников и вещей удастся установить направления и размеры отхода дагестанских оружейников и серебряников. Дагестанский отход стал одним из выражений отвлечения населения от земледелия в связи с развитием капиталистических отношений. К нему в полной мере относится та характеристика, которую В. И. Ленин давал этому явлению в целом.

«Неземледельческий отход,— писал В. И. Ленин,— представляет из себя явление прогрессивное. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности... Отход в города повышает гражданскую личность крестьянина, освобождая его от той бездны патриархальных и личных отношений зависимости и сословности, которые так сильны в деревнях»²⁸.

²⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 576, 577.

Г. Е. Афанасьев

**ДОХРИСТИАНСКИЕ
РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ АЛАН**

(ПО МАТЕРИАЛАМ АМУЛЕТОВ
МОГИЛЬНИКА МОКРАЯ БАЛКА)

Могильник Мокрая балка, расположенный в долине одноименной речки, правого притока Аликоновки, вблизи Кисловодска, был открыт в 1967 г. и исследовался А. П. Руничем¹, В. Б. Ковалевской² и автором данной работы³. В результате раскопок было вскрыто 158 катакомб, содержащих как одиночные, так и коллективные захоронения с богатым погребальным инвентарем, в состав которого входили византийские и сасанидские монеты и индикации, позволяющие точно датировать могильник. Полученный материал имеет большое значение для изучения самых различных аспектов жизни раннесредневекового населения Северного Кавказа второй половины V—первой половины VIII в., в которой важное место занимали религиозные воззрения.

Амулеты Мокрой балки вместе с другими категориями украшений мы рассматривали в специальной работе⁴, но только как хронологический показатель. Там мы не раскрывали тот смысл, который вкладывался в них аланами.

Языческие представления у алан не исчезли и после принятия ими в начале X в. христианства и, пройдя долгий путь, сохранились у осетин и соседних народов. Вопрос о дохристианских верованиях алан уже поднимался в литературе. Особую ценность представляет работа В. И. Абаева, выделившего языческие элементы в религии алан на базе данных языка и религиозных представлений современных осетин⁵. Он определил имена иранских богов, сохранившихся в осетинском языке, высказал предположение о существовании у алан скифского культа семи богов: бога солнца, огня, богини домашнего очага, бога войны, громовика, волка и бога воды. Кроме того, он выделил и кавказский субстрат в религии осетин.

¹ А. П. Рунич, Аланский катакомбный могильник в «Мокрой балке» у города Кисловодска, «Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии», т. III, Орджоникидзе, 1975, стр. 132—149.

² В. Б. Ковалевская, А. П. Рунич, Раскопки аланского могильника в окрестностях Кисловодска, «Археологические открытия» (далее — АО), 1969, М., 1970, стр. 121.

³ Г. Е. Афанасьев, Работы в Мокрой балке, АО 1973, М., 1974, стр. 94, 95.

⁴ Г. Е. Афанасьев, Классификация и хронология некоторых категорий украшений раннесредневекового могильника Мокрая балка, «Тезисы пятых Крупновских чтений», Махачкала, 1975, стр. 81.

⁵ В. И. Абаев, Дохристианская религия алан, «Тезисы доклада на XXV Международном конгрессе востоковедов», М., 1960, стр. 11—15.

Амулеты Мокрой балки подтверждают некоторые положения В. И. Абаева и позволяют проследить элементы тотемизма, анимизма и фетишизма в религиозных воззрениях алан.

К тотемистическим представлениям, бесспорно, относится культ лисы. В этом плане довольно интересно погребение лисы, раскопанное А. П. Руничем на территории могильника⁶. Оно имело вид квадратного в плане колодца размерами 150×150 см и глубиной 240 см. На дне колодца лежал скелет лисицы, перекрытый слоем камня в 96 см, затем землей; на поверхности это место обозначено камнями. Сам факт захоронения лисы в специальном погребальном сооружении свидетельствует об особом отношении к этому животному. Здесь нелишним будет вспомнить, что в женских погребениях Салтовского и Дмитровского могильников в верховьях Сев. Донца найдены амулеты из просверленных зубов и пястных костей лисы, причем эти амулеты, как показала С. А. Плетнева, были специфически женскими⁷. Эта связь особенно любопытна тем, что позволяет проследить генетическое родство катакомбного варианта салтово-маяцкой культуры и аланских катакомбных могильников района Кисловодска⁸, что подтверждается и близостью их религиозных представлений. С. А. Плетнева проводит параллель с образом лисы в осетинских сказках, где лиса постоянно выступает в роли помощника и спутника девушки⁹. В погребениях салтово-маяцкой культуры встречаются и амулеты из заячьих фаланг¹⁰; очень похожие на амулет из катакомбы № 101 (рис. 1, 1). Как правило, их находят около верхней части тазовых костей женских костяков. Это позволяет думать, что заяц принадлежал к числу женских онгонов.

В катакомбе № 87 был найден амулет в виде бронзовой фигурки оленя с разветвленными рогами (рис. 1, 2). Такие же амулеты найдены нами в катакомбном могильнике № 2 в Мокрой балке¹¹. Надо полагать, что они связаны с уходящим еще в скифское время культом оленя как тотемного животного. Г. Вернадский даже считал, что этноним *алан* связан с индоевропейским *елен* (олень), который, по его мнению, был эмблемой алан¹². По мнению В. И. Абаева, этноним *сак* (к скифо-сакскому этническому массиву восходят и аланы) означает «олень» и связан с тотемом¹³. До наших дней культ оленя сохранился в осетинском нартском эпосе¹⁴, а также в обычае приносить рога оленя в жертву (что особенно наглядно демонстрирует святилище Реком в Северной Осетии)¹⁵. Вероятно, аналогичные святилища существовали и в аланское время, на что указывают раннесредневековые изображения охоты и животных на стенах пещеры близ Хумары¹⁶, связанные, по нашему мнению, с культом охоты. Любопытно, что при исследовании раннесредневековой церкви в Нижнем Архызе обнаружены принесенные в жертву черепа и рога двух оленей¹⁷.

⁶ А. П. Рунич, Отчет в Ин-те археологии АН СССР за 1971 г., Архив Ин-та археологии АН СССР, № 4633.

⁷ С. А. Плетнева, От кочевий к городам, М., 1967, стр. 172.

⁸ Там же, стр. 91; В. А. Кузнецов, Рецензия на работу С. А. Плетневой «От кочевий к городам», «Сов. археология», 1969, № 2, стр. 298.

⁹ «Осетинские народные сказки», М., 1959.

¹⁰ С. А. Плетнева, Указ. раб., стр. 172.

¹¹ Г. Е. Афанасьев, Еще один аланский памятник, газ. «Молодой ленинец», Ставрополь, 8 мая 1974.

¹² G. Vernadsky, Sur l'origine des Alains, «Byzantion», vol. XVI, № 1, Boston, 1944, p. 82.

¹³ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, М.—Л., 1949, стр. 179, 180.

¹⁴ «Осетинские нартские сказания», Дзауджикау, 1948.

¹⁵ В. А. Кузнецов, Путешествие в древний Иристон, М., 1974, стр. 87.

¹⁶ Г. Е. Афанасьев, А. П. Рунич, Рисунки в пещере близ Хумары, «Сов. этнография», 1975, № 2, стр. 106, 107.

¹⁷ В. А. Кузнецов, Алания в X—XIII вв., Орджоникидзе, 1971, стр. 81.

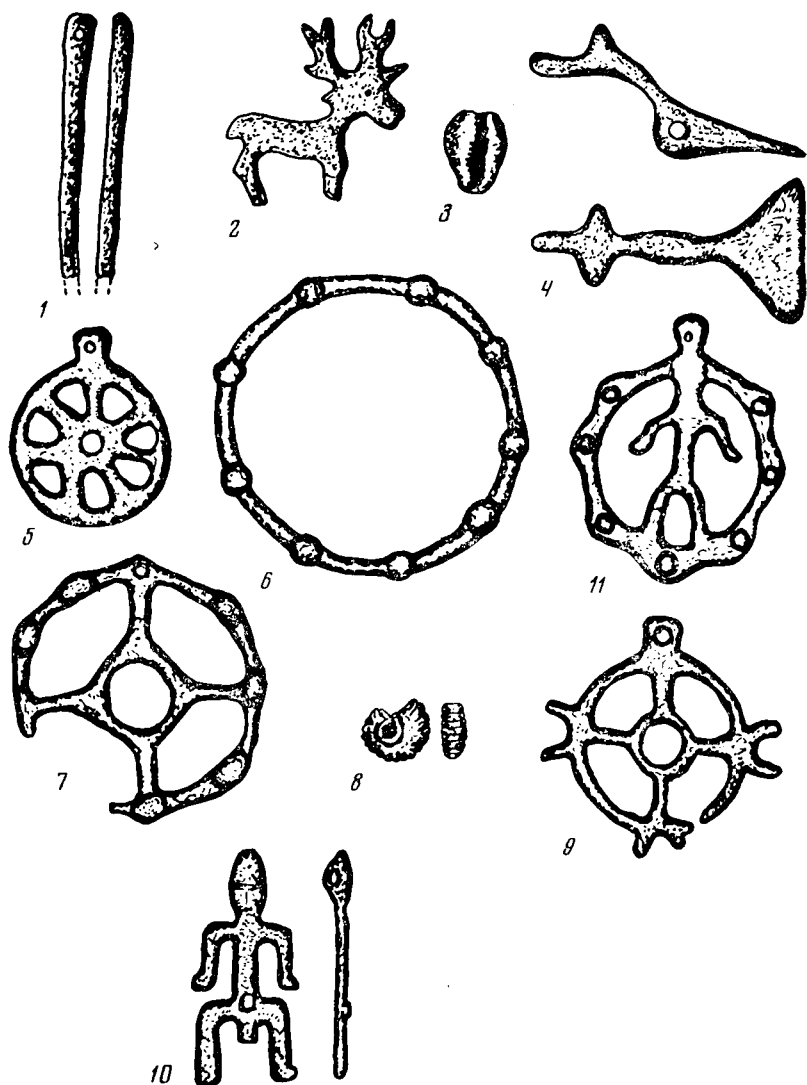

Рис. 1. Амулеты из погребений Мокрой балки; 1 — амулет из заячьей (?) фаланги, 2 — бронзовая фигурка оленя, 3 — раковина каури, 4 — стилизованная птичья фигурка, 5 — солярный амулет с семью лучами, 6 — солярный амулет с шарообразными утолщениями, 7 — солярный амулет с шарообразными утолщениями и четырьмя лучами, 8 — солярный амулет из аммонита, 9 — солнечно-лунный амулет, 10 — бронзовая фигурка мужчины, 11 — амулет отражающий солярный культ и культ вождей

Видимо, магическое значение имели и изображения змеиных головок на концах браслетов из Мокрой балки. А. Х. Магометов приводит сведения, что две дигорские фамилии — Туккаевы и Каиловы поклонялись змее как родовому божеству, при этом выполнялся специальный обряд¹⁸. С культом змеи связаны амулеты из раковин каури, напоминающие голову змеи (рис. 1, 3). Казахи так и называли их «змеиная голова» и считали талисманом¹⁹. У ингушей бытовало поверье, что змея приносит в дом счастье, поэтому на стенах некоторых средневековых башен

¹⁸ А. Х. Магометов, *Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.)*, Орд-жоникидзе, 1974, стр. 302, 303.

¹⁹ Н. Г. Борозна, *Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии*, сб. «Домусульманские обряды и верования Средней Азии», М., 1975, стр. 288, 289.

выбиты изображения змеи²⁰. Армяне, грузины и курды приписывали змее магическую силу. По их мнению, змея отгоняла злых духов, помогала при излечении болезней, спасала от безденежья. Вот почему раковины каури, привозимые главным образом из Ирана и Турции, встречаются как амулеты почти у всех народов Кавказа²¹.

Другим почитаемым животным была лошадь. В. Б. Ковалевская раскопала в Мокрой балке ритуальное погребение лошади, близкое по своей конструкции погребению лисицы, а в дромосе катакомбы № 85 находился конский череп с железными удилами и нижняя часть передних ног. Древний культ коня прослеживается как в фольклоре, так и в быте осетин, а конские черепа до недавнего времени использовались в магических целях²². В последнем случае мы явно сталкиваемся с обрядом посвящения коня покойному. Этот обряд находит этнографические параллели как в Осетии, так и в других районах Северного Кавказа; он рассматривался в специальной работе Б. А. Калоева²³.

Важная роль овцевода в хозяйстве раннесредневекового населения наложила свой отпечаток на религиозные представления. В двух усыпальницах найдены просверленные бараньи альчики, служившие амулетами, а в катакомбе № 37 — большой кувшин, носик-слив которого оформлен в виде бараньей головы с крупными рогами. Вероятно аланы считали, что это изображение будет отгонять злых духов от пищи. Стилизованные изображения животных встречаются и на ручках сосудов из Мокрой балки. Они находят широкие аналоги в Восточной Европе и в Средней Азии. Б. А. Литвинский считает, что изображения баранов на ручках сосудов связаны с общеиранским божеством «Фарн»²⁴. У адыгов баран наделялся сакральными свойствами, и черепа выставлялись в качестве оберегов²⁵. У осетин было распространено гаданье по бараньей лопатке²⁶, а многие полукочевые народы Средней Азии делали из бараньих костей амулеты²⁷.

Довольно интересен найденный в одной из катакомб, раскопанных В. Б. Ковалевской, амулет в виде фигурки священного жука-скарабея. Эта фигурка, относящаяся к предметам египетского экспорта, не является чем-то новым для Северного Кавказа. По мнению В. Б. Виноградова, массовые находки таких амулетов на Северном Кавказе объясняются тем, что многие животные, изображенные на их нижней части, такие как змея, лев и т. д., были почитаемы у народов Кавказа²⁸. Вместе с тем не исключена возможность почитания самого жука. Г. Ф. Чурсин упоминает, что некоторые армянки носят амулеты из жуков, способствующие привлечению поклонников²⁹. У многих народов Средней Азии жук-скарабей наделялся сакральными свойствами³⁰.

Среди других культов, связанных, вероятно, с тотемами, следует отметить птиц. В катакомбе № 28 обнаружен бронзовый амулет в виде стилизованной птичьей фигурки (рис. 1, 4). Близкие изображения встречаются на Северном Кавказе в памятниках кобанской культуры и

²⁰ Е. И. Крупнов, Средневековая Ингушетия, М., 1971, стр. 194.

²¹ Г. Ф. Чурсин, Амулеты и талисманы кавказских горцев, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 46, Махачкала, 1929, стр. 211.

²² А. Х. Магомедов, Указ. раб., стр. 301, 302.

²³ Б. А. Калоев, Обряд посвящения коня у осетин, «Труды VII МКАЭН», М., 1970, стр. 33—37.

²⁴ Б. А. Литвинский, Кангюйско-сарматский фарн, Душанбе, 1968, стр. 109.

²⁵ Л. И. Лавров Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», 51, 1959, стр. 200.

²⁶ В. И. Абаев, Дохристианская религия алан, стр. 10.

²⁷ Н. Г. Борозна, Указ. раб., стр. 282.

²⁸ В. Б. Виноградов, Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев, «Археолого-этнографический сборник», т. 2, Грозный, 1968, стр. 39—54.

²⁹ Г. Ф. Чурсин, Указ. раб., стр. 207.

³⁰ Н. Г. Борозна, Указ. раб., стр. 285.

сарматского времени³¹. Следы почитания птиц обнаруживаются и в других предметах, в частности в фибулах в виде одной или спаренных птичьих фигурок. Интересно, что скотоводческое божество Емыш было, по мнению адыгов, маленькой птичкой³². Суеверные представления о птицах (ласточке, сове, удоде и вороне), сохранившиеся у осетин, связаны с тотемизмом³³.

У алан, как и у соседних с ними народов, был сильно развит солярный культ, о чем упоминал в XIII в. армянский поэт Фрик³⁴. В могильнике Мокрая балка солярные амулеты представлены несколькими типами. Это амулеты в виде кольца с четырьмя или семью лучами (рис. 1, 5), кольца с шарообразными утолщениями (рис. 1, 6), а также с шарообразными утолщениями и четырьмя лучами (рис. 1, 7). Некоторые из них близки амулетам салтово-маяцкой культуры, подробно рассмотрен-

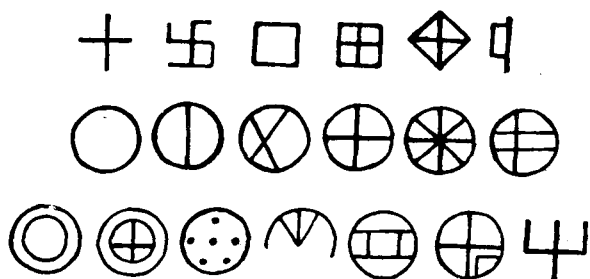

Рис. 2. Знаки на дне сосудов

ным С. А. Плетневой³⁵. К солярному культу относятся и амулеты из аммонитов, напоминающие спираль — древний символ солнца (рис. 1, 8). С солярным культом можно связать фибулы в виде кольца с соколиными головками. Изображения солнца наносились, как правило, на обратных сторонах зеркал. Это разнообразные многолучевые звезды, концентрические круги, радиально расходящиеся лучи, вращающееся расчленение и т. д. В. П. Даркевич убедительно доказал, что все они обозначают небесные светила³⁶. А. М. Хазанов считает, что кавказские зеркала маленького диаметра использовались как амулеты³⁷. О связях зеркал с солярным культом у народов Сибири и Дальнего Востока писал А. П. Окладников³⁸. В сарматской среде был широко распространен обычай специально разбивать зеркала при погребении покойника. По мнению А. М. Хазанова, этот обычай отмирает в раннем средневековье³⁹. Однако, как показывают материалы Мокрой балки, обычай продолжал существовать и в период функционирования могильника: в нескольких катакомбах найдены не целые зеркала, а их фрагменты. Представляется возможным связать с солярным культом знаки на дне сосудов (рис. 2) из Мокрой балки и некоторые элементы орнамента керамики, такие, как конические бугорки с кольцевыми обводами (рис. 3, 1), радиально расходящиеся лучи (рис. 3, 2), вращающееся расчленение (рис. 3, 3) и т. д.

³¹ М. П. Абрамова, Нижне-Джугатский могильник, Нальчик, 1972, рис. 15, 39.

³² Л. И. Лавров, Указ. раб., стр. 205.

³³ А. Х. Магомедов, Указ. раб., стр. 304.

³⁴ «Антология армянской поэзии с древнейших времен до наших дней», М., 1940, стр. 240.

³⁵ С. А. Плетнева, Указ. раб., стр. 175, 177.

³⁶ В. П. Даркевич, Символы небесных светил в орнаменте древней Руси, «Сов. археология», 1960, № 4.

³⁷ А. М. Хазанов, Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов, «Сов. этнография», 1964, № 3, стр. 96.

³⁸ А. П. Окладников, Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фалдея, «Сов. археология», т. XIII, 1950, стр. 170.

³⁹ А. М. Хазанов, Указ. раб., стр. 95.

Амулеты в виде кольца с четырьмя лучами и серповидными выступами, вероятно, отражают культ солнца и луны (рис. 1, 9). Следы культа луны сохранились в Закавказье, а также на Северном Кавказе у адыгейцев и кабардинцев — в образе женского божества Мерем⁴⁰.

Некоторые амулеты отражают фаллический культ. К ним относятся фигурка «Беса» из египетского фаянса⁴¹ и бронзовая фигурка мужчины с подчеркнутыми признаками пола (рис. 1, 10). Подобные фигурки имеют довольно широкое распространение. Интересно, что на поясе этой фигурки нанесено изображение пряжки. Так как в раннем средневековье поясные наборы и пряжки служили иерархическими символами, можно думать, что в этой статуэтке сочетается фаллический культ с культом вождей, характерным для периода разложения стадии военной демократии. Амулет в виде кольца с наплывами и мужской фигуркой в центре (рис. 1, 11), найденный в катакомбе № 113, отражает сочетание солярного культа с культом вождей (следует заметить, что по богат-

Рис. 3. Элементы орнамента керамики: 1 — Конический бугорок с кольцевыми обводами, 2 — Конический бугорок с радиально расходящимися лучами, 3 — Конический бугорок с вращающимся расчленением, 4 — Конический бугорок с полукруглой штампованной окантовкой, 5 — Конический бугорок с полукруглой окантовкой из радиально расходящихся лучей, 6 — Конический бугорок с полукруглой лощеной окантовкой

ству погребального инвентаря эта катакомба резко выделяется из общей массы погребений Мокрой балки и принадлежит Мокрой балки и принадлежит Мокрой балки (видимо, вождю).

К фетишам можно частично отнести бусы. По народным осетинским поверьям, в голове самых ядовитых змей находится черная бусина, исполняющая все желания⁴². По сведениям Г. Ф. Чурсина,

армяне носили стеклянные полосатые бусы, предохраняющие от змей⁴³. В средневековье на Кавказе и в соседних районах было распространено мнение, что сердолик и перламутровые раковины имеют лечебную силу, гишер укрепляет зрение⁴⁴. Бусы из этих материалов довольно часто встречаются в Мокрой балке, и можно полагать, что аланы также придавали им магическое значение.

Таким образом, рассмотрение амулетов Мокрой балки позволяет в общих чертах наметить круг дохристианских религиозных верований аланского населения Северного Кавказа второй половины V—первой половины VIII в. К тотемистическим представлениям относится культ лисы, барана, оленя, зайца, птиц и, вероятно, жука, но главенствующим был культ солнца-огня, отражающийся в многочисленных и разнообразных амулетах, орнаменте керамики и зеркал, а также знаках на дне сосудов. Некоторые амулеты отражают сочетание фаллического культа с культом вождей и культа вождей с солярным культом. Кроме специальных амулетов, их роль выполняли сердоликовые, перламутровые, гишеровые и стеклянные бусы.

К началу X в. развитие производительных сил приводит к созданию аланской государственности и принятию христианской религии⁴⁵ — религии классового общества. Но ни христианство, ни мусульманство не смогли полностью вытеснить те языческие корни, которые сохранились не только в народных сказаниях, но и в быте осетин.

⁴⁰ Л. И. Лавров, Указ. раб., стр. 201.

⁴¹ А. П. Рунин, Аланский катакомбный могильник в «Мокрой балке», рис. 4, 24.

⁴² К. Л. Хетагуров, Собр. соч., т. IV, М., 1960—1961, стр. 326.

⁴³ Г. Ф. Чурсин, Указ. раб., стр. 213.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ В. А. Кузнецов, Алания в X—XIII вв., Орджоникидзе, 1971, стр. 14.

Д. Калоева

ДАРЕДЗАНОВСКИЕ СКАЗАНИЯ У ОСЕТИН

Устное творчество осетинского народа богато и разнообразно. Особое место в нем занимают осетинские версии грузинского народного эпоса «Амираниани», известные у осетин под названием «Сказания о Даредзанах» («Даредзантæ таурæгътæ») ¹. Они бытуют во многих вариантах и одинаково популярны как в Южной, так и в Северной Осетии. Эти сказания так же любимы осетинами, как и широко известный нартский эпос.

Как указывал в свое время известный осетиновед В. И. Абаев, основными источниками осетинского даредзановского эпоса послужили «средневековая грузинская героическая повесть "Амиран-Дареджаниани", иранские сказания о Рустеме, Зорабе и Бижене... проникшие через посредство Грузии в Осетию («Шах-Наме», Фирдоуси), северокавказский нартский эпос и миф о богоборце Прометее» ². Определенное влияние на «Сказания о Даредзанах» оказало произведение грузинской литературы XII в. «Амиран-Дареджаниани» Мосе Хонели, основанное на народном сказании.

Первые единичные записи даредзановских сказаний относятся к первой половине XIX в. Большой интерес к осетинскому фольклору проявили представители осетинской интеллигенции Гуцыр, Гацыр и Джантемир Шанаевы, А. Цаллагов, И. Собиев, А. Кайтмазов, русские ученые В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский и др. В истории записи, публикаций и исследований даредзановских сказаний намечается два этапа. Первый охватывает конец XIX — начало XX в., второй — советский период.

Первым исследователем устного народного творчества осетин был В. Ф. Миллер. С приездом ученого на Кавказ оживились сбор и публикация осетинского устного народного творчества.

В 1870 г. В. Ф. Миллер опубликовал сказание «О Даредзанах», записанное им в 1869 г. в Садоне (Северная Осетия) на русском языке ³. Спустя 11 лет он познакомил ученый мир со сказаниями «О Ростоме и Безане», «Амран, Бадри и Мысырби» и со «Сказанием о Даредзанах», записанными им во Владикавказе от старика Хетагурова и урядника Гаги Есенова ⁴. В 80-е же годы вышли в свет его статьи, посвященные кавказскому эпосу: «Кавказские предания о великанах, прикованных к горам», «О Прометее на Кавказе» и др. ⁵.

Осетинским сказаниям о Даредзанах посвятили отдельные статьи Н. Я. Марр, В. И. Абаев, А. А. Тибилов, М. Я. Чиковани ⁶. Интерес к

¹ Под «Даредзантæ» осетины подразумевают целый клан-род.

² «Амран». Осетинский эпос, М.—Л., 1932, стр. 13.

³ «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 3, Тифлис, 1870.

⁴ В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, ч. I, М., 1881.

⁵ См.: «Журнал Министерства народного просвещения». 1883, № 1; «Труды V археологического съезда в Тифлисе», М., 1887.

⁶ Н. Я. Марр, «Амран». К вопросу о народной даредзановской литературе, М.—Л., 1932; В. И. Абаев, «Амран», Даредзановские сказания у осетин, М.—Л., 1932; А. А. Тибилов, Юго-Осетинский фольклор, Сталинир, 1936 (на осет. яз.); М. Я. Чи-

осетинским сказаниям проявляли и европейские ученые. Так, осетинский вариант эпоса «Амирани» был переведен на немецкий язык⁷.

В советское время удалось собрать, исследовать и затем опубликовать на осетинском и русском языках большое количество сказаний о Даредзанах. Так, в 1925 г. в записи Г. Шанаева вышло в свет сказание «О маленьком Безане Даредзанти»⁸.

Большую работу по сбору и публикации сказаний о Даредзанах развернул Юго-Осетинский научно-исследовательский институт краеведения. В архиве этого института хранится свыше 25 неопубликованных вариантов осетинского эпоса, записанных в разное время. Среди них «Амиран Даредзанти», «Как вымерли Даредзановы», «Караман Даредзанов» и др. В 1928 г. сказания о Даредзанах были опубликованы в сборнике «Сказания и сказки осетинского народа»⁹.

Летом 1925 и 1926 гг. народные сказители из Южной Осетии А. Наниев, К. Джусоев, Д. Губаев и др. были приглашены Юго-Осетинским научно-литературным обществом в местечко Чреба (Цхинвали). Здесь В. Газзаев, П. Гадиев и др. записали от них Даредзановские сказания. Опубликованы они были в 1929 г.¹⁰.

В 1932 г. издательство «Academia» выпустило в свет переложенное на стихи Д. Гатуевым сказание «Амран» с предисловием и под редакцией Н. Я. Марра¹¹. Одна осетинская версия даредзановских сказаний напечатана в монографии М. Чиковани¹². В 1961 г. были изданы тексты сказаний о Даредзанах, снабженные предисловием и пространными комментариями¹³.

Осетинский народ наделил героев своего эпоса лучшими человеческими чертами. Так, Амрану, представителю первого поколения Даредзановых, присущи бесстрашие, мужество, находчивость и высокое благородство.

История жизни Амрана — это по сути дела биография всего рода Даредзановых. Почти все эпизоды сказания связаны с именем Амрана. Он сын охотника Иамона Даредзанти, его мать, Мария, по одним версиям, племянница, по другим — дочь бога. В варианте, записанном А. Кайтмазовым, Амрана родила клыкастая женщина, а отец его, Ростом, скончался сразу же после появления на свет сына¹⁴. Рождается Амран необычным образом. По просьбе умирающей Марии, Иамон надрезал ей живот, вынул железными щипцами раскаленного докрасна мальчика и закинул его в море, к Донбеттырам¹⁵. Море вскипело и высохло. Оказавшись у Донбеттыров, Амран рос и закалялся. Если бы Мария вскормила его своим молоком, то «сильнейший из сильных на суше живущих не мог бы сравниться с Амраном». Однако и лишенный молока матери Амран забавлялся тем, что перекидывал с руки на руку морских быков. В рассказе о детстве Амрана, по-видимому, отразился древний обычай осетин отдавать детей на воспитание — так называемое аталычество.

ковани, Сюжет Амирани в фольклоре народов Кавказа, газ. «Литературные разыскания», Тбилиси, 1958, 8 ноября (на груз. яз.).

⁷ A. D i g g, *Kaukasiskl Marchen*, Уена, 1922.

⁸ «О маленьком Безане Даредзанти», «Известия научно-исследовательского института краеведения», вып. 1, Владикавказ, 1925.

⁹ «Сказания и сказки осетинского народа», Дзауджикау, 1928.

¹⁰ «Даредзановские сказания, мифы и местные предания», кн. 2, Цхинвали, 1929 (на осет. яз.).

¹¹ См. сноску 2.

¹² М. Ч и к о в а н и, *Прикованный Амирани. Амран*, Тбилиси, 1947 (на груз. яз.).

¹³ «Осетинское народное творчество», Орджоникидзе, 1961 (на осет. яз.).

¹⁴ «Рождение Амрана», в кн.: «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 7, Тифлис, 1891.

¹⁵ *Донбеттыр* — в осетинской мифологии владыка морей.

Рос Амран необычайно быстро: «в ночь на удисн, а за день на улынг»¹⁶. Однажды братья выманили его из моря и привели домой. Выйдя из воды, Амран сразу же начал бороться с великанами и залийскими змеями¹⁷. Он убил Красного, Белого и Черного великанов и других врагов.

В образе Амрана много гиперболического. «Глаза его величиной с обруч для привязывания быков, руки — толщиной с бревно...»¹⁸.

Амран, обладая необыкновенной физической силой, одолевает всех своих врагов, за исключением бога. Но, совершая великие подвиги, он нуждается в поддержке народа и не теряет с ним связи.

Амран относится к числу добрых героев. Даже закованный в вечные цепи осетинский герой не падает духом: «Я, Амран,— говорит он,— не бойся меня, иди и принеси мне меч, вот вырвусь отсюда и счастье придет к вам, земные!»¹⁹.

Сказания о Даредзанах широко бытуют в Осетии в форме богатырской сказки. Каждый текст представляет собой законченное сказание и передается из поколения в поколение.

Осетинский эпос дошел до нас лишь в прозе, но, по-видимому, он существовал и в стихотворной форме. Известно, что когда-то сказания в основном пелись.

Даредзановские сказания не только услаждали слух осетина на *ныхасе* (место сбора мужчин), но рассказывались и больным. Вот как об этом пишет К. Хетагуров в этнографическом очерке «Особа». «Тяжело больного знакомые и родственники не оставляют ни днем, ни ночью. По ночам дежурит главным образом молодежь. Чтобы отвлечь больного от мысли о болезни, они стараются быть веселыми, рассказывают сказки, играют на осетинском фандыре — небольшой двенадцатиструнной арфе, и под аккомпанемент распевают легенды о нартах, даредзанах и других мифических героях»²⁰.

В эпосе много различных сюжетов и мотивов. Это расчленение материнского чрева, закалывание героя, выманивание его из воды, испытание тяжестью, проглатывание героя змеем, волшебные волосы и чаша, чудесный свет в расщелине, похищение огня и т. п.

По мнению М. Я. Чиковани, осетинский эпос складывается из пяти основных циклов: «Прикованный Амран», «Витязь в тигровой шкуре», «Ростомииани», «Караманиани» и «Благодарный мертвец»²¹. Наиболее древний — цикл Амрана, в котором ярко отражены пережитки матриархата. Каждый цикл содержит множество сюжетов, и любой из них может быть вполне самостоятельным. Таковы, например, похищение «Красивой Тамары» и убийство кровожадного кабана в сказаниях «Амран Даредзанов и Тамара Красивая», «О Безане» и др.

Для всех сказаний характерна композиционная стройность. В большинстве эпизодов герой на пути к цели встречает различные препятствия. Их преодоление — кульминационный пункт сказаний, позволяющий всесторонне раскрыть характер героя.

Сказания начинаются сразу, с действия, без всяких вводных слов. Например, «Амран, Бадри и Мысырби были три брата. Однажды они сказали: „Пойдем за добычей“»²². Для композиции некоторых сказаний характерен прием обрамления, когда в основной вставляется еще один,

¹⁶ *Удисн* — мера длины, равная расстоянию между концами растянутого большого пальца и мизинца, *улынг* — между концами большого и указательного пальцев.

¹⁷ Залийский змей (*залиаг калм*) — дракон, чудовище.

¹⁸ «Амран и охотник», в кн.: «Осетинское народное творчество», стр. 373.

¹⁹ Там же, стр. 374.

²⁰ К. Хетагуров, Этнографический очерк «Особа», М., 1951, стр. 22.

²¹ М. Я. Чиковани, Народный грузинский эпос о прикованном Амрани, М., 1966, стр. 182.

²² «Амран, Бадри и Мысырби», в кн.: «Осетинское народное творчество», стр. 353.

а то и несколько сюжетов. Так, в сказание «Амран Даредзанов и Стальной великан» включены сюжеты «дремлющий дэв» и «разговор с вином-делом».

Важный художественный прием эпоса — гиперболизм; преувеличивается все: и рост человека, и размеры предметов, и оружие. Наивысшего предела гиперболизация достигает при описании отрицательных персонажей — великанов, залийских змей и т. д.

Не лишен эпос и элементов юмора и сатиры. Амран возомнил себя сильнейшим человеком на суше и пошел искать силу, которая могла бы ему противостоять. Но герой попадает в незавидное положение. Он остается жив лишь благодаря матери великанов, спрятавшей его под сито.

Излюбленные числа в эпосе «три», «семь» и «девять». Вполне вероятно, что число «семь» вошло в осетинское предание под сильным влиянием Востока, где оно священно. В сказках и легендах там фигурируют семь морей, семь небес, семь цветов, семь металлов.

Народное творчество — живой источник для развития национальной культуры. Поэты и прозаики всегда брали и берут из него сюжеты и темы для создания новых произведений. Так, творчество И. Ялгузидзе, И. Канукова, К. Хетагурова, С. Гадиева развивалось в тесной связи с фольклором²³.

Еще в 1928 г. осетины, проживающие в Тифлисе, поставили в «Красном театре» драму Е. Бритаева «Амран»²⁴, написанную в 1909 г., что также свидетельствует о большой популярности эпоса о Даредзанах. Образ Амрана проник не только в театр и литературу, но и в изобразительное искусство осетин. Народный художник М. С. Туганов создал замечательную картину, изображающую прикованного к горе Амрана. Эта работа хранится в фондах Государственного музея краеведения Юго-Осетинской автономной области.

Народные певцы и сказители всегда пользовались большим уважением на селе²⁵.

В Северной и Южной Осетии издавна славились Бибио Дзугутов, Майрам и Габила Базраевы, Габила Маргиев, Кайсын Мерденов, Пепе и Леван Бегизовы и др. Они пели и пересказывали на память десятки сказаний, призывая народ к борьбе с угнетателями.

Биографии осетинских сказителей нигде не зафиксированы.

Побывав на родине сказителей и побеседовав с их родственниками, мы собрали сведения о следующих исполнителях осетинских сказаний о Даредзанах.

Сланов Гаха Пасиевич — певец и сказитель. Родился в с. Бритата Джавского района примерно в 1836 г. Грамоте не обучался, мастерство сказителя перенял от отца — знатока осетинского фольклора. Услышанную однажды в детстве сказку Сланов запоминал на всю жизнь. О феноменальной памяти этого горца до сих пор ходят легенды. В 1921 г. во Владикавказе проф. Гагудз Гуриев записал от Сланова сказание «Даредзантæ». Все сделанные от него записи (тексты сказаний, пословиц и поговорок) хранятся в архивах Юго- и Северо-Осетинского научно-исследовательских институтов. По рассказам односельчан, Сланов с удовольствием выступал перед слушателями. Он хорошо играл на старинной двенадцатиструнной арфе.

²³ Основоположник осетинской прозы С. Гадиев переложил на стихи отдельные эпизоды сказания. См. С. Гадиев, Об Амране, Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 17, стр. 121. Попытку поэтического переложения сказания предпринял и осетинский поэт Кавказгаг («Рождение стального-грудога», «Фидиуаг», 1952, № 6, стр. 27).

²⁴ См. Е. Бритаев, Избр. произведения, Цхинвали, 1963 (на осет. яз.).

²⁵ М. С. Туганов, Новое в Нартском эпосе, «Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института», вып. 1, Цхинвали, 1946, стр. 19.

Профессиональный сказитель *Наниев Андо Гурович* (1880—1940) родился в с. Начрепа Джавского района. Самостоятельно выучился грамоте, писал и читал на осетинском и грузинском языках. Язык Наниева богат художественно-выразительными средствами. В 1925 г. от него записано сказание «Стальногрудый Даредзанов»²⁶.

Туаев Заурбег Алимбегович (умер в возрасте 75 лет) родился в с. Коб Казбекского района. Знал осетинский, грузинский, русский языки. Работая монтером на строительстве Военно-Грузинской дороги, общался с представителями русской интеллигенции, от которых впервые услышал о Пушкине и Лермонтове.

От него записаны сказания: «О Росаппе», «О Безане», «Тарантеловы и Турантеловы», «Наертон-Ростом Даредзанов» и др. Они опубликованы в периодических изданиях²⁷. З. А. Туаев в подлиннике читал «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели, поэтому в его сказаниях «О Росаппе» и «О Безане» чувствуется сильное влияние грузинских версий.

Профессиональный сказитель *Джусоев Кудза (Кужа) Гогкович* (1853—1925) родился в с. Цон Джавского района. Он знал много исторических песен, пословиц и поговорок, а также нартский и даредзановский эпосы. От него записано 18 нартских и три даредзановских сказаний²⁸.

Бегизов Леван Пенеевич (1803—1943). Родился в с. Едесе Джавского района. Сказитель говорил только на осетинском языке. Сказания свои усвоил от отца, сказителя-импровизатора, умершего в возрасте 173 лет. По словам односельчан, его дед Хамат Бегизов также был одаренным сказителем. От Бегизова записано свыше 200 сказаний, пословиц и поговорок, но опубликовано только одно сказание «Амран Даредзанов и Пакундза» (на груз. языке)²⁹. Остальные записанные от него тексты хранятся в фольклорных архивах Юго- и Северо-Осетинского научно-исследовательских институтов.

Даредзановские сказания были записаны также от сына Л. Бегизова Давида Левановича. Они до сих пор не опубликованы и хранятся в личном архиве Дудара Бегизова — внука Давида Бегизова.

Губаев Дзагко Георгиевич (1875—1932) уроженец с. Губатикау Джавского района. Сказания слышал от отца и Гарсо Гаглоева. Грамоте не обучался. Известен в Осетии как хороший знаток историй и преданий. Дзагко Георгиевич сказочник, поэтому почти все его сказания больше похожи на сказки. Поскольку он знал грузинский язык, то в его речи часто встречаются грузинизмы. От Д. Губаева записаны сказания: «Рождение Амрана Даредзанова», «Амран Даредзанов и Тамара Красивая», «Хатхавеловы и Апраисионовы», «Амран и охотник». Они опубликованы в разных периодических изданиях³⁰. Губаев играл на осетинском музыкальном инструменте кысын фандыре, пел.

Сказители из поколения в поколение бережно передавали осетинские сказания, не давая им бесследно исчезнуть. И теперь, когда сфера бытования замечательного осетинского эпоса «Сказания о Даредзанах» постепенно сужается, необходимо вести постоянную запись сказаний с тем, чтобы сохранить их как памятник народной культуры.

²⁶ Опубликовано в кн.: «Даредзановские сказания, мифы и местные предания», кн. 2, Цхинвали, 1929 (на осет. яз.).

²⁷ См. также: «Юго-Осетинский фольклор», Сталинир, 1936 (на осет. яз.).

²⁸ «Даредзановские сказания, мифы и местные предания», кн. 2, Цхинвали, 1929 (на осет. яз.).

²⁹ «Осетинские сказки и легенды», Цхинвали, 1957, редакция, вводная статья и примечания А. А. Глонти (на груз. яз.).

³⁰ См. также: «Даредзановские сказания, мифы и местные предания»; «Юго-Осетинский фольклор» и др.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Я. С. Смирнова

СВАДЬБА БЕЗ НОВОБРАЧНЫХ

(К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ И ФУНКЦИЯХ
СВАДЕБНОГО СКРЫВАНИЯ
У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Лет пятнадцать тому назад меня пригласили на свадьбу в горный шапсугский аул Красно-Александровский.

Во дворе дома, где праздновалась свадьба, живописными группами расположились гости. Особняком держались женщины, среди них выделялась группа молодых невесток. Всюду сновали дети. Под деревянными навесами были накрыты сколоченные на скорую руку столы, а в глубине двора возле подвешенных над огнем больших чугунных котлов сутились «повара».

В центре двора — полукруг девушек, рядом молодые парни и жены-тате мужчины, охотники до танцев. Тут же расположились музыканты — гармонистки и трещоточники. Высокий мужчина с деревянным жезлом в руке, двигаясь по кругу, распоряжался танцами, веселил публику речами-экспромтами, объявлял суммы «жертвуемых» присутствующими денег. Это был известный во всех адыгейских аулах «джегуако» — распорядитель свадебного круга.

Под аккомпанемент национальных мелодий танцевали пары, слышались шутки, смех. Но ни невесты, ни жениха среди присутствующих не было. Где же они? Как мне объяснили, жених уже несколько дней находился в одном из соседних домов, ибо показаться на свадьбе для него «верх неприличия». Невеста же не веселилась с гостями, а вместе со специально приставленной к ней девушкой стояла у стены в комнате, предназначенной для молодых. Можно было войти, взглянуть на невесту, поздравить ее. Молодая молча, потупившись, выслушивала поздравления — отвечать ей «не положено». Только позднее, в конце празднества, невесту с лицом, закрытым длинным шарфом, вывели на круг к танцующим, чтобы некоторое время спустя совершить церемонию «ввода в дом».

Впоследствии мне приходилось наблюдать аналогичные свадебные обряды у многих народов Кавказа, и я задалась вопросом, почему жених и невеста здесь по традиции отсутствовали на собственной свадьбе, да и теперь еще нередко принимают в ней лишь пассивное участие.

Казалось бы, свадьба без новобрачных — дело такое же необычное, как именины без именинника или похороны без покойника. А между тем именно такова традиционная свадьба всех народов Северного Кавказа и некоторых народов и этнических групп Закавказья. В 1920 г. советский лингвист М. Сигорский обратил внимание на то, что распространение этого типа свадьбы, который он назвал «свадьбой со скрыванием», в основном совпадает с расселением народов кавказской языковой семьи. Полнее всего свадьба со скрыванием сохранилась у адыгских народов северо-западного Кавказа и в несколько меньшей степени у их соседей: индоевропейцев-осетин и центральнокавказских тюрков — карачаевцев и балкарцев, у которых она вытеснила их прежнюю «открытую свадьбу». Напротив, у грузин она сама была вытеснена византийским свадебным обрядом, а у чеченцев, ингушей и большинства народов Дагестана отчасти стерлась под влиянием шариата¹.

Первые упоминания о свадьбе со скрыванием на Северном Кавказе имеются уже у авторов XVIII в., в частности у П. С. Палласа, но более обстоятельные сообщения появились только в XIX—начале XX в. Приведем некоторые из них, наиболее выразительные.

Начнем с адыгов. По Хан-Гирею, невесту обычно привозят не в дом жениха, а в дом одного из его приятелей. Если у жениха есть родители или старший брат, то он также удаляется в дом какого-нибудь приятеля, где происходит бракосочетание и откуда он посещает новобрачную после захода солнца. В дом родителей мужа молодую перевозят лишь некоторое время спустя, молодой же возвращается туда только по окончании всех свадебных обрядов². Более подробно описан этот порядок применительно к темиргоевцам. У них, как правило, невесту помещают не в доме родителей мужа, а в особую комнату дома одного из его родственников. Здесь она проводит первые месяцы своей брачной жизни, не выходя из комнаты. Жених все это время живет вне родительского дома, стараясь не попадаться никому на глаза и тайно навещая невесту. В доме, где живет невеста, через неделю после ее водворения сюда празднуется «малая свадьба». Через месяц после этого совершается церемония ввода молодого в дом его родителей, причем он должен одарить родню и гостей. Еще через несколько месяцев, обычно через год, справляется «большая свадьба» в доме родителей новобрачного и происходит ввод в него новобрачной. Как малая, так и большая свадьба празднуется в отсутствие жениха, невеста же, хотя и находится в том же доме, в свадебном торжестве не участвует³. Особенно интересны подробности церемонии ввода молодого в родительский дом у кабардинцев, сообщаемые Т. Кашежеевым. Новобрачный живет у одного из товарищей и «скрывается от всех родственников и старцев в ауле», пока, вскоре после ввода новобрачной в дом его родителей, не совершится обряд его «примирения» с домашними. «По сторонам сакли становятся старики. В одном углу стоят девушки, а в переднем углу отец, мать молодого и избранный почетный старец, держа в руках чашу бузы для молодого, который в это время в сопровождении товарищей своих стоит за дверьми. Тогда старец говорит громким голосом: „Сын наш! Ты доставил нам то, чего мы до сей поры не имели. Тебе, наверно, показалось, что ты совершил преступление, и потому ты так долго скрывался от нас. Но нет: это нас радует всех, и вот вознаграждение за это дело, мы присудили тебе эту

¹ М. Сигорский, Брак и брачные обычаи на Кавказе, «Этнография», 1930, № 3, стр. 49 сл. О традиционной свадьбе у народов Северного Кавказа см. Я. С. Смирнова, Семья и семейный быт, сб. «Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967)», М., 1968, стр. 192 сл.

² Хан-Гирей, Избранные произведения, Нальчик, 1974, стр. 185 сл.

³ В. В. Васильков, Очерк быта темиргоевцев, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее — СМОМПК), вып. 29, 1901, стр. 94 сл.

чашу напитка. Приди, примиришь и прими от нас эту чашу!“. На другой день девушки приводят снова молодого к его матери, которая вручает ему от имени собравшихся женщин чашу бузы, и затем сажают его на какую-нибудь скамью. Это сажание называется у кабардинцев „шет-те-гож“ и служит для окончательного примирения молодого со всеми»⁴.

Сходным образом характеризуется свадебное скрывание у балкарцев и карачаевцев. По сообщению Н. Грабовского, жених, даже если он явился со свадебным поездом за невестой, в ее селении «скрывается у кого-либо из своих знакомых и никуда не показывается; точно так же он скрывается в своем ауле, пока празднуется свадьба; здесь для своего пребывания он выбирает дом какого-нибудь из своих коротких знакомых». В этом доме он остается до года, посещая свой дом и жену только по ночам, а когда он, наконец, оставляет дом, где скрывается, хозяин его должен сделать аулу угощение⁵. Другой автор сообщает, что если новобрачного встретят на улице хотя бы ночью, его избивают и загоняют палками в его убежище. Пока он скрывается, его считают нечистым: обычай запрещает даже прикасаться к нему. Если обстоятельства не позволяют скрываться более семи дней, то назначается день выкупа: семья молодого устраивает аульчанам угощение, после чего он признается очистившимся⁶. Еще в одном сообщении, повторяющем в главных чертах предыдущее, подчеркивается строгость свадебного скрывания также и новобрачной. «Молодая, проживая в доме жениха или у его родственников, тоже должна скрываться от посторонних; дома она живет изолированно, и когда к ней кто-нибудь взойдет, она покрывает лицо покрывалом»⁷.

Согласно одному из наиболее ранних показаний об осетинах, невесту после ее переезда в селение жениха вводят не в его, а в соседний дом. Приличие требует, чтобы молодые, смотря по материальному состоянию, от трех дней до трех месяцев жили не у себя, а у соседей и виделись украдкой, так, чтобы никто из стариков не знал об их свиданиях⁸. Во второй половине XIX в. осетины уже не практиковали промежуточное поселение невесты, но и в доме родителей жениха она в течение всей свадьбы в основном скрывалась в своей комнате, хотя и принимала молчаливое участие в обрядах ее приобщения к новой семье. Еще месяц-два, до обряда первого выхода за водой, ей не разрешалось появляться за пределами усадьбы, а свой первый визит к родителям она была вправе совершить лишь по истечении года⁹. Свадебное скрывание жениха вне родительского дома продолжало бытовать и во второй половине прошлого столетия. Новобрачный первые три-четыре дня, а по другим данным месяц не должен был показываться родителям, жил у свадебного дружки, к жене приходил только поздно вечером и уходил рано утром. Затем дружка резал барана для угощения и отводил молодого домой, чем и заканчивалось его скрывание¹⁰.

Не менее выразительны сведения о свадебном скрывании у чеченцев. Накануне свадьбы, продолжавшейся три дня, невесту помещали в доме

⁴ Т. Кашежев, Свадебные обряды кабардинцев, «Этнографическое обозрение», 1892, № 4, стр. 151, 153 сл.

⁵ Н. Грабовский, Свадьба в горских обществах Кабардинского округа, «Сборник сведений о кавказских горцах» (далее — ССКГ), вып. 2, 1869, стр. 53.

⁶ В. Я. Тепцов, По истокам Кубани и Терека, СМОМПК, вып. 14, 1892, стр. 177, 178.

⁷ Н. П. Тульчинский, Пять горских обществ Кабарды, «Терский сборник», вып. 5, 1903, стр. 208.

⁸ М. А. Шегрен, Религиозные обряды осетин и ингушей и их соплеменников при разных случаях, газ. «Кавказ», 1846, № 27—29.

⁹ К. Л. Хетагуров, Особа, Собр. соч. в пяти томах, т. IV, М., 1960, стр. 353; К. Борисевич, Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа, «Этнографическое обозрение», 1899, № 1—2, стр. 229, 239.

¹⁰ А. Л. Зиссерман, Отрывки из моих воспоминаний, «Русский вестник», 1878, № XI, стр. 88; К. Борисевич, Указ. раб., стр. 238 сл.

одного из родственников жениха. Последний, завидев свадебный поезд, переходил в дом одного из своих приятелей, где и скрывался на протяжении всей свадьбы, не показываясь ни невесте, ни родным, ни гостям. Лишь на четвертый день после официального бракосочетания он начинал посещать новобрачную, но некоторое время старался делать это тайне. Скрывание новобрачного от родных и соседей длилось от двух недель до месяца, невеста же была вправе показаться своей родне лишь через несколько месяцев после свадьбы¹¹. У ингушей жених и невеста за два-три дня до свадьбы уходили из своих домов: жених — к ближайшему родственнику, невеста — к родственнице или подруге. После того как невесту перевозили в селение жениха, он начинал посещать ее по ночам, но продолжал скрываться в своем убежище еще две-три недели. Уже будучи засватана, девушка избегала всяких разговоров со старшими родственниками и соседями и еще более того — с родными жениха. Жених также избегал старших как из своей родни, так и из родни невесты. Скрывание невесты на протяжении трех дней свадьбы соблюдалось настолько строго, что ей считалось неприличным даже выйти во двор. Оно прекращалось не менее чем через пять дней после свадьбы обрядовым выходом новобрачной за водой, во время которого устраивались танцы и угощение¹².

Нет надобности приводить другие сообщения, относящиеся к народам Дагестана, а в Закавказье — к абхазам, хевсурам, кистинам¹³. В целом у всей рассматриваемой нами группы народов обязательным компонентом свадебного обряда было более или менее выраженное скрывание жениха и невесты, новобрачного и новобрачной, особенно строгое по отношению к старшим родственникам и свойственникам, а также вообще старшим по возрасту лицам. Жених, а затем новобрачный то или иное время прятался в чьем-либо доме, причем прекращение его скрывания должно было быть озаглавлено «примирением» с родней, а нередко и со всем селением. Позднее он должен был нанести примирительный визит родителям жены, что, впрочем, имело место не у всех народов региона. Невеста первоначально также скрывалась в чьем-либо доме, причем некогда, видимо, целый год, позднее же перевозилась непосредственно в дом родителей жениха, но и здесь пребывала в отдельной комнате, почти все время под покрывалом, фактически не участвуя в собственной свадьбе. Существовали особые обряды прекращения свадебного скрывания невесты от родных и односельчан жениха — ее ввод в общее помещение дома и первый выход за водой. Для прекращения ее скрывания от собственной родни требовался традиционный визит в родительский дом.

Рис. 1. Невеста-осетинка в своей комнате во время свадьбы. Селение Сурх-Дигора. 1969 г.

¹¹ А. П. Ипполитов, Этнографический очерк Аргунского округа, ССКГ, вып. 3, 1868, стр. 9 сл.; В. А. Акимов, Свадебные обычаи чеченцев и ингушей; «Сборник материалов по этнографии, издаваемых Дашковским этнографическим музеем», вып. 3, М., 1888, стр. 147.

¹² Н. Грабовский, Ингуши, ССКГ, вып. 9, 1876, стр. 53; Н. Яковлев, Ингуши, М.—Л., 1925, стр. 54; Б. Далгат, Материалы по обычному праву ингушей, «Известия Ингушского института краеведения», вып. 2—3, Владикавказ, 1930, стр. 317, 334 сл.

¹³ См. Г. А. Сергеева, Об обычаях избегания у народов Грузии, «Полевые исследования Института этнографии АН СССР», М., 1974.

Рис. 2. Абазинская невеста (справа) в комнате для новобрачных в день свадьбы. Селение Псыж, 1969 г.

Что же представляют собой эти обычаи и обряды? Как они возникли и какова была их роль в семейном и общественном быту такого широкого круга народов?

Свадебное скрывание — одна из разновидностей широчайшим образом распространенных или фиксируемых в пережитках едва ли не у всех народов мира брачно-семейных запретов, уже в прошлом веке привлечших к себе пристальное внимание этнографов и названных Э. Тэйлором обычаями «избегания». По своему содержанию эти запреты очень различны: не показываться на глаза, не находиться вместе в одном помещении, не бывать вместе в общественных местах, не показывать лица или каких-нибудь обнаженных частей тела, не разговаривать, не есть в чем-либо присутствии, не садиться за один стол, не называть чужого имени или фамилии и т. д. Очень разнообразны также сочетания субъектов и объектов избегания: здесь и родные братья или сестры, и муж с женой или родители с детьми, и различные категории старших родственников или свойственников, и посторонние

люди. Все это уже давно привело этнографов к выводу, что все обычаи избегания не могут проистекать из одного источника, быть объяснены одной причиной. Другое дело — некоторые отдельные комплексы обычаев избегания, для которых может быть установлена их генетическая и функциональная связь. Таким комплексом, в частности, по-видимому, является избегание во взаимоотношениях между женихом и невестой, а затем мужем и женой, между ними и их старшими родственниками и свойственниками, а также уважаемыми посторонними лицами и, наконец, между родителями и детьми. Для него, видимо, имеется общее объяснение, которое одновременно служит и объяснением интересующего нас обычая свадьбы без новобрачных.

Последний по времени и наиболее обстоятельный в советской науке анализ большей части обычаев этого комплекса проделан Н. А. Кисляковым. Отправляясь от известной статьи А. Н. Максимова¹⁴, он рассматривает все три выделенные последней теории их происхождения, а именно возможную связь с похищением жен, предотвращением недозволенных половых отношений и локализацией брачного поселения. Н. А. Кисляков убедительно показывает несостоятельность первой и недостаточность второй из этих теорий. Не будем повторять мобилизованную им аргументацию: читатель может обратиться к соответствующему разделу его книги¹⁵. Сам Н. А. Кисляков вслед за Э. Тэйлором и А. Н. Максимовым развивает третью теорию. «Связь между семейно-брачными запретами и избеганиями и локальностью брака не подлежит никакому сомнению. Ког-

¹⁴ А. Н. Максимов, Ограничение отношений между одним из супругов и родственниками другого, «Этнографическое обозрение», 1908, № 1—2, стр. 8.

¹⁵ Н. А. Кисляков, Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, Л., 1969, стр. 206 сл.

да жена переселяется в дом мужа, устанавливается целая система запретов и избеганий между нею и родственниками ее супруга. Муж же избегает родных жены до переезда последней к нему, что многие исследователи связывают с пережитком матриликального поселения». Развивая далее эту точку зрения, Н. А. Кисляков пишет, что локализация брака сама по себе не объясняет причин избегания, а скорее служит необходимым условием для его проявления. Причиной всех такого рода запретов является «сама природа брачных отношений, естественное чувство застенчивости, стеснения, которое испытывают вступающие в брак. Эти чувства испытывают не только девушка и юноша по отношению один к другому, но, пожалуй, еще в большей степени каждый из них по отношению к родне другой стороны»¹⁶.

Приведенное «психологическое» объяснение происхождения обычаев избегания привлекает своей простотой, но все же представляется недостаточно убедительным. Во-первых, его нельзя распространить на все виды избегания данного комплекса, в частности на избегание между родителями и детьми, которое, видимо, не случайно автором вообще не рассматривается. Во-вторых, трудно предположить, что естественная застенчивость, настолько сильная, что она вызвала к жизни целую систему строго соблюдаемых запретов, резко ослабевала после совершения определенных обрядов, например обрядов «примирения» новобрачного с родными и односельчанами. Думается, что возникновение этих запретов предполагало более серьезные, чем застенчивость, обстоятельства, а именно возникновение противоречащей обычаям ситуации.

Обобщая взгляды основоположника третьей теории происхождения рассматриваемого нами комплекса обычаев избегания Э. Тэйлора, А. Н. Максимов писал, что сущностью ее является «подчеркивание разницы между исконными членами семьи и вновь вступившим в нее чужаком, непризнание последнего первыми»¹⁷. Сам Максимов считал, что Тэйлор «в значительной степени прав, и „непризнание“ является одним из главных элементов содержания изучаемых нами ограничений»¹⁸. Но подобного рода «непризнание», по всей вероятности, могло возникнуть лишь в том случае, если данной форме локализации брака предшествовала другая, новой и необычной — санкционированная обычаями.

У народов Кавказа, как и у других народов мира, патрилокальности предшествовала матриликальность, а также, по-видимому, и некоторые переходные формы — дислокальность и промежуточная локализация, названная М. Сигорским «интерлокальностью»¹⁹, а М. О. Косвеню — поселением в «другом доме» (по его мнению, некогда авункулокальным)²⁰. Отсюда можно сделать вывод, что теоретически реконструируемая ситуация, породившая обычаи избегания, возникла именно в период перехода к патрилокальному браку. В основном к такому выводу и склонялся М. О. Косвен, отмечая, что хотя обычаи избегания не имеют обязательно общего происхождения, а связаны с различными сторонами архаических отношений, в том числе древними отношениями полов, они «создаются и находят себе выражение в процессе перехода от матриархата к патриархату, и в частности к патрилокальному поселению, будучи связаны со всем многообразным комплексом относящихся сюда явлений»²¹. Одновременно и нами было высказано предположение, что у народов Северного Кавказа избегание отражает переход от матриликального поселения к патрилокальному и от материнского счета родства к отцовскому, возникнув в качестве своеобразной условности, позволив-

¹⁶ Там же, стр. 236, 237.

¹⁷ А. Н. Максимов, Указ. раб., стр. 8.

¹⁸ Там же, стр. 76.

¹⁹ М. Сигорский, Указ. раб., стр. 52.

²⁰ М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа, М., 1961, стр. 52 сл.

²¹ Там же, стр. 89.

шей формирующемуся патриархальному обществу создать иллюзию отсутствия в данной семье «незаконно» вошедших в нее молодоженов и какой-либо связи между ними и родившимися у них детьми²².

Итак, свадьба без новобрачных, во время которой эти последние избегают своих родственников, свойственников и односельчан, в особенности старших, а также друг друга при подлежащих избеганию лицах, — начальная и наиболее ярко выраженная форма определенного комплекса обычаев избегания. Генетически она восходит к казуистическим, имеющим своей целью «находить лазейки для того, чтобы в рамках традиции ломать традицию»²³ обычаям времени перехода от материнскородовых порядков к отцовскородовым. Можно было бы еще более сузить этот вывод, связав возникновение интересующих нас обычаев с изменением одной лишь локализации брака, но тогда некоторые приведенные выше факты остались бы без объяснения. Это «настойчивое», как подметил М. О. Косвен, повторение во многих сообщениях мотива пребывания невесты в промежуточном доме в течение года. М. О. Косвен не дал этому обычаю однозначного объяснения. Первоначально он связал его с реминисценциями группового брака, отметив в то же время, что доказательство такого положения — дело нелегкое; позднее усматривал в нем своеобразный компромисс между старым материнским и новым отцовским родом при смене счета родства²⁴. Между тем сопоставление того же самого мотива «одного года», т. е. времени, которое, скорее всего, было отведено для того, чтобы родился ребенок, в свадебном цикле Цовинар-хатун из армянского эпоса «Давид Сасунский» с брачными порядками некоторых племен Меланезии и Африки, видимо, дает какое-то связующее звено между обычаем годичного помещения невесты в один из домов селения жениха и порядками, существовавшими при переходе от группового брака к индивидуальному. Это был год, в течение которого невеста покупала право на индивидуальный брак как предбрачными встречами, так и рождением предбрачного ребенка²⁵. Подобные реминисценции у народов Кавказа вовсе не исключены: по сообщениям даже позднесредневековых путешественников, в патриархальном обществе адыгов еще сохранялись известные остатки добрачных и внебрачных половых свобод²⁶.

Но в целом вся эта проблема еще не может считаться полностью решенной и требует дополнительных исследований.

Естественно возникает вопрос: почему необычная свадьба без новобрачных, сложившаяся у ряда народов Кавказа многие столетия назад и, казалось бы, совершенно несовместимая с таким важнейшим событием в человеческой жизни, надолго у них сохранилась? Мог ли подобный порядок быть только пережитком в том смысле, который вкладывал в него Тэйлор? Представляется, что на этот вопрос следует ответить отрицательно. Связанные с такой свадьбой обычаи и обряды надолго удержались не просто в силу консервативности традиций, а потому, что они приобрели определенные социальные функции, выгодные принявшему их патриархальному, а затем патриархально-феодальному обществу.

²² Я. С. Смирнова, Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху, «Сов. этнография», 1961, № 2, стр. 45.

²³ К. Маркс, Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 111.

²⁴ М. О. Косвен, Очерки по этнографии Кавказа, «Сов. этнография», 1946, № 2, стр. 141 сл.; его же, Этнография и история Кавказа, стр. 69.

²⁵ А. И. Першиц, О некоторых этнографических сюжетах в армянском народном эпосе «Давид Сасунский», «Известия Академии наук АрмССР», 1951, № 8, стр. 56 сл.

²⁶ См., например: «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв.». Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова, Нальчик, 1974, стр. 51, 80, 81, 102.

Как известно, одной из характерных черт патриархального строя и быта является ярко выраженное подчинение младших старшим, что находит свое внешнее выражение в многочисленных и подчеркнутых знаках почтения. На Кавказе этот порядок поддерживался не только нормами адата и (у мусульман) шариата, но и разного рода традициями, относящимися к области обрядовой жизни, этикета и т. п., призванными напомнить младшим членам семьи, патронимии, общины их зависимое, подчиненное по отношению к старшим положение. Тем самым эти традиции выполняли определенную функцию в воспроизводстве из поколения в поколение одних и тех же семейно-общественных форм, т. е. социализации. «Горское этническое сознание, — справедливо пишет по этому поводу карачаевский исследователь К. И. Чомаев, — еще в сильной степени сохраняло культ старшинства и семейной патриархальности. Это было отражением неразвитых социальных отношений и остатком тех времен, когда отсутствие государства и наличие родо-племенных связей вело к господству авторитарной власти старейшин, опирающейся на возникший по этому случаю нравственный закон почитания старшинства»²⁷.

Попробуем подойти к рассматриваемым обычаям с этой точки зрения. Свадебное скрывание жениха, а затем новобрачного и последующие обряды его «примирения» со старшими родственниками и односельчанами должны были в ритуализированной, а следовательно, и особенно впечатляющей форме показать молодому человеку, что хотя он и вошел в круг взрослых женатых мужчин, это произошло лишь с соизволения старших. Дальнейшее скрывание женатого мужчины от его старших родственников и односельчан, разумеется, исключалось хозяйственно-бытовыми условиями, но известные остатки этого порядка, не позволявшие ему забывать о своем статусе младшего, сохранялись длительно. Это были обычаи избегания, запрещавшие ему показываться старшим рядом с женой или детьми дома и появляться с ними в общественных местах, заговаривать первым с кем-нибудь из старших, есть с ними за одним столом и т. д. Что касается старших свойственников, то они зачастую жили не в том же, а в другом селении, и общение с ними было не столь обязательно. Поэтому «примирение» с ними в форме традиционного визита в их дом, как правило, совершалось позже, а подчас, как у западных адыгов, не совершалось вообще. С течением времени нормы избегания постепенно ослабевали и к старости сохранялись лишь немногие. Это, видимо, подтверждает предложенное толкование функций данной группы обычаев.

Другая характерная черта патриархального строя и быта — подчинение женщин мужчинам. У народов Северного Кавказа оно выражено настолько ярко, что К. И. Чомаев считает возможным говорить о своего рода культе мужчины как об одной из особенностей их этнической психологии²⁸. И действительно, если первоначально, при своем генезисе, свадебное скрывание и сменявшее его избегание в равной степени касались обоих супругов, то позднее, с развитием патриархальных порядков, избегание с особой тяжестью легло на плечи женщины. В то время как муж по окончании свадебного скрывания относительно свободнее общался со всеми членами своей семьи, родней и соседями, жена продолжала едва ли не до самой смерти так или иначе избегать старших, что заставляло ее постоянно следить за собой и помнить о своем особом, подчиненном положении. Так обстояло дело не только дома, но и за его пределами. Чтобы не нарушить норм избегания, она не должна была присутствовать на народных собраниях и празднествах, а там, где могла

²⁷ К. И. Чомаев, Дореволюционные черты этнической психологии горских народов Северного Кавказа, сб. «Вопросы национальной психологии», Черкесск, 1972, стр. 130.

²⁸ К. И. Чомаев, Указ. раб., стр. 134.

присутствовать, вынуждена была молчать. Не всегда можно с уверенностью дифференцировать в предписанных женщине нормах поведения связанные со свадебным скрыванием и избеганием специфические запреты и общие шариатские ограничения, тем более что многие установления шариата также восходят к обычаям избегания у древних арабов. Несомненно, однако, что применительно к женщине свадебное скрывание и избегание были одной из составных частей закрепощавшего ее патриархального правопорядка.

Рис. 3. Жених и невеста за свадебным столом. Селение Псыж, 1969 г.

Свадебное скрывание и выраставшее из него избегание между супругами (а также, заметим в скобках, между родителями и детьми) могло иметь и другие функции. В условиях большой семьи ограничения в общении между ними препятствовали атомизации большесемейного коллектива, поддерживали общинное начало в доме. Тем самым они также выполняли функцию социализации, но в этом случае иного порядка. Однако эта функциональная линия не заслоняла предыдущей: более того, скорее, она была второстепенной. Не случайно даже в обыденном сознании населения избегание воспринималось как отношения неравенства. Это прямо подтверждается замечаниями некоторых бытописателей старокавказской семьи — прирожденных кавказцев, замечаниями, которые при всей своей научной неточности не лишены жизненной правды. Так, по словам кабардинца А. Намитокова, жена «не дерзала», а муж «не снисходил» называть другого супруга по имени²⁹, а по мнению адыгейского писателя А. Евтыха, родители не оплакивали своего ребенка публично потому, что они его «не считали за человека»³⁰.

Самостоятельный интерес представляет вопрос, почему как свадебное скрывание, так и последующие обычаи избегания у адыгов были выражены сильнее, чем у соседних народов. Выше уже приводились соображения М. Сигорского о том, что у неадыгских народов кавказской языковой семьи эти обычаи отчасти стерлись в результате сторонних влияний, а некавказские по языку народы Кавказа заимствовали их у адыгов. Та-

²⁹ А. Намитоков, Черкешенка, М., 1928, стр. 20.

³⁰ А. Евтых, У нас в ауле, «Новый мир», 1953, № 5, стр. 69.

кого рода утраты и приобретения в ходе этнокультурных процессов, разумеется, возможны, но предположение М. Сигорского не дает ответа на другой вопрос: почему все же адыги оставались эпицентром распространения интересующих нас традиций среди соседних народов? Здесь, думается, надо обратить внимание на сообщения о различиях в степени избегания в верхушечных слоях населения и среди простого народа. Так, например, К. Ф. Сталь писал о тех же адыгах: «Видеть жену днем, войти к ней в саклю и разговаривать с ней в присутствии других может себе позволить только пожилой простолюдин, а князь и дворянин — никогда»³¹. В то же время известно, что адыгское общество было относительно больше феодализировано, и, следовательно, в нем была значительнее прослойка людей, бытовые условия которых позволяли им дольше и полнее придерживаться традиционных запретов в общении с бок о бок живущими родственниками по крови, браку и свойству. А в патриархально-феодальном обществе с присущим ему слабо выкристаллизовавшимся классовым самосознанием обычаи, которых придерживались князья и дворяне, считались образцом поведения, и адыгское крестьянство старалось им следовать, насколько это было возможно. Адыгам же стремились подражать в своих обычаях соседние народы, тем более что некоторые из них находились в феодальной зависимости от кабардинских князей.

Все сказанное позволяет считать, что свадьба без новобрачных, как и вся система обычаев избегания у народов Кавказа, не была ни простым пережитком, ни нейтральной культурно-бытовой традицией. Она принадлежала к числу элементов, которые поддерживали устои патриархальной семьи и патриархального, а затем патриархально-феодального общества.

Именно поэтому в советское время свадьба со скрыванием утратила всякий социальный смысл и стала постепенно изживаться. Конечно, изживание такого рода обычаев — всегда очень длительный процесс, и мне за многие годы полевой работы на Кавказе неоднократно приходилось наблюдать их у самых различных народов — от абхазов и адыгейцев на западе до чеченцев и аварцев на востоке. Но в то же время с каждым десятилетием все чаще можно было видеть, что жених, а нередко и невеста отказывались скрываться и становились более или менее активными участниками собственной свадьбы. Дальше других продвинулись в этом отношении адыгейцы, черкесы, абазины и ногайцы, у которых новобрачные хотя и не сидят еще, как правило, за одним праздничным столом со старшими родственниками и односельчанами, но в большинстве случаев торжественно справляют свою свадьбу вместе со сверстниками в соседнем помещении или доме. У других народов региона также идет процесс отхода от традиционной свадьбы без новобрачных, ускоряясь и расширяясь по мере убыстрения темпов культурно-бытовых преобразований в семье и обществе³².

³¹ К. Ф. Сталь, Этнографический очерк черкесского народа, «Кавказский сборник», вып. 21, Тифлис, 1900, стр. 28. Ср. В. Я. Тепцов, Указ. раб., стр. 177.

³² Подробнее об этом см. Я. С. Смирнова, Традиция и инновация в развитии семейной обрядности, «IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973). Доклады советской делегации», М., 1973, стр. 5 сл.

ОТЧЕТНАЯ СЕССИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР

2—3 апреля 1975 г. состоялась Отчетная сессия, посвященная итогам работы Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград) в 1973—1974 гг.

Во вступительном слове заместитель директора музея С. А. Авижанская осветила основные направления и результаты научно-исследовательской, экспозиционной и экспедиционно-собирательской работы за отчетный период. В центре внимания научного коллектива, как и в предыдущие годы, оставалась работа по осуществлению перспективного генерального плана строительства экспозиций. Этот план предусматривает показ в этнографическом плане жизни всех крупных и отдельных групп малых народов страны (по регионам) в дооктябрьский период, а также создание крупных обобщенных тематических экспозиций, отражающих этнографические аспекты современности. В соответствии с этим планом в предыдущие годы были открыты экспозиции «Русские», «Украинцы», «Белорусы», «Молдаване», «Эстонцы», «Латыши», «Литовцы», «Грузины», «Казахи», «Современное народное искусство СССР», «Новое и традиционное в современном народном жилище и одежде», «Союз равноправных народов».

В 1973—1974 гг. были разработаны тематико-экспозиционные планы «Армяне», «Азербайджанцы», «Народы Поволжья и Приуралья» (коми-зыряне и коми-пермяки, удмурты, марийцы, мордва, чувашы, башкиры, татары), велась подготовка к организации экспозиций по народам Средней Азии и Сибири, а также «Современные праздники и обряды народов СССР».

Большое развитие в 1973—1974 гг. получила также выставочная работа, в том числе организация зарубежных выставок.

Для пополнения коллекций музея, для обновления существующих и создания новых экспозиций и выставок за два года было подготовлено и осуществлено свыше 20 поездок в различные районы страны: на Чукотку и в Хакасию, в Белоруссию и Ленинградскую область, в Прибалтийские республики, в Азербайджан и Армению, в Центральные районы России, к народам Поволжья и т. д. В результате в фонды музея поступило приблизительно 3000 предметов и около 5000 фотографий.

Особое внимание уделялось сбору экспонатов по современности, главным образом для будущей экспозиции о современных обрядах и праздниках: приобретались праздничные костюмы и музыкальные инструменты, атрибуты народной драмы и национальных видов спорта, музыкальные инструменты и записи национальной музыки, обрядовое печенье, а также разнообразный фотоматериал по этой теме.

На сессии был прочитан доклад Э. С. Яглинской и В. М. Грусмана, посвященный работе группы сотрудников музея над экспозицией «Современные праздники и обряды народов СССР». Задача экспозиции — отразить музейными средствами некоторые аспекты современной духовной культуры народов нашей страны, ее традиционные и общесоветские элементы. Докладчики познакомили участников сессии с разработанной коллективом авторов схемой классификации современных праздников и тематическим планом будущей экспозиции, наметив тот круг традиций, праздников и обрядов, который предполагается в ней отразить.

В разработке темы «Современные праздники и обряды» участвуют научные сотрудники всех региональных отделов музея.

С докладом «О зимних обрядах и праздниках молдаван» (по материалам экспедиций 1970—1974 гг.) выступила Н. М. Калашникова. На основе полевых материалов, соотнесенных с литературными данными, она дала последовательное описание и схему эволюции новогодних обрядов в XVIII—XX вв. В них вошли обряды, связанные с плугом и ритуальной пахотой, обряды «посевания», «сорковые», а также игрища ряженных и народная драма. Докладчиком отмечена близость восточнороманских новогодних обрядов к традициям славянских народов и вместе с тем раскрыто национальное своеобразие молдавских обычаев. Н. М. Калашникова поставила вопрос о необходимости комплексного исследования молдавской обрядности.

Доклад Л. А. Фотий «Хакасия — традиции и современность» был основан на материалах экспедиции 1974 г. в Аскизский, Таштыпский и Бейский районы Хакасской АО. Целью поездки был сбор материалов, характеризующих хозяйство и культуру населения притаежной зоны. Изучались традиционное хозяйство и быт, современное состояние материальной и духовной культуры хакасов, степень сохранения и измене-

ния этнических черт народа. В результате поездки коллекции музея значительно пополнились.

В докладе Д. А. Сергеева «Палеоэтнографические исследования на Чукотке в 1974 году» говорилось о раскопках Эквенского могильника (совместно с С. А. Арутюновым, Институт этнографии АН СССР). В результате работы существенно расширились представления о типологии древнеэскиммского костяного и каменного инвентаря. Кроме того, впервые были найдены новые формы антропоморфной скульптуры и довольно крупный железный резец, вставленный в костяную рукоятку. Металлическое оружие в древнеэскиммском памятнике — исключительная редкость. Богатый инвентарь одного из погребений (№ 204) дает материалы для реконструкции форм социальной жизни в обществе древних охотников на морского зверя. Был собран также большой этнографический материал по морскому зверобойному промыслу, в том числе байдара, и весь инвентарь к ней.

Е. А. Глинский сообщил о результатах проделанного им физико-химического анализа резца, найденного в Эквенском могильнике.

Об этнографическом изучении удмуртов и марийцев в так называемых «контактных зонах» их расселения говорилось в докладе Е. Н. Котовой и Т. А. Крюковой, которые в 1973 г. совместно с сотрудниками Удмуртского НИИЯЛ и Удмуртского краеведческого музея работали в с. Ворклед-Бадья Агрызского р-на Татарии, с. Гоидыр Куединского р-на Пермской обл. и в с. Юва Краснофимского р-на Свердловской обл. В результате работы были приобретены разнообразные коллекции для Удмуртского краеведческого музея и для Государственного музея этнографии. Собранный материал демонстрирует интересную и своеобразную культуру местных удмуртов и марийцев, продолжительное время, с XVII—XVIII вв., живущих в инонациональном окружении, что способствовало консервации одних и видоизменению других черт их традиционной культуры в результате контактов с татарами, башкирами и русскими.

Доклад Д. А. Горб «Материалы по этнографии вепсов» был основан на данных экспедиции 1974 г. в Лодейнопольский район Ленинградской области и в Прионежский район Карельской АССР. Д. А. Горб совместно с З. Б. Предтеченской было обследовано 16 деревень и собрано 370 различных предметов, относящихся в основном к 20-м годам XX в. Сопоставление приобретенного материала с фотографиями, выполненными в 1926 г. сотрудником музея З. П. Малиновской, позволяет охарактеризовать хозяйство и традиционный уклад оятского вепского села какануне коллективизации, главным образом занятия населения — земледелие и скотоводство, ремесла и промыслы (лесозаготовительный, кузнечный, овчинный, тележный, плотничный, катовальный и, особенно подробно, гончарный).

В основу сообщения Э. Г. Торчинской «О некоторых этнографических особенностях населения западных районов Азербайджана» легли материалы экспедиций 1973—1974 гг. в районы Малого Кавказа и Карабаха — Шушинский, Лачинский, Джабраильский, Кадабекский и Шамхорский, т. е. в места с чрезвычайно сложным и смешанным в этническом отношении населением. Э. Г. Торчинская проследила явления интеграции и ассимиляции.

Особое внимание было уделено изучению орнамента ковров и некоторых элементов женского костюма, в частности безрукавки «чепкэн» с нашитыми на полах монетами и круглой мягкой шапочки «папаг» с украшенной бляшками налобной частью. Докладчик считает, что эти элементы женского костюма свидетельствуют об этногенетических связях азербайджанцев с тюркскими народами Средней Азии.

А. Л. Натансон сообщила о совместной с Н. П. Соболевой работе в Амасийском, Гукасянском и им. Камо районах Армянской ССР. В 1974 г. в этих районах изучалась материальная культура армян — жилище, одежда и пища, их традиционные и новые черты.

Доклад Э. С. Яглинской «О современном состоянии традиционного художественного промысла изготовления платков способом ручной набивки» был сделан на материалах Павлово-Посадского промысла, который изучался ею летом 1974 г. В докладе содержались данные по истории промысла, технологии производства, был проанализирован традиционный орнамент, его композиция, расцветка. Большое внимание докладчица уделила современному состоянию промысла и перспективам его развития в связи с механизацией и автоматизацией процесса набивки узора.

Группа докладов была посвящена исследованиям, основанным на изучении коллекций музея.

В докладе Г. Н. Комлевой рассказывалось о работе по созданию каталога русской кожаной обуви из собраний музея. Докладчицей изучена, систематизирована и классифицирована коллекция, собиравшаяся в течение 75 лет и состоящая из 274 номеров (518 предметов), установлены центры изготовления и сбыта кустарной обуви и районы распространения и употребления тех или иных ее типов.

Л. С. Смусин, работавший над каталогом русских изделий из теста, проанализировал названия печеня со спиральными мотивами и связь различных его видов с теми или иными обрядами. Докладчик пришел к выводу о связи печеня этого типа и обрядов с образом змеи как символа плодородия.

Доклад Е. Г. Царевой «Основные технические характеристики мелких ворсовых изделий салоров и сарыков» — часть работы по составлению каталога туркменских ковров в собрании ГМЭ. Докладчица рассказала о результатах изучения технологий

ворсового производства у двух групп туркмен — салоров и сарыков и о выработанной ею методике атрибуции изделий по племенной принадлежности.

Доклад о грузинском резном посохе из коллекций музея, приобретенном в 1908 г., сделал Б. В. Иванов. Посох украшен барельефной композицией, состоящей из змеи, лягушки, рыбы и обнаженной мужской фигуры, играющей роль рукоятки. Сопоставив экспонат с археологическими материалами эпохи перехода от бронзы к железу, докладчик высказал мысль о связи этих изображений с идеей деторождения и благополучия матери и детей.

В докладе О. М. Фишман «Пчеловодство в Латвии XIX — начала XX века» был дан обзор развития пчеловодства на территории Латвии и определено его место и роль в крестьянском хозяйстве, а также систематизированы и описаны орудия труда, применявшиеся в этой отрасли хозяйства. Предполагается использовать полученный материал в работе над историко-этнографическим атласом Прибалтийского региона.

Е. Н. Студенецкая — активный участник коллектива, работающего над созданием Кавказского регионального историко-этнографического атласа, куратор раздела «Одежда» — доложила о принципах, положенных в основу составления атласа, его особенностях и состоянии работы над ним. Она развила также тезис о плодотворности метода картографирования для гуманитарных наук.

В заключение работы сессии И. И. Баранова и Г. Н. Бабаянц осветили еще одну сторону деятельности музея — работу по организации выставок. С 1972 г. в деятельности музея все большее место занимают зарубежные выставки. Докладчики поделились опытом создания и обслуживания выставок в Исландии, Дании, Норвегии, Японии, отметили большое политическое и культурное значение этой работы, огромный интерес зарубежных посетителей к жизни народов Советского Союза, внимание и доброжелательность со стороны официальных лиц и научной общественности. Докладчики рассказали также об опыте зарубежных музеев и культурно-просветительных учреждений, отметив все лучшее, что может быть использовано в практике ГМЭ.

В прениях по докладом отмечались актуальность научных исследований, ведущихся в ГМЭ, важная роль экспедиционно-собирательской работы музея для этнографической науки, вклад ГМЭ в популяризацию этнографических знаний и коммунистическое воспитание.

С. А. Авижанская

БУТАКОВСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

В русской, в прошлом старообрядческой деревне Бутаково Восточно-Казахстанской области Казахской ССР в конце 1969 г. был открыт этнографический музей — филиал Лениногорского районного краеведческого музея. Музей организовали учащиеся Бутаковской восьмилетней школы по инициативе и под руководством учителя истории Николая Алексеевича Зайцева. Сбор материалов был начат в 1968 г. О своих находках первого года школьники рапортовали районному краеведческому музею и попросили его научных сотрудников определить ценность собранного. Действительность превзошла ожидания. Школьники за один год собрали ценнейшие экспонаты, и это позволило открыть в Бутакове музей крестьянского быта.

Сбор экспонатов продолжается, и музей пополняется этнографическими материалами из деревни Бутаково и из окрестных бывших старообрядческих селений Ерофеевка, Черемшанка, Топиха, Бобровка, Быструха, Орловка, Малоубинка, Зимовье, Поперечное, Карагужиха, Ул-Строй. На какое-то время слово «экспонат» стало в Бутакове одним из самых популярных. Школьники-краеведы собрали почти все виды местных орудий земледелия, начиная от деревянной сохи, сделанной более 100 лет назад из корня лиственницы, применявшейся в крестьянском хозяйстве данного региона и в первую очередь в деревне Бутаково.

Школьниками-краеведами собрано огромное количество экспонатов, характеризующих материальную и духовную жизнь русских крестьян-старообрядцев этого региона в прошлом.

Деревня Бутаково, расположенная среди высоких гор Убинского хребта при впадении горной реки Бутачихи в Ульбу, была основана в середине XVIII в. старообрядцами. Жители занимались животноводством, земледелием, охотой, пчеловодством и мелким ремеслом. До начала XX в. эта небольшая деревня имела ограниченные связи с внешним миром в силу природных условий. Ограничивал контакты с другими селениями и устав старообрядцев. В Бутакове не было постоянной купеческой торговли, не проводились ни ярмарки, ни торжки, но необходимые для жизни торговые контакты существовали. Крестьяне продавали муку в ближайших городах — Риддере и Усть-Каменогорске, а оттуда привозили необходимые хозяйственные и бытовые из-

Рис. 1. «Сумины» кожаные для перевозки продуктов и дичи охотниками. Сумины прикреплялись к седлу лошади. (На этом и остальных рисунках изображены экспонаты Бутаковского этнографического музея)

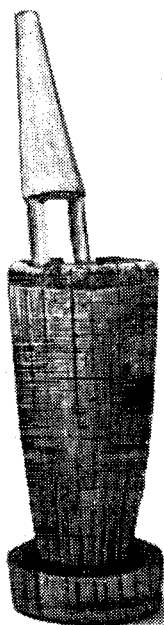

Рис. 2. Ступа с пестом для толчения коры дуба при дублении кож

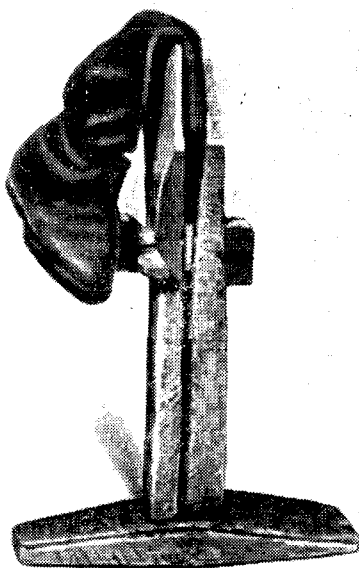

Рис. 3. «Пришва» — станок для закрепления сапог-бутыл при шитье

делия. Периодически в Бутаково приезжали скупщики, закупавшие у крестьян кожи, меха, шерсть, масло, мед и воск. Скупщики останавливались в доме состоятельного крестьянина, куда односельчане приносили товар для продажи или обмена. За свои товары они получали ткани, посуду, украшения и др. Кожи переправлялись в Семипалатинск, где из них выделывали знаменитую семипалатинскую юфть. Другие закупленные у крестьян товары вывозились через Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки в Европейскую Россию.

Сегодняшнее Бутаково, насчитывающее 200 дворов, состоит из старожильческого «Верхнего края», заселенного потомками старообрядцев, и новой части, раскинувшейся по берегу р. Ульбы. Новая часть образована в послереволюционное время переселенцами из разных мест Европейской России и Украины.

В 1953 г. через новую часть Бутакова прошла железная дорога, связавшая Лениногорск (бывш. Риддер) с Усть-Каменогорском, а через край, заселенный старожилами, проложено шоссе от Усть-Каменогорска до Лениногорска. Это не могло не сказаться на жизни населения в Бутакове и в окрестных старообрядческих селениях. В них появилось новое население, прибывшее из разных мест, но старообрядческая основа селений еще легко прослеживается.

Экспедиционная площадь музея, разместившегося в небольшом помещении бывших школьных мастерских, позволяет экспонировать около 800 предметов. Значительная часть экспонатов (всего их собрано 2770) хранится в фондах. На все экспонаты составлена картотека по структуре, принятой в Государственном музее этнографии народов СССР (Ленинград). Уже по картотеке можно судить об уникальности коллекции. Помимо картотеки, экспонаты регистрируются в книгах поступлений, которые ведутся по пяти рубрикам: дерево, керамика, металл, нумизматика, мягкий фонд.

В рубрике «Дерево» зарегистрировано более 800 предметов (прялки, ступы, мялки, берестяные туеса разных размеров, деревянная посуда различного назначения, резные наличники, дуги, предметы разнообразного крестьянского ремесла и многое другое). Особо хочется отметить коллекцию земледельческих орудий, которые изготавливали сами крестьяне. В картотеке записано, кто и когда сделал соху, плуг, борону, косу-литовку, цеп, серп, грабли, вилы, лопату, кирку и др. До революции земледельческих орудий заводского производства сюда не привозили. Крестьяне вынуждены были сами обеспечивать себя всем необходимым в хозяйстве. Металлические части орудия делал местный кузнец, а деревянные — сами крестьяне. Земледельческие орудия заботливо хранились в хозяйстве и передавались из поколения в поколение.

Щедрая природа давала все необходимое для жизни поселившихся здесь русских людей. В большом количестве здесь издавна заготавливали «колбу» (дикий чеснок) и возами отвозили в Риддер на рудники. Колба спасала людей от цинги и ее употребляли в свежем и соленом виде. На склонах гор в лесу было много малины, смородины и кислицы, боярки, черемухи, черники,

Рис. 4. Картофелетерка для получения крахмала из сырого картофеля

клубники. В музее экспонируются специальные зубчатые совочки для счесывания ягод, называемые «пличка», какие употребляются и на Европейском Севере, а также лубяные «набирушники» и заплечные «пестери». Представлены здесь и несложные самодельные рыболовные орудия — сеть, батог, острога, верши, багор, морда, бредень.

Русские старожилы деревни Бобровка в конце XVIII в. стали здесь первыми заниматься пчеловодством. До начала XX в. пчеловодство представляло весьма доходную статью в хозяйстве крестьянина. Некоторые крестьяне имели по несколько сот ульев на пасеках, на заимках в горном лесу, изобиловавшим медоносными растениями. С уменьшением лесов и нехоженых горных лугов уменьшились и возможности пчеловодства на южном Алтае. Тем более ценной является коллекция по пчеловодству, собранная в музее: несколько ульев — дуплянки, инструменты для чистки ульев (скребок, нож), роевня, маточник, дымарь, защитная сетка из конского волоса, станок для хранения рамок, кадка для меда, корытце, ложка, рамки без сот и с сотами, кормушка для кормления пчел в зимнее время.

В прошлом заросшие ущелья гор были хорошими охотничьими угодьями. На охоту выезжали верхом на лошадях, прикрепив к седлу большие кожаные «сумины» для пушнины и дичи. В экспозиции показаны вместительные охотничьи сумины, а также некоторые предметы обменной торговли. Дерево, глина, шерсть, кожа, волокно льна служили крестьянину основным материалом для многих необходимых хозяйственных и бытовых поделок. Интерьер крестьянской избы — нехитрая самодельная мебель, ткацкий стан, различная утварь, посуда долбленная деревянная и глиняная, традиционная крестьянская одежда, еще в начале XX в. широко бытовавшая в Бутакове. Каждый экспонат интерьера имеет свою историю. Так, люлька, подвешенная на «оцепе», была изготовлена в подарок ко дню крестин новорожденного.

В музее экспонируются самодельные «пошеви» и дуга, сделанные в начале XX в. плотником Черепановым. Эти вещи от отца перешли в наследство сыну, который и передал их в музей.

В музее представлены наборы самодельных инструментов для крестьянских ремесел — кузнечного, шорного, сапожного. Орудиями труда шорника, изготавливавшего

красивую тисненую конскую сбрую, были деревянная кожемалка, шило, нож, деревянные тиски для шитья, ручной станочек для тиснения.

Представлен в музее и набор инструментов, которым пользовались ремесленники-сапожники: станочки и коллекция «бутыл» — крестьянской кожаной обуви для разных возрастов, бытовавшей до середины XX в.

В рубрике «Металл» более 300 предметов. Основу коллекции составляют детали сельскохозяйственных орудий, инструменты крестьянских ремесел, старые самовары.

Значительную часть коллекции нумизматики, насчитывающей более 400 экспонатов, составляют бумажные ассигнации. Экспонируются также монеты XVIII и XIX вв.

Коллекция керамики состоит из 200 предметов. Посуда, в том числе крынки и кувшины, представленная в коллекции, изготовлена гончарами в деревнях Орловка, Топиха и Бутаково. Интересны изделия с локальными названиями, как, например, «ко-

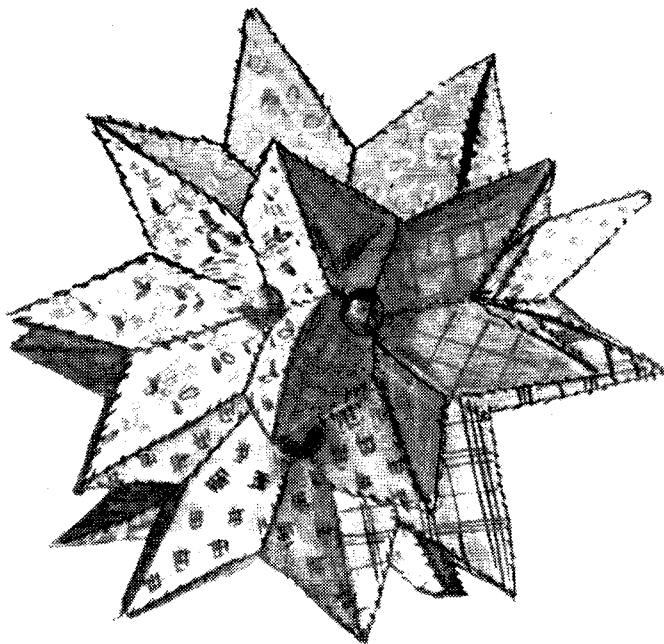

Рис. 5. «Копилка» — украшение интерьера, подвешивавшееся в переднем углу

пыланка» — небольшая квашня для теста и «жирники», употреблявшиеся для освещения избы. В Топихе женщины на ручном гончарном круге изготовляли корчаги для варки «сусла» из ячменя, крынки для молока, «черепки» (чашки для еды). Крынки — самый ходовой товар — делали гончары всех трех деревень. В Бутакове и в окрестных деревнях было принято дарить «молодой» на свадьбу гончарные изделия.

Коллекция «мягкого фонда» включает около 400 предметов. Это уникальные предметы праздничной и обрядовой крестьянской одежды, крестьянской бытовой вышивки и узорного тканья, полотенца, изготовлявшиеся для украшения интерьера и употреблявшиеся в различных обрядах, главным образом свадебном. Полотенца из кумача или из тонкого холста со сшитыми концами называли «плат» или «стеновой плат». К сшитому концу пришивали широкую «браную» (тканую) или вышитую полосу, полосу черного бархата, кружева, тесьму, а край украшали кистями разноцветной шерсти. Во время свадебных обрядов невеста дарила плат ведущему свадьбу «вяжливцу» или «дружке». Плат надевали через плечо так, что украшенный конец свешивался сбоку. Стеновой плат вешали над иконой, над зеркалом или просто на деревянных гвоздях — «крюках», специально вбиваемых в стену. Платы украшались не только традиционным русским тканым узором, но и заимствованной у казахов тамбурной вышивкой и зубчатыми аппликациями из черного бархата. Аппликации нередко чередуются с кумачовыми прошивками и традиционными русскими узорами.

Большой интерес вызывает коллекция поясов и опоясок второй половины XIX — начала и середины XX в. Они украшены четким геометрическим многоцветным орнаментом, выполненным на простом деревянном станочке при помощи деревянного ножа называемого здесь «рубец». Рубцом «прибивали» бить утка.

Пояса ткали с «потайным» утком, это значит, что нить утка закрывалась нитями основы; основа чаще была шерстяная, а уток — льняная нить. Красивые, с полихромным рисунком и нарядными пышными кистями на концах, пояса дарили на свадьбах. Были модны и ценились пояса именные, на которых могло быть выткано не только имя владелицы, но и пожелания ей. В коллекции есть именной пояс со словами «Сей пояс следует носить Антонида Васильевна Козловой лети завивайся никому в руки не давайся деревня Бутаково».

Поясами женщины опоясывали сарафаны, мужчины — рубахи, а опоясками — верхнюю одежду.

Бутаковский этнографический музей еще очень молод, но вполне заслуживает, чтобы о нем знали и за пределами Казахской ССР.

По перспективному плану музей должен быть преобразован в этнографический музей под открытым небом, включающий в себя комплекс жилых и хозяйственных построек.

Нам представляется целесообразным уже сейчас начать работу по реорганизации музея в Бутакове: там есть все необходимые для этого условия — обилие экспонатов и глубокий интерес к истории края.

А. А. Лебедева

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В июле-августе 1975 г. автор этой заметки, аспирант Института этнографии АН СССР, находился в экспедиции в Нарынской и Ошской областях Киргизской ССР с целью сбора полевых этнографических материалов по народному прикладному искусству (мужские художественные промыслы) киргизов.

Были обследованы в Нарынской области населенные пункты: Ат-Баши, Кара-Суу, Кара-Коюн, Пограничник, Ача-Кайынды, Талды-Суу, Озгөрүш, Ак-Муз (Ат-Башинский район); Эчки-Башы, Жаңы-Талап (Тянь-Шаньский район); Казарман, Сары-Булуц, Табылгыты, Атай, Ленин (Тогуз-Тороусский район) и в Ошской области: Сумбула, Искра, Исфана (Лялякский район); Бель-Орүк, Кыргыз-Ата, Тельман, Ятан (Наукатский район); Шайдан, Жаңы-Турмуш, Могол, Сейди-Кум (Ленинский район). В этих населенных пунктах лучше, чем в других местах, сохранились традиции народного прикладного искусства вообще, и традиции мужских художественных промыслов в частности.

Материал собирался по заранее разработанной (при участии Е. И. Маховой) программе методом непосредственного наблюдения, путем бесед, главным образом с народными мастерами; кроме того, изучались фонды местных школьных историко-этнографических и краеведческих музеев.

За время экспедиции удалось побеседовать более чем с 30 информаторами, преимущественно в возрасте 70—80 лет. Более 20 из них — прославленные народные мастера, занимавшиеся изготовлением предметов прикладного искусства из дере-

ва, кожи и металла. Среди мастеров, встреченных мною, были и такие, художественные изделия которых неоднократно демонстрировались на областных и республиканских выставках по прикладному искусству. Некоторые молодые мастера в настоящее время изготавливают украшения для конского убора из меди, полностью сохраняющие форму старинных серебряных украшений.

При сборе полевого материала большое внимание было уделено выявлению существовавших в прошлом традиций в прикладном искусстве, техники изготовления тех или иных изделий, обрядов, связанных с началом и завершением работы над ними. Изделия мужских художественных промыслов, выполненные из железа, меди, серебра, различных сортов и пород дерева, кожи, показывают, что народные умельцы в совершенстве владели мастерством обработки этих материалов. Народные мастера сохранили до наших дней традиционные декоративные мотивы и формы изделий, технику и способы обработки металла, дерева и кожи, истоки которых уходят в глубинные пласты художественной культуры киргизского народа. Оставаясь верными традициям народного искусства, они создали подлинно художественные произведения, пополнившие золотой фонд киргизского национального искусства.

Во время экспедиции было снято около 20 катушек черно-белых и цветных фотопленок.

После обработки собранный материал будет храниться в архиве Института этнографии АН СССР.

Э. Сулайманов

Летом 1975 г. кафедрой истории СССР Омского государственного университета была организована Западносибирская историко-этнографическая экспедиция. Фактически ее работа началась в рамках этнографической практики студентов-историков университета, проводившейся с 1 по 21 июля в деревнях Большереценского района Омской области. Студенты собирали материалы по культуре и быту тарских татар. С двадцатых чисел июля до конца августа экспедиционные работы под руководством Н. А. Томилова развернулись в Новосибирской, Томской и Кемеровской областях среди сибирских татар, казахов и бочатских телеутов.

В экспедиции участвовало свыше 20 человек, в основном студенты гуманитарного факультета Омского университета. В составе экспедиции было несколько групп, которые работали под руководством научного сотрудника университета В. Б. Богомолова и лаборантов В. В. Голобокова, Ю. Г. Пенькова и В. В. Пластуна.

Основное внимание было уделено обследованию барабинских татар, проживающих в Венгеровском, Кыштовском, Северном, Усть-Тарском и Чановском районах Новосибирской области. Сбор материалов по материальной и духовной культуре, семейному и общественному быту татар этой группы, начатый в 1971 г. Проблемной научно-исследовательской лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета, в основном закончен. Собранные за эти годы данные дают возможность ввести в научный оборот новые материалы о занятиях и орудиях труда барабинских татар, их жилище, одежде, пище, средствах передвижения, семейных обрядах, домусульманских верованиях, фольклоре и т. п. Впервые среди сибирских татар по специально разработанной программе собирались сведения по народным знаниям, в том числе по народной медицине. Завершена работа по составлению генеалогических схем почти всех семей барабинских татар. Ранее такая работа по выявлению родословных была проделана в томской группе татар. Таким образом, создан новый источник для изучения целого комплекса вопросов, связанных с происхождением и этнической историей сибирских татар. Судя по полевым материалам, в культуре сибирских татар обнаруживается своеобразный и сложный комплекс традиционных черт. Он позволяет выявить как их давние этнокультурные связи с южными и отчасти с северными народами (в культуре отдельных групп прослеживаются угорские и самодийские черты), так и более позднее сильное культурное влияние русского народа и отчасти поволжских татар.

Материалы по традиционной культуре собирались также и среди казахов Чановского района Новосибирской области и телеутов Беловского района Кемеровской об-

ласти. Участники экспедиции изучали и этнические процессы, происходившие у них в советский период. В частности, в Кемеровском областном архиве загла были сделаны подробные выписки о браках у телеутов и шорцев за годы Советской власти.

При сборе материалов участники экспедиции широко использовали технические средства — за полевой сезон было заснято 62 м фотопленки, около 500 м кинопленки и сделано несколько десятков магнитофонных записей народных песен, легенд, сказок и рассказов о прошлой жизни.

Одной из задач экспедиции был сбор этнографических коллекций. Удалось приобрести около 250 предметов народного быта телеутов, казахов, барабинских и тарских татар. Среди них интересные старинные седла, подбитые мехом лыжи, расшитые халаты, меховая обувь, украшенные золочеными и серебряными нитями головные уборы, вышивки, глиняная и берестяная утварь, тканые ковры, куклы-идолы, серебряные ювелирные изделия местных мастеров. Часть собранных предметов поступит в Омский областной краеведческий музей, который принимал участие в финансировании экспедиции. Большинство же собранных предметов пополнит фонд этнографического музея Омского университета, где хранятся все полевые материалы.

Н. А. Томилов

* * *

В июле-августе 1975 г. Северо-Восточная группа Северной экспедиции Института этнографии АН СССР проводила полевые исследования в Шмидтовском районе Чукотского национального округа. В составе группы было три человека: И. С. Гурвич — руководитель экспедиции, Т. М. Мастюгина, С. Г. Циханович — кинооператор и фотограф. Работа велась в трех поселках — Рыркайпий (одном из древнейших поселений береговых чукчей), Биллингсе и Ушаково (о. Врангеля), а также в оленеводческих бригадах совхоза «Пионер» в Пламенской тундре и на охотничьих участках совхоза им. Ленина, расположенных на побережье Ледовитого океана, где производится добыча морского зверя. В районном центре п. Мыс Шмидта были собраны данные о структуре хозяйства и экономике района, а также статистические материалы. В учреждениях г. Анадыря были получены дополнительные сведения о положении коренного населения всего округа. Сотрудники экспедиции работали с материалами окружного архива по истории Шмидтовского района.

Основное направление исследований определялось плановой темой Института «Преобразования хозяйства, культуры и быта и современные этнические процессы». Собирались материал о современном состоянии традиционных отраслей хозяйства, об этнических изменениях и особенностях

быта чаунских (береговых и оленных) чукчей.

Основой экономической жизни Шмидтовского района является золотодобыча. Коренное население составляет в нем всего 6%. Этнографический материал, собранный здесь, дает возможность судить о том, как сочетается развитие традиционных промыслов Чукотки с ее индустриальным освоением, а также о методах преобразования оленеводческого хозяйства и об изменениях в бытовом укладе коренных жителей.

Значительный интерес представляют современные этнические процессы, происходящие в среде чукчей и эскимосов — охотников на морского зверя. Материалы экспедиции показали, что в Шмидтовском районе береговые чукчи в значительной мере перемешались с оленными, что большая часть коренного населения двуязычна, помимо родного языка владеет русским.

Собран также значительный материал в области традиционной культуры. В целях углубленного изучения материальной

культуры береговых и оленных чукчей экспедицией впервые была произведена киносъемка традиционных трудовых процессов: увязка деталей нарт, сбор дикорастущих растений, использование метательной палыцы, изготовление ремней из кожи оленя и др. Засняты также детские игры оленных чукчей. На магнитофонную пленку записаны образцы устного народного творчества чукчей и эскимосов.

На о. Врангеля был собран материал по истории заселения острова, освоению его эскимосами и чукчами. Исследовались также этнические особенности островного населения. Материалы экспедиции показали, что в настоящее время чукчи и эскимосы о. Врангеля, переселившиеся сюда из материковых районов Чукотки, не являются обособленной группой населения и что в последние годы их традиционная материальная и духовная культура претерпела существенные изменения и сблизилась с культурой пришлого населения.

Собранный экспедицией материал после обработки будет сдан в архив Института этнографии АН СССР.

Т. М. Мастюгина

* * *

В апреле-мае 1975 г. состоялся мой индивидуальный выезд по теме «Дерматоглифика народов СССР в связи с проблемами этногенеза». Маршрут проходил по нескольким районам Туркмении и Узбекистана. Во время предыдущих выездов 1963 и 1970 гг. мною были обследованы основные группы аборигенных народов, поэтому цель настоящей поездки — изучение пришедших этнических групп Средней Азии.

В течение месяца удалось обследовать курдов Геок-Тепинского района, персов (иранцев) Серахского района и белуджей Иолотанского района Туркменской ССР, а также евреев г. Бухары и арабов Ульяновского района Кашкадарьинской области Узбекской ССР. Исследования велись среди школьников и дошкольников. С помощью работников народного образования тщательно выяснялось происхождение каждого ребенка. Процессы метисации данных групп с преобладающим по численности тюркоязычным местным населением

идут все возрастающими темпами, и с этой точки зрения обследование небольших по численности пришедших групп было крайне своевременным. Через 5—10 лет на подобную работу пришлось бы затратить значительно больше усилий, так как подавляющая масса детей будет иметь метисное происхождение. Отпечатки ладоней и пальцев, взятые более чем у 850 детей, пополнят уникальную дерматоглифическую коллекцию Института этнографии АН СССР. Материалы обрабатываются. Мужские серии уже обработаны и подвергнуты первичному анализу. В результате выяснилось, что все пять групп обладают ярко выраженными свойствами, характерными для популяций южного европеоидного ствола. У персов и особенно у белуджей наблюдается предельная концентрация отмеченных черт.

Полученные данные будут рассмотрены в аспекте этногенетических связей между народами Средней Азии и сопредельных территорий.

Г. Л. Хит

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

И. А. Бадалян

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГОВ И ЭТНОГРАФОВ ЗАПАДА

Теоретический аспект этнической проблематики выдвигается сейчас в буржуазной социологической и этнографической науке на одно из первых мест. Появляются работы, в которых предпринимаются попытки определить характер исследований этнических проблем, ведущихся в настоящее время, и наметить сложившиеся в этой области тенденции. Американский социолог Р. А. Шермерхорн делит исследовательские работы по этнической тематике, написанные на английском языке, на пять категорий: 1 — исследования чисто описательного характера; 2 — работы, содержащие, наряду с описанием новых данных, их теоретическую интерпретацию; 3 — классификационные разработки; 4 — исследования, рассматривающие разнообразный фактический материал с точки зрения какой-либо специальной теории; 5 — работы сравнительно-теоретического плана¹.

Классификацию Р. А. Шермерхорна дополняет предложенная Г. Роан-Чермаком дифференциация ведущих теоретических направлений, сформировавшихся в науке об этносе к настоящему времени². Г. Роан-Чермак выделяет в современной науке семь различных «школ», которые, по его мнению, заметно различаются в подходе к разработке теоретических проблем этноса: «культурно-морфологическую» (крупнейшие представители — Р. Наролл и Ф. Барт); «немецкую этносоциологическую» (В. Э. Мюльман и Э. Фрэнсис); «русскую историко-экономическую» (этнографы СССР); «этно-экологическую» (сотрудники журнала «Ethnologia Europaea»); «этноисторическую» (В. Фентон, В. Хиршберг, Х. Дешамп); «французскую этнополитическую» (сотрудники ряда периодических изданий и институтов Франции, Бельгии, Швейцарии, Австрии) и «американскую бихевиористскую и аккультурационистскую» (Ф. Знанецки, М. Дж. Херсковиц, Р. Э. Парк, О. Д. Дункан, О. Хэндлин, Б. Берри)³. Необходимо, однако, заметить, что, судя по характеристикам, которые дает перечисленным направлениям Г. Роан-Чермак, все они, за исключением направления, представленного этнографами СССР, имеют немало общего в своих отправных методологических позициях. Многие из упомянутых выше ученых видят в разнообразных проявлениях этнического сознания определяющий признак «основной этнической группы», трактуемый ими в качестве «основной культуронесущей единицы» и образующей стержень смыслового содержания таких понятий, как «ethnie», «ethnism», «ethnos», «ethnikum», «ethnicity», «ethnic identity». Помимо этого, зарубежные исследователи часто толкуют основную этническую группу как не-

¹ R. A. Schermerhorn, Comparative ethnic relations. A framework for theory and research, N. Y., 1970, p. 10.

² G. de Rohan-Csermak, The theory of ethnos today, A critical survey, «IX International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences», Chicago, 1973.

³ G. de Rohan-Csermak, Указ. раб., стр. 4—9.

большой по своим размерам (не свыше 10—20 тыс. чел.) и культурно-однородный коллектив, между членами которого поддерживаются «прямые коммуникации». Понятно, что подобный взгляд неизбежно приводит к противопоставлению этой социальной группы более широким объединениям типа крупных современных народов⁴. Ясно вместе с тем, что в такой трактовке понятие основная этническая группа может служить терминологическим аналогом принятого советскими учеными понятия «этнос» только в применении к ранним историческим формам этого общественного явления.

Из выделенных Г. Роан-Чермаком теоретических школ ниже рассматриваются две, обнаруживающие близкое родство методологических основ: культурно-морфологическая и американская бихевиористская и аккультурационистская. Общей чертой, характерной для этих двух школ, является взгляд на этническую общность как на принадлежность индивидов к одной культуре, которая проявляется в общих («стандартизованных») элементах индивидуального сознания.

Понятие «этническая общность» в его абстрактно-теоретическом смысле в трудах ученых этих школ передается с помощью термина «ethnic identity». Принципиальное значение имеет то, что вопрос о материальной основе культурной однородности как выражения этнической общности этой группой исследователей в отличие от советских ученых⁵ не ставится. Этнические черты они анализируют на уровне личностной характеристики индивида. К культуре они подходят как к совокупности идеальных моделей человеческого действия. Как известно, советские ученые придерживаются иной концепции, понимая под культурой прежде всего то, что «создано людьми в процессе физического и умственного труда для удовлетворения их разнообразных материальных и духовных потребностей»⁶.

В конечном итоге представители названных теоретических течений в буржуазной науке рассматривают этническую общность лишь как одну из форм организации индивидуального и группового поведения, существующую наряду с такими формами, как социальный ранг, пол и возраст и отличающуюся от последних связью с культурными, а не социальными или биологическими характеристиками индивидов⁷. Эти исследователи не раскрывают полностью существенные черты, этнической общности как объективного общественного явления.

Особенно большое внимание разработке методологии выделения основной этнической группы уделяют представители культурно-морфологического направления — Р. Наролл и Ф. Барт. Первый из них рассматривает основную этническую группу как «некую действующую социальную систему», основу которой составляет единый для всех членов группы комплекс идеальных «социально-культурных моделей». Для обозначения этой «системы» Р. Наролл предлагает термин «культурная единица» или «кальтюнит» (сокращенный вариант, рассчитанный на использование в научной практике)⁸.

При таком подходе «основная этническая группа» предстает в виде идеалистически интерпретируемой культурной общности индивидов. Историческая универсальность основной этнической группы как «культуросущей единицы», по мнению Р. Наролла, непосредственно вытекает из того, что единый комплекс идеальных культурных моделей может быть воплощен в реальном бытии различных по своим размерам и социально-историческим характеристикам коллективов, к которым относятся как небольшие группы отсталого населения земного шара, так и крупные современные нации. Тем не менее Р. Наролл говорит о невозможности дать качественно единый критерий выделения основной этнической группы и предлагает в каждом конкретном случае учитывать различные факторы: самоназвание (если оно есть), сознание общности происхождения,

⁴ G. de Rohan Csermak, Указ. раб., стр. 2, 5, 8, 9.

⁵ В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 56; В. Ф. Геннинг, Этнический процесс в первобытности, Свердловск, 1970, стр. 15; Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973, стр. 40.

⁶ Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы. Расы. Культуры, М., 1971, стр. 164.

⁷ F. Barth, Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference, Bergen — Oslo, 1970, p. 17.

⁸ R. Naroll, On ethnic unit classification, «Current Anthropology», 1964, vol. 5, № 4, p. 285, 289.

формы брачно-семейных связей, религию, а главным образом — языковую общность и территориально-организационную обособленность. Особенно детально Р. Наролл разрабатывает критерий определения языковой общности. Пытаясь все же определить конституирующие особенности характеризующей им общественно-исторической формы, Р. Наролл высказывает предположение, что основная этническая группа выделяется как зона наиболее интенсивных индивидуальных коммуникаций⁹. Это предположение носит, однако, слишком общий характер, поскольку не подкрепляется определением объективной общественной основы этих коммуникаций. К сказанному необходимо добавить, что культурное развитие основной этнической группы Р. Наролл рассматривает механистически — как² результат произвольных и случайных изменений в традиционных социально-культурных моделях, которые осуществляются «лидерами мнения» соответствующей группы и затем передаются другим ее членам¹⁰.

Ф. Барт вносит коррективы в предложенную Р. Нароллом характеристику основной культуронесущей единицы. По мнению Ф. Барта, общность объективных («открытых») форм культуры несвойственна этнической группе, поскольку эти формы не обнаруживают преемственности в историческом развитии таких групп и разнообразятся под влиянием меняющихся экологических условий в пределах одной и той же группы. Ф. Барт полагает, что в значительно большей степени этническую группу характеризует единство «ценностных ориентаций, стандартов морали, посредством которых оценивается поведение»¹¹. Эти стандарты представляют собой устойчивые стереотипы, которые специфичны для каждой этнической группы и отличают ее от других подобных групп¹². Таким образом, Ф. Барт разделяет взгляд на этническую общность как на общность индивидов в области культурной жизни, но формулирует этот взгляд более точно, чем Р. Наролл. Более всего, однако, отличает Ф. Барта от Р. Наролла то, что определяющим признаком этнической группы он считает не столько культурную общность составляющих ее индивидов, сколько сознание ими этой общности. Это сознание выражается в специальных «этнических категориях», по которым — в условиях взаимодействия различных этнических групп — осуществляется взаимная «классификация» индивидов. Критериями классификации наряду с «ценностными стандартами» выступают знаковые элементы «открытой» культуры — одежда, язык, форма жилища или общий стиль жизни¹³.

По представлению Ф. Барта, этническое сознание выполняет активную организующую роль и направляет деятельность индивидов как внутри этнической группы, так и во взаимоотношениях с представителями других этнических групп. Ф. Барт утверждает, однако, что этническое сознание (в которое этот исследователь по существу включает и ценностные стандарты) представляет собой единственный атрибут этнической группы, который исчерпывающе раскрывает ее социальную природу. С точки зрения Ф. Барта, даже большинство элементов открытой культуры характеризует только внешние экологические условия существования этнической группы¹⁴. Фактически такая гиперболизация в оценке роли этнического сознания означает не что иное, как декларирование тождества форм общественного сознания и бытия, что нельзя не признать ошибочным с позиции марксистской методологии: «Общественное сознание *отражает* общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо... Из того, что вы живете и хозяйничаете, рождаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективная необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего общественного сознания, не охватываемая им полностью никогда»¹⁵. Следовательно, и вопрос об общественной природе этнической группы также нельзя сводить к наличию этнического сознания.

В отличие от представителей культурно-морфологического направления исследователи, причисляемые Г. Роан-Чермаком к американской бихевиористской и аккульту-

⁹ R. N a r o l l, Указ. раб., стр. 289, 308.

¹⁰ Там же, стр. 289.

¹¹ F. B a r t h, Указ. раб., стр. 14.

¹² Там же, стр. 17, 19.

¹³ Там же, стр. 13—15.

¹⁴ Там же, стр. 13—16.

¹⁵ В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 343, 345.

рационалистской школе, до последнего времени не стремились к четкому выделению основной этнической группы. Они отмечали только, что «этническая группа является единственным значимым базисом, на основе которого можно сравнивать социальные и культурные особенности»¹⁶. В позднейших работах американских исследователей эта точка зрения получила дальнейшее развитие и конкретизацию: особое внимание при этом было уделено анализу природы этнического единства в рамках этнической группы. Американские авторы Т. Шибутани и К. М. Кван дали следующее определение этнической группы: «Этническая группа состоит из людей, которые мыслят себя подобными вследствие общего происхождения — реального или фиктивного и таким же образом рассматриваются другими»¹⁷. Решающим признаком этнической группы в приведенном определении является осознанное единство индивидов, выраженное в представлении общности их происхождения. Неизбежно, однако, встает вопрос о том, что лежит в основе этого единства, как оно осознается. Отвечая на первый из этих вопросов, Т. Шибутани и К. М. Кван ссылаются на единство «человеческой природы», напоминая, что люди во всем мире в равной мере обладают мышлением и речью, а также схожей, несмотря на расовые особенности, биологической конституцией и одинаковыми психическими реакциями¹⁸. Всякая этническая общность представляет собой реализацию этого единства человеческой природы, ограниченную рамками той культурной специфики, которая обособляет этническую группу среди других подобных групп. Концентрируя внимание на психобиологическом единстве человечества, американские ученые оценивают отличительные особенности культурного облика этнических групп лишь как нечто условное и случайное по отношению к человеческой природе¹⁹. В результате, однако, обходится вопрос о социальных закономерностях, определяющих само существование различных этнических групп и их внутреннее единство. Материально-общественная основа этнической общности остается в тени, и у американских исследователей появляется возможность утверждать, что «этническая общность держится на ложных убеждениях»²⁰. Игнорирование материально-общественных факторов не случайно, поскольку для американской социологии вплоть до настоящего времени характерен подход к рассмотрению различных этнических групп как неорганизованных совокупностей отдельных индивидов, что неизбежно приводит к сосредоточению научного исследования на изучении личностных, а не институционных отношений²¹. Этим, очевидно, объясняется и односторонняя трактовка этнической группы как категории личностной классификации, наблюдаемая у некоторых американских и канадских социологов, решительно отказывающихся видеть в этой группе социальное объединение²².

Становление этнической общности, выявляющей единство человеческой природы, происходит, по Т. Шибутани и К. М. Квану, в процессе осознания индивидами, образующими формирующуюся этническую группу, общности их эмоционального мира. На этой основе и возникает представление о единстве членов данной группы. В свою очередь такое представление может возникнуть только потому, что человеческие чувства, независимо от разнообразия их культурных атрибутов в различных этнических группах, едины по своей структуре и «конфигурациям», отражающим те единые во всех этнических группах «межперсональные» отношения, которые формируют человеческую личность на раннем этапе ее развития. Рассматривая этническую общность как продукт интеграции этнических групп, живущих в пределах одной городской общины, Т. Шибутани и К. М. Кван отмечают, что необходимым условием ее становления являются «эффективные коммуникации», ведущие к сокращению психологической «дистанции» между контактирующими индивидами. При таком взгляде на вещи подчеркивается роль психологического фактора в формировании этнической общности: все принципы

¹⁶ O. Handlin, *Race and nationality in American life*, Boston — Toronto, 1958, p. 191.

¹⁷ T. Shibutani and K. M. Kwan, *Ethnic stratification. A comparative approach*, N. Y. — London, 1968, p. 572.

¹⁸ T. Shibutani and K. M. Kwan, Указ. раб., стр. 578.

¹⁹ Там же, стр. 578.

²⁰ Там же, стр. 589.

²¹ И. П. Труфанов, О некоторых тенденциях в исследованиях этносоциальных процессов в США, «Сов. этнография», 1972, № 4, стр. 177.

²² М. Я. Берзина, Формирование этнического состава населения Канады, М., 1971, стр. 16, 17.

ально различные по сферам своего приложения и социальной роли виды общественной деятельности, язык и культура в целом попадают в поле зрения исследователей лишь постольку, поскольку содействуют (или, наоборот, препятствуют) сокращению дистанции между взаимодействующими индивидами и осознанию единства их человеческой природы как этнической общности²³. Важнейшим фактором сохранения этой общности признается мораль, нормы которой регулируют отношения внутри этнической группы именно в силу того, что ее члены сознают себя тождественными друг другу²⁴.

Предложенная Т. Шибутани и К. М. Кваном характеристика этнической группы и этнической общности обладает тем очевидным недостатком, что не позволяет достаточно надежно отграничить различные формы собственно этнической общности от других видов социально-культурного единства. В соответствии со взглядами этих авторов, все сколько-нибудь обособленные в социальном или культурном отношении группы населения современного капиталистического города, представители которых «мыслят себя подобными вследствие общего происхождения», могут быть отнесены к категории этнических. По этой причине американские исследователи часто не проводят различий между собственно этническими и расовыми группами²⁵, хотя в литературе есть указания, что попытки провести такое разграничение все-таки предпринимались²⁶. Вариацию такого подхода к этнической группе представляет собой ее оценка как группы пришлого населения, отличающейся по происхождению от основного населения данной страны. Один из авторов, принадлежащих к анализируемому направлению, пишет: «Этническая группа является опознаваемой социально-культурной единицей, основанной на некоторой форме национального или племенного отличия и проживающей в чужой, а не в своей собственной стране»²⁷.

* * *

Будучи одним из закономерных проявлений общественной природы человека²⁸, этнос развивается под влиянием тех процессов, которые совершаются в сфере социально-экономических отношений²⁹. Под влиянием тех же процессов складываются отношения между отдельными этносами, отражающие как некоторые стороны общественной природы этноса, так и специфику противоречий социально-экономической формации, в которой они сложились.

В работах буржуазных авторов, относящихся к рассматриваемым школам, та новизна межэтнических отношений, которая возникает, когда эти отношения складываются в пределах единой государственной системы, рассматривается в качестве специальной проблемы, содержание которой эти авторы определяют с помощью термина «этническая стратификация». Нельзя не заметить, однако, что эти ученые ведут исследование данной проблемы с неверных методологических позиций. Прежде всего следует указать, что они толкуют понятие этническая группа идеалистически, игнорируя сложную общественную природу этого социально-исторического явления и отрывая его от социально-экономических отношений. Следует также отметить ограниченность понимания ими социально-классовой структуры общества, рассматриваемой не как продукт исторически конкретных экономических отношений, с необходимостью порождающих определенные общественные группы, а как результат размежевания индивидов по отдельным «стратам» в зависимости от их личных качеств и случайных обстоятельств, возникающих в ходе извечно идущей в обществе конкурентной борьбы

²³ T. Shibutani and K. M. Kwan, Указ. раб., стр. 579—581.

²⁴ Там же, стр. 581.

²⁵ S. Lieberman, Stratification and ethnic groups, в кн.: A. H. Richmond (ed.), Readings in race and ethnic relations, Oxford, 1972, p. 199; Там же, стр. 2, 3; R. A. Schermerhorn, Указ. раб., стр. 79.

²⁶ R. A. Schermerhorn, Указ. раб., стр. 79.

²⁷ F. S. Hulse, Ethnic, caste and genetic miscegenation, в кн.: «Readings in Race and Ethnic Relations», p. 34.

²⁸ В. Ф. Генинг, Указ. раб., стр. 10—34; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 11—34.

²⁹ В. Ф. Генинг, Указ. раб., стр. 20, 21; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 153, 154.

за овладение «редкими ценностями» — ключевыми экономическими ресурсами, знаниями, политической властью и т. д.³⁰.

Выделяемые этими исследователями страты характеризуются не по их отношению к средствам производства, а по ряду «вторичных признаков», общих всем входящим в страту индивидам³¹. Поэтому классовое общество не получает адекватной характеристики как система противоречий способа производства, а изображается в качестве механического сочленения различных страт. Причем сохранение устойчивости этого сочленения, по их мнению, относится к функциям сознания³². Понятно, что при таких исходных методологических посылках невозможно выявить существенные особенности разнообразных человеческих объединений, различающихся либо в зависимости от того, принимает или нет участие в их формировании общественное сознание, либо в зависимости от их места в системе способа производства³³. Равным образом нельзя понять как качественное своеобразие существующих в классовом обществе видов неравенства (с которым связано и явление, именуемое в характеризующихся работах этнической стратификацией), так и единство их материально-общественных истоков.

Вследствие указанных причин исследователи этнической стратификации не вскрывают объективно-общественной основы неравенства этнических групп и не определяют важнейших специфических черт этой разновидности общественного неравенства. Они лишь констатируют наличие этого неравенства, что позволяет им рассматривать этнические группы как расположенные в иерархическом порядке страты, существующие наряду с такими системами иерархической группировки индивидов, как социально-классовая, политическая, расовая, половозрастная и др. Именно такой смысл имеет предложенное рядом американских исследователей, в частности Т. Шибутани и К. М. Кваном, определение понятия этническая стратификация, формулирующее принцип, согласно которому общественное положение индивида в городской общине зависит, помимо прочего, от его этнической принадлежности: «Этническая стратификация является одним из аспектов общинной организации: индивиды располагаются в иерархическом порядке, но в зависимости не от их личных способностей, а от их предполагаемого происхождения»³⁴. Т. Шибутани и К. М. Кван подробно рассматривают процесс становления этнической стратификации, считая этот процесс частным случаем формирования социальной структуры³⁵, но при этом упускают из виду такие факторы, как положение этнических групп в системе способа производства и закономерную обусловленность характера межэтнических отношений противоречиями структуры. Это в сочетании с узким пониманием этнической общности как осознанного тождества индивидов не дает этим ученым возможности показать объективно-общественную основу этнической стратификации и ее существенные особенности в сравнении с другими видами общественного неравенства.

Другой представитель рассматриваемого направления, американский ученый С. Либерсон, также ограничивается попыткой «доказать» наличие в обществе этнической стратификации, ссылаясь на то, что неравное положение этнических групп в отношении «прав и привилегий» не может быть сведено к образовательно-профессиональному неравенству принадлежащих к ним индивидов, поскольку само это неравенство определяется фактором этнической принадлежности. Полагая, что неравенство этнических групп объясняется исключительно сознательной дискриминацией одной или некоторых из них, С. Либерсон предлагает такое толкование этнической стратификации, которое принимает во внимание только один аспект этого сложного общественного явления — идеологический³⁶. Односторонне раскрывает С. Либерсон и существенные особенности этнической стратификации, сводя их к специфике политических форм урегулирования противоречий между этническими группами. Политический сепаратизм служит, по его мнению, наиболее важным показателем этнической стратификации: «Этнические группы являются единственными стратами, которые обладают внутренним потенциалом к отрыву от существующего государства и образованию своего собственного общества без

³⁰ T. Shibutani and K. M. Kw an, Указ. раб., стр. 574.

³¹ И. П. Труфанов, Указ. раб., стр. 178.

³² T. Shibutani and K. M. Kw an, Указ. раб., стр. 572—573.

³³ В. И. Козлов, Указ. раб., стр. 22; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 10.

³⁴ T. Shibutani and K. M. Kw an, Указ. раб., стр. 572.

³⁵ Там же, стр. 572.

³⁶ S. Lieberman, Указ. раб., стр. 199, 200.

воссоздания заново прежней формы стратификации. Политический сепаратизм приносит освобождение группам, притесняемым в системе этнической стратификации, которое невозможно для групп, дискриминируемых на основе возрастной, половой или экономической стратификации»³⁷.

Ф. Барт, как и американские исследователи рассматриваемого направления, определяет сравнительное положение этнических групп, исходя из их отношения к «обще-значимым ценностям»: «В более общих терминах можно сказать, что стратифицированные полиэтнические системы существуют там, где группы характеризуются дифференциальным контролем над предметами, ценными всеми группами в системе»³⁸. Вкладывая крайне широкий смысл в понятие общезначимые ценности, Ф. Барт обеспечивает себе возможность субъективистской трактовки основ этнической стратификации. По его мнению, распределение общезначимых ценностей целиком и полностью обусловлено действием субъективных факторов³⁹.

В отличие от С. Либерсона Ф. Барт сравнивает системы этнической стратификации по двум признакам: характеру культурных различий между стратами и особенностями социальных границ между ними. Его точка зрения заключается в том, что системам этнической стратификации свойственна резкая культурная обособленность отдельных страт, тогда как в системах социальной стратификации ничего подобного нет. Относительно социальных границ между стратами в той и другой системах Ф. Барт замечает, что этническая стратификация, как правило, исключает переход из одной страты в другую, тогда как для различных систем социальной стратификации такой переход чрезвычайно характерен⁴⁰. Однако ни степень резкости культурных различий, ни «жесткость» социальных перегородок между стратами не выражают существенных отличительных черт этнической и социальной стратификаций. Культурные различия между этническими группами, занимающими неравное положение в обществе, не обязательно должны быть резкими, в то же время большая степень замкнутости социальных границ свойственна также некоторым формам общественного строя, например разнообразным кастовым системам, характерные особенности которых не всегда связаны с этническим фактором⁴¹. Поэтому предложенный Ф. Бартом критерий различия этнической и социальной стратификаций нельзя признать удовлетворительным.

Рассматривая отношения в системе этнической стратификации, Т. Шибутани и К. М. Кван указывают, что между этническими группами якобы существует «согласие» по поводу их «иерархической организации в этой системе»⁴². Такой субъективный подход к рассмотрению отношений неравенства помогает затушевать реальные противоречия между этническими группами в системах этнической стратификации. Целостность государств с неоднородным этническим составом, которая при расколе общества на антагонистические классы достигается благодаря экономическому и политическому господству эксплуататорских классов доминирующих этнических групп, в исследованиях по этнической стратификации выступает как продукт «коллективного приспособления к наличным жизненным условиям»⁴³. Основным фактором установления согласия в системах этнической стратификации буржуазные ученые считают «эффективные коммуникации», т. е. разнообразные формы общения индивидов, ведущие к выработке «моделей согласованных действий»⁴⁴. Мерой эффективности межэтнических коммуникаций служит объем знаний, получаемых индивидами друг о друге как о личностях и представителях единого человеческого рода⁴⁵. Все те объективные и субъективные социальные факторы, которые лежат в основе выделения различных общественных групп и, следовательно, в той или иной мере ограничивают общение индивидов, в исследованиях по этнической стратификации одинаково рассматриваются в качестве многообразных форм «дистанции», выступающей мерой психологической отчужденности индивидов в

³⁷ S. Lieberman, Указ. раб., стр. 199.

³⁸ F. Barth, Указ. раб., стр. 27.

³⁹ Там же, стр. 28.

⁴⁰ F. Barth, Указ. раб., стр. 27.

⁴¹ F. Hulse, Указ. раб., стр. 37.

⁴² R. Shibutani and K. M. Kwai, Указ. раб., стр. 572, 573.

⁴³ Там же, стр. 575.

⁴⁴ T. Shibutani and K. M. Kwai, Указ. раб., стр. 572—574.

⁴⁵ Там же, стр. 574.

процессе их общения и определяющей в обратном пропорциональном отношении эффективность межличностных коммуникаций. Понятие дистанция чрезвычайно удобно для буржуазных исследователей, поскольку помогает отвлечься от объективной социально-классовой подоплеку этнической стратификации и позволяет избегать строгого дифференцирования ее общественных факторов. Так, П. ван ден Берге, один из представителей анализируемой школы американских социологов, рассматривающий различные системы этнической стратификации, характеризует их не по особенностям социально-классовой основы, а по преобладающей форме дистанции, обращая внимание главным образом на субъективно-личностный момент межэтнических отношений. П. ван ден Берге выделяет две формы дистанции — «социальную» и «пространственную», имея в виду в первом случае систему жестких общественных норм, ставящих этнические группы в положение замкнутых каст, а во втором — сознательное, хотя часто и не закрепленное юридически, территориальное размежевание этих групп, приводящее к их сегрегации⁴⁶. Как в первом, так и во втором случае определение специфических черт типов этнической стратификации дается по субъективным признакам, без анализа их экономической и социальной основы. Примерно так же подходит к выделению различных типов этнической стратификации и С. Либерсон. Он оценивает своеобразие этих типов с точки зрения «структурных методов сохранения этнической стратификации», полагая, что эти методы обусловлены таким фактором, как «уровень экономической мобильности». По его мнению, там, где этот уровень относительно высок, неизбежно применение прямой дискриминации против подчиненных этнических групп. Там же, где уровень низок, складываются отношения, напоминающие кастовый строй, при котором нет нужды в особых дискриминационных мерах для сохранения привилегированного положения господствующей этнической группы⁴⁷. Нельзя не заметить, однако, что, ссылаясь только на экономическую мобильность, этот автор упрощает взаимосвязь тех сложных общественных противоречий, которыми определяется характер социальных границ в различных общественных системах, и искажает тем самым действительную картину межэтнических отношений в классовом обществе.

Столь же упрощенно раскрывает С. Либерсон и взаимодействие этнической и социальной стратификации. Как и другие исследователи этой проблемы, ограничивающиеся указанием на наличие противоречий между этнической и социально-классовой принадлежностью индивида⁴⁸, он отмечает только, что сплочение этнической группы сказывается отрицательно на классовой солидарности, тогда как рост последней влечет за собой ослабление этнического единства. Помимо этого он отмечает, что возникновение систем этнической стратификации приводит к появлению в составе этнических общностей, захватывающих господствующее положение в этих системах, новых социальных групп⁴⁹. Однако соотношение общэтнических и классовых интересов, влияние идеологии господствующих классов на этническое сознание эксплуатируемых, иначе говоря, сложную классовую природу этнического единства и межэтнических отношений С. Либерсон оставляет без внимания. Не раскрыто у него и единство материальных истоков социально-классового и этнического неравенства, а также обусловленность последнего первым. Поэтому взаимодействие этнической и социальной стратификаций рассматривается этим исследователем как взаимовлияние независимых систем иерархической группировки индивидов, а общественное положение отдельного лица характеризуется как результат механического соединения этнического, экономического и половозрастного «статусов», без раскрытия внутренней общественной связи этих индивидуальных характеристик⁵⁰. С тех же методологических позиций отдельные буржуазные авторы освещают взаимодействие этнической и социальной стратификаций в сфере идеологии⁵¹.

В целом можно заключить, что рассмотренным нами исследованиям по этнической стратификации присущ односторонний подход к данной проблеме. Экономический и со-

⁴⁶ P. L. van den Berghe, *Distance mechanisms of stratification*, в кн. «Readings in race and ethnic relations», p. 211, 213.

⁴⁷ S. Lieberman, Указ. раб., стр. 204, 205.

⁴⁸ T. Shibutani and K. M. Kwan, Указ. раб., стр. 588.

⁴⁹ S. Lieberman, Указ. раб., стр. 203—205.

⁵⁰ S. Lieberman, Указ. раб., стр. 207.

⁵¹ J. Provinzano, *Two views of ethnicity*, «IX International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences», Chicago, 1973.

циально-классовый базис этнического неравенства в этих исследованиях остается за пределами научного анализа. Сравнительная характеристика систем этнической стратификации дается по отдельным, весьма общим и второстепенным признакам. И все же сама постановка проблемы неравенства этнических групп в проанализированных в данной статье трудах и разработка некоторых частных ее аспектов имеет определенное научное значение.

* * *

Следует сказать о научном значении попыток зарубежных ученых выявить конкретные показатели этнической общности. Эта проблема поставлена, в частности, в работе двух канадских авторов, посвященной исследованию этнической сегрегации иммигрантов в городе Торонто⁵². Их исследование, выдержанное в духе американской бихевиористской и аккультурационистской школы, ориентировано на обоснование «комплексного» понятия «этничность» посредством анализа эмпирических данных, характеризующих территориальное распределение иммигрантских групп, выделяемых с помощью ряда признаков, каждый из которых рассматривается авторами в качестве одного из существенных параметров «этничности». Эти признаки толкуются в соответствии с общей методологической позицией исследователей как характеристики «этнического статуса» индивида, по которым осуществляется группировка иммигрантов в иноэтнической среде. Однако, поскольку в этих характеристиках отражены определенные общественные связи, участвующие в сохранении этнической обособленности иммигрантов, обработанный авторами исследования фактический материал проливает свет и на проблему соотношения этих связей в поддержании единства этноса. Вместе с тем рассмотрение «этничности» в качестве одной из особо сложных характеристик индивида придает весьма своеобразный характер исследованию канадских авторов.

В установлении основных параметров этничности канадские ученые исходят из выдвинутой американским исследователем М. Гордоном модели, в которой «каждый параметр определяется как аспект самоопределения». Этот исследователь выделяет следующие «центральные элементы этнической принадлежности»: гражданство, расу, религию и «национальное» происхождение (государство, подданным которого были иммигрант или его предки)⁵³. Перечисленные «элементы» представляют собой те факторы, которые играют важную роль в территориальной группировке иммигрантов в условиях индустриального капиталистического центра. Ясно, однако, что круг общественных связей, поддерживающих этническое единство и обособленность иммигрантов, представлен здесь неполно. Так, не учитывается, например, наличие или отсутствие в прошлом территориальных связей индивида с этносом, к которому он себя относит, и отношение к языку этого этноса. Не принимается во внимание и влияние такого фактора, как продолжительность проживания в стране иммиграции на этнический облик и самосознание индивида. Поэтому авторы рассматриваемого исследования расширяют перечень характеристик этнического статуса, вводя в него три дополнительных параметра: продолжительность проживания в стране иммиграции, место рождения и язык⁵⁴.

Исследование канадских ученых основано на материалах, освещающих этническое происхождение, религию, длительность проживания в стране, место рождения и родной язык иммигрантской части населения Торонто. Эти материалы извлечены главным образом из соответствующих разделов канадских переписей, проводимых в стране через каждые 10 лет, использованы также и другие источники⁵⁵. Полученные сведения были подвергнуты специальной обработке: устанавливалось территориальное распределение (по районам Торонто) каждой из групп, выделенных по указанным выше признакам, вычислялись показатели уровня «сегрегации» этих групп, наконец, обработанные таким образом данные были сведены в специальные таблицы. Собранные в этих таблицах показатели и служат основным фактическим материалом для теоретических обобщений авторов.

⁵² A. G. Darroch and W. G. Marston, Ethnic differentiation; ecological aspects of a multidimensional concept, в кн.: «Readings in race and ethnic relations», p. 107—127.

⁵³ Там же, стр. 108.

⁵⁴ Там же, стр. 109.

⁵⁵ Там же, стр. 110.

Очевидно необходимо пояснить, каким образом устанавливались показатели уровня сегрегации иммигрантских групп. Эти показатели, именуемые «индексами отличия», определялись через сопоставление процентного распределения по районам Торонто какой-либо иммигрантской группы и соответствующих данных по «стандартной» группе населения (например, «урожденным канадцам») ⁵⁶.

Из составленных авторами исследования таблиц наибольший интерес представляют те, в которых приведены показатели уровня сегрегации групп, выделенных по признакам этнического происхождения, родного языка и месту рождения. Именно содержание этих таблиц позволяет сделать некоторые заключения относительно роли различного рода общественных связей в сохранении этнической обособленности иммигрантов, а следовательно, до какой-то степени и в поддержании единства этноса. Эти таблицы показывают, что группы иммигрантов, выделенные по признаку этнического происхождения и включающие наряду с индивидами, обладающими всей полнотой соответствующих личностно-этнических свойств, лиц, сохраняющих лишь память об этнической принадлежности своих предков по мужской линии, сегрегированы несколько меньше, чем группы, выделенные по родному языку и, в особенности, по месту рождения. Так, наивысшее значение индекса отличия для группы «немцев по происхождению» равно 17, для группы «немцев по языку» величина этого показателя поднимается до 26 и достигает 42, отмечая уровень сегрегации группы «уроженцев Германии» ⁵⁷. Очевидно, этот факт подтверждает высказанное в советской литературе замечание, что группы, выделяемые в канадских переписях по признаку этнического происхождения, «не совпадают с реальными современными этническими общностями» ⁵⁸. Этот факт, наконец, свидетельствует о том, что обособление иммигрантов в иноэтнической среде обусловлено не столько их субъективной ориентацией на ту или иную этническую общность, сколько фактором реальной культурно-языковой общности, отражающей либо существовавшую в прошлом связь с коренным этническим массивом, либо наличие эквивалента этой связи в виде каких-либо форм социальной сплоченности иммигрантов в условиях этнически чуждого им окружения. Последний случай наглядно иллюстрирует пример проживающих в Канаде украинцев ⁵⁹.

Выводы, к которым приходят авторы рассматриваемой работы, заключаются в том, что положение индивида в иноэтнической среде (его этнический статус) определяется рядом факторов, каждый из которых действует независимо от других и должен учитываться при изучении территориальной обособленности групп городского населения, имеющего сложный этнический состав. Этот вывод, по мнению исследователей, равнозначен заключению о множественности параметров этничности ⁶⁰. Однако ограниченное рассмотрение только внешних проявлений этнической общности в разнообразных характеристиках индивида лишает исследователей возможности сознательно поставить и решить проблему соотношения различных общественных связей в сохранении этнического единства, а тем самым — раскрыть существенные черты этноса как общественного явления. Фиксируя взаимодействие таких факторов территориальной сегрегации иммигрантов, как религия и этническое происхождение, канадские ученые не пытаются вскрыть общественный механизм этого взаимодействия, установив соотношение религиозной и этнической общности ⁶¹. Важный недостаток таблиц, приведенных в работах этих авторов, состоит в том, что внутри групп, выделенных по признакам этнического происхождения, родного языка и места рождения, не определены подгруппы по длительности проживания в стране иммиграции и религиозной принадлежности. В том случае, если бы это дополнительное подразделение было произведено, определяющая роль реальных культурно-языковых и общественных связей в сохранении этнической общности была бы представлена более полно.

⁵⁶ A. G. Darroch and W. C. Marston, Указ. раб., стр. 112.

⁵⁷ Там же, стр. 119.

⁵⁸ М. Я. Берзина, Указ. раб., стр. 89.

⁵⁹ Там же, стр. 157—160.

⁶⁰ A. G. Darroch and W. C. Marston, Указ. раб., стр. 121.

⁶¹ Там же, стр. 122.

Подводя итог приведенному выше краткому обзору некоторых работ буржуазных исследователей по теоретическим проблемам этноса, необходимо прежде всего отметить ряд свойственных этим работам методологических слабостей.

В первую очередь бросается в глаза тот факт, что эти исследователи не различают субъективную и объективную стороны природы этноса. Между тем научный подход к изучению этнических, как и всех других общественных явлений, требует обязательного учета того обстоятельства, что в многообразии общественных отношений выделяются материальные, складывающиеся независимо от общественного сознания, и идеологические, в формировании которых общественному сознанию принадлежит важная роль⁶². Для многих из рассмотренных работ характерно игнорирование объективной основы разнообразных этнических явлений.

Другая методологическая слабость рассмотренных исследований заключается в том, что центральное место в них занимает не этническая общность как форма общественного единства, а представляющий ее индивид или «неорганизованная совокупность индивидов». По этой причине этнос как система разнообразных общественных отношений выпадает из поля зрения исследователей.

Наконец, еще одна и весьма важная отрицательная черта рассмотренных работ буржуазных исследователей связана с отсутствием в них конкретно-исторического подхода к поднимаемым вопросам, что особенно сказывается в исследованиях по этнической стратификации. Обобщения, предлагаемые в этих исследованиях, часто формулируются слишком широко и касаются не решающих, а второстепенных сторон природы этноса.

Вместе с тем в этих исследованиях можно найти много интересного фактического материала, относящегося к тем или иным общественно-историческим аспектам этноса. Критический подход к этим исследованиям делает возможным использование их в разработке научной теории этноса.

⁶² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 136, 137; см. также: М. Н. Перфильев, *Общественные отношения*, Л., 1974, стр. 113.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник, вып. 5, 1975, 376 стр.

В 1971 г. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР приступил к публикации ежегодника «Расы и народы». Появление такого издания было вызвано исключительной остротой проблем расовой и национальной дискриминации в капиталистическом мире. Сейчас, через пять лет после появления первого выпуска, можно с уверенностью сказать, что задачи, сформулированные редколлекцией в первом выпуске¹, не утратили своей актуальности.

Рецензируемый сборник состоит из статей, посвященных актуальным проблемам этнографии и антропологии, которые имеют большое значение для понимания острых и злободневных этнических проблем в различных регионах земного шара и борьбы с любыми проявлениями расизма и национального угнетения.

В соответствии со сложившейся традицией сборник имеет следующие разделы: «Вопросы теории», «Наука о расах», «Против расизма и национального угнетения»; «Этнические процессы в современном мире»; «Документы и материалы», «Обзоры, рецензии, аннотации».

В разделе «Вопросы теории» представлены работы И. В. Дудинского, К. В. Чистова, А. С. Мыльникова.

В статье И. В. Дудинского исследуется проблема сочетания национального и интернационального в мировой социалистической системе. Автор на большом фактическом материале убедительно показывает неуклонный рост значения всей системы со-

¹ См. рецензию В. Д. Королюка на первый выпуск ежегодника «Расы и народы...» («Сов. этнография», 1971, № 6).

циалистических государств и каждого государства в отдельности как в политической, так и в экономической областях современной жизни. Мировая социалистическая система стала решающим фактором современности. Убедительным подтверждением возросшего влияния социалистического содружества служат наметившиеся позитивные сдвиги в отношениях между СССР и США, заключение договоров между ФРГ и СССР, урегулирование спорных вопросов между ФРГ и ГДР, ФРГ и ЧССР. И. В. Дудинский показывает, на каких принципах строятся отношения дружбы и взаимовыгодного сотрудничества между странами социалистической системы.

Значительный теоретический интерес представляет статья К. В. Чистова, в которой он разграничивает традиционные (первичные) и нетрадиционные (вторичные) формы культуры и рассматривает их взаимоотношения в настоящее время. К. В. Чистов приходит к выводу о неуклонном возрастании в наши дни и в будущем вторичных форм культуры под влиянием социальных изменений, прежде всего таких, как урбанизация. Изучение возникновения и развития вторичных форм культуры, типологии и соотношения их с традиционными формами культуры автор считает насущной задачей современной науки.

В статье А. С. Мыльникова анализируются причины возникновения и сохранения локальных особенностей культуры на различных стадиях генезиса нации. Анализируя этническую историю ряда европейских народов (французов, итальянцев, немцев, чехов, сербов, хорватов и др.), автор выделяет два основных типа локальных культурных особенностей — внутритнический и межтнический, соответствующих особенностям течения этнических и связанных с ними социально-экономических и культурно-политических процессов. Наиболее сложным представляется внутритнический тип, поскольку не всегда возможно точно отнести то или иное явление к данному или генетически близкому этносу. Изучение местных культурных особенностей этого типа предполагает не только рассмотрение конкретной этнической эволюции, но и постановку более общего вопроса о путях, этапах и степени завершенности самого процесса развития нации. Статья А. С. Мыльникова вызовет несомненный интерес постановкой таких дискуссионных проблем, как соотношение культурного регионализма с этническим или национальным. Кстати, эти понятия все еще нуждаются в более четком определении.

В разделе «Наука о расах» опубликованы статьи А. Г. Козинцева и Г. Л. Хить, дающие новый ценный материал для критики расизма.

Статья А. Г. Козинцева «Метопизм в различных человеческих группах» представляет опыт анализа географического распределения метопизма (сохранения лобного шва у взрослых). Собранные данные о частоте этого признака примерно в 560 современных группах, что вдвое превышает объем наиболее крупной из опубликованных сводок (Х. Комас). Очень важен вывод автора о том, что «процессы, приведшие к современному распределению метопизма в разных группах, происходили в сравнительно недавнее время и не имеют никакого отношения к процессу выделения человека как единого вида из животного мира» (стр. 66). Может быть, следовало более определенно сказать о невозможности использования данных, полученных при изучении многоаспектной проблемы метопизма, для расовых построений.

Статья Г. Л. Хить посвящена анализу особенностей кожного рельефа ладоней и пальцев. Эти проблемы лишь недавно стали объектом пристального внимания антропологов многих стран. Автор, собравший огромный материал по нескольким сотням групп населения СССР, убедительно показывает, что данные дерматоглифики играют большую роль при решении спорных проблем этногенеза. Обнаружена высокая корреляция элементов кожного рельефа с многими таксономически ценными признаками, разграничивающими крупные расы. Это помогло уточнить систематическое положение многих промежуточных в расовом отношении групп Восточной Европы, Средней Азии и Сибири и внести ясность в некоторые проблемы этнической истории.

В разделе «Против расизма и национального угнетения» помещена статья В. А. Мазова «Против апартхеида и колониализма в Африке», посвященная борьбе африканских народов за свободу и независимость и написанная по материалам состоявшейся в сентябре 1974 г. в Европейском отделе ООН в Женеве Международной конференции неправительственных организаций по борьбе против апартхеида и колониализма в Африке. На конкретных примерах ЮАР и Южной Родезии автор раскрывает бесчеловечную сущность апартхеида и показывает, как попираются в этих странах самые элементарные нормы и принципы современного международного права. Известно, что в ряде резолюций, принятых по этому поводу Генеральной Ассамблеей ООН, подтверждается неотъемлемое право африканских народов, находящихся под колониальным гнетом, на независимость, а апартхейд квалифицируется как преступление против человечества, как серьезное препятствие начавшемуся процессу разрядки международной напряженности. Автор рассмотрел также изменения, которые произошли в положении бывших португальских колоний — Гвинеи-Бисау, Анголы и Мозамбика — после революции в метрополии, не умолчав при этом о трудностях на пути процесса деколонизации.

К сожалению, статья В. А. Мазова является единственной в этом разделе. Дуется, что, учитывая специфику издания, редколлегия должна придавать ему большее значение.

Наибольшее число статей помещено в разделе «Этнические процессы в современном мире».

Этнополитическая обстановка на Индостанском полуострове рассматривается в статье В. И. Кочнева. Как отмечает автор, в результате мощного подъема национальной-освободительного движения, вызванного победоносным завершением второй мировой войны и ролью в нем Советского Союза, начался неуправляемый распад колониальной системы во всем мире. В Южной Азии этот процесс привел к образованию ряда независимых государств. В. И. Кочнев рассматривает сложную этнополитическую ситуацию в Республике Индия, Исламской Республике Пакистан и Народной Республике Бангладеш, подчеркивая значение политики мирного сосуществования и непризнания для поддержания прочного мира на Индостанском полуострове и для решения всех проблем этого субконтинента путем переговоров.

Ю. А. Осипов посвящает свою работу проблеме общего языка в молодых независимых государствах Юго-Восточной Азии, имеющей большое значение не только для национальной консолидации, но и для экономического, политического и культурного развития молодых независимых государств. Решение этой проблемы во многом зависит от отношения классов, политических партий, государственных руководителей к предлагаемому общему языку. Показывая связь между лингвистическими проблемами и выбором пути развития стран, Ю. А. Осипов подчеркивает, что решить эти проблемы можно только на основе принципов марксистско-ленинской национальной политики.

В статье Е. В. Ивановой характеризуется этнонациональное развитие основных групп разнородного по происхождению, языкам и культуре населения Таиланда. Путем анализа внутриэтнических и межэтнических контактов в пределах этих групп и в масштабе страны в целом автор стремится выявить факторы, как способствующие консолидации отдельных этносов, этнических общностей, так и противодействующие ей. Из проведенного автором анализа проблем этнонационального развития народов этой страны органически вытекает вывод, что все реакционные правительства, существовавшие в стране до переворота 1973 г., в конечном счете стремились к ассимиляции меньшинств, не пренебрегая при этом насильственными мерами.

В. И. Гохман предпринял попытку выделить внутри этнолингвистической общности горных чинов Бирмы четыре самостоятельные этнические общности: северную, центральную, лакхер и южную. Каждая из них занимает определенную территорию. Вместе с тем в статье отмечается, что внутри этих общностей имеется множество конкретных племенных групп, выделяемых автором по разным признакам: лингвистическим, культурным, социально-экономическим. Создание национальной автономии чинов, мероприятия бирманского правительства по социальному, экономическому и культурному строительству в национальных районах, как справедливо отмечает автор, способствуют их консолидации в единый народ и интеграции внутри бирманской этнополитической общности. Представляется, что интересный анализ структуры этнической ситуации у чинов Бирмы в статье В. И. Гохмана стоило дополнить конкретным анализом современного положения этой группы, политики правительства по отношению к ней и т. п. Очевидно, отсутствие необходимого материала не позволило автору полностью реализовать свою задачу. Но и в таком виде статья дает возможность понять всю сложность современных этнических проблем в Бирме.

В статье И. Г. Косикова рассмотрена система образования в Камбодже и ее роль в формировании общекамбоджийского единства в различные исторические периоды — начиная с XIII—XIV вв. вплоть до сегодняшнего дня. Материалы, взятые из различных источников, достаточно полно характеризуют обучение в монастырских школах, основанных буддийской церковью в Камбодже, и влияние этого обучения на воспитание подрастающего поколения страны. В статье показано, какой урон был нанесен системе традиционного образования французскими колонизаторами, разжигавшими в Камбодже межнациональные распри и насильственным путем насаждавшими в стране французский язык. Заканчивает статью раздел, посвященный системе народного образования в независимой Камбодже.

Одна из самых крупных в сборнике — статья В. С. Ягья «Административно-территориальное деление и этнические процессы в освободившихся странах Африки». О сложных этнических процессах в Африке написано много. Особо отметим фундаментальные работы советских авторов И. И. Потехина, Д. А. Ольдерогге, Б. В. Андрианова, Р. Н. Исмагиловой. Однако В. С. Ягья нашел интересный, слабо освещенный в литературе аспект: взаимосвязь административно-территориального деления и современных этнических процессов. В статье справедливо отмечено, что в странах Африки после освобождения от колониализма межэтнические противоречия не только не исчезли, но в ряде случаев даже усилились. Это объясняется, прежде всего, наследием колониализма. Заметное влияние на характер и темпы этнических процессов в независимых странах Африки оказывает введенное в них административно-территориальное деление, выступающее при определенных условиях в качестве этнодифференцирующего фактора. Проведенное с учетом интересов всех этнических групп этнотерриториальное размежевание и создание на этой основе административных районов должны сыграть важную роль в укреплении африканской государственности, в ликвидации межэтнической конфронтации, в национальной консолидации и интеграции, экономическом и культурном развитии. Конечно, не все аспекты этой проблемы разработаны полно и глубоко, но общая постановка ее правильна и весьма актуальна как в научном, так и в политическом плане.

В статье Е. Н. Кальщикова рассматриваются процессы распространения языка и некоторых элементов культуры волофов — самого многочисленного народа Сенегала среди других народов страны, прежде всего сереров. Автор полагает, что истоки этого явления восходят к периоду образования волофских государств (около XIII в.). Позже посредничество волофов в торговле между европейцами и африканцами (начиная с середины XV в.) обусловило распространение их языка среди других народов и повысило их престиж. В колониальный период распространение товарной культуры арахиса, первоначально главным образом на территории расселения волофов, вызвало значительные миграции как внутри страны, так и из соседних колоний в Сенегал. В статье делается попытка предложить типологию сельских миграций в Сенегале и определить их влияние на межэтнические отношения в сельской местности. Автор считает, что на обширной территории арахисопроизводящего района в настоящее время идет процесс сложения определенного этнокультурного единства на основе языка и культуры волофов.

Статья Ю. Е. Березкина посвящена формированию этнической общности индейцев кечуа. Основное внимание автор уделяет доиспанскому периоду их истории, рассматривая методы и результаты политики ассимиляции, проводившейся инками по отношению к некечуанским этническим группам. В статье подчеркивается роль культурной ассимиляции, в частности успешное распространение среди населения покоренных стран представлений о якобы безусловном культурном превосходстве завоевателей из Куско. Вслед за рядом зарубежных исследователей Ю. Е. Березкин отмечает, что сооружение дорог, административно-хозяйственных центров, освоение новых земель преследовали, помимо экономических, культурно-ассимиляционные и пропагандистские цели. Автор полагает, что ввиду чрезвычайной консервативности социально-экономической системы Тауантисуйю вопрос о «прогрессивности» инкского завоевания в истории народов Центральных Анд вряд ли можно решать однозначно. Это интересная, однако спорная мысль, тем более что данная проблема выходит за рамки статьи и в тексте ей не уделено специального внимания. В конце статьи рассматриваются различные точки зрения на перспективы этнического развития индейцев Центральных Анд. Автор справедливо отмечает важность изучения доколумбова прошлого для строительства современной национальной культуры Перу, подчеркивая, однако, что наследие древности может с успехом использоваться лишь в культурной, но не в социально-экономической области.

Статья Ю. Е. Березкина, бесспорно, очень интересна и актуальна. В целом выводы автора убедительны и не вызывают возражений. Но ощущается, с одной стороны, некоторая перегрузка ее сведениями, имеющими довольно отдаленную связь с «путями образования этнической общности кечуа», и с другой — необходимость более широкого показа роли современных прогрессивных реформ в Перу в развитии этнической общности кечуа.

Несомненный интерес вызовет у читателя статья А. Д. Дриздо «Индийцы Ямайки (К проблемам малых этнических групп в Карибском регионе)». В ней рассмотрен совершенно неисследованный в нашей литературе круг вопросов. Автор описывает историю выходцев из Индии и их потомков на Ямайке с середины 40-х годов XIX в. до сегодняшнего дня, их культуру и их отношения с другими народами страны. Процесс ассимиляции у индийцев Ямайки зашел не так далеко, как на Кубе или на Французских Антильских островах, но гораздо дальше, чем у индейцев на Тринидаде. Может быть, следовало бы уделить несколько большее внимание соотношению проблемы индийцев Ямайки с названной в подзаголовке статьи «проблемой малых этнических групп в Карибском регионе».

В статье А. А. Свиридова рассматривается этнолингвистическая ситуация в провинции Фуцзянь (Китай). Проникновение на эту территорию китайцев — переселенцев с Центральной равнины — началось еще в I тыс. н. э. Наиболее крупные по своим масштабам миграционные потоки были вызваны нестабильностью политического положения на севере страны, который подвергался иноземным нашествиям. Переселяясь на юго-восток, жители Центральной равнины сталкивались там с аборигенными, очевидно, малаеязычными племенами. Многовековые этнокультурные контакты между китайцами и аборигенами привели в конце концов к ассимиляции этих племен. В то же время китайцы заимствовали у них некоторые культурные особенности. Для всего этого периода характерна сильная политическая оппозиция провинции Фуцзянь к центральной власти. Окончательно эта территория вошла в состав восточноазиатской историко-этнографической области в начале II тысячелетия н. э. В результате этого длительного процесса в провинции Фуцзянь и части прилегающих к ней районов сформировалась своеобразная этнографическая группа китайцев — фуцзяньцы, имеющая значительные локальные особенности в языке и культуре.

В статье М. А. Родионова «Марониты в ливанском обществе» рассматривается проблема влечения конфессиональных институтов в социальную и духовную жизнь населения Восточного Средиземноморья на примере маронитской общины, крупнейшей этноконфессиональной группы Ливана. Используя широкий круг материалов (образцы традиционной маронитской историографии, записки европейских путешественников, современную ливанскую прессу и т. д.), автор прослеживает трансформацию традиционных институтов в современном ливанском обществе. В статье показано, что тезис об «особом характере» Ливана был выдвинут руководством маронитской общины для того,

чтобы обосновать свои претензии на ведущую общественно-политическую роль в стране. Частые политические кризисы внутри Ливана в значительной мере вызваны стремлением христианских кругов сохранить свое доминирующее положение. Характеристика маронитов как этноконфессиональной группы представляется актуальной в наши дни, когда сплочению ливанских трудящихся препятствует межконфессиональная отчужденность. Однако неуклонный рост секуляризации сознания прогрессивных слоев ливанского общества, в том числе и выходцев из маронитской общины, открывает возможность для преодоления конфессионализма и межобщинной отчужденности. Статья несомненно выиграла бы, если бы автор более подробно рассмотрел культурно-бытовые особенности маронитов как этноконфессиональной группы, показал черты сходства и различия с другими структурными подразделениями ливанского народа.

Внимание читателей, несомненно, привлекут также публикации раздела «Документы и материалы», в частности резолюция «Десятилетие действий по борьбе против расизма и расовой дискриминации», принятая Генеральной Ассамблеей ООН 15 ноября 1973 г., и «Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него».

В разделе «Обзоры, рецензии, аннотации» помещены материалы о новейшей советской и зарубежной литературе по проблемам расовых и этнических отношений. С содержательными обзорами и рецензиями выступают В. И. Гохман, И. И. Гохман, А. Д. Дридзо, Р. Ф. Итс, В. Н. Кисляков, А. Г. Козинцев, А. С. Мыльников, А. М. Решетов, Г. В. Старовойтова, А. А. Фурсенко.

Таким образом, статьи рецензируемого сборника в целом характеризуются глубоким исследованием поставленных в них проблем, хорошо аргументированными, построенными на большом фактическом материале выводами. Отмеченные недостатки, как можно было видеть, не очень существенны и не влияют на общую высокую оценку сборника.

Впервые ежегодник готовился в Ленинграде, и естественно, что в нем наиболее полно представлены ленинградские авторы. Ответственный редактор выпуска А. М. Решетов привлек к участию в ежегоднике наряду с такими опытными исследователями, как К. В. Чистов, А. С. Мыльников, Е. В. Иванова, А. Д. Дридзо, А. Г. Козинцев, В. С. Ягья, большую группу молодых ученых — Ю. Е. Березкина, В. И. Гохмана, Е. Н. Калыщикова, И. Г. Косикова, Ю. А. Осипова, М. А. Родионова, для которых участие в этом издании явилось серьезным испытанием научной зрелости. И эту проверку они успешно выдержали.

Успешно выступили и московские ученые И. В. Дудинский, В. А. Мазов, В. И. Кочнев и Г. Л. Хиты.

Советский читатель получил добротную книгу по актуальным расовым проблемам и современным этническим процессам. Для зарубежного читателя в издании помещены краткие, но содержательные резюме на английском языке. Можно выразить уверенность, что этот выпуск ежегодника «Расы и народы», как и все предыдущие, внесет определенный вклад в изучение расовых и этнонациональных проблем современного мира, а также послужит важным справочным изданием для пропагандистов и лекторов.

С. Р. Аврутин

Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л., 1974, 191 стр.

Сборник «Проблемы этнической антропологии и морфологии человека» посвящен памяти известного советского антрополога Вульфа Веняминовича Гинзбурга. Многие годы своей научной деятельности он занимался изучением проблем этнической антропологии, уделяя особое внимание этногенезу народов Средней Азии. Значителен его вклад в изучение морфологии человека.

Круг научных интересов В. В. Гинзбурга и определил тематику данного сборника, который фактически состоит из двух частей. Первая посвящена проблемам этнической антропологии Средней Азии и степей Русской равнины. Здесь публикуются новые палеоантропологические материалы и обсуждаются некоторые аспекты проблем происхождения народов этих территорий. Во второй части рассматриваются вопросы морфологии человека.

Открывается сборник статьей В. В. Гинзбурга и И. И. Гохмана «Костные останки человека из Самаркандской палеолитической стоянки». Публикация этих материалов, обнаруженных Д. Н. Левом, вводит в научный оборот первые открытия на территории Средней Азии находки костей позднепалеолитического времени. Они представлены двумя фрагментированными нижними челюстями. Наличие подбородочного выступа на нижних челюстях и ряд других признаков позволяют авторам отнести самаркандских палеолитических людей к виду *Homo sapiens*, а сравнение этих находок с челюстями из палеолитических местонахождений Европы дает возможность связать их с европеоидной расой, предположительно с ее южным стволом. Костные останки из Самаркандской палеолитической стоянки несомненно представляют большой научный интерес, так как расширяют круг известных палеолитических материалов и позволяют

авторам предположить, что в «позднепалеолитическое время территория Средней Азии входила в ареал формирования европеоидной расы».

Сложным вопросом этнической антропологии Средней Азии является проблема происхождения расы Среднеазиатского междуречья, по терминологии Л. В. Ошанина, или памиро-ферганской расы, по А. И. Ярхо.

Существует две диаметрально противоположные точки зрения: одна доказывает формирование памиро-ферганской расы в глубокой древности и, следовательно, автохтонность ее на данной территории. Впервые она была высказана Л. В. Ошаниным, в последнее время такого же мнения придерживается Ю. Г. Рычков. Другая точка зрения, высказанная В. В. Гинзбургом и Т. А. Трофимовой, относит начало формирования памиро-ферганской расы к эпохе бронзы на основе грацилизации андроновского типа, с одной стороны, и брахицефализации средиземноморского европеоидного типа — с другой.

В. П. Алексеев в статье «Древнейшее европеоидное население Средней Азии и его потомки» рассматривает некоторые новые аспекты происхождения памиро-ферганской расы. В целом он согласен с последней точкой зрения, но локализует генетические связи памиро-ферганцев на севере с «протоморфным» европеоидным типом (андроновским), а на юге с «грацильным» — средиземноморским.

Антропологическое единство народов, входящих в состав памиро-ферганской расы, признавалось большинством авторов. Незначительные расхождения они объясняли наличием поздней монголоидной примеси у узбеков, в то время как она отсутствовала у горных таджиков и памирцев. В. П. Алексеев считает, что различия между этими народами более значительны и объясняются участием разных европеоидных компонентов в формировании памирцев и горных таджиков, с одной стороны, и узбеков — с другой.

Ближайшие аналогии грацильному европеоидному типу горных таджиков и памирцев В. П. Алексеев находит у туркмен, и на этом основании приходит к выводу, что «горные таджики и памирцы представители не памиро-ферганской расы, а каспийской, в состав которой входят туркмены». В основе памиро-ферганской расы, к которой, по мнению автора, следует отнести узбеков и часть равнинных таджиков, лежит брахикранный европеоидное население, существовавшее здесь с глубокой древности.

Вопросы этногенеза народов Средней Азии остаются все еще дискуссионными, и только накопление и анализ новых материалов приблизит нас к их решению. В сборнике публикуется серия статей, посвященная анализу новых находок с территории Средней Азии, охватывающих период от эпохи бронзы до позднего средневековья.

История Средней Азии конца II — начала I тысячелетия до н. э. связана с проникновением на ее территорию индоевропейских племен. Археологический материал этого времени свидетельствует о существовании нескольких культур: традиционно-земледельческой и пришлых — скотоводческих. Памятники, сочетающие в себе элементы земледелия и скотоводства, исследователи интерпретируют по-разному. Несомненный интерес представляют собой антропологические данные этого периода, рассмотренные в статье Т. П. Кияткиной «Краниологические материалы эпохи поздней бронзы из Южного Таджикистана». Принадлежность исследуемой серии к европеоидному расовому стволу не вызывает у автора сомнения. Однако пока неясно, к какому антропологическому типу следует ее отнести — к южному (средиземноморскому) или северному (степному). Сравнение этой серии с андроновскими сериями Казахстана и Минусинской котловины говорит о том, что ее нужно исключать из «чисто» андроновского круга форм. Ряд признаков, такие как резкая горизонтальная профилировка лица, мезогнатность лицевого скелета и покатый лоб, позволяют автору отнести данную серию к южным протосредиземноморским европеоидам.

Палеоантропологический материал кердерской культуры из могильника Ток-Кала в Южном Приаралье анализирует Т. К. Ходжайов в статье «Данные к антропологии населения Кердера». Могильник датируется VII—VIII вв. н. э. Серия в целом характеризуется брахицефалией, ортогнатностью, средними значениями высоты и ширины лица, значительной его профилированностью в горизонтальной плоскости и сильно выступающим носом. Население, оставившее могильник Ток-Кала, принадлежало к европеоидному расовому типу. На основании вариаций размеров скулового диаметра автор выделяет два типа черепов: узколицые и широколицые, что кажется не вполне убедительным, так как по остальным краниологическим признакам выделенные типы не обнаруживают отчетливых различий.

По мнению Т. К. Ходжайова, население ток-калинского могильника было пришлым, поскольку аналогии изучаемой серии среди синхронных ей серий на соседних территориях отсутствуют.

В статье «Кувинские черепа IX—X вв.» В. Я. Зезенкова рассматривает серию черепов из городища Кува в Ферганской области. Кувинские черепа характеризуются европеоидными чертами, однако анализ индивидуальных описательных и измерительных признаков, особенно черепного указателя, как считает автор, свидетельствует о неоднородности серии. В. Я. Зезенкова выделяет несколько антропологических компонентов: группу черепов с преобладающими чертами средиземноморского типа, группу, обнаруживающую сходство с черепами Среднеазиатского междуречья, смешанную группу, включающую в себя помимо первых двух комплексов еще и черты переднеазиатского антропологического типа.

В. Я. Зезенкова говорит о преобладании средиземноморского типа, который лег в основу формировавшегося еще на том этапе типа Среднеазиатского междуречья. Это подтверждается, как она думает, сходством кувинских черепов с палеоантропологическими материалами более ранних эпох с территории Ферганской долины и особенно с миздахканскими и ток-калиновскими черепами из Южного Приаралья.

Весь огромный палеоантропологический материал, собранный за последние 20 лет с территории Средней Азии, был изучен, систематизирован и опубликован В. В. Гинзбургом и Т. А. Трофимовой в монографии «Палеоантропология Средней Азии». В статье «Краниология кочевников античного периода с территории Западной Туркмении» Т. А. Трофимова вновь обращается к краниологическим материалам, изучение которых было начато, но не закончено В. В. Гинзбургом. Значительная часть черепов из-за плохой сохранности была описана Гинзбургом во фрагментарном состоянии. Проведенная реставрация значительно увеличила представительность серии.

Исследованную серию черепов Т. А. Трофимова определяет как европеоидную с незначительной монголоидной примесью. В этой серии выделяется три группы черепов. Первая характеризуется большими размерами всех основных диаметров черепа, широким средневысоким лицом. Она отнесена к протоевропеоидному типу с преобладанием андроновских черт. Вторая группа близка к первой, но череп здесь уже, а лицо выше. Т. А. Трофимова считает, что в этой группе преобладают черты, характерные для срубной культуры эпохи бронзы, в то время как в третьей группе с резко выраженной брахикранией, малым скуловым диаметром, и средне-высоким лицом — черты восточно-средиземноморского комплекса признаков.

Первые две группы рассматриваются в статье как переходные, ведущие к образованию расового типа Среднеазиатского междуречья с преобладанием в его основе андроновских черт.

Интересны приводимые автором данные относительно распределения монголоидных и европеоидных черепов по группам могильников. Если в первой группе преобладают европеоиды, то во второй доля монголоидных черепов увеличивается.

В итоге Т. А. Трофимова относит население античного времени в Западной Туркмении к формирующейся расе среднеазиатского междуречья с преобладанием европеоидных черт и незначительной монголоидной примесью. Восточносредиземноморский тип лишь в незначительной степени мог принимать участие в формировании населения Западной Туркмении.

Находкам из неолитического поселения Ракушечный Яр и поселения на острове Поречном на Нижнем Дону посвящена статья К. В. Зиньковского «Население низовий Дона в эпоху неолита и бронзы». На сравнительно небольшом материале автору удается выделить в составе неолитического населения рассматриваемого района два компонента — местный долихокраний и пришлый брахикраний. Сопоставление с известными находками из неолитических могильников на Днепре приводит автора к выводу о несомненном сходстве неолитических племен, обитавших на Нижнем Дону, с племенами Надпорожья — Приазовья и о тождественности процесса этногенеза на этих территориях.

В статье Б. В. Фирштейн «Материалы к антропологии населения эпохи бронзы Нижнего Подонья» публикуются краниологические материалы, полученные при раскопках в 1959—1962 гг. в Ростовской области. В статье дается подробное описание черепов, приводятся таблицы средних значений краниометрических признаков по всем трем культурам — ямной, катакомбной и срубной, сравнивается население Нижнего Подонья с населением, жившим в тот же период на соседних территориях.

Своеобразие черепов ямной культуры этой серии заключается в том, что у них увеличен черепной указатель, и в этом смысле они сходны с черепами из неолитического могильника Васильевка II, описанными И. И. Гохманом. До эпохи бронзы на территории Нижнего Подонья такие черепа пока не обнаружены, что рассматривается Б. В. Фирштейн как свидетельство участия племен днепро-донецкой культуры в этногенезе племен ямной культуры. Заметим, однако, что в последние годы большая серия брахикраний черепов ямной культуры обнаружена на Нижней Волге.

Среди катакомбных черепов Нижнего Подонья много искусственно деформированных, что затрудняет сравнение данной серии с синхронными группами соседних территорий. Все же сходство с черепами Предкавказья, Калмыкии и небольшой серией черепов из Нижнего Подонья, изученной А. В. Шевченко (1972 г.), не вызывает сомнений. По-видимому, можно говорить о генетическом родстве населения катакомбной и ямной культур.

Черепы срубной культуры характеризуются долихокранией и в большинстве своем относятся к протоевропейскому антропологическому типу. Наибольшее сходство у населения срубной культуры отмечается с населением Поволжья того же периода. Связь же срубного населения с ямным и катакомбным маловероятна.

Аналогичным проблемам посвящена статья А. В. Шевченко «Новые материалы по палеоантропологии Нижнего Поволжья (эпоха бронзы)». Повышенная изменчивость большинства краниологических признаков приводит автора к мысли о смешанном составе населения ямной культуры. К сожалению, малочисленность и плохая сохранность материала не дают возможности применить объективные критерии для оценки этого предположения.

Население катакомбной культуры А. В. Шевченко считает неоднородным и выделяет

ляют два краниологических типа: брахикранный и долихокранный (правда, только на мужских черепах). Сходство ямных и катакомбных черепов прослеживается достаточно четко, и можно согласиться с точкой зрения автора о возможности генетических связей населения ямной культуры с некоторыми группами катакомбной.

Череп срубной культуры отличаются от ямных и катакомбных резкой долихокранностью и большой высотой черепа. Сходное сочетание признаков известно лишь в Приазовье. Однако материал мал, и следует согласиться с А. В. Шевченко, что делать далеко идущие выводы пока рано.

Статьи второй части сборника рассматривают вопросы морфологии и рентгеноантропологии черепа и посткраниального скелета человека. Несомненный интерес представляет статья Ю. Д. Беневоленской «Групповая изменчивость краниометрических корреляций». Изучив характер связей ряда основных диаметров черепной коробки друг с другом и с размерами затылочной области черепа на шести представительных краниологических сериях разных расовых групп, автор приходит к весьма существенным выводам. Оказывается, что величина коэффициентов корреляции между краниологическими признаками и сила связей, в целом стабильная в разных расовых группах, может достигать существенных, статистически достоверных различий при разных соотношениях основных диаметров. Ю. Д. Беневоленская справедливо усматривает в этом определенную закономерность, которую связывает с различием ростовых факторов, особенно наиболее изменяемой затылочной области черепа. Возможность и необходимость использования этих выводов для этнической антропологии несомненна.

Искусственно деформированные черепа представляют интерес как для антропологов, так и для медиков. Рентгенологическому изучению древних искусственно деформированных черепов посвящена статья Н. П. Маклецовой «Рентгенологическое изучение искусственно деформированных черепов древних эпох из Средней Азии и Поволжья».

Новые данные о возрастных и половых особенностях черепа взрослого человека приводит в своей статье М. В. Твардовская. «Возрастные и половые особенности измерительных признаков черепа взрослого человека».

Некоторые признаки, например скуловой диаметр, довольно сильно меняются в разных возрастных группах. Пожалуй, это обстоятельство необходимо учитывать при расовых характеристиках на палеоантропологическом материале, где обычно возрастной состав в сериях взрослых практически не принимается во внимание.

Соотношение объемов клиновидных пазух с наружными размерами черепа — предмет статьи Ю. К. Ревского «К вопросу об определении объемов клиновидных пазух». Полученные данные можно, по мнению автора, применить в практической медицине.

Кости посткраниального скелета человека, к сожалению, реже исследуются антропологами, чем черепа. Причин этому много, но главная — недостаточная разработанность методов применения этих данных для этнической антропологии. Поэтому особенно приятно было увидеть в сборнике статью А. Б. Радзюн «Рентгеноморфологическая характеристика длинных костей конечностей казахов». Путем рентгенологического изучения вариаций внутреннего строения длинных костей автору удается выявить некоторые половые и возрастные закономерности, связанные с толщиной компактного слоя кости. Среди большого числа измерительных признаков выделяются наиболее показательные для половой и возрастной диагностики: окружность середины диафиза, вертикальный и поперечный диаметры головки плечевой кости, наибольшая длина и длина в естественном положении бедренной кости и др.

Будем надеяться, что дальнейшая разработка методики исследования, а также накопление и анализ материалов по различным этническим группам позволит автору перейти от половозрастного аспекта исследований к дифференциации по этим признакам расовых и территориальных групп.

Опубликованные в сборнике новые материалы по этнической антропологии и морфологии человека, несомненно, привлекут внимание широкого круга специалистов.

В. И. Богданова

НАРОДЫ СССР

В. В. Воробьев. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975, 260 стр.

Демогеографическая история Восточной Сибири — большой и сложный процесс. Он включает прежде всего непрерывное наращивание численности населения (примерно со 100 тыс. человек к началу XVII в., когда здесь обитали лишь малочисленные автохтонные народы, до 8 млн. человек в наши дни). На протяжении этих столетий

прибывавшие с запада волны русских переселенцев вступали в сложные взаимоотношения с местными народами; менялось расселение последних. С приходом русских в Восточной Сибири появилось ранее практически неизвестное земледелие, расширился круг промышленных производств. Росли города, складывалась сеть транспортных коммуникаций: речные артерии с дополнявшими их волоками сменялись трактами, а затем рельсовыми путями. Все более возрастающим ассортиментом продукции входила Восточная Сибирь в народное хозяйство страны.

Масштабность этих процессов подчеркивается и грандиозностью пространства, на котором они развертывались — Восточная Сибирь занимает почти треть всей территории нашей страны (7,2 млн. км²).

Население — субъект всех происходивших здесь преобразований. Через демографические, этнические, социально-экономические процессы, протекавшие в этом обширном крае, могут быть легче поняты происходящие здесь сдвиги.

В рецензируемой монографии прослежены этапы формирования и трансформации населения Восточной Сибири до Великой Октябрьской социалистической революции, создавшие исходную ситуацию и для процессов, происходящих в советское время. «Формирование населения», — пишет автор во «Введении» — это не просто последовательное увеличение его численности, а сложный процесс... в ходе которого население взаимодействует с природой края, осуществляется взаимное влияние коренного населения и пришельцев, а на более поздних стадиях — новоселов и старожилов» (стр. 9). Он справедливо указывает, что «проблема населения для развития восточных районов страны всегда имела первостепенное значение» (стр. 7).

Книга построена по хронологическому принципу. В первой главе рассматривается картина расселения в Восточной Сибири до прихода сюда русских (в основном автор опирается на труды Б. О. Долгих, воспроизводя его известную карту 1956 г. «Этнические группы коренного населения Сибири в XVII в.»). Затем выявляется пространственный ход первоначальных этапов заселения края русскими и процессы формирования основных групп русского населения, осваивавших край еще в XVII в.

Во второй главе анализируются динамика численности и особенности хозяйственной жизни населения (в основном пришлого, русского) в XVIII и первой половине XIX в.

В третьей главе рассмотрены изменения в численности, структуре и размещении населения во второй половине XIX и начале XX в. (вплоть до социалистической революции).

По поводу этой периодизации заметим следующее. Автор удачно совместил в ней этапы общероссийской истории с событиями, игравшими решающую роль на территории Восточной Сибири (выделение этапа первоначального проникновения русских и освоения ими края, так сказать, «начерно»). Однако можно было бы дать и более дробную периодизацию, исходя уже из локальных вех, важных для хода формирования населения края; например, таких, как проникновение в Восточную Сибирь железной дороги¹ или процесс «сплозания» в XVIII в. широтных связей к югу, замена водно-волоковых коммуникаций постепенно складывавшимся сухопутным трактом и его заселение специально переселявшимися для «ямской гоньбы» крестьянами (это явление периодизация В. В. Воробьева не отражает).

На протяжении всей книги Восточная Сибирь рассматривается в ее «традиционном» территориальном составе, т. е. с включением и Якутии (вопреки принятому сейчас официальному районированию). Это представляется совершенно правильным. Отнесение Якутии — этой «самой континентальной» части Сибири — к «самому океаническому» району нашей страны — Дальнему Востоку было обусловлено лишь условиями удобства планирования и управления и вызвало справедливые возражения географов. Особенно оправдан «возврат» Якутии в состав Восточной Сибири в контексте того историко-географического анализа, который проведен в книге.

Главными линиями исследования В. В. Воробьева являются: рассмотрение взаимоотношений аборигенного и пришлого населения (и в связи с этим судеб коренных сибирских народов); анализ соотношения на разных этапах в общем увеличении населения миграционного притока, с одной стороны, и естественного прироста — с другой; выявление региональных особенностей процессов формирования населения. Последняя линия дала повод наметить (в главах II и III) специальные схемы районирования, сделанного в соответствии с характером географии населения в определенные исторические периоды, и наметить в этих главах как бы серии небольших региональных очерков о ходе формирования населения, что намного повышает предметность всей монографии.

Попутно затрагивается много более частных вопросов (например, о последствиях для роста населения ссылки; здесь автор приходит к правильному выводу о весьма малом ее значении). По соображениям экономии места нет возможности даже перечислить эти попутные с точки зрения всего замысла книги сюжеты.

В. В. Воробьев поддерживает позицию исследователей, оспаривающих бытующие представления о «вымирании» коренных народов Восточной Сибири в дореволюцион-

¹ Этот материал автор частично осветил в небольшом разделе «Железная дорога и ее влияние на рост населения», III гл.

ное время. Он полагает, что собранные им статистические данные «решительно опровергают теорию массового вымирания инородцев... Факт уменьшения численности отдельных этнографических групп беспорочен» (стр. 196), но Воробьев показывает, что нередко это было связано с передвижками части коренного населения, отдельных народов или этнографических групп. При низком в целом приросте численности коренных народов между ними в отношении естественного прироста велики были различия. Устойчивее всего оказался прирост (правда с современной точки зрения — невысокий) у якутов и бурятов, быстро перенявших у русских более передовые (по тем временам и в тех условиях) приемы ведения хозяйства. Неустойчивое положение было характерно для народов, обитавших в лесотундре и тундре; здесь частыми были голодовки. Знаменательно, например, что численность юкагиров с XVII по XIX в. сократилась с 5 до 1,5 тыс. чел. (стр. 100). Таким образом, автор полемизирует с «теорией вымирания» лишь по отношению к нерусскому населению Восточной Сибири в целом. Среднегодовой его прирост он исчисляет для XVIII — первой половины XIX в. в 8,8—8,9 для 1860—1897 гг. в 6,3 человек на 1000 жителей; такой низкий средний уровень прироста помогает понять, почему для отдельных периодов и этнических общностей налицо бывала и абсолютная убыль (стр. 195 и др.).

Для анализа взаимовлияний аборигенов и русских переселенцев, помимо статистических и ведомственных материалов широко использованы труды многих видных этнографов: И. С. Гурвича, С. А. Токарева, Л. П. Потапова, С. К. Патканова и др., а также описания многих ученых.

Думается, что полемизируя со сторонниками «теории вымирания» В. В. Воробьев мог бы подробнее написать о последствиях нарушения традиционных форм хозяйства малых сибирских народов (особенно в тундре), проявившегося с особой силой по мере проникновения эксплуататорских капиталистических отношений в отдаленные уголки Сибири. Кризис этот был преодолен лишь после победы социалистической революции.

Большую ценность представляет детальный исторический анализ естественного движения русского населения. Так как у нас есть достаточно надежные данные об общей его динамике, выяснение темпов естественного прироста на разных этапах позволяет сделать важные уточнения объема миграционного притока. Анализ динамики естественного движения населения на протяжении всего исследованного периода стал как бы вставным историко-демографическим этюдом. Для выявления показателей рождаемости и смертности русского населения были подняты данные церковно-приходской статистики, установлены различные поправочные коэффициенты на недоучет и т. п. Это «вставное исследование» подтвердило установленную еще В. К. Яценским существенную закономерность повышенного естественного прироста населения на колонизируемых окраинах, что заставляет осторожнее оценивать механический приток на них переселенцев². Интересно заметить, что концепцию эту недавно для Западной Сибири убедительно развил омский историк А. Д. Колесников³; сейчас к тем же выводам на материале Восточной Сибири пришел В. В. Воробьев.

В период первоначального заселения русскими Восточной Сибири, в XVII в., механический приток, естественно, был основным источником увеличения здесь численности русского населения («от нуля» до примерно 165 тыс. человек). Положение существенно меняется в XVIII в.: теперь уже 60—75% общего увеличения русского населения приходится на естественный прирост. В первой половине XIX в. доля эта поднимается до 65—78%. В 1860—1897 гг., несмотря на возросшую с отменой крепостного права подвижность крестьян, дававших основную массу переселенцев, миграции были источником лишь 1/3 прироста населения, и даже в период наибольшего подъема переселенческого движения — в 1897—1917 гг.⁴ только 42% (стр. 251—253). Обоснование этих цифр — важная сторона монографии Воробьева.

Не меньшее значение имеет и то, что для каждого исторического этапа автор выделил регионы с характерными особенностями формирования населения (соотношение численности нерусского и русского населения, темпы прироста того и другого, черты расселения, специфика занятий и т. п.).

Перед нами фундаментальный историко-демографический труд. Автор поднял огромный статистический, ведомственный и литературный материал (более 1000 названий); при этом он умело использовал уже имеющиеся обзорные работы (которых оказалось немало); таким образом, с историографической стороны рецензируемая книга —

² См. В. К. Яценский, Роль миграций и высокого естественного прироста населения в заселении колонизовавшихся районов России. «Историческая география России», «Вопросы географии», сб. 83, М., 1970.

³ А. Д. Колесников, Темпы и источники роста населения Западной Сибири в XVIII—XIX вв., в кн. «Освоение Сибири в эпоху феодализма», Новосибирск, 1968.

⁴ Одним из достоинств книги является то, что в ней обстоятельно использована перепись 1917 г., мимо которой исследователи часто проходили (редкое исключение — работа Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузана, Т. Ф. Кузьмина «О численности и составе населения России накануне Великой Октябрьской социалистической революции» — «Исторический архив», 1962, № 5, стр. 71), ограничиваясь данными на 1913 г. Эта перепись (сельскохозяйственная, но дающая и широкие демографические сведения) на территории Восточной Сибири была проведена обстоятельно и данные ее надежны.

«сводка сводок», что повышает ее обобщающее значение. Кроме того, очень ценно также, что В. В. Воробьев ввел в работу не публиковавшиеся ранее архивные материалы. Чаще всего архивные материалы, например церковноприходского учета, привлекаются для уточнения уровня рождаемости и смертности.

В большой работе неизбежны отдельные огрехи, но в рецензируемой книге их немало. Обычно это скорее редакционные погрешности или описки. Например, на стр. 99 текст сформулирован так, словно автор недостаточно четко различает собирательское и охотничье хозяйство. На стр. 62 приведены следующие цифры: рождаемость 50,6‰, смертность 38,0‰, естественный прирост 14,6‰. Очевидно, что это невозможное сочетание, в одну из этих цифр вкралась описка или опечатка. Рецензент огорчился, увидев в сноске на стр. 167 неправильное название своей книги «Переселение в Сибирь» вместо «Заселение Сибири» (в других местах ссылки на нее даны правильно). Но нет смысла останавливаться на подобных мелочах.

Книга В. В. Воробьева — ценный подарок историкам, демографам, этнографам, географам, и, конечно, сибироведам всех специальностей. Обидно, что широкое использование ее, возможно, будет затруднено из-за малого тиража: всего 1200 экз. Ведь это значит, что, если книга будет распространяться только среди жителей Восточной Сибири, приобрести ее сможет лишь один сибиряк из восьми тысяч!

В. В. Покишиевский

Быт и искусство русского населения Восточной Сибири, ч. II — Забайкалье. Новосибирск, 1975, 149 стр., прилож.

Рецензируемая работа, опубликованная Сибирским отделением издательства «Наука», вторая часть двухтомника «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири»¹.

Изучению локальных групп русского населения в настоящее время уделяется все большее внимание. Сложные вопросы формирования культуры русского народа, переселившегося в Сибирь из различных губерний Европейской части страны, решаются совместными усилиями специалистов научных учреждений Москвы и Новосибирска. В создании рецензируемой книги приняли участие научные сотрудники Института этнографии АН СССР, Института истории искусств Министерства культуры СССР, и Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.

Книга «Забайкалье» как и «Приангарье» написана, в основном, на полевых материалах, собранных в конце 50-х — начале 60-х гг. в Бурятской АССР и Читинской области.

Особенность и несомненные достоинства книги заключаются в том, что затронутые в ней проблемы рассмотрены в широкой исторической перспективе: от первых поселений человека до современности. Комплексное изучение региона археологами, этнографами, историками, фольклористами, искусствоведами и музыковедами дало возможность осветить различные стороны культуры и быта населения.

Книга открывается статьей крупнейшего знатока палеолита Сибири академика А. П. Окладникова «Древнее Забайкалье». Автор живо и ярко пишет о своеобразных природных условиях долины р. Селенги, благоприятствовавших раннему заселению этой местности человеком. На обширном археологическом материале прослеживаются черты, роднящие культуру древних насельников Забайкалья с племенами Центральной и Средней Азии, Урала. «Забайкалье, — заключает автор, — на протяжении тысячелетий было поэтому местом, где причудливо скрещивались и находились в сложном взаимодействии в корне различные по происхождению племена и народы, в том числе не только сибирские и центральноазиатские, но и дальневосточные» (стр. 7).

Сложность путей формирования местного населения и его широкие контакты с другими народами прослеживаются и при описании культуры русских сибиряков.

И. В. Власова на основе литературных и архивных источников показывает процесс заселения края русскими. В конце XVII — начале XVIII в. здесь появились военные-служилые люди, а вслед за ними принудительные и добровольные поселенцы. В середине XVIII в. в Забайкалье были сосланы семьи старообрядцев («семейские») из западных губерний страны. В результате этих переселений к концу XVIII в. сложились две основные группы русских старожилов — «семейские» и «сибиряки» и среди последних забайкальские казаки. Автор показывает, что возникновение на раннем этапе селений «военного характера» (станицы, слободы), а затем земледельческого (села, деревни и пр.) было связано с историей заселения края. Села и деревни располагались обычно вблизи удобных для пахоты земель, что обусловило неравномерную плотность заселения территории. Размеры поселений и их тип зависели от форм землепользования и общественных отношений.

Однако одним выяснением путей заселения и особенностей формирования населения невозможно ответить на вопросы об истоках народной культуры и ее развития.

¹ Первая часть двухтомника — «Приангарье» издана также в Новосибирске в 1971 г.

Для этого необходимо кропотливое этнографическое исследование жилища, одежды, поэтического и музыкального творчества сибиряков, что и сделано в других статьях настоящего сборника.

В статье И. В. Маковецкого «Архитектура русского народного жилища Забайкалья»

убедительно показано, что строительство домов велось здесь в традициях лесной полосы Европейской части России, но с использованием ценных местных пород деревьев (влагостойкие лиственница и пихта шли на нижние венцы и кровлю, гладкая древесина кедра употреблялась для оформления избы, ворот). Обращает на себя внимание наличие также и южнорусских традиций, которые прослеживаются в расположении дома по отношению к улице и, в особенности, в застройке усадьбы. Автор собрал большой материал о местном жилище русских и проследил его эволюцию. Статья богато иллюстрирована прекрасно выполненными чертежами, рисунками, photographиями.

Г. С. Маслова в статье «Русская народная одежда Забайкалья» дает сравнительный анализ костюма каждой этнографической группы местного русского населения. Эту статью можно считать основной в сборнике, как по богатству представленного в ней материала, так и по глубине его историко-этнографического анализа. Автор рассматривает одежду с учетом занятий населения, его быта и связей с соседними народами. Особое внимание, как и в других статьях сборника, уделено «семейским». Показано большое сходство костюма на всей территории их расселения от Байкала до Амура, общие черты одежды «семейских» и родственных им групп старообрядцев Западной Сибири: «поляков» и «каменщиков». Вместе с тем, на основании тщательного анализа деталей костюма автор выделяет две подгруппы «семейских»: первую, расселенную в Бурятии, вторую — в Читинской области, по реке Чикой.

Очень интересна попытка автора использовать обширные материалы историко-этнографического атласа «Русские» в качестве этнографического определителя компонентов, легших в основу культуры русских сибиряков. Известно, что в формировании этой группы принимали участие представители многих губерний России. Диалектологи определяют говор сибиряков как северорусский в основе, с элементами южнорусского. Анализ, проведенный Г. С. Масловой, позволяет назвать конкретные северорусские губернии, а также некоторые южнорусские, характерные элементы костюма жителей которых отмечены в одежде сибиряков. Опыт такого анализа, несомненно, необходимо использовать и в дальнейшем при изучении этногенеза русского населения Сибири.

В статье А. А. Лебедевой «Семья и семейный быт русских Забайкалья» в основном освещен семейный строй «семейских» до революции и показаны изменения, произошедшие за годы Советской власти в среде старообрядцев, быт которых еще недавно отличался консерватизмом. Автор осветила широкий круг вопросов, связанных с изучением семьи, удачно сочетая свои полевые наблюдения с рассмотрением архивных материалов. Необходимо указать, что семейный быт русских Забайкалья ранее почти не изучался.

Н. С. Полищук в статье «Быт и культура семейских Забайкалья» показывает консерватизм и фанатическую приверженность этого населения к старине в прошлом и сложный процесс перестройки их быта после Великой Октябрьской социалистической революции. В статье широко освещается деятельность сельских клубов и Домов культуры, вскрыты и некоторые недостатки в их работе. Очень интересны материалы о новых советских праздниках.

Ряд статей сборника посвящен проблемам искусства.

В селах Забайкалья приобретена коллекция образов расписной утвари и одежды (конца XIX — начала XX в.) для Государственного Исторического музея. Описание этой коллекции дается в статье М. Г. Тарусской.

Несколько статей посвящены поэтическому и музыкальному фольклору. Н. И. Савушкина рассматривает современное состояние народного творчества, характеризует собранный во время экспедиции текстовой материал, показывает судьбу традиционного фольклора старожилов Забайкалья в советское время. Автор приходит к выводу, что народное творчество русских Забайкалья сформировалось на базе общерусского искусства. В статье прослеживается репертуар различных возрастных групп, а также показывается, когда и где исполняются песни различных жанров.

Статью Н. И. Савушкиной удачно дополняет работа Н. М. Владыкиной-Бачинской «Народное песенное творчество забайкальских семейских». Автор дает в ней анализ песенного репертуара семейских и приводит 15 полных записей песен различных жанров. На основе собранных материалов, она приходит к выводу, что среди забайкальских семейских господствуют традиции хоровой многоголосной протяжной песни, которой владеют все возрастные группы взрослого населения — как мужчины, так и женщины. В статье показано поразительное богатство и разнообразие творческих приемов народного многоголосия. В заключение автор отмечает, что песенная культура забайкальских семейских «вполне жизнеспособна, находится в цветущем состоянии, веками накопленные эстетические ценности бережно хранятся народом» (стр. 143).

Завершает сборник небольшая статья «Русские народные пляски Забайкалья», рассказывающая о бытовании песенно-танцевального фольклора среди различных возрастных групп. Интересно, что все упомянутые в статье пляски сюжетны, исполняются под песню и обыгрывают ее содержание. Названия танцев: «Коза и медведь», «Ловля ерша», «Зять и теща» указывают на их традиционность.

Сборник разносторонне отражает быт русского населения Забайкалья, его материальную и духовную культуру. В ряду этнографических публикаций это издание выделяется широтой тематики. Комплексное изучение народного быта, зодчества, музыкально-поэтического творчества способствует выявлению общих черт культуры этой ветви русского народа, сложной по формированию и разнообразию этнических связей. Приведенные в сборнике материалы позволяют сделать вывод о северорусской основе культуры семейских, с заметным влиянием южнорусских традиций. Они также свидетельствуют о взаимовлиянии русских и соседних сибирских народов. К сожалению, в большинстве статей авторы дают описательный материал по тому или иному аспекту культуры русских Забайкалья. Отсутствуют сравнительные данные даже с культурой русских Приангарья, которым была посвящена первая книга двухтомника. Возможно, это объясняется характером издания: в научный обиход введен новый материал, представляющий собой самостоятельную научную и художественную ценность.

Сборник является значительным вкладом в изучение культуры русского народа. Его ценность увеличивают хорошо выполненные иллюстрации, сопровождающие статьи и помещенные в приложения, а также тексты песен и нотные записи. Сборник, несомненно, будет интересен не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

В. А. Липинская, А. В. Сафьянова

Ю. В. Попович. Молдавские новогодние праздники (XIX — начало XX в.). Кишинев, 1974, 183 стр.

Работа Ю. В. Поповича посвящена изучению одной из существенных составных частей духовной культуры молдавского народа в XIX и начале XX в. — новогодней календарной обрядности. Новогодние обычаи и обряды молдаван входят в круг исследований по календарной обрядности народов мира, изучаемой советскими этнографами.

Автор поставил перед собой задачу определить этапы развития новогодних обрядов, бытовавших в период от наиболее древних времен до начала XX в., а также исследовать различные этнические компоненты этих обрядов, что чрезвычайно важно для освещения проблемы этногенеза молдаван.

Работа основана на исследованиях и описаниях молдавских календарных обрядов, по времени предшествующих работе автора, и главным образом на полевых этнографических материалах, собранных Ю. В. Поповичем в различных районах Молдавской ССР и прилегающих районах Украины, где также живут молдаване. В работе Ю. В. Поповича использована и критически осмыслена литература по молдавской календарной обрядности; вне поля его зрения не остались и труды по календарной обрядности соседних народов. Автор с вниманием отнесся к работам советских исследователей, внесших большой вклад в теорию трудового происхождения праздников и обрядов.

Интересна и важна первая глава «Начало года в календаре молдаван», посвященная истории молдавского календаря. В ней устанавливается три времени начала года на территории Молдавии: с древнейших времен до возникновения Молдавского феодального государства новый год начинался в марте; с XV в. — в январе; с XVII в. — в сентябре (в канцелярии) и январе (в быту); в первой половине XVIII в. — в январе (в летописях и в быту), в сентябре (в канцелярии и летописях); с 70-х годов XVIII в. — в январе (и в канцелярии и в быту). Некоторые сомнения вызывает категоричность утверждения о существовании мартовского нового года в Молдавии (стр. 17). В наиболее ранних описаниях путешественников упоминания о мартовском новом годе у молдаван отсутствуют. Смысловое же, а не лексическое совпадение названий весенних месяцев у молдаван и славян (например, месяц флорар) дает основания только для некоторых предположений об идентичности срока начала года у того или другого народа.

Особый интерес представляет вторая глава «Новогодние обычаи и обряды», занимающая большую часть работы (стр. 27—105). В основу членения этого раздела легли компоненты молдавской новогодней обрядности. Здесь тщательно описана и подвергнута детальному исследованию последовательность новогодних обрядов. Обряд ритуальной пахоты и посева и обычаи «соркова», направленные на увеличение плодородия; обычаи, отражающие веру в способность растений исцелять людей и скот, обеспечить высокий урожай и освободить от «нечистей»; особый ритуал новогодней трапезы и обряд «первого посетителя»; драматизированные представления, связанные с культом плодородия, которые должны были, по поверьям, обеспечить богатый урожай и благополучие на весь год, — составляют яркую и сложную картину новогодних обычаев у молдаван. Остановимся на некоторых из них.

Обрядовые действия с плугом и поздравления хозяев — один из основных новогодних обычаев. Метод изучения его (как, впрочем, и других обрядов) Ю. В. Поповичем имеет ряд достоинств. Автор связал текст поздравлений, рассматривавшийся до сих

пор самостоятельно, с ритуалом обрядовых действий, т. е. осветил обряд в целом. Весьма ценно также и то, что по элементам обряда восстанавливаются черты обществено-экономических отношений, характерных для того времени, когда эти элементы обрядности возникли. Например, обряд проведения борозды вокруг всего села указывает на существование общины; обращение к главе семьи, хозяину дома — на проникновение в семейную общину начал частной собственности (стр. 48, 49). Положительно следует оценить стремление поставить молдавский обряд с плугом в ряд аналогичных ритуальных действий других народов — болгар, украинцев, русских, румын. Правильным представляется и то, что истоки этого молдавского обряда автор, опираясь на работы своих предшественников, ищет в древних обрядах фракийских племен.

Хотелось бы, однако, сделать некоторые критические замечания по этому разделу работы. Вряд ли есть основания утверждать, что обряды «хождения с плугом», «оранка» и т. п., засвидетельствованные не только на правом берегу, но и на левобережье Днепра (на Черниговщине) «ведут свое происхождение от духовной культуры фракийцев и соседствовавших народов» (стр. 54). Обряд с плугом (кстати, распространенный во всяком случае в XVI—XVII вв. и у русских, см. стр. 59) следует отнести к числу обрядов, характерных для сельскохозяйственных народов вообще. Возводить его к какому-либо одному, хотя бы крупному этносу, можно, как кажется, лишь при совпадении всех или же основных элементов обрядности. Думается, что искать его истоки во фракийской среде можно применительно к болгарам, румынам и молдаванам, так как главные элементы ритуала у этих народов совпадают с фракийским ритуалом, и этническая связь этих трех народов с фракийцами бесспорна. Истоки же украинского обряда нет достаточных оснований искать во фракийской духовной жизни.

Хотелось бы, чтобы данные о распространении современных (рис. 3) и древних (рис. 4) названий обычая с плугом были бы сопоставлены с имеющимися картографированными материалами о древнейших поселениях молдаван. Такой анализ был бы нужен для подтверждения выводов Ю. В. Поповича; он мог бы иметь значение и для выводов П. Бырни о молдавских поселениях средневекового времени.

Красочно описан обряд «соркова» (стр. 58—64), заключающийся в поздравлении и пожелании благополучия в новоегоднее утро, высказываемых детьми. В ритуал обязательно входили легкие удары поздравляющих «цветущими ветками», перевитыми красной нитью, которыми дети сопровождали свои поздравления. Соприкосновение с цветущей ветвью должно передать человеку (или скоту) силу, плодovitость, красоту, благополучие и т. п.

Думаю, что автор прав, полагая, что аналогию обряда «соркова» нельзя искать в римском ритуале (стр. 61). Однако сомнительно, чтобы истоки обряда можно было бы вывести, как утверждает автор, из древнегреческого ритуала. Речь, видимо, идет о греческом празднике в честь Диониса — об антестериях, точнее — о втором дне этого праздника — дне «хоес». В этом общегреческом празднике, наиболее ярко отмечавшемся в Афинах, особая роль была отведена детям. Украшенные цветами, с ветвями в руках, они принимали участие в сценах, изображающих прибытие бога Диониса, символизирующих воскрешение бога природы после зимних холодов. Поразительны совпадения в деталях ритуала антестерий и «соркова», отмеченные автором (стр. 62). Однако картографирование обряда «соркова» заставляет задуматься над эллинизацией трактовкой его происхождения. Обряд распространен по всей Болгарии, в южных районах Румынии (главным образом в Валахии), в северо-восточной Греции, в отдельных районах Сербии и Албании. Бросается в глаза, что он отсутствует в тех районах Юго-Восточной Европы, где скорее всего можно было бы ожидать сохранения древнегреческого обряда (например, он отсутствует в центральной Греции и на Пелопоннесе, где современные греки более чем какой-либо иной народ сохранили элементы античной культуры). Наоборот, его присутствие отмечается во всей Болгарии, которая в античное время отнюдь не вся была эллинизована, а появление древнегреческого ритуала у молдаван и румын Валахии еще более необъяснимо. Предположение Ю. В. Поповича, что появление обычая «соркова» у восточных романцев относится ко времени совместного жительства гето-даков и славян в Мезии (стр. 63), также не отвечает на вопрос, каким образом он мог появиться и устойчиво сохраняться у них долгие столетия: жители Мезии никак нельзя отнести к числу глубоко эллинизованных народностей Римской империи. Все эти вопросы отпадают, если вспомнить, что родиной культа Диониса была, как теперь это признается почти всеми исследователями, Фракия. Обряд на празднике антестерий, аналогичный «соркове», возник и имел глубокие корни в религии фракийцев и именно в религии их южной ветви. Современные болгарские земли, заселенные в древности южнофракийскими племенами, оказались эпицентром, откуда культ Диониса фракийского распространился на соседние области Европы. Длительное сохранение отдельных элементов культа Диониса на соседних с бывшей Фракией землях — в Сербии, северо-восточной Греции, Албании и Румынии — может быть объяснено интенсивностью и жизненностью культа Диониса во Фракии. Короче говоря, истоки обряда «соркова» у молдаван больше оснований видеть во фракийском культе умирающего и возрождающегося божества, чем в древнегреческом.

Очень содержателен раздел «Культ плодородия в драматизированных представлениях» (стр. 81—105). Этнографический материал, полученный в результате экспедици-

онной работы, дал автору возможность составить подробное описание и дать анализ генезиса культов быка, козы и лошади.

Большой интерес для этнографической науки представляет и глава третья — «Праздник крэчун» (стр. 106—149). Автор вводит в научный оборот новый материал об этом празднике. Глава содержит также много данных для изучения взаимосвязей и борьбы язычества и христианства и для истории последнего. Ю. В. Попович указывает на древние, дохристианские корни праздника «крэчун», интерпретируя его как праздник зимнего солнцеворота, знаменующий собой начало трудового цикла. Закалывание свины накануне праздника, зажигание огней, ритуальная рождественская пища и обряд почитания мертвых составляют основные звенья этого празднества. Обоснованным представляется раздел, посвященный разбору самого термина «крэчун» и утверждение о его славянском происхождении (стр. 143—145). Специально отмечаются автором общеславянские и особенно южнославянские элементы ритуала в празднике.

По последней главе работы можно сделать замечания, касающиеся методики исследования обрядности. Трудно уловить, в каких случаях совпадения молдавского ритуала с обрядностью иных народов Ю. В. Попович объясняет сходством уровня социально-экономического развития, в каких — этногенетическими процессами, а в каких — культурными заимствованиями. Что служит или может служить критерием для этих очень важных для этнографической науки выводов? Этнографы, занимающиеся духовной культурой, знают, сколь труден этот вопрос. Критерии для суждений по нему окончательно еще не выработаны. Было бы желательно, если бы этот вопрос был поставлен на материале по календарной обрядности молдаван. Действительно, почему, с одной стороны, совпадения в ритуале, относящемся к культу козы и быка у древнебалканских народов и молдаван, дают повод для утверждения о большом удельном весе древнебалканских элементов в духовной культуре и этногенезе молдаван (стр. 94, 100), а с другой стороны, совпадения, например, в культе свины у молдаван со сходными обрядами у греков (тесмофории) и римлян (сатурналии) объясняются только сходством социально-экономических отношений, культурное же влияние греческой и римской религий на религию народов Европы в данном случае категорически отрицается (стр. 112—113)? Думается, что тщательное сопоставление отдельных мелких и специфических деталей ритуала могло бы дать основания для более широких выводов, касающихся генезиса молдавских обрядов. Такое сопоставление могло бы указать, в каком случае речь может идти о традиционном заимствовании ритуала (в силу этнических или культурных связей), в каком — о совпадениях, вызванных сходными, но независимыми процессами развития разных народов.

Книга Ю. В. Поповича вводит в научный оборот очень важные данные по новогодней обрядности молдаван, на основе которых делаются выводы о традиционной духовной культуре народа, в которой нашли отражение процессы адаптации, а также взаимосвязи и взаимовлияния, имевшие место между фракийцами, римлянами и древними славянами.

Следует отметить умение автора подчеркнуть сохранение в календарной обрядности народных традиций, рассматривать ее как форму коллективного общения и удовлетворения эмоциональных и этических потребностей народа.

Т. Д. Златковская

Литературные памятники. Добрыня Никитич и Алеша Попович. Издание подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. Отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1974, 474 стр.

Издаваемая Академией наук СССР серия «Литературные памятники» обогатилась новой книгой. Выпущен впервые отдельным изданием один из древнейших циклов русских былин — о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче.

Общеизвестно, что публикация фольклора, и в частности русских былин, имеет у нас уже давние традиции. Можно сказать, что былины прочно вошли как обязательный компонент также в серийные издания, имеющие своей задачей дать читателю представление о русской поэзии в целом (например, в большую и в малую серии «Библиотеки поэта»), не говоря уже о хрестоматиях.

Публиковались былины и в серии «Литературные памятники» (особенно если учесть, что, по мнению некоторых исследователей, она продолжает серию «Памятники мировой литературы», предпринятую еще издательством М. и С. Сабашниковых)¹; эта традиция насчитывает уже значительно более полувека. Еще до Октябрьской революции один из корифеев русской фольклористики М. Н. Сперанский опубликовал в серии «Памятники мировой литературы» первый том «Былин», хорошо принятый широкими кругами читателей². Почти через 40 лет А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов под-

¹ С. В. Белов, Книгоиздатель Сабашниковы, М., 1974, стр. 103.

² «Былины под редакцией М. Н. Сперанского». Издание М. и С. Сабашниковых, т. I, 1916; т. II, 1919.

готовили и издали под редакцией Д. С. Лихачева в той же серии знаменитый сборник Кирши Данилова³. Тогда же А. М. Астахова подготовила и издала впервые отдельной книгой цикл былин об Илье Муромце⁴.

Рецензируемый сборник, таким образом, является в этой серии четвертой (или даже пятой, если учесть, что М. Н. Сперанский опубликовал два тома) книгой, посвященной былинам. Составители издания учли богатый опыт публикации былин, ориентируясь (как они сами говорят на стр. 360) более всего на те принципы публикации, которые были применены А. М. Астаховой при издании упомянутого уже нами цикла былин об Илье Муромце. Недаром и труд свой они посвятили светлой памяти этой неутомимой исследовательницы былин.

В книге представлены все эпические сюжеты, главными героями которых являются Добрыня Никитич и Алеша Попович. В ней 88 былин. В том числе 34 о Добрыне Никитиче (из них 11 — о борьбе Добрыни со змеем, 5 — о Добрыне и Маринке, 5 — о Добрыне и Василие Казимировиче, 6 — о Добрыне и Дунае, 2 — о молодости Добрыни и его бое с Ильей Муромцем и др.), 23 былины об Алеше Поповиче (из них 6 о борьбе его с Тугарином, 6 — различные варианты сюжета о сестре Петровицей-Збродовицей, 5 — «Алеша Попович», 1 — «Змей Тугарин и княгиня Омелфа», 1 — «Илья и Идолище» и др.) и 31 былина о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче (из них 11 — «Добрыня и Алеша», 5 — «Добрыня в отъезде», 4 — о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича, 1 — «Добрыня чудь покорил», 1 — «Добрыня возвращается со службы», 4 — о сватовстве иноземного царя или богатыря к родственнице князя Владимира и др.). Выделение этих трех крупных циклов обусловлено справедливым, на наш взгляд, мнением составителей, что в пределах публикуемых ими текстов былины о Добрыне являются древнейшими, а былины об Алеше и об обоих богатырях вместе — относительно более поздними.

В сборник включены как полные тексты былин, так и сокращенные их варианты, а иногда — даже отрывки, представляющие самостоятельный интерес (например, № 57 — «Алеша Попович и Ярюк-богатырь»). При этом заметно стремление составителей представить в сборнике разные варианты текстов, записанные в различных районах бытования былин. В комментариях обращается внимание читателя как раз на местные особенности былин и на причины их появления. Вместе с тем составители избежали чрезмерного усложнения орфографии, попыток передать фонетические особенности исполнения былин, что неизбежно затруднило бы восприятие их читателем.

Тексты былин тщательно отобраны, многократно проверены и прокомментированы: они хорошо подготовлены к изданию, и сам факт научной публикации этого цикла былин весьма интересен и важен.

Но, пожалуй, не менее ценны и интересны приложения, составляющие около трети объема книги. Среди них — краткая, но чрезвычайно содержательная статья, в которой составители дают развернутую характеристику всего цикла былин о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, отдельных сюжетов, входящих в этот цикл, историю изучения былин, важнейших их публикаций, наконец — принципов построения настоящего издания.

Общеизвестно, что в отличие от других былинных героев Добрыня Никитич и Алеша Попович упоминаются русскими летописцами. В рецензируемой книге впервые сведены вместе и тщательно прокомментированы с учетом имеющихся исследований все летописные известия об обоих богатырях. В ней даны также 15 известных напевов былин о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче: приведены и снабжены комментариями ноты (эта работа проведена Б. М. Добровольским и В. В. Коргузаловым). Каждую из включенных в сборник былин составители снабдили подробными примечаниями. Интересен краткий словарь встречающихся в книге областных и старинных слов. Большую ценность имеют указатели исполнителей былин и районов, в которых записаны публикуемые тексты, а также указатель былинных сюжетов.

Книга снабжена тремя картами: две из них показывают распространенность определенных сюжетов («Алеша Попович и Тугарин», «Хотен Блудовица», «Алеша Попович и сестра Бродовицей»), на третьей нанесены районы, где были записаны тексты.

Как и большинство изданий серии «Литературные памятники», книга «Добрыня Никитич и Алеша Попович» снабжена тщательно подобранными иллюстрациями. Составители широко использовали летописные миниатюры, сопровождающие приведенные в приложениях тексты о Добрыне — дяде князя Владимира Святославича и об Александре Поповиче, а также сцены боев, полона, пира, свадьбы. Особое внимание уделено змеоборческим сюжетам в миниатюре и орнаменте, поскольку эти сюжеты занимают видное место и в тексте книги. Интересны лубочное изображение Алеши Поповича XVIII в. и современные росписи на темы о Добрыне Никитиче, которые свидетельствуют о неослабевающем интересе народных мастеров к былинам.

³ «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. Отв. редактор Д. С. Лихачев), М. — Л., 1958.

⁴ «Илья Муромец». Подготовка текста, статья и комментарии А. М. Астаховой, М. — Л., 1958.

Менее удачно подобраны изображения городов. Ростов показан современной фотографией, Великий Новгород — рисунком XVII в., Москва — одним из наименее достоверных ее изображений — планом-рисунком Герберштейна, Рязань — реконструкцией укреплений, выполненной художником Г. Б. Шукиным. Киева, занимающего в былинах такое большое место, среди иллюстраций нет вовсе, хотя имеется достаточное количество как древних его изображений, так и современных реконструкций.

Специалисты найдут, наверное, какие-нибудь мелкие ошибки и опечатки в опубликованных текстах, но в целом рецензируемая книга представляет большой интерес. Она чрезвычайно полезна как фольклористам, так и научным работникам, занимающимся смежными проблемами. Ею, несомненно, будут широко пользоваться также студенты-гуманитарии разных специальностей и просто любители старинной русской литературы и фольклора.

М. Г. Рабинович

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Chester S. Chard. *Northeast Asia in prehistory*. Madison, 1974, 214 p.

Рецензируемая книга написана Честером С. Чардом — известным американским специалистом по археологии Арктики и Субарктики. В поле зрения автора находится территория Сибири, преимущественно к востоку от Енисея, Монголия, Маньчжурия, Корея и Япония, а хронологически книга охватывает период от древнейших известных палеолитических памятников до первых веков нашей эры. Диапазон, таким образом, огромен, а объем книги невелик, что по необходимости придает ей в известной степени обзорно-конспективный характер.

Честер С. Чард проработал огромный литературный материал, в том числе на русском и японском языках, хотя в библиографию вошли в основном публикации на английском языке. Автор, очевидно, стремился создать более или менее популярное пособие для изучающих археологию, изложить по возможности объективно существующий фактический материал и лишь в ряде случаев дать свою личную интерпретацию. Книга такого широкого тематического охвата по этой проблематике выходит на английском языке впервые. Помимо нее в мировой литературе существует еще лишь относительно сходная по теме книга Леруа-Гурана¹.

В первой главе книги — «Северо-Восточная Азия в плейстоцене», достаточно полно охвачены опубликованные материалы. При этом автор постоянно ссылается на недостаточность имеющихся памятников для построения законченных концепций, на спорность и субъективность существующих интерпретаций. Рассматривая климатические условия Северной Азии в плейстоцене, Честер С. Чард пытается выделить районы, где человека быть не могло, и районы, где он мог существовать, хотя столь ранних следов его и не найдено. В книге высказано мнение, что полностью достоверных признаков человеческого обитания здесь древнее, чем 30 тыс. лет назад, пока не найдено. Автор упоминает, разумеется, считающиеся нижнепалеолитическими культуры Японии, находки советских археологов в Улалинке, Филимошках, в ряде пунктов Монголии, но считает, что датировка их может оказаться и гораздо более поздней. Верхнепалеолитические памятники Сибири описаны в книге достаточно подробно.

Азиатские палеолитические материалы рассматриваются в монографии под углом зрения их возможной связи с заселением Нового Света. Учитывая трудную проходимость Арктическо-Тихоокеанского водораздела, Честер С. Чард выделяет два пути возможного проникновения человека в Америку. Один — идет севернее этого водораздела, но он во все времена был доступен только для людей, приспособившихся к климату тундры, и представляет собой естественный выход для населения северных равнин Евразии; другой — идет из районов Нижнего Амура и более южных по берегам Охотского и Берингова морей, но этот путь был доступен для пеших охотников лишь в эпохи максимального понижения уровня моря. При современном уровне моря эти берега слишком обрывисты, а лежащие за прибрежными хребтами территории трудно проходимы.

Описывая верхнепалеолитические комплексы Японии, Честер С. Чард отмечает их малую информативность. Материал здесь обильнее, чем в Сибири, но он ограничен камнем и, в отличие от сибирского, не дает никакого представления об образе жизни людей, об их жилищах, типах стоянок, искусстве и вообще духовной жизни.

Хотя, как уже отмечалось, автор старается избегать привнесения в изложение собственных взглядов и концепций, они все-таки присутствуют в книге. Следует отметить,

¹ A. Leroi-Gourhan, *Archéologie du Pacifique Nord*, Paris, 1947.

в частности, стремление все особенности и изменения объяснять в основном миграциями и внешними влияниями. Так, возникновение техники наконечников на Хоккайдо объясняется «оринякойдской традицией», пришедшей из Европы через Сибирь. В Южной Японии, согласно Честеру С. Чарду господствовала технология продолговатых отщепов, возможно, проникавшая сюда из Юго-Восточной Азии.

Во второй главе — «Неолитическая Сибирь и ее соседи», подробно описаны основные неолитические культуры Сибири по материалам советских авторов. Культуры Маньчжурии, по Честеру С. Чарду, занимают промежуточное положение между культурами Северного Китая и советского Приморья, но резко отличаются от культур Внутренней Сибири и Монголии. Последние же две области образуют в эту эпоху явно выраженное культурное единство. Что касается Кореи, то в эпоху неолита она не представляла собой единой области: северо-восток ее был занят теми же культурами, что и Приморье; северо-запад в культурном отношении смыкался с Маньчжурией; центр представлял собой особый культурный ареал; юго-восток (район Пусана) был довольно тесно связан с Японией; юго-запад Кореи, где, очевидно, ранее всего возникло производящее хозяйство (земледелие), археологически не изучен. Таким образом, в неолите Корея отнюдь не была связующим звеном между материком и Японскими островами; между севером и югом Кореи, по Честеру С. Чарду, связи практически отсутствовали. Материковые влияния продолжали проникать в Северную Японию через Сахалин и Хоккайдо.

Четвертая глава книги — «Степи внутренней Азии» основана главным образом на советских источниках. Автор считает несомненным, что андроновская культура и вся полоса степей этой эпохи принадлежали племенам индо-иранской ветви индоевропейцев и высказывает мнение, что Карасукская культура развилась из андроновской, в связи с чем прежние взгляды, что она есть интрузия из района Ордоса, сильно проинзированная китайскими влияниями, решительно устарели.

Запоздание на несколько столетий перехода от бронзы к железу в сибирских степях по сравнению со Скифией Честер С. Чард объясняет высокими качествами алтайской бронзы, которую имело смысл менять лишь уже на высоко развитую железную технику. Подробно описаны в книге находки в Пазырыкских курганах, памятники тагарской и таштыкской культуры.

Рецензируемая книга довольно богато иллюстрирована, хотя, к сожалению, в ней мало карт и, главное, карты эти малоинформативны. В целом она ценна для англоязычной аудитории тем, что дает достаточно подробную и объективную сводку работ советских археологов в Монголии и Сибири. Для советского же читателя наибольший интерес, пожалуй, представляют третья и пятая главы — «Япония эпохи дзёмон» и «Япония в эпоху яёй и кофун», посвященные соответственно эпохам неолита и раннего металла. Развитие японского неолита (культур дзёмон) протекало, по мнению автора, в большой изоляции от материковых влияний и со значительной внутренней дивергенцией по мелким ареалам. Контакты с южной Кореей существовали уже в VII тыс. до н. э., но они не привели к связям с более отдаленными материковыми районами. Все-таки, учитывая характер субстратных черт в японском языке, возможность того, что Южная Япония была в какой-то мере затронута частью того же потока мигрантов, который освоил острова Океании, не исключена.

Хотя высокое развитие разнообразной керамики, обилие статуэток, наводящих на мысль о культе плодородия, находки крахмалистых лепешек истолковываются как свидетельства земледелия в среднем дзёмоне, Честер С. Чард считает, что скорее экономика этой эпохи была близка к типу «собирателей урожая», вроде индейцев Калифорнии, с большой ролью охоты и рыбной ловли. Но она обеспечивала высокую степень оседлости, разнообразие и высокий уровень ритуальной и художественной деятельности. Физический облик населения эпохи дзёмон, по новейшим данным, был ближе всего к айнскому типу, хотя и отличался довольно большим разнообразием в разных районах Японии. Рисование распространилось в Японии с появлением культуры яёй в V веке до н. э., но не исключено, что ячмень и суходольный рис могли возделываться кое-где подсечно-огневым методом и несколько раньше. Классические индикаторы позднего яёй — это бронзовые мечи, колокола и отчасти наконечники стрел, но некоторое количество ввозных железных орудий и оружия имелось и на начальном этапе этой культуры. Теперь можно считать установленным, что на всем протяжении бытования культуры яёй орудия труда делались либо из железа, либо (чаще) из камня, а из бронзы изготавливались преимущественно культово-церемониальные объекты.

Если при анализе палеолита Честер С. Чард охотнее всего прибегает к гипотезам порой весьма дальних миграций и влияний, то в анализе неолита он стремился прежде всего искать автохтонные корни в развитии и чередовании культур, проследить преемственность между ними. В особенности склонен он к такой позиции при разборе японского материала, и подход его к формированию культуры яёй очень своеобразен. По его мнению, по меньшей мере три важных элемента культуры яёй никак не могут быть выведены из дзёмона, хотя во многих других наследиях дзёмона удается проследить. Эти три элемента — железо (добавим — и металл, вообще), ткачество и культура риса. Но Честер С. Чард считает, что эти элементы могли просочиться в Японию из разных мест и независимо друг от друга и уже на японской почве слиться в единый сплав — культуру яёй, которая таким образом, предстает как «продукция японского производства», хотя и в значительной части из «импортных деталей». Нам пред-

ставляется, что все же ближе к истине традиционный взгляд о появлении культуры яёй в Японии как введенного единовременного цельного комплекса, наложившегося на местный субстрат. Впрочем, нельзя считать полностью исключенным, что ему могли предшествовать отдельные внешние влияния на культуры финального дзёмона (в частности, проникновение ткачества и рисосеяния предшествовало проникновению всего комплекса яёй как целого).

Что касается разбора курганной культуры (IV—VI вв. н. э.), уже непосредственно смыкающейся с эпохой начала писаной истории Японии, то здесь как заслугу Честера С. Чарда следует отметить его четкую оппозицию крайне миграционистским, но весьма широко распространенным концепциям, исходящим, прежде всего от Намио Эгами; согласно этим концепциям, курганная культура связана с новой волной миграций центральноазиатского происхождения. На деле в курганной культуре отразилось широкое распространение в то время по всему Дальнему Востоку элементов степной культуры (курганов, соколиной охоты, свистящих стрел и т. д.), никак не связанных с миграциями целых этнических групп.

В заключение своей работы Честер С. Чард подводит итог рассмотрению тенденций развития культуры в Северо-Восточной Азии в эпоху неолита и отчасти палеолита. Это скрещение в палеолите и развитие в неолите многих культурных традиций в Монголии и Сибири; преимущественно западные влияния на мир азиатских степей, через них достигнувшие и Китая; роль Кореи скорее как барьера, нежели моста между материком и Японией, долгое изолированное развитие Японии и вообще удивительно малая доля влияния нарождающегося очага китайской цивилизации на страны, лежащие к северу от него. «Великая Китайская Стена,— образно говорит Честер С. Чард,— кажется, существовала как резкая культурная граница и барьер задолго до того как она была построена» (стр. 208).

С. А. Арутюнов

Nari Rustomji. Enchanted frontier. Sikkim, Bhutan and India's North-Eastern borderlands. Calcutta, 1973, 333 p.

Число специальных публикаций по этнографии горных народов Восточной и Северо-Восточной Индии, а также Бутана относительно невелико. Объяснить это можно природными условиями и теми ограничениями, которые возникают в связи с особо важным стратегическим положением рассматриваемых провинций. Поэтому этнографические сведения, которые содержатся в отрывочных сообщениях прессы и публикациях неэтнографического характера, представляют известную ценность.

Работа Нари Рустомджи, крупного индийского государственного деятеля либерального направления (большая часть службы которого прошла на востоке страны), представляет особый интерес в ряду подобных публикаций. Не случайно его высказывания по этнографии Восточной Индии часто встречаются в работах других авторов¹.

Известно, что до второй мировой войны большая часть Восточной Индии находилась под так называемым косвенным управлением англичан: непосредственная административная власть на местах осуществлялась через традиционные общественные институты, причем сбор налогов и общерегиональные отношения контролировались аппаратом политического представителя, который назывался вице-королем Индии. Только в 1943 г., в связи с проникновением японских войск в район Манипура, английские власти были вынуждены ввести прямую колониальную администрацию в прифронтовых зонах.

Таким образом, к моменту провозглашения независимости Индии во многих восточных провинциях и Северо-Восточном пограничном агентстве (НЕФА) не существовало администрации, которая была бы в состоянии проводить в жизнь соответствующие решения центрального правительства. Более того, политика англичан, не раз применявших силу в отношении местных народов, способствовала подрыву доверия последних к деятельности любой стоящей над ними администрации. Если к этому добавить, что население районов, граничащих с Бирмой и Тибетом, этнически, антропологически и в культурном отношении существенно отличается от остального населения страны, то можно представить задачи и трудности на пути их решения, с которыми столкнулось правительство молодой республики.

Особенно важное значение приобрели задачи национального строительства, укрепления авторитета и власти центрального правительства Индии среди горных племен, обеспечения общей безопасности и безопасности границ, сохранения единства страны. Естественно, что в этих условиях этнография заняла одно из первых мест среди практически необходимых для администратора наук. «Эта наука,— подчеркивает автор,— имеет свои законы не в меньшей мере, чем техника или медицина, и изучение ее требует времени» (стр. 152).

¹ См. S. C. Kakati, *Discovery of Assam*, Calcutta, 1964; V. Elwin, *Philosophy for NEFA*. NEFA Publication, 1957; его же, *The tribal world*, Oxford, 1964.

Нари Рустомджи начал свою службу в восточных и северо-восточных провинциях с изучения местных языков, установления дружеских связей с вождями племен и союзных племен, изучения традиционных форм управления, местного права, обычаев и т. д. Вниманию к этим вопросам, по мнению автора, явилось важнейшим фактором, обеспечившим успех его деятельности.

Рустомджи упоминает в своей работе, что проблемы нацменьшинств в восточных районах Индии разрешались с учетом опыта других стран, в том числе Советского Союза. В этом направлении, как указывается в книге, очень много сделал видный государственный деятель Индии Т. Н. Кауль, который впоследствии был послом Индии в СССР.

В книге охватывается период с 1943 по 1962 г. В 17 главах последовательно описываются важнейшие события этого периода (военные действия в Ассаме, брожения среди племен нага и мизо, волнения в Манипуре и НЕФА), которые вызывали озабоченность индийского правительства. Завершается книга рассказом об индийско-китайском конфликте.

Описания людей, природы и событий весьма живы, а перемещения автора по службе позволяют читателям побывать вместе с ним в Сиккиме и Бутане, в Ассаме и НЕФА. Во всех разделах книги содержатся многочисленные материалы, представляющие интерес для этнографов. Это национальный состав и брачные обряды, настенные росписи и архитектура буддийских храмов, песни и танцы, ритуальные жертвоприношения, обычаи, связанные с приемом гостей, и т. д.

Мы встречаем много доказательств внимания автора к этим сюжетам в разных главах книги. Частный пример (стр. 136) позволяет продемонстрировать стремление автора понять человеческие поступки через конкретные действия.

Во время одного из праздников, на который были приглашены вожди различных племен, их родственники, а также правительственные чиновники, умерла молодая девушка племени иду. Из опасения, что этот трагический случай может послужить причиной волнений, было решено соблюсти все обряды иду, связанные с похоронами. Два дня были абсолютно потеряны. Иду постоянно консультировали чиновников, как лучше освободить дух умершей от воздействия злых сил, какие жертвы следует принести и как затем устроить поминки, танцы и т. п. В советах старейшин иду были значительные разногласия, никто ранее не задумывался о логике обряда, хотя ясна была его направленность. Эта иррациональность обрядовых действий и «рациональность» идеи — защиты от воздействия злых духов — хорошо подчеркнены и четко выражены автором.

Рустомджи описывает любопытные местные особенности восприятия различных символов. Так, в 1962 г. индийские власти издали плакаты, на которых были изображены индийский флаг и над ним две звезды. В связи с индо-китайским конфликтом эти звезды были истолкованы нага как бомбы, падающие на флаг. Плакаты пришлось снять (стр. 290). Были изданы новые плакаты, на которых изображались дракон, вепрь и другие чудовища; эти плакаты должны были пробудить неприязнь к противнику и поднять боевой дух. Однако местные племена восприняли их как изображение сильного чудовища (способного принимать любой облик), сопротивляться которому бессмысленно. Эти плакаты также пришлось уничтожить (стр. 191, 192).

По мнению Рустомджи, который долгое время был диваном (премьер-министром) Сиккима, национальные проблемы этого княжества во многом определялись тем, что его аборигенное население — тибето-бирманские племена лепча и бхутия — с трудом уживалось с более поздними пришельцами из Восточного Непала и непальцами из Северной Бенгалии. Считается, и этого мнения придерживается автор, что миграция непальцев-индунстов в буддийский Сикким всячески поощрялась английской администрацией. Непальское население Сиккима быстро увеличивалось за счет естественного прироста (при распространенной среди непальцев полигамии число детей в семье достигало 30). Менее чем за 100 лет бхутия², лепча и тибетцы превратились в национальные меньшинства. Около двух третей населения Сиккима в настоящее время непальцы. В отличие от Сиккима в Бутане непальцы составляют меньшинство и расселены в южных, пограничных с Индией районах. Внутренние районы Бутана остаются практически недоступными для иностранцев, в том числе и для индийцев. После второй мировой войны возникла идея создания федерации Гималайских государств в составе Непала, Сиккима и Бутана. Однако договоры этих государств с Индией и Китаем, заключенные в 50-х годах, а также опасения, что непальский элемент станет доминирующим во всем регионе, привели к тому, что идея федерации была отвергнута всеми сторонами.

Рустомджи показывает роль этнических факторов в политической истории этого района. Так, еще в 1930 г. англичане пытались создать постоянные военные посты у наиболее важных перевалов вдоль линии Мак-Магона³, которая была определена в 1914 г. представителями английского, тибетского и китайского правительств. Однако с началом второй мировой войны создание таких постов прекратилось. В начале 50-х го-

² Этнонимы «бхутия», «бхути», «бхоти» разными авторами трактуются по-разному. В индийских источниках термины «бхоти» и «бхутия» нередко означают вообще тибетцев.

³ Линия индо-тибетской границы; названа так по имени английского представителя на переговорах.

дов индийское правительство вернулось к этой проблеме. Как сообщает Рустомджи, районы южнее линии Мак-Магона (Монпа, Села и др.) были незаконно подчинены тибетским властям, которые «по баснословно низким ценам скупали здесь рис и другие продукты» (стр. 126). Население, в основном племена монпа, исповедовало буддизм. Тибетцы считали ряд долин в этом районе местами паломничества (здесь по традиции отмечались дни рождения шестого Далай ламы). Иными словами, граница между Тибетом и Индией, хотя и была отмечена естественными рубежами, в этническом отношении не поддавалась четкому размежеванию.

Интересны этнографические наблюдения автора в районе Алонг. Племена абор в этом районе разбиты на несколько кланов. Алонгские аборы отличаются от других распространённостью иолиандрии. При этом родители в некоторых случаях заключают брачные союзы своих детей еще до их рождения. «Никогда не забуду,— пишет Рустомджи,— девочку, которая несла за плечами корзинку со своим маленьким мужем, который опоздал с рождением на десять лет...» (стр. 128).

Описывая интерьер дома интеллигентного нага в городе Мококчунг, автор как бы рассказывает об истории края: «Стены украшены фотографиями родственников, портретами английской королевской семьи. Однако самой дорогой для хозяина является фотография, на которой он изображен рядом с грудой человеческих голов» (стр. 80). Среди старшего поколения нага охота за головами не считалась актом варварства. По традиционным представлениям, жизненная сила общины сохранялась в черепах. Неурожай и другие бедствия свидетельствовали о том, что жизненная сила общины иссякает и требует восполнения. Старейшины в таких случаях решали осуществить набег на соседние деревни, чтобы добыть как можно больше черепов, которые затем хранились как «запасы жизненной силы» (стр. 81). Черепа считались наиболее важным имуществом общины, тщательно охранялись во время войны, а приобретение черепов считалось актом «патриотизма и чести»⁴.

Индийская администрация долго не могла искоренить обычай охоты за головами в районе индо-бирманской границы. В одном из домов автор наблюдал «мирное соседство» фотографий человеческих голов с распятием и цветной репродукцией мадонны с младенцем (стр. 82).

Работа христианских миссий (в основном протестантских) в районах расселения нага привела к тому, что среди нага создалась довольно большая прослойка образованных людей. В то же время сохранились такие традиционные институты, как мужской дом (мерунг).

О роли миссионеров в жизни племен Восточной Индии автор упоминает многократно. Так, посетив округ Мизо, Рустомджи высоко оценил работу больницы и миссии Уэллских пресвитерианцев. Больница и миссия находятся на расстоянии трех дней пути от ближайшей железнодорожной станции. Когда миссионеры впервые прибыли в этот район, дорог здесь вообще не было, они были сооружены позднее на кооперативных началах крестьянами окрестных деревень. «Не удивительно,— пишет автор,— что работа нескольких поколений людей, преданных своему делу и с пониманием относящихся к нуждам племен, заслужила признание народа» (стр. 99). «Именно такой преданности делу требует работа государственных служащих, только так можно заслужить доверие населения»,— подчеркивает он. Здесь автор заметно идеализирует деятельность миссионеров. Возможно, его подкупает известная деловитость и преданность миссионеров своему делу, что не всегда характерно для чиновников. Однако нелишне отметить, что некоторые из этих «преданных делу людей» были высланы индийским правительством из страны за подрывные действия.

Важными и весьма интересными представляются описания исторически сложившихся отношений между буддистскими народами Сиккима и Бутана, непальскими индустами, христианами и анимистами нага.

Многое изменилось в административном устройстве восточных районов страны с момента публикации книги в 1973 г., а тем более по сравнению с периодом, который в ней освещен. На карте появились новые названия: бывшие горные районы Ассама — Кхаси, Джантия и Гаро — ныне выделены в особый штат Махалая («Убежище облаков»); НЕФА переименовано в штат Аруначал Прадеш, округ Мизо объявлен союзной территорией Мизорам, бывшие союзные территории Манипур и Трипура получили статус штатов Индийского Союза. Бывшее княжество Сикким вошло в состав Индии. Королевство Бутан принято в ООН.

Надо полагать, что эти перемены вызваны к жизни потребностями прогрессивного развития Индии и населяющих ее народов. Эти перемены соответствуют той реальной обстановке, которая сложилась в регионе.

К сожалению, книга Рустомджи не всегда дает всестороннее представление о тех процессах, которые автор наблюдал и на которые имел возможность воздействовать. Нередко повествование сводится к изложению мыслей, которые у него возникали по тому или иному поводу, причем сам повод часто затушевывается и отходит на задний план.

⁴ Рустомджи указывает в книге лишь на одну из главных причин бытования обычая «охоты за головами». Подробнее об этом см.: Г. Г. Стратанович, Добуддийские верования Западного и Центрального Индокитая, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. 36, М., 1962; Г. Неверман, Сыны Дехебая, М., 1968.

Благодаря большому опыту работы среди племен Восточной Индии, знакомству с литературой у Рустомджи сложилось собственное мнение о проблеме развития отсталых народов. Он считает, что важнейшим элементом деятельности, направленной на изменение условий жизни отсталых племен, является забота о сохранении ценностей прошлого, придании им звучания, соответствующего происходящим переменам.

Рустомджи осуждает рассуждения о «необходимости цивилизовать», «поднять уровень» и т. д. «Нельзя навязывать унифицированные представления и бюрократические навыки там, где чувство справедливости развито более, чем его можно навязывать законами». «Горцы говорят без опасений, мыслят свободно, нельзя навязывать им какие-либо „современные“ и „передовые“ идеи, которые совершенно не соответствуют условиям их жизни и ходу мыслей. Горцы более прямолинейны и свободны от печальных комплексов, навязанных населению городов искусственной, неестественной жизнью» (стр. 137).

Некоторые из выводов Рустомджи кажутся умозрительными, примером чему могут служить приведенные выше цитаты. В общем-то кажется парадоксальным, что человек, деятельность которого была сугубо практической, в некотором отношении выглядит теоретиком-идеалистом, а не практиком, хотя очевидно, что действия администратора не всегда совпадали с идеями, которые можно утверждать, исповедовать, но очень трудно применять.

Рустомджи скорее воспринял одну из теоретических концепций буржуазной этнологии, чем создал свою собственную, что характерно для правительственных чиновников, и поэтому его рассуждения вообще нельзя признать сильной стороной работы. Однако можно быть благодарным автору за предпринятый им труд, который вводит в научный оборот обширный материал по этнографии народов Восточной Индии.

С. И. Королев

НАРОДЫ АМЕРИКИ

James W. Van Stone. *Athapaskan adaptations: hunters and fishermen of the Subarctic forests*. Chicago, 1974, 145 p.

Рецензируемая работа «Адаптация атапасков: охотники и рыболовы субарктических лесов» — вторая книга Дж. Ван Стоуна, посвященная атапаскам. Первая вышла почти десятилетие назад. В ней анализировались изменения в хозяйстве, материальной и духовной культуре, а также социальной организации одной из групп атапасков — чайпевайев селения Сноудрифт на берегу Большого Невольничьего озера, — в результате европейского влияния¹.

Задачи рецензируемой монографии шире. По мысли ее автора, она должна быть введением в изучение этнографии северных атапасков, в котором характеризуются наиболее общие черты их культуры, оцениваются разные формы приспособления к различным физико-географическим районам Американской Субарктики. В книге Дж. Ван Стоуна делается упор на вопросы экологии, что вполне понятно, если учесть, что она была опубликована в издаваемой В. Гольдшмидтом серии «Миры человека: исследования культурной экологии». Надо, правда, сразу же отметить, что работе Дж. Ван Стоуна не свойствен жесткий и однозначный экологический детерминизм, который ощущается в некоторых других книгах той же серии, особенно в монографии Б. Меггера «Амазония: человек и культура в поддельном раю»². Напротив, в рецензируемом исследовании подчеркиваются творческие возможности северных атапасков, обеспечивающие многообразие форм приспособления к среде обитания.

Большое внимание автор уделяет и приспособлению северных атапасков к изменениям, вызванным европейской колонизацией и развитием меховой торговли.

Рецензируемая книга состоит из введения, 8 глав, приложения и библиографии. Основному тексту предпосланы два предисловия, первое — от редактора серии В. Гольдшмидта и второе, совсем краткое — от Дж. Ван Стоуна.

В обоих предисловиях подчеркнуто, что северные атапаски меньше известны европейцам, чем, например, эскимосы или индейцы прерий, поскольку их культура не поражала янки в такой же степени, как изощренная технология арктических охотников на морского зверя или воинственность конных охотников на бизона. Культуру атапасков отличала исключительная гибкость в использовании ресурсов многообразной по

¹ James W. Van Stone, *The changing culture of the Snowdrift Chipewyan*, «National Museum of Canada», Bul. 209, Ottawa, 1965. Рецензию Ю. П. Аверкиевой на эту книгу см.: «Сов. этнография», 1967, № 2.

² B. Meggers, *Man and culture in a counterfeit paradise*, Chicago, 1971.

своими природными условиями области их расселения. При этом не только технология, но и формы социальных связей атапасков варьировали от района к району, от сезона к сезону в соответствии с разнообразием природной среды. Это результат длительного приспособления к природным условиям Американской Субарктики.

Предполагается, что предки большой языковой семьи на-дене, куда входят и атапаски, переселились на Аляску из Азии через Берингов пролив к 10 тыс. до н. э., т. е. примерно к концу последнего ледникового периода на Севере Америки. По мере исчезновения ледника переселенцы распространялись на восток и на юг через нынешние территории Юкон и внутренние районы Британской Колумбии, достигнув в середине 5 тыс. до н. э. современного штата Вашингтон. К 700 г. до н. э. атапаски еще составляли единую группу, центр расселения которой находился на востоке центральной части Аляски. Позднее началось дробление этой единой этнической общности и к 1000 г. н. э. сформировалась группа так называемых тихоокеанских атапасков, а из тех, кто продвинулся дальше на юг, начали складываться группы апачей и навахов.

В последние столетия атапаски состояли из трех основных групп: северных, тихоокеанских и апачей (вместе с навахами), связанных между собой лишь языковым родством.

Предки атапасков, переселившиеся в Америку, жили сначала в тундре, довольно скоро сменявшейся северными лесами. Таким образом, они в течение тысячелетий адаптировались к природным условиям Субарктики. Как мы уже отмечали выше, анализ форм этой адаптации у северных атапасков, живущих в значительной мере там же, где обитали их далекие предки, и является основной темой и содержанием рецензируемой книги.

Автор убедительно обосновывает свой отказ от распространенного в прошлом среди исследователей деления северных атапасков на две группы, а именно, на атапасков арктического и тихоокеанского бассейнов. Дж. Ван Стоун отмечает, что это деление во многом опиралось на неверную оценку значения ловли рыбы (особенно лосося) в хозяйстве атапасков тихоокеанского бассейна. Позднейшие исследования показали, что не только у атапасков арктического бассейна, но и у атапасков тихоокеанского бассейна в хозяйстве велика роль охоты на различных сухопутных животных: оленей-карибу, американских оленей, горных баранов и др. Новая классификация учитывает все основные экологические различия между районами обитания атапасков и делит всю их территорию на пять частей: низменности арктического бассейна, Кордильеры, бассейны Юкона и Кукоквима, бассейн залива Кука и р. Суситна, бассейн р. Коппер.

В рецензируемой книге характеризуются природные особенности этих пяти физико-географических районов и их племенной состав. Автор делает вывод, что за последние 150 лет произошли значительные изменения во флоре и фауне зоны обитания северных атапасков.

В книге не только содержится большой материал о природном окружении атапасков, но и высказываются в этой связи некоторые интересные идеи. Интересна, хотя и дискуссионна мысль, что северных атапасков правильнее всего рассматривать как горный по своему происхождению народ, вышедцев из зоны Кордильер.

Требуют дополнительного исследования важные выводы Дж. Ван Стоуна о наличии у северных атапасков культурной и лингвистической непрерывности. Сходные соображения высказывают некоторые исследователи Новой Гвинеи. Дж. Ван Стоун предлагает в связи с этим обсудить, в какой мере к группам атапасков может быть применен термин племя, так как у всех групп северных атапасков нет иных самоназваний кроме термина дене — люди, нет племенной организации, слабо развито племенное сознание.

Нам все же кажется, что употребление по отношению к группам северных атапасков термина племя, как это сделано, например, в монографии Ю. П. Аверкиевой «Индийцы Северной Америки», вполне правомерно и что у атапасков так же, как и у их северных соседей эскимосов, существуют или существовали в прошлом племена как этнические общности. По всей вероятности, ослабление племенного самосознания и других черт, характерных для племени как этнической общности, связано с влиянием меховой торговли, приводящей к концентрации индейцев (а в равной мере и эскимосов) из разных племен вокруг торговых постов и забвению традиционных внутриплеменных связей.

Подробно освещены в книге хозяйство и типы расселения северных атапасков как факторы, обуславливающие их социальные институты. Особое внимание уделено формам хозяйственного приспособления к природным условиям пяти районов расселения атапасков. Заслуживают внимания соображения Дж. Ван Стоуна о том, что все северные атапаски в доколониальный период могут быть отнесены к одному из двух типов: ограниченно бродячему или бродячему с центральной базой.

К первому типу Дж. Ван Стоун относит большинство северных атапасков, а ко второму — тех, кто жил на больших реках Западной Аляски и на морском побережье, т. е. в местах, богатых пищевыми ресурсами, что позволяло вести более оседлый образ жизни. Правда, одновременно автор подчеркивает, что во многих аспектах (в частности, в социальной организации) различия между ограниченно бродячими группами атапасков и бродячими с центральной базой носят скорее количественный, чем качественный характер. Так, ни у тех, ни у других территориальная группа (ингалик и др.)

не является «социальной реальностью», ею является лишь подгруппа или иными словами подразделение племени.

Рассматривая различные типы подобных подразделений и составных частей племени, Дж. Ван Стоун останавливается на вопросе о древности у атапасков материнского рода и подчеркивает, что как матрилинейность, так и матрилокальность издавна присущи атапаскам, а не являются результатами диффузии с северо-западного побережья, как это представлялось Дж. Стюарду и Е. Сервису, и что даже в недавнее время, в этнографическом настоящем, род у атапасков был не только средством «идентификации человека, но и выполнял определенные функции в социальной жизни, хотя и меньше, чем в этнических общностях многих других районов земного шара». Этот вывод Дж. Ван. Стоуна о самобытности материнскородовой организации у атапасков хорошо согласуется с теми выводами, которые делает в отношении их традиционного общественного строя Ю. П. Аверкиев в уже упоминавшейся нами монографии. В то же время нам кажется, что в рецензируемой книге несколько переоценивается роль малой семьи у атапасков в период до начала контактов с европейцами.

В главе, посвященной религиозным верованиям, отмечается, что наиболее последовательной чертой магико-религиозной системы северных атапасков является вера во взаимную связь человека с животными, от которых зависит его существование. По утверждению Дж. Ван Стоуна, северные атапаски уделяют религии внимание лишь в тех случаях, когда им требуется какая-то сверхъестественная помощь. В целом же их мало занимают религиозные проблемы. Не случайно, что церемониальная система атапасков в своей большей части не является религиозной.

Интересны мысли Дж. Ван Стоуна относительно места христианской религии в верованиях атапасков. Он пишет, что хотя индейцы рассматриваемого района являются протестантами, католиками или православными, под тонким налетом христианства еще сильны их традиционные верования. При этом две религиозные системы не конфликтуют, а дополняют друг друга, что объясняется, по мнению автора, отсутствием у атапасков глубокой религиозности. Нам кажется, что это обстоятельство способствовало исчезновению к настоящему времени многих традиционных верований.

Значительное место в книге уделено контактам северных атапасков с европейцами. Автор выделяет в истории атапаско-европейских отношений три периода: (1700—1850), период стабилизированной меховой торговли и миссий (1850—1940) и правительственно-промышленный (с 1940 г. до настоящего времени).

Для первого и особенно второго периода контактов характерны большая роль меховой торговли и активность миссионеров, а третьего — упадок трапперства как основного источника доходов и возрастающая роль в жизни северных атапасков деятельности правительственных чиновников и промышленного освоения Севера. Значительное внимание в связи с характеристикой истории контактов автор уделяет социальным изменениям в этот период, таким, как распад традиционной общинной организации, увеличение независимости молодежи в связи с работой по найму и стариков — благодаря социальному обеспечению, возникновению ассоциаций, защищающих права коренного населения и т. д.

В книге рассматриваются отношения северных атапасков не только с европейцами, но и с эскимосами. Так, автор обращает серьезное внимание на недостаточно изученный вопрос о взаимовлиянии эскимосской и североатапаской культуры, отмечая, в частности, влияние эскимосского жилища на жилище атапасков-ингаликов и на то обстоятельство, что образ жизни атапасков-ингалик, коюкон, танана и танайна в значительной мере напоминает образ жизни эскимосов внутренних районов Аляски или речных эскимосов, если пользоваться терминологией автора. С середины XVII в. к северным атапаскам через посредство чукчей и эскимосов поступали русские товары.

В XVIII в. чайпевайи, получив у англичан огнестрельное оружие, стали теснить эскимосов к северу. Все эти и другие факты об отношениях атапасков с эскимосами, приводимые в книге, представляют интерес для изучения этнической истории американо-севера.

Книга заканчивается кратким приложением, в котором характеризуется состояние изученности атапасков и намечаются задачи для дальнейшего исследования.

В целом рецензируемая книга представляется нам весьма полезной и подводит итоги изучения северных атапасков. Правда, к сожалению, советские исследования по данной тематике учтены недостаточно.

Л. А. Файнберг

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. В. Бромлей, В. Н. Башилов (Москва). Советская этнографическая наука в девятой пятилетке	3
С. И. Брук (Москва). Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире (Динамика и воспроизводство населения)	23
И. С. Гурвич (Москва). К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на ход этнических процессов в СССР	39
С. М. Абрамзон (Ленинград). Нормы брака у киргизов в прошлом	49
В. И. Гуляев (Москва). О характере торговли у древних майя	58
Г. И. Дзенискевич (Ленинград). Сказания о Вороне у атапасков Аляски	73
В. П. Алексеев, Т. С. Балужева (Москва). Материалы по краниологии на- канских эскимосов (К дифференциации арктической расы)	84
Сообщения	
А. А. Суколов (Москва). Влияние различий в уровне образования и численности контактирующих этнических групп на межэтнические отношения (по материалам переписей населения СССР 1959 и 1970 гг.)	101
Э. Г. Аствацатурян (Москва). Дагестанские мастера серебряного и ору- жейного дела в городах Северного Кавказа и Закавказья в конце XIX — начале XX века	112
Г. Е. Афанасьев (Москва). Дохристианские религиозные воззрения алан (по материалам амулетов могильника Мокрая балка)	125
Д. Калоева (Цхинвали). Даредзановские сказания у осетин	131
Поиски, факты, гипотезы	
Я. С. Смирнова (Москва). Свадьба без новобрачных (К вопросу о генезисе и функциях свадебного скрывания у народов Северного Кавказа)	136
Научная жизнь	
С. А. Авижанская (Ленинград). Отчетная сессия в Государственном музее этнографии народов СССР	146
А. А. Лебедева (Москва). Бутаковский этнографический музей	148
Коротко об экспедициях	152
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
И. А. Бадалян (Свердловск). Некоторые методологические аспекты этнической проблематики в работах современных социологов и этнографов Запада	155
Общая этнография	
С. Р. Аврутин (Ленинград). <i>Расы и народы. Современные этнические и расо- вые проблемы, вып. V</i>	165
В. И. Богданова (Ленинград). <i>Проблемы этнической антропологии и морфо- логии человека</i>	169
Народы СССР	
В. В. Покшишевский (Москва). В. В. Воробьев. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы)	172
В. А. Липинская, А. В. Сафьянова (Москва). <i>Быт и искусство русского населения Восточной Сибири, ч. II — Забайкалье</i>	175

Т. Д. Златковская (Москва). Ю. В. Попович. Молдавские новогодние праздники (XIX — начало XX в.)	177
М. Г. Рабинович (Москва). Литературные памятники. Добрыня Никитич и Алеша Попович	179

Народы зарубежной Азии

С. А. Арутюнов (Москва). Chester S. Chard. Northeast Asia in prehistory	181
С. И. Королев (Москва). Nari Rustomji. Enchanted frontier	183

Народы Америки

Л. А. Файнберг (Москва). James W. Van Stone. Athapaskan adaptations: hunters and fishermen of the Subarctic forests	186
---	-----

На первой странице обложки: Работы сотрудников Института этнографии АН СССР, опубликованные в 1971—1975 гг. Фото С. Н. Иванова

SOMMAIRE

Yu. V. Bromley, V. N. Bassilov (Moscou). La science ethnographique soviétique au neuvième quinquennat	3
S. I. Brouk (Moscou). Situation ethnodémographique dans le monde d'après-guerre. (Dynamique et reproduction de la population)	23
I. S. Gourvitch (Moscou). Contribution au problème de l'ascendant de la Grande Guerre Patriotique, 1941—1945, sur le cours des processus ethniques en l'U.R.S.S.	39
S. M. Abramzon (Léningrad). Normes de mariage chez les Kirghiz au passé	49
V. I. Gouliiaiev (Moscou). Sur le caractère du commerce chez les Maya anciens	58
G. I. Dzieniskievitch (Léningrad). Légendes sur le corbeau chez les Atapaskes de l'Alaska	73
V. P. Alékseiev, T. S. Balouieva (Moscou). Matériaux pour la craniologie des Esquimaux de Nawkan (contribution à la différenciation de la race arctique)	84

Communications

A. A. Soussokolov (Moscou). Influence des différences du niveau d'instruction et de la grandeur numérique des groupes ethniques en contact sur les rapports interethniques (d'après les recensements de 1959 et 1970)	101
E. G. Astvatsatourian (Moscou). Argenteurs et armuriers daghestaniens dans les villes du Caucase du Nord et de la Transcaucasie, fin XIXe — début XXe siècles	112
G. Ye. Afanassiév (Moscou). Croyances religieuses pré-chrétiennes des Alan (d'après les amulettes du sépulcre de Mokraïa Balka)	125
D. Kaloïeva (Tskhinvali). Légendes darédzaniennes chez les Ossètes	131

Recherches, faits, hypothèses

Ya. S. Smirnova (Moscou). Noces sans jeunes mariés (Contribution au problème du genèse et des fonctions de la dissimulation nuptiale chez les populations du Caucase du Nord)	136
---	-----

Vie scientifique

S. A. Avijanskaïa (Léningrad). Une session au Musée d'Etat pour l'ethnographie des peuples de l'U.R.S.S.	146
A. A. Lébédieva (Moscou). Musée ethnographique de Boutakovo	148
Missions en bref	152

Critiques et bibliographie

Articles de critique et revues

- I. A. Badalian (Sverdlovsk). Quelques aspects méthodologiques de l'étude des problèmes ethniques dans les travaux des sociologues et ethnologues modernes de l'Occident 155

Ethnographie générale

- S. R. Avroutine (Léninegrad). *Races et peuples. Problèmes ethniques et raciaux modernes, fasc. 5* 165
V. I. Bogdanova (Léninegrad). *Problèmes de l'anthropologie ethnique et de la morphologie de l'Homme* 169

Peuples de l'U.R.S.S.

- V. V. Pokchichievski (Moscou). V. V. Vorobiev. La formation de la population de la Sibérie Orientale (particularités géographiques et problèmes de celle-là) 172
V. A. Lipinskaïa, A. V. Safyánova (Moscou). *Le mode de vie et l'art des populations de la Sibérie Orientale, pt. II — la Transbaïkalie* 175
T. D. Zlatkovskaïa (Moscou). Yu. V. Popovitch. Fêtes moldaves de Nouvel an (XIXe — début XXe siècles) 177
M. G. Rabinovitch (Moscou). *Monuments littéraires. Dobrynia Hikitch et Aliocha Popovitch* 179

Peuples de l'Asie hors l'U.R.S.S.

- S. A. Aroutiunov (Moscou). *Chester S. Chard, Northeast Asia in Prehistory* 181
S. I. Koroliov (Moscou). *Nari Rustomji. Enchanted frontier* 183

Peuples de l'Amérique

- L. A. Faïnberg (Moscou). *James W. Van Stone. Athapascan adaptations: hunters and fishermen of the Subarctic forests* 186

Sur la couverture: Travaux des membres de l'Institut d'Ethnographie publiés en 1971—1975. Cliché S. N. Ivanov
